

ISSN 0038-5050

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

1989

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5
Сентябрь — Октябрь
1989

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

Дискуссии и обсуждения

В. А. Тишков (Москва). О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений	3
А. С. Давыдов (Душанбе). Не обоснованно, зато публицистично	15
С. В. Чешко (Москва). Не публицистично, но и не научно (Ответ оппоненту)	23
Л. Ф. Моногарова (Москва). Памирцы — народности или субэтноты таджиков? (Ответ А. С. Давыдову)	28
А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский (Ленинград). Несколькo замечаний по поводу отклика А. С. Давыдова на статью С. В. Чешко	35

Статьи

Н. А. Дубова, Н. М. Лебедева, Е. А. Оборотова, А. П. Павленко (Москва). Адаптация русских старожилов в Азербайджане	39
А. Б. Спесивов (Ленинград). Древнее погребение на о. Шикотан и проблема этногенеза айнов	50
В. А. Попов (Ленинград). Ашантийцы в этнографии и этнография ашантийцев: фатальная несовместимость?	64

Из истории науки

К. В. Чистов (Ленинград). Научное наследие В. К. Соколовой	78

Сообщения

Н. П. Лобачева (Москва). Сверстники и семья (К вопросу о древней половозрастной градации общества у народов Средней Азии и Казахстана)	83
С. В. Соколовский (Новокузнецк). Пространственные детерминанты брачной структуры у алтайских меннонитов	95
Ч. Язлыев (Ашхабад). Атлычная организация у мургабских туркмен в XIX — первой четверти XX в.	108
М. А. Рубцова (Ленинград). Новые данные о В. П. Щеголенке	113

Поиски, факты, гипотезы

М. Меннис (Брисбен). На острове Били-Били (по следам Миклухо-Маклая)	117

Наши юбиляры

Список основных трудов по фольклористике д.и.н. М. М. Плисецкого (к 80-летию со дня рождения)	123
Список основных трудов д.и.н. Ю. И. Семенова (к 60-летию со дня рождения)	123

Научная жизнь

А. О. Бороноев, Н. Г. Скворцов, В. Г. Узунова (Ленинград). Конференция «Вопросы теории и практики межнациональных отношений в условиях перестройки»	130
В. В. Степанов (Москва). Научно-методическая конференция в МГУ «Проблемы комплексного изучения межнациональных отношений в СССР»	135
С. В. Чешко (Москва). В Межведомственном научном совете по изучению национальных процессов при Секции общественных наук Президиума АН СССР	139
Н. Н. Велецкая, С. И. Дмитриева, М. Ю. Мартынова (Москва). Международные симпозиумы по Балканскому фольклору (Охрид, 1969—1988 гг.)	140
В. Я. Бабенко, М. Б. Ямалов, А. Н. Аринин (Уфа). Научная дискуссия по этнонациональным процессам в Волго-Уральском регионе	144
Коротко об экспедициях	147

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

О. Д. Фаис-Леутская (Москва). Обзор итальянского журнала «Этние»	149
К. В. Цеханская (Москва). Новый европейский журнал по индеевистике	156

Общая этнография

Р. Ш. Джарылгасинова (Москва). В. А. Никонов. Биография фамилий; В. А. Никонов. Ищем имя	159
--	-----

Народы СССР

Е. Г. Федорова (Ленинград). Источники по этнографии Западной Сибири	163
---	-----

Народы Зарубежной Европы

С. Э. Бокариус (Ленинград). А. Е. Супрун. Полабский язык	165
--	-----

Народы Африки

В. А. Попов (Ленинград). К. П. Калиновская. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. Хозяйство и социальная организация	167
--	-----

Народы Океании

И. Ж. Кожановская (Москва). Н. Хиллиард. Маорийская девушка	170
---	-----

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — акад. АН СССР; С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробужева, Т. А. Жданко,
Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Г. Е. Марков, Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц,
Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов,
В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

В. А. Тишков

О НОВЫХ ПОДХОДАХ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Надо признать, что господствовавшее в нашем общественном сознании и политической практике представление о существовании в СССР «национального вопроса», который «решен в том виде, как он нам достался от дореволюционного прошлого»¹, не соответствует реальности. Само это понятие «национальный вопрос» неудовлетворительно. Во-первых, «вопрос» для кого: для Москвы, для России, для русского народа или для узбеков, эстонцев, крымских татар и чукчей, у которых на этот «национальный вопрос» вполне ведь может быть и свой «национальный ответ»? Не лучше ли отказаться от этой установки на «вопрос», а подходить к проблемам межнациональных отношений так же, как мы подходим к проблемам экономическим, социально-политическим или культурным. Не говорим же мы, что в СССР существует «экономический вопрос» или «политический вопрос».

Во-вторых, само понятие вопроса в нашем общественном менталитете почти неизбежно связывается с установкой на его решение. А между тем сам по себе «решенческий» подход чреват тем, что как бы блокирует последующие шаги в политике и не учитывает возможности неминуемого возникновения новых проблем и противоречий, заложенных в самой диалектике жизни многонационального государства. Не будет ли более правильным отношение к сфере межнациональных отношений и к возникающим в ней проблемам как к некой «константе» нашей общественной жизни, требующей гибкого и многовариантного реагирования без зачастую тупиковой установки обязательно найти быстрое и окончательное решение? Это, конечно, не отменяет необходимости осуществления и в данной сфере глубоких перемен в ходе перестройки, где доминантной установкой должны быть терпимость к многообразию и признание несоответствия сегодняшних структур существующим реалиям.

Еще одна черта нашего общественного менталитета, отчетливо выражаемая средствами информации, — это установка или претензии на научный анализ, на «обсуждение проблем» межнациональных отношений (в последнее время обязательно за «круглым столом») вместо того, чтобы рассказывать о проблемах и обобщать о событиях, что является главным предназначением печати и телевидения. Сравниваю английскую газету «Гардиан» за 1 апреля и «Правду» за 3 апреля 1989 г.: в обеих обширные материалы по проблемам межнациональных отношений. В первом случае — детальная информация о шотландском сепаратизме, включающая статистику, фотографии, во втором — в обрамлении 16 портретов дискуссия по теме «СССР — наш общий дом», суть которой — не более чем интеллектуальные упражнения уважаемых и известных представителей творческой интеллигенции. Какую информацию получили десятки миллионов читателей газеты, где есть ряд умных и, возможно, точных рассуждений, оценок, но не меньше и банальных констатаций? И как рядовому читателю отличить среди этих высказываний рациональное от неосознанно расистских

сентенций типа: «каждый человек должен нести в себе „генотип“ своего народа», а «интернационализм, всемирная отзывчивость — это генетическое свойство русского народа», или осознанно антиисторических типа: «единственная страна, не знавшая колоний, это Россия»².

Вот уж действительно приходится вспомнить пропетое В. Высоцким сочувствие компании весьма сообразительных телезрителей, которым «краснобай и баламут» с экрана ЦТ «все мозги разбил на части, все извилины заплел». Аналогичные реакции вполне могли возникнуть и после многочасовых повторов четырех телепередач по вопросам межнациональных отношений, организованных обществом «Знание». Не интереснее и полезнее было бы использовать телевизионное время и газетные полосы для информации о жизни и проблемах народов и национальных групп в нашей стране? Газеты и телевидение в течение более года сумели обойтись информацией действительно «вокруг Карабаха», а не о самом Карабахе. Ни одного обстоятельного репортажа или очерка о жизни жителей этого края мы так и не получили, кроме полуанонимных реплик перед заезжими микрофоном и телекамерой.

До сих пор нет настоящей информации о том, где, и как живут в нашей стране немцы, крымские татары, гагаузы, нет журналистских репортажей из районов тесно контактирующих народов, где хорошо известно о непростом складывающихся межнациональных отношениях. Я уже не говорю о мечте любого западного журналиста сделать репортаж из уникальных по своей этнокультурной специфике районов мира, какими остаются до сих пор места проживания народов Севера, Памира, Кавказа. Повезло недавно русским старообрядцам на Аляске: в «Бойнге», перелетевшем Берингов пролив, нашлось достаточно мест для советских журналистов, красочно поведавших о своих встречах через наши газеты и ЦТ. Ну, а почему бы не съездить в Богдановский район Грузии, в так называемые Мокрые горы, где уже около 150 лет живут духоборческие общины, и не рассказать об их далеко не простых проблемах?

«Мозговой штурм» проблем, их коллективное обсуждение лучше оставить специалистам, научным изданиям, теоретическим органам печати, но и здесь необходимо пересмотреть еще одну из казалось бы незыблемых исходных установок. Речь в данном случае идет о постулате «научного руководства обществом» и вытекающей из него установки на «разработку научных основ национальной политики». В свою очередь эта разработка мыслится как дружный поиск спасительной концепции, некоей универсальной формулы, которой должны руководствоваться политики и государственные деятели. И вот ЦК КПСС дает серию поручений Академии общественных наук и Институту марксизма-ленинизма, научно-исследовательским институтам АН СССР, проводятся научные конференции, на которых с заглавными докладами нередко выступают те же партийные работники, готовятся справки и записки «наверх». В результате на страницы газет и журналов выплескивается многоголосый спектр мнений, даже рождаются яркие формулы типа: «сильный Центр — сильные республики». Вот только контуры спасительной концепции никак не проясняются, даже если аппаратным работникам вместе с привлеченной «командой» и удастся расшифровать всю получаемую от ученых информацию и воплотить ее в текст проектов тезисов или резолюций будущих партийных решений. Так в чем же дело?

Нужно осознать тот факт, что наука не должна и не может дать некую единую и цельную концепцию развития межнациональных отношений, политической линии и государственной политики в данном вопросе. Самый ненаучный подход к науке и политике тот, который исключает разнообразие и альтернативность мнений, а индивидуальный поиск и ответственность ученых за свои взгляды и предложения заменяет обезличенными, эклектичными и в итоге безответственными «позициями институтов». Ученые могут дать анализ ситуаций, сообщить только им известную информацию, высказать свои мнения и рекомендации, но некая обезличенная наука может дать только некую обезличенную «свод-

ную» концепцию «научного руководства обществом» или «научных основ политики». Подобными вещами мы занимались в нашей стране многие десятилетия и в итоге довели и общество, и обществознание до кризиса.

Видимо, все дело в том, что общество и государство как механизмы, включая и сферу политики, не могут строиться и развиваться только по научным конструкциям, в виде идеально-утопических доктрин или же конкретно расписанных программ. Как ни парадоксально, но именно этот путь скорее ведет к тупикам и катастрофам, чем внешне хаотическое, менее регламентированное, многовекторное развитие, при котором науке и ученым отводится вполне достойное место в процессе выработки политики и принятия решений при сохранении альтернативности и индивидуальности мнений и возможности выбора вплоть до самого высокого государственного уровня, когда принимаются окончательные решения. Что же касается самой науки, то здесь законы саморазвития вообще являются основополагающими, как и плюрализм взглядов и концепций.

При существующей в настоящий момент системе взаимодействия науки и партийно-государственного аппарата (Верховный Совет СССР, а тем более Совет Национальностей у нас еще по-настоящему не заработали, и механизма публичных слушаний пока нет), даже если вариантность решений проскакивает через дирекции гигантских научных монополий в виде наших академических институтов, она подвергается ставшему ритуальным усечению (на языке аппарата это называется «свести воедино») уже на уровне высших партийных органов. В итоге по важнейшим вопросам общественной жизни (этого же следует ожидать и в отношении межнациональных отношений) на обсуждение выносятся единый документ, закрепленный авторитетом руководящего партийного органа. Он уже как бы «обречен» на улучшение, доработку, но никак не на выражение мнения о его возможной эклектичности или даже несостоятельности.

Но со всем этим еще можно было бы смириться, если бы сама наша наука в данной области и ее теоретическая база пребывали в нормальном, здоровом состоянии, если бы сам характер нашего мышления и конституционно-правовые конструкции не несли на себе до сих пор тяжкий груз сталинского догматизма и отставших от времени когда-то, возможно, верных постулатов.

Те понятия, которыми мы повседневно оперируем в науке и практике, сегодня не позволяют даже определить, из каких этнических или историко-культурных общностей состоит население СССР. Вот только несколько вариантов, которые наиболее часто встречаются в нашем лексиконе: а) нации и народности; б) народы; в) национальности; г) нации и народы; д) нации и национальности; е) нации, народности и национальные группы и т. д.

Здесь мы подходим к трудному разговору, откладывать который уже нельзя. Со сталинских времен право на создание научных основ национальной политики принадлежало нашим философам и представителям историко-партийной науки. Именно они десятилетиями разрабатывали «марксистско-ленинскую теорию нации и национального вопроса»: писались тысячи книг и брошюр, защищались десятки тысяч кандидатских и докторских диссертаций. По большому счету, все это представляло грандиозную лженаучную акцию, которую можно сравнить с лысенковщиной в биологии как по своей внутренней несостоятельности, так и по методам отстаивания своих позиций и взглядов. Научными эти работы нельзя назвать уже потому, что в них начисто отсутствовал главный компонент — само исследовательское начало.

Вся «наука» в этой области сводилась к толкованию изречений классиков марксизма-ленинизма с дополнением «аргументации» в виде цитат из партийных документов и речей первых секретарей ЦК компартий союзных республик. Специалистов по национальному вопросу мало волновало и то обстоятельство, что их полувековые усилия не были признаны мировой наукой, где серьезно трудятся над аналогичными вопросами сотни ученых, в том числе искренне симпатизирующих марксизму. Высокомерное сектантство облачалось в непробиваемый жилет «критики фальсификации национальных отношений в СССР».

На внутреннем фронте ведущие «разработчики» теории также неустанно били непорочность принятых установок. «Поскольку... (фамилия здесь неважна. — В. Т.) с особой настойчивостью отстаивал свой подход к национальным связям именно как к этническим, то остается только сделать вывод об отходе его от общепринятых в советской науке теоретико-методологических критериев анализа сущности нации как социально-исторической, а не только этнической категории»³ — вот такие окрики-одергивания щедро раздавал своим коллегам тогдашний руководитель сектора национальных проблем Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. А ведь его оппонент всего-то и высказал мысль, что проживающие в инонациональной среде людей могут сохранять этнические связи со своим народом. Уже не окрик, а настоящий политический донос последовал из того же источника «на самый верх» накануне XXVII съезда партии на тогдашнего директора Института этнографии АН СССР и его коллектив, которые, якобы, совершали в стране «идеологическую диверсию», распространяя своими трудами «метастазы этничности». Вот такими были недавние нравы среди теоретиков национального вопроса.

Для того, чтобы основательно обновить наше теоретическое хозяйство как минимум необходимо задействовать потенциал профилирующей в этой области науки — этнографии, судьба которой в прежние времена складывалась непросто. Родившись еще в XIX в. как наука о народах, собирающая и описывающая предметы традиционной материальной и духовной культуры, этнография в СССР вместе с остальным мировым знанием в 20—30-е годы все больше превращалась в этнологию (корень «логос» — «знание» подчеркивал аналитические народоведческие начала науки в отличие от «графос» — «описание»). Но затем последовали обвинения в космополитизме и грозные проработки. Советским этнологам пришлось ограничиться традиционной этнографией, но принципы, заложенные блестящей плеядой русских этнографов первой четверти XX в., в целом развивались. Коллективы ученых в Москве и Ленинграде остались верны высоким профессиональным стандартам и главному принципу — изучению народов, их жизни, культуры, прошлого на основе полевых исследований. Десятилетиями из Института этнографии АН СССР ежегодно уезжает около 60 экспедиционных отрядов в различные районы страны. И хотя в нашем межнациональном государстве наука о народах поставлена в униженное положение (ученые ютятся по 15 человек в 18-метровых комнатах, а бесценные экспедиционные материалы хранятся в подвалах), выходящие в последние два десятилетия ежегодно 25—30 научных книг сотрудников Института составили советским обществом репутацию, за которую не стыдно по самым строгим меркам сегодняшнего дня. Институт этнографии один из немногих гуманитарных учреждений сохранил свое достойное лицо, накопив уникальную и наиболее достоверную информацию о народах нашей страны и других народах мира. Он же способствовал подготовке профессиональных кадров этнологов в республиках.

Пишу это не по причине рецидива благодушия, а ради истины. И ради нее же могу не сказать и слов критики в адрес своих коллег. Все же изучение народов по отдельности, приоритетный интерес к реконструкции традиционного этнографического среза на конец XIX века, чрезмерная концентрация научных сил на трудоемкой работе по этнографическим атласам способствовали отрыву от существующих проблем как в состоянии современных культур народов, так в сфере взаимоотношений между народами. Отчасти это были защитная реакция на атмосферу назойливой конъюнктурности и невозможности высказаться публично по острым проблемам «нерушимой дружбы народов».

Но все-таки академическая наука в явном долгу перед обществом. 3 март 1989 г. состоялось заседание Секции общественных наук Президиума АН СССР на котором специально обсуждался вопрос о состоянии и перспективах изучения национальных отношений. Председательствовавший назвал это заседание «высшим научным ареопагом». Академики Ю. В. Бромлей (докладчик), П. Н. Федосеев, Б. Н. Пономарев, А. Г. Егоров, члены-корреспонденты А. А. Искендеров

Г. Б. Старушенченко, профессора Э. А. Баграмов, С. Т. Калтахчян и другие выступившие ученые — люди известные, многие годы активно разрабатывающие основы теории и политики в данном вопросе. И на этом заседании было высказано много интересных и ценных положений и конкретных предложений.

И все же осмелюсь сказать, что дух охранительства и грозного осуждения «попыток пересмотреть базисные категории марксистско-ленинской теории» (так было записано в проекте принятого решения Секции), печально витал в зале. Выражались сожаления, что «даже в партийной печати высказываются неверные взгляды и положения». В частности, имелся в виду всего лишь заданный со стороны журнала «Коммунист» вопрос, почему в мировой научной литературе и международной политической практике под нацией понимается совокупность граждан одного государства и такое понимание для большинства населения мира является нормой.

Можно понять коллег, посвятивших свою научную карьеру обоснованию тех или иных положений, которые вдруг кто-то осмеливается подвергать сомнению. Но нельзя и заставить ученых перестать думать и осмысливать новые и очень трудные реалии. Пора и отказаться от претензий на абсолютную истину, выбросить из научного общения определения мыслей своих коллег как неправильные, неверные и т. п. Вера и научное мышление всегда были трудно совместимы!

А ведь ситуация по части теоретико-концептуальной разработки основ национальной политики действительно очень сложная. Так называемая марксистско-ленинская теория национального вопроса в ее нынешнем виде фактически способствует дестабилизации межнациональных отношений, ибо заключает в себе противоречащие здравому смыслу формулы, безнадежно отставшие от реальных общественных процессов социально-утопические воззрения. Взять хотя бы для примера трактовку такого ключевого положения, как право наций на самоопределение вплоть до отделения и создания собственного государства. Стерилизованный характер этого положения в нашей конституционной практике до сих пор объясняется теоретиками ленинским высказыванием, что данное право сравнимо с «демократическим правом каждого из супругов на развод», но что оно не означает какого-то призыва к «разводу»⁴.

Призывать к разводу, возможно, не всегда достойное занятие, но полагать, что право на развод достаточно только провозгласить, а самого развода в реальной жизни произойти не должно и формальной процедуры для его осуществления также не должно быть — это утопично и противоречит здравому смыслу. Остается только удивляться, как нашей теоретической мысли и пропаганде удавалось столько десятилетий совершать словесную эквилибристику, в том числе вокруг ленинских цитат, чтобы оправдать фарисейство политической практики.

Не все просто и с разработанной в последние десятилетия в советском обществоведении теорией этноса. Работы Ю. В. Бромлея и других моих коллег на фоне застойных времен были безусловным шагом вперед и нелегким гражданским поступком, но в буквальном смысле «стадиальная» отсталость общественной жизни фатально предопределяла невозможность освободиться от некоторых канонов и в мышлении.

Прошлым летом на международном конгрессе антропологов и этнологов в Загребе меня неприятно поразил иронический комментарий известного своими прогрессивными взглядами крупного американского ученого Э. Вулфа по поводу советского пленарного доклада: «Спасибо за лекцию по социальному расизму». Еще раньше редактор журнала «Current Anthropology» А. Купер заметил, что «теория этноса — порождение позднего немецкого романтизма — по странной иронии сохраняется сегодня только в департаментах антропологии Москвы и Претории»⁵. Невозможно согласиться с этими облегченно-политизированными оценками, но все же это — «сигнал», призывающий задуматься над нашими теоретическими построениями.

Видимо, прежде всего над целесообразностью детальной иерархии этнических общностей, жестко привязанной к пятичленной формационной формуле,

детерминизм и однолинейность которой в понимании исторического процесса, особенно в XX веке, все больше не удовлетворяют историков. В итоге такой «увязки» появился малопонятный тип этнической общности — народность, дожившая от рабовладения до социализма.

Понимание нации как типа этнической общности эпохи капитализма и социализма ведет к признанию ее этнической однородности, в то время, как дискретный характер наций, особенно в новейшую эпоху стал более чем очевиден. Территория как признак этнической общности типа нации неизбежно связывается с понятием административных границ, что в рамках многонационального государства все больше теряет смысл. Получается, что 4/5 татар Советского Союза не принадлежат к татарской нации, а деятели армянской или грузинской культуры, живущие в Москве, тоже, согласно логике наших дефиниций, не принадлежат к собственным этническим общностям. Разными типами, причем стандартными (один выше другого) этнических общностей в нашей теории объявляются буржуазная и социалистическая нации, хотя все попытки объяснить различия между двумя этими типами сводятся к характеристикам двух различных общественно-политических устройств и не имеют собственно этнического значения. Особенно несостоятельными выглядят такие отличительные характеристики социалистической нации, как социальная однородность и гармоничность развития. Вполне очевидно, что социальный строй — не панацея от межнациональных конфликтов.

Наконец, трактовка этнического прежде всего в форме объективно существующих социальных группировок людей с определенным набором материальных признаков (самосознание среди этих признаков стоит на последнем месте) ведет к принижению значения духовных субстанций в характеристике этнических общностей, что расходится со всей идеологией национального в новое, а тем более в новейшее время. Наша гуманитарная мысль оказалась равнодушной или беспомощной и не смогла раскрыть, сколь мощные мифотворческие, мобилизующие на определенные цели начала лежат в основе национального фактора в жизни людей. Вместо того, чтобы раскрыть эти мифологические начала, мы, опасаясь впасть в идеалистическую ересь, сами сотворили миф о безусловно объективной реальности этнических общностей, как неких архетипов, в том числе применительно к современной эпохе, чем как бы легитимизировали «национальную государственность», ассоциированную с той или иной доминирующей этнической группой. А это еще более фатально расходится с процессами последовательной демократизации и создания гражданского общества, особенно когда речь идет о многонациональных государствах.

Теоретическое переосмысление, видимо, требует более радикальных подходов, чем это представляется на первый взгляд. Сейчас, по словам А. Ципко, имеет место попытка «отлучения реального социализма от его идейной основы», «Велик соблазн вычеркнуть Сталина, а вместе с ним и его политическую практику, его представления о социализме из истории марксизма, международного коммунистического движения»⁶. Наиболее отчетливо это проявляется и в оценке истории национальной политики партии, в сфере, на первый взгляд, казалось бы, «перестроечных» изысканий по межнациональным отношениям, по проблемам нашего теоретического наследия в этой части марксистско-ленинского общественствования.

Пафос ученых и публицистов сейчас направлен на то, чтобы объяснить причины обострения межнациональных отношений в общем-то просто: «Это дают себе знать деформации сталинизма, а затем период застоя в сфере национальных и межнациональных отношений»⁷. Нужно только «очистить Ленина от Сталина», восстановить ленинские принципы национальной политики и окажется возможным революционное обновление нашего общества, достижение качественно новых подходов и положений в сфере межнациональных отношений. К сожалению, в том же направлении достаточно жестко ориентируют и документы XIX партконференции: «Единственно здоровой основой нашего развития

может быть только последовательное проведение ленинской национальной политики»⁸.

Магия партийных решений и инерция теологического мышления не позволяют преодолеть базовый догматизм даже специалистам с репутацией радикалов. Перед ними оказывается какая-то невидимая черта, за которую ступить пока боязно. В итоге предлагается все тот же вариант, заново «читая Ленина», «найти современную истину»⁹.

По сути, нам предлагается принять в качестве нормативной, верной на все времена и на все случаи, марксистско-ленинскую теорию наций в том виде, как она представляется из цитат и отдельных работ К. Маркса и В. И. Ленина. Неужели основоположники учения, если они считали себя учеными, а тем более политиками, согласились бы сегодня с таким подходом к тому, что было ими написано 100 лет назад? Сама природа научного мышления, здравый смысл, да и критическое (без софистики и эквилибристики выборочного цитирования) соотношение когда-то безусловно верных и долгое время работавших на практику постулатов с действительностью конца XX века убеждают, что помимо освобождения от деформаций, нужна сегодня и экспертиза самого генерального проекта. Не нужно бояться задать вопрос и дать ответ, в чем К. Маркс и В. И. Ленин не смогли оказаться провидцами на столетие вперед (не думаю, чтобы они к этому и стремились), какие из положений и оценок сегодня просто не работают. Без этого невозможны ни творческое развитие теории, ни качественно новые подходы в политике, зато вероятны очередной застой мысли и жестокий разлад с действительностью.

Обращаясь к В. И. Ленину, нельзя не видеть, что суть его философско-политического кредо при осуществлении плана социалистической революции заключалась в выдвижении наиболее радикального принципа — права наций на самоопределение вплоть до отделения и в осуждении принципов национально-культурной автономии. Этот вариант политической стратегии давал большевикам безусловные преимущества в борьбе за власть и поддержку народных масс, что и сделало возможным сохранить почти в тех же пределах территорию многонациональной царской России, но уже под эгидой революционной государственности. В то же время В. И. Ленин глубоко верил, что с устранением эксплуатации через упразднение государственного строя, через пролетарскую солидарность национальные различия, этнические чувства и проявления будут отходить на задний план с перспективой их неизбежного отмирания. В это, кстати, верила вся левая социалистическая мысль с конца XIX века, демонстрируя тем самым хорошо известное историкам явление под названием «заблуждение эпохи».

Но конец XX в. выявил принципиально иную ситуацию. Культурное многообразие и национальные различия, особенно в сфере самосознания и духовной жизни, сохраняющиеся независимо от социальных условий и в то же время лозунг создания «национальных государств» не реализовался в истории. Более того, в многонациональных государствах попытки построить административное деление по этническим границам оказались трудно осуществимыми из-за повсеместно усиливающегося смещения людей разных национальностей, развития хозяйственных связей, утверждения общедемократических гражданских норм. В современном мире народы сохраняют и отстаивают свою культурную целостность и специфику гораздо чаще и успешнее именно через различные формы национально-культурной автономии, через развитие регионального и местного самоуправления, через общегосударственное хозяйственное преуспевание и совершенствование форм социального и политического устройства. Сегодня принцип права наций на самоопределение, как это ни трудно признавать, из арсенала государственной политики фактически исчезает повсеместно.

Если мы намерены перестраивать межнациональные отношения при условии сохранения нашего союза, построения современного демократического общества с высоко развитой экономикой и действительным культурным много-

образом, то важно подумать о качественно новых подходах в теории и практике.

Зададим хотя бы один вопрос. Что такое нация? В недавно выпущенной учебнике по проблемам развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания можно прочитать следующее: «Представителям современной буржуазной социологии и политологии присуща тенденция к биологизации и психологизации нации... социальная подоплека такой позиции совершенно очевидна. Она состоит в том, чтобы затушевать и даже скрыть решающую роль историко-экономических, прежде всего классовых, факторов в жизни национальных общностей людей.

Этим же целям служит выпячивание, преувеличение значения этнических моментов (язык, территория, особенности культуры, психологии, обычаев, традиций и т. д.) в формировании, функционировании и развитии национальных общностей людей». А через две страницы: «Итак, нация — это историческая общность людей периода становления и развития капитализма (капиталистический тип нации) или социализма (социалистический тип нации), характеризующаяся устойчивой общностью экономических связей, территории, языка, культурно-психологических особенностей»¹⁰.

Так что же все-таки такое нация, если без «выпячивания» и «преувеличения»? А еще лучше, если без повторения сталинской формулировки из четырех признаков, каждый из которых не выдерживает проверки действительностью? Право же, в шутовском определении нации, бытовавшем в Европе: «Нация — это группа людей, объединенных ошибочным представлением о своем происхождении и общей неприязнью к своим соседям» — и то видится больше логики и смысла, чем в вышеприведенных цитатах.

Ну, а если серьезно, то сейчас ученые во многих странах все больше приходят к мнению, что дать какое-либо четкое определение нации как некоего объективно существующего типа социальной группировки людей, как типа этнической общности невозможно. Исследователи полагают, что нация может считаться реальностью лишь как субстанция духовной культуры и коллективного сознания, как внутrigрупповое понятие, а не что-то определяемое учеными или политиками извне. Нация является выражением общности судеб и интересов членов общества, это своего рода «постоянный, неформальный, извечно самоутверждающийся плебисцит»¹¹. Идея нации оформляется в среде того или иного народа и как средство достижения государственного суверенитета и реализуется с достижением этой государственности. Нация и государство образуют своего рода симбиоз: если идея нации является необходимой основой для государства, то в государстве воплощается коллективная «национальная воля». Другими словами, не после возникновения наций рождаются национальные движения, а наоборот на почве национальных движений достигших определенного развития народов, оформляется идея нации. Не случайно, родившись в Европе в эпоху буржуазных революций и образования национальных государств, идея нации, пройдя через этап слияния этого понятия с понятием государства, ныне явно проявляет признаки умирания, столкнувшись с новым этапом ломки всех межгосударственных перегородок на западно-европейском континенте и процессом «разгосударствления» жизни гражданских сообществ. В остальных районах Земли, не испытывавших прямого европейского влияния, понятия «нация» в общественной мысли и практике нет вообще.

Мы же вслед за Сталиным придали понятию «нация» четко материальные признаки, жестко связав их с республиканскими статусом и территориями. Затем стали конструировать «социалистические нации», составлять их перечень, закреплять его в Конституции. И в результате создалась ситуация, о которой хорошо сказал Ф. Искандер: «Национализм подогревается самой структурой нашего общества, где учет национальных интересов, изначально правильный и благородный, превратился в дурную формальность»¹².

Еще более сложно обстоит дело с понятием «народность», которое мы уже

долгие годы переводим для своих зарубежных коллег как *narodnost*¹³, не в силах толково объяснить его современное содержание, а для себя уже согласились считать народность «маленькой нацией»¹³. Возможно, разумнее самим народам (будь то украинцы или цыгане, армяне или нивхи) дать возможность называть или не называть себя нацией и не придавать этому понятию конституционную дефиницию.

Выдвижение в качестве главного приоритета расширения прав союзных республик при том, что в нашей Конституции они определены как «национальные государства», на мой взгляд, не решит проблему гармонизации межнациональных отношений в нашей стране. Более того, оно может привести к обострению ситуации в связи со статусом и правами граждан республик, которые не принадлежат к так называемым коренным нациям. Такую ситуацию мы уже наблюдаем в СФРЮ, а в последние месяцы и в СССР. Слом вертикальных бюрократических структур и ограничение прерогатив Центра необходимо, но оно в равной мере должно касаться не только союзных, но и автономных республик, областей и округов, территориальных областей, а между тем некоторые из них по своей численности, хозяйственному потенциалу, производимым материальным благам не уступают союзным республикам. Этот процесс должен рассматриваться прежде всего как часть процесса общей демократизации нашего гражданского общества, расширения местной автономии и самоуправления. Нужно обрезать хрону центральной системы, укреплять места и регионы.

Включение же этого процесса в контекст и даже в основу перестройки межнациональных отношений неминуемо ведет к абсолютизации фактора «национальной государственности». Последняя же сама по себе еще не гарантирует обеспечения прав народов, их свободного развития. К тому же, как известно, СССР — это общество неравноправной национальной государственности. Устранение во многих случаях непонятной иерархии национальных образований повышением статуса некоторых из них и достижением равноправия в рамках федерации, на наш взгляд, необходимо. Это не только укрепило бы позитивные центробежные тенденции (последние неверно трактуются только как негативные), но, что особенно важно, снизилась бы исключительность статуса 15 из более, чем 100 народов страны (вернее, той их части, которая проживает в пределах «своих» союзных республик), были бы ослаблены причины конфликтных отношений по поводу национальной государственности.

В основу концепции гармонизации межнациональных отношений должен, на наш взгляд, быть положен принцип обеспечения прав народов на путях расширения самостоятельности регионов, культурной автономии, а самое главное — последовательной гражданской демократизации, включая обеспечение специфических интересов отдельной личности и коллективов, обусловленных принадлежностью к тому или иному народу. Субъектом национальных прав должен быть прежде всего гражданин как высшая общественная ценность, а уж затем народ; а тем более государственность в виде республики.

Еще один незыблемый постулат — это безоговорочное убеждение в преимуществах существования крупных государств и социальных условий жизни в них граждан. В случае с Советским Союзом в качестве аргумента часто приводится высказывание В. И. Ленина: «Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами, мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций»¹⁴.

Действительно, на протяжении столетий человеческой истории такая наиболее сильная и всепроникающая социальная группировка людей как государство имела естественную тенденцию к расширению, к экспансии: чем больше территория и ее ресурсы, людской потенциал в пределах государственных границ, тем мощнее выглядело данное политическое сообщество в плане обеспечения социальных условий жизни своих членов и в плане защиты от внешней угрозы.

Процесс «огосударствления» народов Земли, включая формирование колониальных империй и мощных сверхдержав особенно бурно проходил в период утверждения и развития капиталистических производственных отношений, особенно в XVIII—XIX вв. Второй мощной волной этого процесса было образование новых суверенных государств на развалинах бывших крупных монархий (Османская империя, Австро-Венгерская монархия и др.) и в результате распада колониальных империй, прежде всего Британской. Но и этот процесс, начавшись в XIX в., в принципе завершился к 60-м годам XX в. Что касается многонациональной Российской империи, то ее, видимо, ожидал бы тот же самый закономерный исторический финал, но только мощная революционная идея и созданная большевиками монолитная политическая и государственная система (к сожалению, вскоре переродившаяся в тоталитаризм), позволили сохранить единство народов и создать федеративное государство, в своих очертаниях почти повторившее границы бывшей империи.

Но нельзя забывать, что в первые же годы после свержения царизма, а затем победы социалистической революции в итоге прежде всего национальных движений реализовали право на самоопределение крупные народы национальных окраин (Польша, Украина, Литва, Латвия, Эстония, Азербайджан, Армения, Грузия, да и собственно РСФСР). Таким образом, провозглашенное большевиками в тех исторических условиях право на самоопределение было не просто лозунгом, а действительно было сравнимо с демократическим правом каждого супруга на развод.

Однако правом на самоопределение в первые годы после краха царизма смогли воспользоваться далеко не все народы прежде всего в силу тогдашнего уровня своего развития. Этот выбор у них был еще впереди. Во-вторых, в ряде конкретных случаев, как, например, в Прибалтике, говорить о подлинном волеизъявлении народов с 1940 г. было бы просто антиисторично.

Так где же выход сегодня? Неужели возврат почти на столетие назад, к временам национальных движений, к лозунгам и принципам национальной политики 1917 года, действительно спасшим революционную Россию в тот исторический момент? И здесь не мешает взглянуть на мир конца XX века и на ситуацию в нашей стране спокойным взглядом современника, не боясь лишиться провидческих подпорок гениев революционного мышления прошлого. Видимо процесс «огосударствления» населения Земли, а вместе с ним и эпоха национальных движений и тотальных революционных переворотов уже завершились 3—4 тысячи народов оказались проживающими в пределах примерно 170 суверенных государств, а принцип создания государств «по национальности» (один народ — одно государство) не реализовался в истории: человечество предпочло жить в многонациональных образованиях по ряду объективных причин, хотя это предпочтение не всегда реализовывалось добровольно для всех без исключения народов.

Более того, во второй половине XX века наряду с растущими взаимозависимостью, сотрудничеством и глубокой интеграцией возросли тенденции неравномерного развития государств, их жесткой глобальной конкуренции за мировые ресурсы и опасного военного соперничества на мировой арене, угрожающей гибелью всему человечеству. Сверхиндустриализация и беспредельный рост производимых и потребляемых благ вызвали экологические проблемы, не решимые в рамках национальных границ. Во внутренней жизни государств эпицентр социальных конфликтов все больше перемещается с классовых параметров к антитезе «личность — государство» из-за узурпации институтами власти делегированных гражданами прав и коллективного суверенитета.

Современные эффективные производство и хозяйственные связи не могут ограничиваться государственными рамками как бы ни были обширны территории и богаты ресурсы последних. Нивелирующие стандарты современного образа жизни, интернациональная массовая культура и атрибуты общегосударственной культуры вызывают реакцию «этнического возрождения» в самых причуд

ливых формах, от использования локальной традиции до солидарности на межгосударственном, межконтинентальном уровне. Сегодня экономика, этничность и государственность, в прошлом тесно связанные и взаимообусловленные, начинают функционировать и даже способны выжить только по своим собственным, раздельным законам существования. Столь необходимые в прошлом для двух первых политико-административные границы ныне стали препятствием, да и для государств в ряде регионов границы все больше становятся лишь символами.

Наднациональные формы интеграции, как и способность современных средств коммуникации осуществлять общение (а это значит составлять общность) граждан и организаций, минуя государственные институты, уменьшают необходимость в существовании государственной власти. Государство теряет смысл в мирном и гомогенном обществе, для которого достаточно механизмов социальной саморегуляции. Таким образом, есть основания для вывода, что государства как таковые становятся определенными ограничителями на нынешнем этапе социальной эволюции человечества.

Остается задать вопрос: какая тенденция сегодня является наиболее значимой в глобальных масштабах и в общем направлении эволюционного процесса — разрастание государств или, наоборот, дробление политических образований? Как известно, государства не только возникают, но и распадаются, дробятся на более мелкие или даже просто исчезают с лица Земли. То же самое, даже в более подвижной форме, свойственно внутригосударственным автономиям. На рубеже двух столетий, когда в историческом творчестве людей на первый план выходят не столько задачи «тотальных» социальных переворотов, освободительных революций и образования суверенных государств, сколько задачи совершенствования существующих политических структур, демократизации, улучшения социальных условий существования людей, перед государствами встает как бы «изнутри» новый исторический вызов. Особенно это касается крупных многонациональных государств. Необходимо доказать (не силой и не ссылкой на некогда сделанный бесповоротный выбор, а примером) преимущества не только социальной сущности избранного общественного устройства, но и формы государственного образования (федеративной, автономной или унитарной) в сравнении с другими возможными альтернативами. Это «бремя доказательств» должно ложиться не только на саму государственную машину, аппарат центральных властей, но и на народ или народы, «инициаторов» многонационального союза. История знала достаточно случаев, когда гибли многонациональные империи и государства из-за ослабления силы авторитета и притягательности примера «центра» и одновременного усиления этнической «периферии».

Так ли реальна перспектива «балканизации» крупных многонациональных государств, в том числе и нашего Союза? Задавать такой вопрос и искать ответ на него необходимо. В пользу их сохранения действует глобально-демографический фактор. В мире идет процесс все большей концентрации населения Земли в составе крупных государственных образований. В 1950 г. в крупнейших странах (более 100 млн. жителей) проживало 49,8% всего населения, в 2000 г. будет жить 63,4% всего населения мира. Всего в наиболее крупных и средних странах (с населением более 10 млн. человек) в 1950 г. сосредоточено 86,4%, а в 2000 г. будет жить 94,6% населения Земли. Политические реалии тоже не столь пугающи. Как бы остро ни проявлялись в ряде стран, как правило, с нерешенными социальными проблемами, сепаратистские тенденции к приобретению собственной государственности со стороны некоторых этнических групп, дело в большинстве случаев заканчивается оформлением разного уровня внутренних автономий. Небольшие народы в конечном итоге предпочитают оставаться в составе крупных политических образований. Так, например, много лет Квебекская партия в Канаде вела отчаянную политическую борьбу за отделение франкоязычной провинции Квебек от канадской федерации. Придя к власти и прове-

дя в 1979 г. референдум по данному вопросу, сепаратисты не получили должного мандата от франкоканадцев на эту акцию. Данный пример, на наш взгляд, является одним из возможных вариантов решения вопроса о самоопределении демократическим путем. Но только он предполагает достаточно высокий уровень гражданского самосознания и правовой культуры, исключающий возможность манипулирования массовым сознанием, преобладание эмоций над разумом.

И, наконец, последний вопрос: почему народы предпочитают жить в крупных многонациональных образованиях? Не по причине же невозможности противостоять сформировавшейся центральной власти с ее атрибутами силы и воздействия! Хотя и такая ситуация далеко не исключение. Главные факторы объединительного характера все же состоят в возможности соединения ресурсов и потенциала народов в условиях государственного союза для обеспечения более высокого уровня благосостояния, а также в возможностях защиты от внешних угроз в социально неоднородном мире.

Эти положения долгое время нам представлялись бесспорными. Однако ядерная эпоха и накопление крупными державами потенциала оружия всеобщего уничтожения практически лишили народы этих государств столь длительно сохраняемого преимущества. Возможная ядерная катастрофа сегодня коснется в первую очередь тех стран, которые имеют самую мощную силу для своей защиты. Стоит упомянуть также, что производство и содержание этой силы ложится ныне огромным бременем на население крупных стран, сдерживая уровень его материального развития. Таким образом, в последние десятилетия преимущества жизни в крупных странах подвергаются серьезному вызову со стороны ядерного монстра. Чем народы, в том числе и нашей страны, могут ответить на этот вызов? Утопично думать, что какая-то сверхъестественная сила в один и тот же день и час упразднит крупные державы, разбив мир на мелкие государства, не способные больше угрожать другим народам и выживанию человечества. Опасно полагать, что наш Союз своим единственным примером должен реализовать намечающуюся тенденцию «разгосударствления» жизни гражданских сообществ. Наши высокие, но во многом оставшиеся декларативными ценности и идеалы и низкокачественные товары встретят столь жесткое противостояние, что могут обречь не одно поколение людей на еще большие трудности и отставание.

Менее утопична надежда на возникновение определенных надгосударственных структур в рамках мирового сообщества, способных взять на себя решение глобальных проблем. Историческое предназначение нашего многонационального государства через развитие гражданского общества и равноправия народов обеспечить последним достойное место в этом мировом содружестве. Но это при условии, что сами народы сделают выбор в пользу обновленной федерации, а не предпочтут другие варианты развития.

Примечания

¹ См. тексты важнейших партийных документов, в том числе Программу Коммунистической партии Советского Союза.

² Правда. 1989. 3 апреля (из выступления художника И. Глазунова).

³ Куличенко М. Н. Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981. С. 79.

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 25. С. 286.

⁵ Kirper A. United Nations? // Politics. June 12. 1987.

⁶ Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 47.

⁷ Зотов В. Национальный вопрос: деформации прошлого // Коммунист. 1989. № 3. С. 79.

⁸ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. I. М., 1988. С. 65.

⁹ Крюков М. В. Читая Ленина // Сов. этнография. 1989. № 4.

¹⁰ Актуальные проблемы развития национальных отношений, интернационального и патристического воспитания. М., 1988. С. 13, 15.

¹¹ Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1988. P. 53.

¹² Известия. 1989. 1 января.

¹³ Актуальные проблемы... С. 56.

¹⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 379.

Ниже мы публикуем в дискуссионном порядке серию статей о народах Памира. Читатель легко убедится в том, что мнения авторов — А. С. Давыдова, с одной стороны, и остальных, с другой — об этнической принадлежности и происхождении коренного населения Горного Бадахшана резко расходятся. Вопрос ставится так: образуют ли памирцы не более чем периферийную часть таджикского этноса или же они представляют собой самостоятельные народы (хотя и родственные таджикам), обладающие собственными языками, самобытной культурой и специфическим этническим самосознанием. Промежуточное положение между этими двумя точками зрения занимает концепция Л. Ф. Моногаровой.

Подобные дискуссии имеют несомненную пользу как для развития этнологической теории, так и для постановки актуальных национально-политических проблем, для выяснения общественных функций этнографии в их решении. Публикуя материалы по памирскому вопросу, мы, кроме всего прочего, имеем в виду, что подобные «вопросы» существуют, возникают или могут возникнуть и в других регионах страны. Идеологическую подоплеку здесь составляет противостояние двух подходов к перспективам развития нашего многонационального государства: старого подхода, заключающегося в искусственном упрощении этнической структуры общества, и, условно говоря, нового подхода (в отечественной этнографии он во все времена был доминирующим), получившего дополнительный импульс в последние годы. Его смысл заключается в признании права на существование и развитие за всеми народами, большими и малыми, недопустимости грубого вмешательства в ход естественно-исторических процессов — будь то процессы этнической консолидации, интеграции, дивергенции или ассимиляции.

Дискуссия возникла достаточно спонтанно. Вряд ли ее невольный инициатор А. С. Давыдов рассчитывал, что его статья вызовет столь острую полемику. Редакция, однако, сочла необходимым предоставить возможность высказаться и другим специалистам: обсуждаемый вопрос слишком принципиален, чтобы оставить его без всестороннего и объективного анализа.

А. С. Давыдов

НЕ ОБОСНОВАННО, ЗАТО... ПУБЛИЦИСТИЧНО *

С. В. Чешко в статье «Время стирать „белые пятна“»¹ отмечает, что не все обстоит благополучно с соблюдением национальных прав народов страны, что не все они имеют равные возможности для развития собственных культур, что это касается даже некоторых народов, имеющих автономию, т. е. пользующихся определенными конституционными правами. В качестве одного из наиболее ярких тому примеров автор приводит длящуюся, по его мнению, уже несколько десятилетий историю с населением Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикской ССР.

С. В. Чешко пишет, что на территории ГБАО кроме таджиков и киргизов проживают так называемые памирские народы — шугнанцы, язгулемцы, рушанцы, ишкашимцы, ваханцы и др., представляющие собой особые этносы, обладающие собственной историей, сохраняющие родные языки, культурные традиции, этнические самосознание и самоназвания. Учет этнических и других особенностей памирских народов, считает С. В. Чешко, послужил основанием для создания в 1925 г. ГБАО. Однако, продолжает С. В. Чешко, начиная с переписи населения 1959 г., эти народы исчезли из официальных статистических сводок о населении страны. Руководство Таджикистана, утверждает С. В. Чешко, игнорировало их существование и успешно навязывало свою точку

* Статья публикуется в том виде, в каком она получена от автора.

зрения ЦСУ СССР. Аргументирует свою позицию руководство Таджикистана, пишет С. В. Чешко, вовсе не естественной ассимиляцией памирцев таджиками, а тем, что памирцы по своему происхождению — таджики, а их языки — не более чем диалекты таджикского языка.

Этнографы, заявляет С. В. Чешко, не раз доказывали несостоятельность этой «концепции», неоднократно ставили вопрос перед руководящими органами о необходимости восстановить истину и справедливость. Однако, сокрушается С. В. Чешко, положение ухудшается, активизировались сторонники оттадживания памирцев, среди которых есть деятели от науки, есть и лица, претендующие на роль народных глашатаев. При этом, утверждает С. В. Чешко, применяется фальсификация исторических, этнографических, лингвистических данных, тенденциозное толкование исследований одних ученых и обвинение других в подстрекательстве к национализму, даже запугивание перспективой «второго Карабаха»².

То, что пишет С. В. Чешко относительно населения ГБАО, об отношении к нему руководства республики, о «деятелях от науки», которые направляют руководство республики на это дело, не может оставить равнодушным читателя, особенно заинтересованного. Все это, конечно же, вызывает чувство возмущения. Однако направление чувств читателей будет зависеть от их информированности по данному вопросу. Конечно, возмущение большинства, если не всех читателей «Советской этнографии», будет направлено против руководства Таджикистана и иже с ним «деятелей от науки». Все же у некоторых читателей могут возникнуть вопросы. Например, такой: зачем руководству Таджикистана искажать действительность и ставить себя в такое, мягко выражаясь, неловкое положение, ведь сейчас время гласности, рано или поздно ложь разоблачится. Но, допустим, как и полагается бюрократам, руководство республики близоруко. Вопрос другой: почему С. В. Чешко, затрагивая столь острую проблему, обвиняя руководство Таджикистана в нарушении прав части населения своей республики по столь серьезному вопросу, не обосновывает свои утверждения ссылкой на соответствующие источники, литературу. Сам С. В. Чешко в ГБАО не был, следовательно, он пользуется чьими-то данными, какими-то публикациями. Но чьими, какими? Хотя С. В. Чешко и не ссылается на источники своей информации, они нам известны, и мы ниже восполним это его «упущение».

Реальность этнического состава населения ГБАО такова³. Автономная область образована на территории правобережной части исторических областей Бадахшана и Дарваза и высокогорного плато Памира. Левобережная часть Бадахшана и Дарваза входит в состав Афганистана. Раздел этих исторических областей произошел по русско-английскому договору 1895 г., согласно которому сфера влияния этих держав устанавливалась по реке Пяндж — Амударья. Автономной области было присвоено название исторической области Бадахшан, и так как она охватывала горную часть последней, то вновь образованную автономную область называли Горно-Бадахшанской. После присоединения этих территорий к России название Памир стало весьма популярным и оно распространилось фактически на всю ГБАО. В результате название ГБАО осталось как официальный, и сейчас вся область обычно называется просто Памиром, при этом настоящий Памир — Восточным Памиром, а Горный Бадахшан и Дарваз — Западным Памиром. Но само население до сих пор хорошо помнит историческое деление своей современной автономной области.

На Памире (Восточном) живет небольшое количество киргизов — тюркоязычное население, ведшее до Октябрьской революции кочевой образ жизни, а в Горном Бадахшане и Дарвазе — искони оседлое ираноязычное население. Одна часть этого ираноязычного населения говорит на западноиранском — таджикском языке, а другая — на соответствующих восточноиранских языках — язгулемском, рушанском, шугнанском, ишкашимском и ваханском. Носители язгулемского языка — жители исторического района исторической области Дарваз, а носители остальных восточноиранских языков — жители соот-

ветствующих (исторических) районов исторической области Бадахшан — Рушана, Шугнана, Ишкашима и Вахана. Язык населения исторической области Дарваз, кроме упомянутого его района Язгулем, — таджикский. Таджикским является и язык населения одного исторического района Горного Бадахшана — Горона, расположенного между Шугнаном и Ишкашимом. Исторический район Ишкашим на нашей советской стороне представлен только тремя кишлаками, население двух из них говорит по-таджикски.

Упомянутые пять групп населения ГБАО, употребляющие в качестве разговорного соответствующие восточноиранские языки, и названы С. В. Чешко «памирскими народами».

Теперь о том, таджики или нет эти «памирские народы».

Подавляющее большинство таджиков говорит на западноиранском языке, который раньше назывался персидским (порси, форси), теперь — таджикским. Таджикский народ сложился на базе консолидации ряда народов, языки многих из них были восточноиранские — согдийский, бактрийский и др. После арабского завоевания (начало VIII в.), с распространением ислама, среди предков таджикского народа, особенно на восточной части его этнической территории, стал активно распространяться персидский (таджикский) язык. На западной части этнической территории таджикского народа таджикско-персидский язык существовал раньше. Так постепенно на этнической территории таджикского народа восточноиранские языки были вытеснены западноиранским языком, сложившимся на основе персидского, причем литературная форма этого языка сложилась в пределах этнической территории таджикского народа, и это было связано с консолидацией предков таджиков в единый народ, что произошло в IX—X вв. в государстве Саманидов⁴. Хотя ко времени завершения процесса формирования таджикского народа (IX—X вв.) таджикско-персидский язык и стал общенародным языком (языком литературы, государственного делопроизводства и т. д.), но разговорным — не сразу и не везде. До наших дней восточноиранские языки в качестве разговорных сохранились не только в верховьях Амударьи (ГБАО), но и в верховьях Зеравшана — в Ягнобе. Относительно ягнобского языка точно установлено, что он — диалект согдийского языка. О происхождении так называемых памирских языков в науке определенного заключения нет. Известный иранист И. М. Оранский пишет: «Можно полагать, что современные афганский, мунджанский и йидга, ваханский, ишкашимский и сангличский, языки шугнано-рушанской группы продолжают собой различные сакские и бактрийские диалекты, распространенные в древности на территории Восточного Туркестана и исторической Бактрии...»⁵.

Население ГБАО, сохранившее свои восточноиранские языки в качестве разговорных с глубокой древности наравне с другими таджиками стало пользоваться таджикско-персидским языком в качестве языка литературы, государственного делопроизводства и других сторон духовной жизни, а также как средством общения между носителями этих языков⁶.

О распространении таджикско-персидского языка среди интересующего нас населения в XIX — начале XX в. имеется большое количество свидетельств. Как отмечалось, современный таджикский язык назывался персидским. Известный таджиковед, этнограф и лингвист М. С. Андреев, отметив это обстоятельство, указывает, что население Горного Бадахшана, говорящее на восточноиранских языках, свои языки называет таджикским, а современный таджикский язык — персидским и говорящих на этом языке — «форсизабон», «форсигу», т. е. говорящими на персидском⁷.

А. Черкасов, секретарь Российского политического агентства в Бухаре, неоднократно бывавший в Горном Бадахшане в 1904—1905 гг., владел таджикско-персидским языком. «Общим языком (и родным для населения Горана) служит бадахшанский диалект персидского языка, которым свободно владеет девять десятых населения бекства, не исключая женщин и подростков. Тот же язык служит для письменных сношений: на нем изложены священные книги

таджиков, и все грамотные люди в Шугнane, Вахане и Рушане знакомы более или менее с классической персидской литературой»⁸.

Полковник генштаба Муханов: «Киргизы говорят на тюркском наречии, а таджики на местных — шугнанском, ваханском, ишкашимском, сильно друг от друга различающихся. Необходимость сношений последних между собой заставляет их прибегать к общепонятному до некоторой степени персидскому языку...»⁹.

Подполковник генштаба Эгерт: «Разговорный язык в Шугнane, Рушане и Орошоре одинаковый, но ваханское наречие сильно отличается от предыдущих. Общим языком и языком письменности для всех таджиков служит персидский»¹⁰.

А. Серебренников: «Кроме местного наречия, на котором жители ханства объясняются исключительно между собой, они говорят преимущественно на персидском языке»¹¹.

Известный лингвист И. И. Зарубин, побывавший в Горном Бадахшане впервые в 1914 г., пишет, что здесь путешественнику, знающему таджикский язык, переводчик не нужен, «так как по-таджикски говорят почти все горцы»¹².

Пожалуй, ярким показателем широкого распространения таджикско-персидского языка в Горном Бадахшане может служить наличие у населения области богатого фольклора на этом языке. А. Н. Болдырев, отметив, что средство общения между разноязычными горнобадахшанцами служит таджикский, пишет: «Отмеченное выше характерное двуязычие памирцев проявилось и в устном народном творчестве. Памирцы сказывают свои песни и прозу — сказки и поют предания на двух языках: родном (т. е. одном из памирских) и бадахшано-таджикском»¹³.

Горнобадахшанцы от остальных таджиков отличаются не только наличием своих особых разговорных языков, но и религией, о чем почему-то забыл сказать С. В. Чешко. Они, хотя, как и другие таджики, мусульмане, но исповедуют ислам исмаилитского толка, а остальные таджики — суннитского.

Такая ситуация, когда части народа имеют свои разговорные языки, отличаются религией, характерна не только для таджиков. Показательно, что, по подсчетам специалистов, в мире насчитывается до 5000 языков, а народов, с учетом и самых мелких племен, численностью в несколько десятков людей — от 2000 до 3000¹⁴. Факты языковой неоднородности народов мира широко известны и послужили основой выработки в этнографии положения, согласно которому при отсутствии единого разговорного языка признаком языковой общности народа служит наличие единого литературного языка¹⁵. Языковая ситуация у горнобадахшанцев вполне соответствует этому положению. Фактов религиозной неоднородности народов еще больше¹⁶, чем языковой.

В свете фактов языковой неоднородности народов в этнографии принято положение о том, что хотя язык и является важным этническим признаком, но не абсолютным¹⁷. Это положение еще больше относится к религии¹⁸.

В любом случае, независимо от языковой и религиозной однородности и разнообразия основным признаком принадлежности к одному народу является этническое самосознание и самоназвание¹⁹, — говоря проще, кем само себя осознает и называет данное население, к тому народу оно и относится. Следовательно, главным и единственным основанием, доказательством принадлежности горнобадахшанцев к таджикскому народу может служить признание этого ими самими.

О самоназвании горнобадахшанцев данные в литературе появляются еще в первой половине прошлого века. В 1837 г. английский разведчик и путешественник, исследователь капитан Вуд, первый из европейцев после Марко Поло, посещает Вахан и от ваханцев узнает, что они сами себя называют таджиками²⁰. После Вуда ГБАО посещают многие русские и зарубежные военные чиновники, путешественники, ученые. В публикациях многих из них освещает

и вопрос об этнической принадлежности горнобадахшанцев, и во всех случаях они называются таджиками. Таких свидетельств мною собрано более 50. Они приведены наряду с другими данными в подготовленной мною работе об этнической принадлежности горнобадахшанцев. Обычно эти авторы о горнобадахшанцах как о таджиках пишут как о само собой разумеющемся факте. Однако некоторые из них об этом пишут с удивлением. Например, упомянутый барон А. Черкасов: «Речные долины Западного Памира... На этом пространстве живет до 14 500 душ горцев, которые сами себя называют таджиками, хотя с таджиками наших среднеазиатских областей... ничего общего не имеют ни по религии, ни по языку, ни по обычаям»²¹.

Следует отметить, что и другие авторы, писавшие о горнобадахшанцах, как о таджиках, знали, что они отличаются от других таджиков своими разговорными языками и религией.

А. Г. Серебренников: «...ханства Шугнан, Рушан и Вахан населяют таджики, принадлежащие к племени арийскому, ведущие оседлый образ жизни»²². Подполковник Эгерт: «Население всей западной части Памиров состоит из таджиков»²³. Г. Е. Грум-Гржимайло: «Таджики составляют уже сплошное население областей Дарваза, Шугнана, Рошана, Каратегина...»²⁴. А. А. Бобринской: «В Средней Азии по верхнему течению Пянджа... приютились бедные общества горных таджиков: Вахан, Ишкашим, Горон, Шугнан и Рошан...»²⁵. «При этом,— пишет исследователь в другом месте,— часто говорили: мы такие же таджики, как и жители Дарваза... Вообще среди горцев заметили мы какое-то инстинктивное сознание об общих узах не то родства, не то культуры, связывающие их всех воедино»²⁶. А. Е. Снесарев: «Весь Памир подразделяется на две части — восточный, или киргизский, и западный, или таджикский... второй населен оседлыми таджиками, которых насчитывают около 17 000 душ обоего пола»²⁷. Н. Г. Маллицкий: «Припамирские таджики, говорящие на особых иранских наречиях, себя самих называют таджиками, а остальных таджиков, которые говорят на персидском языке, зовут „порси-гу“ (т. е. говорящие по-персидски)»²⁸.

Среди этнографов особое место в исследовании горнобадахшанцев принадлежит пионеру таджикской этнографии, самому авторитетному таджиковеду, члену-корреспонденту АН СССР М. С. Андрееву. М. С. Андреев, занимаясь в течение своей долгой и плодотворной жизни этнографией Средней Азии и сопредельных областей, особое внимание уделял таджикам. Главным объектом своих исследований ученый избирает Горный Бадахшан, считая, что здесь сохранились самые древние пласты таджикской культуры. Во всех своих публикациях М. С. Андреев горнобадахшанцев называет таджиками²⁹. Кроме этого, в архиве ученого сохранилась его неопубликованная работа «Самоопределение хуфцев»³⁰. В ней ученый приводит свои многолетние (1901—1943 гг.) наблюдения и исследования по вопросу о самоопределении горнобадахшанцев. Излагая свидетельства жителей всех районов Горного Бадахшана, М. С. Андреев заключает: «Это старое самоопределение жителей верховьев Пянджа как „таджик“ нужно принять во внимание и с этим считаться. Действительно, и исторически, и в языковом отношении они таджики».

С. В. Чешко пишет: «Учет этнических особенностей памирских народов, а также особенностей их социально-экономического развития, собственно, и послужил основанием для создания в 1925 г. ГБАО»³¹. Однако для подтверждения столь категоричного ответственного заявления С. В. Чешко ни на какие документы или исследования не ссылается. А документы и исследования по этому вопросу не подтверждают его заявление.

В инструкции, которой была снабжена первая организация Советской власти на этой земле — Военно-политическая тройка, сказано: «Поскольку население Памира неоднородно (Восточный Памир — киргизы, Западный — таджики), поэтому метод для подхода к населению будет различный»³². Из постановления Ревкома Таджикской АССР от 26 апреля 1925 г.: «Считать Памир,

населенный киргизами, и Горный Бадахшан, населенный таджиками, отходящими к территории Таджикистана»³³.

Юрист Л. М. Этин, первым исследовавший вопрос об образовании ГБАО, пишет: «Основную массу населения края составляют таджики (лишь на Восточном Памире, где население крайне незначительно, проживают киргизы). Однако исторические особенности и естественные условия жизни горных таджиков с течением веков привели к образованию в различных районах Памира этнических групп (шугнанцы, рушанцы и др.), отличающихся определенными особенностями быта и языка... Создание автономного образования делало Советскую власть наиболее доступной и понятной для коренного населения, позволило привлечь широкие трудовые массы к управлению своими собственными делами. В то же время тот факт, что этнические группы населения, проживающие на Памире, принадлежали к таджикам, делало необходимым и обусловило включение ГБАО в состав ТаджАССР, а затем, в 1929 г., в состав Таджикской ССР»³⁴.

В последние десятилетия образованию ГБАО посвящено большое количество публикаций, в которых обосновывается и развивается точка зрения Л. М. Этина³⁵.

С. В. Чешко сокрушается, что начиная с переписи 1959 г. «памирские народы» исчезли из официальных статистических сводок о населении страны. Такое утверждение предполагает, что до 1959 г. рассматриваемое население во время переписей фиксировалось не как таджики, а как ряд самостоятельных народов. Опять же С. В. Чешко делает это заявление бездоказательно.

Территория ГБАО впервые переписью была охвачена в 1917 г. По материалам этой переписи, «Западной Памир делится на 5 оседлых таджикских волостей...»³⁶, и далее перечисляются Вахан, Ишкашим, Шугнан и Рушан. Переписи в ГБАО проводились в 1924³⁷ и 1925³⁸ гг. — результаты те же.

В материалах переписи 1926 г. в сводной таблице VI — «Население по национальности, родному языку» указано количество носителей только язгулемского языка. Названия всех языков горнобадахшанцев перечислены в алфавитном списке языков. Однако ни носители язгулемского, ни других горнобадахшанских языков не выделены как этнические единицы³⁹. В другом выпуске материалов переписи 1926 г. Горный Бадахшан (Западный Памир) назван в числе горных долин, сплошь заселенных таджиками⁴⁰.

Издания с материалами переписей 1939 и 1959 гг. мне найти не удалось. А. К. Писарчик, имевшая возможность ознакомиться с материалами этих переписей, сообщает о численности горнобадахшанцев по количеству лиц, назвавших во время этих переписей родным один из горнобадахшанских (памирских) языков⁴¹. Эти данные А. К. Писарчик приводит Л. Ф. Моногарова⁴². Таким образом, вопреки утверждению С. В. Чешко, никакого «исчезновения» из официальных статистических сводок «памирских народов» не происходило. Другое дело, что их языки после переписи 1959 г. не стали фиксироваться. Это искажение действительности.

Возникает вопрос: имеются убедительные факты, свидетельствующие о том, что горнобадахшанцы — таджики, тогда на каком основании С. В. Чешко без тени сомнения отрицает это, объявляет их самостоятельными народами, обвиняет руководство республики Таджикистан в искажении исторической действительности, в нарушении права этих «народов» на существование?

Этнографические особенности горнобадахшанцев: наличие у них своих разговорных языков, их отличие в религии от других таджиков на фоне земляческого самосознания (по области и району), что широко распространено среди таджиков вообще, — породили сомнения относительно их этнической принадлежности. Сомнения эти стали возникать в связи с переселением значительного количества горнобадахшанцев в другие районы республики. Поэтому в Душанбе, где их больше, чем в других местах, наблюдается пик этих сомнений. Земляческое самосознание и местничество со временем эти сомнения превратили

в предубеждения. Отвратительное явление — местничество по отношению к горнобадахшанцам стало проявляться в сочетании с заблуждением, что люди разной религии, особенно говорящие на разных языках, не могут принадлежать к одному народу. Вот, в числе прочего, и стали упрекать горнобадахшанцев, что они не таджики. И среди самих горнобадахшанцев нашлись «гордецы», которые стали утверждать: «мы — не таджики!» «Гордецы» — в основном представители интеллигенции, особенно активная их часть. Один из активных «гордецов» на мой вопрос, кем он себя считает, ответил: «Те, кто живут там (в ГБАО), они себя считают таджиками, а мы, живущие в Душанбе, себя таджиками не считаем!» И такие «гордецы» полны решимости добиться, чтобы и живущие «там» тоже не считали себя таджиками. Они пишут в местные и центральные газеты, обращаются во все инстанции, добиваясь «правды». При этом они пишут не только сами, но подбивают к этому и других. Среди активных «гордецов» есть люди со степенями, имеют «благожелателей» в соответствующих институтах республиканской и союзной академий. Вот эти активные «гордецы» составляют одну категорию информаторов С. В. Чешко.

Пользовался С. В. Чешко публикациями и непосредственной консультацией «специалистов» в области созданной ими самими «проблемы» этнической принадлежности горнобадахшанцев. Среди них пальма первенства принадлежит Л. Ф. Моногаровой, которая с 1947 г. в ГБАО ведет полевые работы. Уже в первой своей публикации, вышедшей в 1949 г.⁴³, она объявляет, правда мимоходом, население ГБАО народами. С тех пор Л. Ф. Моногарова опубликовала одну книгу и более 10 статей, во всех них утверждается это положение. Обосновывает свое мнение Л. Ф. Моногарова, указывая на отличие горнобадахшанцев от других таджиков в религии, на наличие у них своих языков. Конечно, она в курсе теоретических положений этнографии и признает, что главным признаком для определения этнической принадлежности является самосознание населения — то, кем оно себя считает. Но в этом важном принципиальном вопросе — в вопросе, кем сами себя считают и называют горнобадахшанцы, Л. Ф. Моногарова идет на искажение действительности. Она в своих работах приводит только самоназвания горнобадахшанцев по районам — шугнанец, рушанец и т. д. — и утверждает, что до середины XX в. такова была единственная форма их этнического самоназвания, что они до этого времени себя таджиками не считали и не называли и только в последние десятилетия, утверждает Л. Ф. Моногарова, в результате ассимиляции они стали называть себя памирскими таджиками⁴⁴.

С. В. Чешко упрекает считающих горнобадахшанцев таджиками в том, что они, искажая действительность, объявляют языки этого населения диалектами таджикского языка. К сожалению, у нас имеются такие «теоретики». Но интересно другое. Как я понял из разговора с С. И. Бруком и из контекста статьи С. В. Чешко, такова позиция и руководства нашей республики. Конечно, в ЦК могут работать и не лингвисты, и не этнографы. Как мне представляется, наш ЦК при составлении ответа на упомянутое письмо обращался в соответствующие институты нашей академии. Если так и было, следовательно, кто-то ввел в заблуждение руководство республики, конечно, не без умысла.

С. В. Чешко пишет, что происходит естественная ассимиляция «памирских народов» таджиками, что, по оценкам специалистов, уже практически ассимилировался один из них — ванчцы. Опять он не называет свой источник. Мне известно, что такое утверждение принадлежит только Л. Ф. Моногаровой⁴⁵.

Действительно, И. И. Зарубиным⁴⁶ и М. С. Андреевым⁴⁷ в Ванче было записано предание о существовании там раньше старого языка, им удалось зафиксировать несколько слов этого языка. Наличие когда-то у ванчцев своего старого языка — факт вполне естественный. Уже отмечалось, что завершение формирования таджикского народа сопровождалось распространением на его этнической территории таджикско-персидского языка и вытеснением на значительной части этой территории восточноиранских языков. Если смену ванчцами

своего старого языка новым, таджикско-персидским считать ассимиляцией, то логично надо будет признать результатом ассимиляции само формирование таджикского народа. Но специалисты единодушны в том, что распространение таджикско-персидского языка на этнической территории таджиков не сопровождалось сколько-нибудь значительным переселением его носителей, тем более проникновением их культурного влияния⁴⁸.

Таким образом, как и полагается, искажение частного искажает целое. В данном случае искажение этногенеза и этнической принадлежности части таджикского народа искажает этногенез всего народа.

Примечания

- ¹ Чешко С. В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография. 1988. № 6. С. 3—15.
- ² Там же. С. 5—6.
- ³ Автором подготовлена работа «Об этнической принадлежности горнобадахшанцев» (ответственные редакторы А. Я. Вишневский и Р. М. Масов). Здесь кратко излагаются некоторые основные факты и положения этой работы.
- ⁴ Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962. С. 146—147.
- ⁵ Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979. С. 192.
- ⁶ Бертельс А. Е., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в ГБАО экспедицией 1959—1963 гг. М., 1967. С. 8; Хабибов А. Чанд шоири номаълуми Бадахшон // Помиршиноси. Масъалаҳои филология. Душанбе, 1975. С. 133.
- ⁷ Андреев М. С. О таджикском языке настоящего времени // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1945. С. 56—70.
- ⁸ См. Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. М., 1975. Приложения, № 5. С. 109—110.
- ⁹ Муханов. Военно-стратегическое описание Туркестанского военного округа. Памирский район. Ташкент, 1912. С. 38.
- ¹⁰ Эгерт. Очерк Памиров // Сборник материалов по Азии. Вып. 76. СПб., 1902. С. 18.
- ¹¹ Серебренников А. Очерк Памира // Военный сборник, год 42-й. 1889. № 10. С. 458.
- ¹² Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартаңга // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. V. Вып. 1. Пг., 1918. С. 229.
- ¹³ Болдырев А. Н. Предисловие // Сказки народов Памира. М., 1976. С. 7.
- ¹⁴ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 89.
- ¹⁵ Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969. С. 27.
- ¹⁶ Пучков П. И. Современная география религий. М., 1975; Шпажников Г. А. Религии стран Западной Азии. М., 1976 и другие работы этого автора.
- ¹⁷ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 57; *его же*. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 19.
- ¹⁸ Пучков П. И. Указ. раб. С. 176; Козлов В. И. Этнос и культура // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 78.
- ¹⁹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. С. 24—25.
- ²⁰ См.: Юль Генри. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. Пер. с англ. О. А. Федченко, с дополнениями и примечаниями А. П. Федченко, Н. В. Ханькова и Г. Юля. СПб., 1873. С. 102.
- ²¹ См.: Халфин Н. А. Указ. раб. Приложения. С. 109.
- ²² Серебренников А. Г. Указ. раб. С. 447.
- ²³ Эгерт, подполковник генштаба. Памиры // Сборник материалов по Азии. Вып. 56. 1894. С. 13.
- ²⁴ Грум-Гржимайло Г. Е. Очерки припамирских стран // Изв. Императорского Русского географического общества. Т. 22. СПб., 1896. С. 101.
- ²⁵ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта. М., 1908. С. 1.
- ²⁶ Там же. С. 46.
- ²⁷ Снесарев А. Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. 1904. № 89.
- ²⁸ Малицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент; Самарканд, 1929.
- ²⁹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. Сталинабад, 1953. С. 13.
- ³⁰ Данная статья хранится в архиве М. С. Андреева (6 страниц машинописи). Знакомству с этой статьей я обязан А. К. Писарчик.
- ³¹ Чешко С. В. Указ. раб. С. 5.
- ³² Назаршоев М. Н. Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм. Душанбе, 1970. С. 34.
- ³³ Фаньян Д. К. К истории советского строительства в Таджикистане. Сборник документов. Сталинабад, 1941. С. 36.

- ³⁴ Этин Л. М. ГБАО в составе Таджикской ССР // Тр. юн. ф.-т. ТГУ им. В. И. Ленина. Т. 5. Вып. 8. 1957. С. 31.
- ³⁵ Одна из последних и обстоятельных — Назаршоев М. Н. Исторический опыт КПСС по руководству социалистическим строительством в ГБАО Таджикской ССР. Душанбе, 1982.
- ³⁶ Материалы всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской республике. Вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г. Ташкент, 1924. С. 14.
- ³⁷ Магидович И. Население Памиров // Бюл. Центр. стат. управления Туркестанской республики. Ташкент, 1922.
- ³⁸ Морозов Б. Горно-Бадахшанский вилайет. (Итоги обследования 1925 года) // Бюл. Центр. стат. управления УзССР. Самарканд, 1927. № 116. С. 3.
- ³⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XV. Узбекская ССР. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. С. 49—53.
- ⁴⁰ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. II. Поселенные итоги Таджикской АССР. Самарканд, 1927. С. 26.
- ⁴¹ Писарчик А. К. Припамирские таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962. С. 659.
- ⁴² Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. С. 11.
- ⁴³ Моногарова Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира // Сов. этнография. 1949. № 3. С. 108.
- ⁴⁴ Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей; ее же. Эволюция национального самосознания припамирских народностей // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
- ⁴⁵ Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. С. 13.
- ⁴⁶ Зарубин И. И. К списку памирских языков // Докл. Российской АН. Серия В. 1924. № 6.
- ⁴⁷ Андреев М. С. О таджикском языке настоящего времени. С. 57.
- ⁴⁸ Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии С. 132; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 373.

С. В. Чешко

НЕ ПУБЛИЦИСТИЧНО, НО И НЕ НАУЧНО

(Ответ оппоненту)

В своей статье «Не обоснованно, зато...публицистично» А. С. Давыдов предъявил мне весьма серьезные упреки в научной некомпетентности, предвзятости, дешевой публицистичности, потакании нездоровым социальным элементам. Заодно досталось и Л. Ф. Моногаровой, в работах которой автор видит идейный источник моих спекуляций. Полагаю, она сама определит, как ей реагировать на критику А. С. Давыдова, и не нуждается в моей защите, тем более что эта критика не может поколебать ее авторитета как одного из ведущих специалистов по этнографии Таджикистана.

Должен признать, что кое в чем А. С. Давыдов прав. Я и сам считаю, что моя статья «Время стирать „белые пятна“» получилась несколько публицистичной по стилю, чему есть свои объяснения. Готовилась она для широкого читателя, но редакция соответствующего массового издания похоронила ее в своем портфеле. Да и трудно остаться беспристрастным, когда приходится писать о столь болезненной проблеме.

Прав А. С. Давыдов и в том, что я не отношусь к числу специалистов по Памиру — полевых исследований там я действительно никогда не вел (как, впрочем, и сам А. С. Давыдов). И не было бы мне извинения, если бы я взялся, скажем, за описание материальной или духовной культуры народов, которых я в глаза не видел. В данном же случае речь идет о таких вещах, о которых этнограф в силу своей профессиональной подготовки должен уметь судить. Он не обязан браться за подобные темы, но бывают случаи, когда нельзя промолчать. Именно такой случай — вопрос о происхождении и этнической принадлежности припамирских народов, поскольку он уже давно приобрел не только научное, но и политическое значение. Поэтому же, а не из-за личной

обиды я счел необходимым публично ответить А. С. Давыдову. Но, разумеется, я не могу отказать оппоненту в праве иметь собственную точку зрения, как и в праве протестовать против моей статьи, если он принял на свой счет — теперь вижу, что правильно принял, — мое замечание о «деятелях от науки», стремящихся отаджичить памирцев.

Выступление А. С. Давыдова лишний раз показало, что вопрос о населении Горно-Бадахшанской автономной области следовало поднять. А еще больше укрепило меня в этом мнении сопроводительное письмо к статье А. С. Давыдова в редакцию «Советской этнографии», подписанное директором Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикской ССР Р. М. Масовым. Мне впервые довелось увидеть подкрепленный авторитетом официально-бланка научного учреждения вердикт, отрицающий существование припамирских народов: «имеются данные, однозначно свидетельствующие о том, что это население является частью таджикского народа». Если это официальная точка зрения Института им. А. Дониша, то нетрудно представить, на какой теоретической основе будет строиться национально-культурное развитие ГБАО и в дальнейшем. Остается лишь выразить сожаление, что на прошедшей в Звенигороде конференции по проблемам этногенеза народов Средней Азии и Казахстана (ноябрь 1988 г.) этот вопрос не был специально обсужден, хотя и витал в воздухе. Оказывается, компромиссы в науке не столь уж безобидны.

Прежде чем приступить к разбору аргументов А. С. Давыдова, хочу сложить с себя необоснованно навязанные мне лавры изобретателя проблемы этнической принадлежности памирских народов. Впрочем, А. С. Давыдову должно быть хорошо известно, что я их не заслужил. Не является пионером и Л. Ф. Моногарова, о которой в данном случае оппонент почему-то забыл. Для экономии места сошлюсь лишь на одну публикацию, тем паче что я не считаю наилучшей формой научной дискуссии перестрелку цитатами. Имею в виду «Народы СССР. Краткий справочник» (М.; Л., 1958) под редакцией С. П. Толстова, П. И. Кушнера и П. Е. Терлецкого. В справочник включены данные о народах СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. Воспроизведу часть раздела VII «Иранская группа» с некоторыми купюрами, не влияющими — да поверит мне оппонент — на существо вопроса¹.

Таджики — 1229 тыс. чел. Самоназвание — таджик; язык — таджикский. *Шугнанцы* — 18,6 тыс. чел. Самоназвание — хугнона; язык — шугнанский и таджикский. *Хуфцы* — 1,0 тыс. чел. Самоназвание — хуфидж; язык — хуфшанский (диалект шугнанского) и таджикский. *Бартанцы* — 3,7 тыс. чел. Самоназвание — бартангидж; язык — бартангский (диалект шугнанского) и таджикский. *Хуфцы* — 1,0 тыс. чел. Самоназвание — хуфидж; язык — хуфский и таджикский. *Баджуйцы* — 0,5 тыс. чел. Самоназвание — баджавидж; язык — шугнанский, рушанский и таджикский. *Ваханцы* — 4,5 тыс. чел. Самоназвание — вух; язык — ваханский и таджикский. *Ишкашимцы* — 2,2 тыс. чел. Самоназвание — ишкошуми; язык — ишкашимский и таджикский. *Язгулемцы* — 2,2 тыс. чел. Самоназвание — згамик; язык — язгулемский и таджикский.

Дальше в том же ряду перечислены другие ираноязычные народы: ягнобцы, белуджи, джемшиды, среднеазиатские евреи, осетины, талыши, курды, таты, горские евреи. Этнографические группы указаны особо. Таким образом, «открытие» народов ГБАО, стоящих на одном таксономическом уровне с таджиками, произошло задолго до моего рождения. Они фигурировали, в частности, в переписи населения 1939 г. — той самой, сведений о которой, как и материалов переписи 1959 г., А. С. Давыдову не удалось обнаружить. Есть они и в названном академическом справочнике, подготовленном, кстати, специально к переписи 1959 г., которая положила конец их «официальному» существованию, о чем я и писал в своей статье.

В связи с переписями населения А. С. Давыдов уличает меня в одном бездоказательном заявлении — будто бы начиная с переписи 1959 г. эти народы

исчезли из статистических сводок. Исчезли, утверждает оппонент, не народы (они ведь никогда и не фиксировались), а языки. Можно посочувствовать А. С. Давыдову в том, что он не знаком с названной выше публикацией и в результате оказался в несколько неловком положении. Но примечательно другое. Он считает, что языки могут существовать сами по себе, без народов — их носителей. Есть повод поздравить коллегу с развитием ультрадиффузионистской идеи Лео Фробениуса: «Культура растет сама по себе, без человека, без народа»². Этим, правда, идейное родство А. С. Давыдова с классиком мировой этнографии и ограничивается. Его концепция фактически отрицает значение для истории данного региона объективного существования чего бы то ни было: других этносов, их языков, культуры, за исключением таджикского языка и таджикского этноса.

А. С. Давыдов напоминает, что таджикский этнос сложился на базе народов, многие из которых говорили на восточноиранских языках. А происходило это следующим образом. В период после арабского завоевания восточноиранские языки «на этнической территории таджикского народа» были вытеснены — не совсем, правда, ясно, чем: то ли «персидским (таджикским)» языком, то ли «западноиранским языком, сложившимся на базе персидского». И здесь мы подходим к одному из фундаментальных положений концепции А. С. Давыдова. «Хотя ко времени завершения процесса формирования таджикского народа (IX—X вв.) таджикско-персидский язык и стал общенародным языком (языком литературы, государственного делопроизводства и т. д.), но разговорным — не сразу и не везде. До наших дней восточноиранские языки в качестве разговорных сохранились не только в верховьях Амударьи (ГБАО), но и в верховьях Зеравшана — в Ягнобе» (с. 17).

Итак, «общенародный» язык, по мнению А. С. Давыдова, — это язык литературы и делопроизводства, даже если он получил распространение «не везде», а родной разговорный язык — это, видимо, рудимент, хотя он и сохраняется, как в данном случае, еще около тысячи лет.

Чтобы уж наверняка сразить оппонента, А. С. Давыдов вводит в действие тяжелую артиллерию — работы признанных теоретиков современной отечественной этнографии. На это можно было бы заметить, что теория занимается обобщением эмпирических данных с целью познания законов развития, а не подменяет конкретные исследования ради достижения заданного результата. Правда, в нашем обществоведении зачастую делалось как раз наоборот, и А. С. Давыдов, похоже, прочно затвердил уроки прошлого.

Ссылаясь на В. И. Козлова, он указывает, что «при отсутствии единого разговорного языка признаком языковой общности народа служит наличие единого литературного языка» (с. 18). В контексте рассматриваемого вопроса получился небольшой логический фокус: памирцы являются частью таджикского народа в силу существования литературного таджикского языка, а он, в свою очередь, этнический для памирцев потому, что они образуют с таджиками один народ. Сомневаюсь, что В. И. Козлов согласится пойти в соавторы к А. С. Давыдову.

Попал в соучастники и Ю. В. Бромлей, отмечавший, что, «хотя язык и является важным этническим признаком, но не абсолютным» (цитирую А. С. Давыдова, см. с. 18). Точнее, Ю. В. Бромлей в том месте своей книги, на которое ссылается А. С. Давыдов, писал о недопустимости абсолютизации любой этнической черты, а не только языка³, но А. С. Давыдову важно скомпрометировать именно язык. Ему требуется доказать, что наличие у памирцев собственных языков не может служить основанием для их классификации в качестве самостоятельных этносов. При этом он начисто забывает о своих рассуждениях по поводу таджикского языка.

Что же получается? С одной стороны, разговорный язык этноса — это не его этнический язык; последним следует признать литературный язык. Поэтому восточноиранские языки памирцев не являются их этническими языками.

С другой стороны, А. С. Давыдов, явно не замечая противоречивости своей концепции, просто выводит язык из числа сущностных характеристик этноса, утверждая, что «основным признаком принадлежности к одному народу является этническое самосознание и самоназвание». Это утверждение он приписывает Ю. В. Бромлею, либо не поняв, либо фальсифицируя его мысль⁴. Не случайно, думаю, все ссылки на теоретиков этноса А. С. Давыдов дает в раскавыченном виде и весьма вольном, вульгаризированном изложении.

Путем подтасовок в теории А. С. Давыдов очень хочет, как видно, доказать, что восточноиранские народы были лишь сырьем для формирования таджикского этноса, что с выходом последнего на историческую арену в пределах его «этнической территории» (границы ее, кстати, А. С. Давыдов не определяет, и тоже, видимо, не случайно) не могли происходить никакие иные этнические процессы, кроме становления и развития таджикского этноса. А. С. Давыдов так уверен в убедительности своих построений, что соглашается не считать памирские языки диалектами таджикского, допускает возможность выведения их непосредственно из согдийского и бактрийского языков, не придает ни малейшего значения факту взаимонепонимости таджикского и памирских языков.

Остается только выяснить, каковы же критерии причисления памирцев к таджикам, если ни язык, ни культура (о ней автор практически ничего не говорит) в конечном счете не принимаются во внимание?

В обобщенном виде концепция моего оппонента — если я ее правильно понял — выглядит так. В далеком прошлом памирцы стали таджиками потому, что территория их расселения вошла в зону влияния таджикского языка — того самого «общенародного». Но упрямые «разговорные» языки почему-то сохранились до наших дней, и А. С. Давыдов формулирует новый постулат: язык не является признаком этноса. Отталкиваясь от искаженной им мысли Ю. В. Бромлея (см. выше), автор утверждает, что «главным и единственным основанием, доказательством принадлежности горнобадахшанцев к таджикскому народу может служить признание этого ими самими» (с. 18).

Готов допустить, что незнание законов формальной логики — это не вина, а беда А. С. Давыдова, и он не видит явной противоречивости собственных суждений. Но трудно понять настойчивость, с которой А. С. Давыдов публично искажает этнологическую теорию, одновременно высказывая к ней глубокий пиетет. Вопреки интерпретации А. С. Давыдова, в работах авторов, на которые он ссылается как на непререкаемую истину, отстаивается комплексное, а не монофакторное понимание этноса, а общность самосознания связывается с общностью культуры и языка. Возможно, А. С. Давыдов введен в заблуждение разработками, касающимися процессов редуцирования и латентизации этнической культуры в современном мире, феномена существования своеобразно сложившихся этносов с одной языковой основой (английской, испанской, португальской). К обсуждаемому вопросу эти разработки не имеют прямого отношения.

Абсолютизируя значение самосознания, А. С. Давыдов фактически ставит в зависимость от него само существование этноса и тем самым покидает материалистические позиции. Это его дело, но отечественная этнографическая наука, как, впрочем, и мировая, здесь ни при чем. Более того, А. С. Давыдов явно путает самосознание, самоназвание и вербализованную самоидентификацию.

Известно, что самоназвание опосредованно отражает, фиксирует самосознание. Известно также, что экстраполировать современные этнонимы на далекое историческое прошлое следует с величайшей осторожностью: первоначально они могли быть, чаще всего и были, топонимами, политонимами, конфессионимами и т. п. Это касается и термина «таджик». Его распространение на сопредельные народы совсем не обязательно свидетельствовало об их автоматическом превращении в таджиков. Добавим к этому, что есть разница между эндо- и экзо-этнонимами (даже сегодня на Западе в обиходе нередко называют все население СССР русскими). Иными словами, существование и использование термина

далеко не всегда является сущностной характеристикой обозначаемого им объекта.

Соответственно и самоидентификация индивида (например, при переписи населения, при заполнении анкеты, в беседе с интервьюером) может отражать самосознание индивида опосредованно, а то и просто неадекватно. Последнее бывает в тех случаях, когда в данных конкретных условиях он вынужден или считает целесообразным указать не свою истинную национальную принадлежность, а какую-то другую. И такие случаи известны — их было немало именно в Средней Азии в недалеком прошлом, когда иноэтничное население в союзных республиках нередко испытывало определенные неудобства.

Наконец, этнографам хорошо известен феномен многозначности и иерархичности самосознания, когда индивид причисляет себя одновременно, например, к данному этносу, данному субэтносу, данной локальной или региональной общности, к данному государству. Этот феномен особенно характерен для народов, находящихся на стадии этнической консолидации или ассимиляции, для малых народов, ассоциированных с крупными этносами, для этнических групп, живущих в иноэтничном окружении. Так, индеец может определить себя следующим образом: кайюга — ирокез — индеец США — американец — индеец вообще — представитель коренного населения Америки — член сообщества коренных национальных меньшинств (так называемого «четвертого мира»), причем почти в любой последовательности. Житель ГБАО может определить себя так: шуганец — таджик (или наоборот), шуганец — памирец — таджик. Насколько мне известно, полевые исследования коллег чаще всего дают именно такие результаты.

Естественно, возникает задача отделения этнического самосознания от других видов самосознания и определения основного уровня этнического самосознания. Задача эта непростая, но решаемая. Думаю, основной уровень этнического самосознания должен совпадать с разговорным языком или языковой самоидентификацией. Например, если тот же шуганец затрудняется однозначно определить свою национальную принадлежность, а в повседневной жизни пользуется шуганским языком и считает его родным, то он, конечно же, шуганец. Но если при этом типе языковой ориентации он считает себя не шуганцем, а таджиком — пусть будет им. Это укажет на его личное этническое самоопределение, но не на отсутствие вообще или исчезновение шуганского этноса. Задача исследователя состоит в том, чтобы суметь выявить тенденции этнического развития путем сопоставления процессов, происходящих в том числе и в этническом сознании людей.

А. С. Давыдов не ставит перед собой такую задачу. Он преследует единственную цель — доказать, что памирцы всегда были и остаются таджиками и никем иным они быть не могут. Он отрицает даже саму постановку вопроса о процессе ассимиляции памирцев как пути включения их в состав таджикского этноса — какая там ассимиляция, если они и так таджики!

Изыскания А. С. Давыдова в области самосознания памирцев сводятся лишь к одной операции — выделению его таджикского уровня. И делает он это хорошо известным способом — выборочным цитированием из сообщений путешественников и замечаний исследователей. Причем речь опять-таки идет лишь о самоназваниях, а зачастую просто о том, как называл памирцев тот или иной автор. Сообщения же, которые могут свидетельствовать против его точки зрения, А. С. Давыдов постарался обойти, хотя некоторые из них он, видимо, просмотрел (например, замечания А. Черкасова, А. А. Бобринского, Н. Г. Маллицкого).

Я опускаю некоторые детали из статьи моего оппонента: ссылку на постановление Ревкома Таджикской ССР и мнение юриста Л. М. Энтина как источники для изучения этногенеза и этнической принадлежности памирцев, неизвестно зачем предъявленный мне упрек в том, что я не упомянул о конфессиональной принадлежности памирцев, и другие. Это все несущественно. Если я, по мнению А. С. Давыдова, искажаю частное и таким образом искажаю целое, то он посту-

пают наоборот, априори формулируя основной вывод и подгоняя под него все прочее. Детали, факты здесь не играют роли.

Еще об одном все же надо сказать. С «гордецами», которые, как утверждает А. С. Давыдов, являются моими основными информантами, я никогда не встречался, и поэтому не могу судить, насколько справедливо или несправедливо он их характеризует. Но сама постановка вопроса о недопустимости выдвижения людьми требований национального характера и причисления себя к данному этносу, а не к другому, выглядит довольно странно на фоне происходящих в стране изменений, политического курса на удовлетворение национально-культурных запросов всех без исключения народов.

И последнее. Чтобы окончательно прояснить для читателя свою позицию, я должен выразить несогласие с новейшей точкой зрения Л. Ф. Моногаровой, изложенной ею в статье «Припамирские народности», которая включена в справочник «Народы мира» (М., 1988). Дело даже не в том, что определение этих народностей как субэтнических групп таджиков не соответствует принятому в науке пониманию народности — этнической общности основного уровня. Сама концепция Л. Ф. Моногаровой представляется мне неудачным компромиссом. То, что эти народы захвачены процессом ассимиляции, еще не дает оснований считать их целиком подразделениями таджикского этноса. Пока хотя бы один шуганец или ваханец относит себя к своему народу, этот народ нельзя стирать с этнической карты страны. Никакие теоретические построения не дают нам право с олимпийских высот академической науки решать судьбу целых народов. При всем моем уважении к Л. Ф. Моногаровой, я не могу не отметить, что популяризация ее «субэтнической» интерпретации вопроса дает желающим шанс «отменить» припамирские народы уже на иной, гораздо более серьезной теоретической основе, нежели та, которую сконструировал А. С. Давыдов.

Примечания

¹ Народы СССР. Краткий справочник / Под ред. Толстова С. П., Кушнера П. И., Терлецкого П. Е. М.; Л., 1958. С. 9—10.

² Frobenius L. Der Ursprung der Afrikanischen Kulturen. B., 1898. S. XIII.

³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 19.

⁴ На указанных А. С. Давыдовым страницах Ю. В. Бромлей писал об этническом самосознании как о необходимой, сущностной характеристике этноса, о том, что этноним — это внешнее выражение этнического самосознания у различных групп населения, о таком компоненте самосознания, как представления об общем происхождении. В частности, Ю. В. Бромлей отмечал: «Поэтому этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, выделяя себя среди других аналогичных общностей» (Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии. С. 224). Надо иметь уж очень большую фантазию, чтобы все это перефразировать и изложить так, как сделал А. С. Давыдов.

Л. Ф. Моногарова

**ПАМИРЦЫ — НАРОДНОСТИ
ИЛИ СУБЭТНОСЫ ТАДЖИКОВ?
(Ответ А. С. Давыдову)**

Проблема этнонационального самосознания в этнической истории народов очень сложна. Наше время перестройки и гласности требует пристального внимания к этой проблеме и научного подхода к исследованиям характера межнациональных отношений.

Изучение этногенеза и этнической истории народов, населяющих различные регионы нашей страны, — одна из актуальных задач советской этнографической

науки. Дискуссионная проблема в этом плане — определение этнического статуса восточноиранского по языку основного населения высокогорных долин Западного Памира, административно входящего в Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО) Таджикской ССР: являются ли они в настоящее время отдельными народностями или в результате происходивших в прошлом и современных этнических процессов, ассимиляции таджиками памирцев, их можно считать этнографическими группами или субэтнотами таджиков?

Высказанная А. С. Давыдовым в его статье «Не обоснованно, зато „публицистично“» (см. настоящий номер журнала) точка зрения, отрицающая существование памирских (или припамирских) народностей и необоснованно утверждающая, что восточноиранские по языку различные народности Западного Памира — таджики, ошибочна.

А. С. Давыдов упрекает С. В. Чешко, автора статьи «Время считать „белые пятна“»¹, в том, что тот не был в ГБАО и, следовательно, пользуется «чьими-то данными, какими-то публикациями» (с. 21 в данном номере журнала). Да, действительно, С. В. Чешко в ГБАО не был, не занимался там этнографическими исследованиями, но проявил хорошее знание опубликованных источников по состоянию национального вопроса в стране, и в частности в Таджикистане. А. С. Давыдов также не проводил этнографического изучения населения ГБАО, но, судя по его статье, в отличие от С. В. Чешко, показал полное непонимание этой проблемы и незнание основной литературы и архивных источников по поднятому им вопросу. Например, А. С. Давыдов упрекает С. В. Чешко в том, что тот пользовался «публикациями и непосредственной консультацией „специалистов“ ... Среди них пальма первенства принадлежит Л. Ф. Моногаровой, которая с 1947 г. ведет в ГБАО полевые работы. Уже в первой своей публикации, вышедшей в 1949 г.², она объявляет, правда, мимоходом, население ГБАО „народами“. С тех пор Л. Ф. Моногарова опубликовала одну книгу и более десяти статей; во всех них утверждается это положение» (см. с. 21 настоящего номера журнала).

Мне очень жаль, но «пальму первенства» в определении населения ГБАО «народами» я должна уступить другим исследователям, крупным ученым: моим учителям, лекции которых я слушала на кафедре этнографии истфака МГУ, С. П. Толстову и С. А. Токареву, а также известным этнографам М. С. Андрееву, И. И. Зарубину, Н. А. Кислякову, А. К. Писарчик, востоковеду А. М. Дьякову, зарубежным языковедам XIX в. Р. Шоу, В. Томашеку, Г. Грирсону и многим другим. Даже в школьном «Географическом атласе СССР для средней школы» (М., 1938 г.) на Этнографической карте СССР «памирские народы» выделены особой краской. А. Г. Биснек и Н. М. Зельдович называли население, о котором идет речь, народами³. Их труд опубликован в 1940 г., когда я еще училась в школе. Н. А. Кисляков в 1948 г. писал: «Однако в отличие от упомянутых припамирских народностей (рушанцев, шугнанцев, ишкашимцев, ваханцев), которые в религиозном отношении являлись исмаилитами, язгулемцы принадлежали к мусульманам-суннитам»⁴. Следует отметить, что Н. А. Кисляков был официальным оппонентом на защите моей диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук и ответственным редактором упомянутой А. С. Давыдовым моей книги «Преобразования в быту и культуре припамирских народностей» (М., 1972), так что точка зрения Н. А. Кислякова по обсуждаемому вопросу ясна. Учитель А. С. Давыдова, А. К. Писарчик, в 1949 г. писал: «На территории нынешней Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР в труднодоступных высокогорных долинах самых верхних притоков Пянджа, к а к и з в е с т н о (разрядка моя.— Л. М.), проживают немногочисленные древние иранские народности, сохранившие в силу былой изолированности, до самого последнего времени свои древние языки и обычаи, давно уже исчезнувшие в других местах Средней Азии»⁵. В 1962 г. А. К. Писарчик, характеризуя основное население ГБАО, подчеркнула, что его «составляют припамирские таджики, ранее известные под названием

припамирские народности»⁶. А на этнографической карте Таджикской ССР, составленной по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. (см. вклейку карты между с. 528 и 529 в томе «Народы Средней Азии и Казахстана», ч. 1., М., 1962) по родному языку показаны шесть наиболее многочисленных из припамирских народностей, как их называли исследователи. Известны в литературе они под названиями «иранские племена Западного Памира»⁷, «горцы Западного Памира»⁸, «горцы верховьев Пянджа»⁹, «народы Памира»¹⁰, «припамирские народности»¹¹, «памирские народы»¹², «припамирские таджики»¹³, «памирские таджики»¹⁴ (как они себя сами называют).

В ГБАО, кроме памирцев, проживают в Калаихумбском, Ванчском и Ишкашимском районах таджики, а в Мургабском — восточные (или мургабские) киргизы. Русских есть немного в Хорगे и районных центрах. Из памирцев в Ванчском районе в долине Язгулема живут язгулемцы (самоназвание «згамик»), в Ишкашимском р-не, в кишлаке Рын — восточноиранские по языку ишкашимцы («ишкошуми»); в Рушанском р-не — рушанцы («рухни») с локальной группой хуфцами («хуфидж»), бартангцы («бартангидж») с локальной группой рошорвцами («рошорвидж»); в Шугнанском р-не — шугнанцы («хугни») с локальной группой баджуйцами; в Ишкашимском р-не — ваханцы («хик», «вахи»). За рубежом памирцы живут в Афганском Бадахшане (рушанцы, шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы, зебаки, сангличи, мунджанцы); в Пакистане (ваханцы в долине Ярхуна и Хунзы, в Читрале — мунджанцы и йидга); в Китайской Народной Республике — сарыкольцы (родственные шугнанцам) и ваханцы.

Родные языки этих народностей взаимонепонимаемы (кроме диалектов шугнано-рушанской группы), и поэтому издавна языком межнационального общения и письменным у них служил западноиранский язык «дари», «форси» (называемый нашими лингвистами «таджико-персидским»). Язык дари был и языком образования, и литературным. В настоящее время он является вторым государственным языком в Афганистане.

О происхождении памирцев в науке существует гипотеза английского лингвиста Т. Барроу (поддерживаемая большинством ученых), который полагает, что на территории Средней Азии и Восточного Ирана постепенно расселились на протяжении поколений протоиндоарийцы, затем переселившиеся в Индию. После их переселения на упомянутых выше местностях Средней Азии и Восточного Ирана продолжали жить оставшиеся протоиндоарийцы. Иранцы, придя на эту территорию, на протяжении веков смешивались с ними. Об этом свидетельствует сходство ряда обычаев и верований памирцев с древнеиндийскими¹⁵. Памирцы и таджики имеют и общих предков — это древние восточноиранские по языку народности: согдийцы, бактрийцы, тохары, саки. Проникавшие в Ферганскую долину и в междуречье Амударьи и Сырдарьи с V в. племена тюрков, создавших государство Западно-Тюркский каганат (VI—VIII вв.), не участвовали в этногенезе памирцев, что подтверждают данные антропологии. В связи с культурными и торговыми отношениями с VI—VII вв., особенно после арабского завоевания Средней Азии в VIII в. на территорию Междуречья и Ферганы стал проникать западноиранский язык «дари», «форси» («фарси»), постепенно вытесняя восточноиранские языки.

К X в. в эпоху государства Саманидов сложилось ядро таджикской народности с языком «дари», называемым таджикско-персидским, который стал языком письменности, литературы, искусства, науки. На периферии этнической территории формирования таджиков к этому времени сложились самостоятельные припамирские народности со своими родными, как уже отмечалось выше, восточноиранскими языками.

Как было сказано, народности Западного Памира начали формироваться в эпоху раннего средневековья. Они связаны происхождением и общностью культуры (в своей основе восходящей к тохарам), как с таджиками Дарваза, Каратегина, Гиссара, так и с таджиками Афганистана и с некоторыми народами Гиндукуша, особенно дардами, а ваханцы — больше всего с саками. А. Л. Грюн-

берг и И. М. Стеблин-Каменский обоснованно включают их в «памиро-гиндукушский этнолингвистический регион»¹⁶, а И. Мухиддинов для XIX — начала XX в. — в выделенный им хозяйственно-культурный тип «оседлые пашенные земледельцы-ирригаторы и скотоводы высокогорных зон Западного Памира, Гиндукуша, Северных Гималаев и Каракорума»¹⁷.

Западноиранский таджикско-персидский язык в процессе становления таджикской народности постепенно вытеснял восточноиранские языки сначала в городских центрах, а затем и из сельских местностей. В настоящее время лингвисты отмечают наличие восточноиранских языковых особенностей в каратегинском, дарвазском и бадахшанских диалектах современного таджикского языка. Литературный современный таджикский язык создан только в годы Советской власти на основе бухарского, самаркандского и ферганского диалектов. В труднодоступной долине р. Ягноб у ягнобцев сохранился родной ягнобский язык, который лингвисты считают реликтом согдийского. В процессе ассимиляции ягнобцев таджиками, особенно после переселения значительной их части на вновь освоенные земли и с усилением таджикско-ягнобского двуязычия, их родной ягнобский язык постепенно изживается. На наших глазах продолжается процесс ассимиляции памирцев таджиками. Этот длительный, многовековой процесс сопровождается развитием двуязычия, о чем говорилось выше, а также эволюцией самосознания, выражающейся в многоступенчатости самоназвания. Так, являющиеся в прошлом одной из припамирских народностей «ванджи» (ванчцы), живущие в долине Ванча (правильнее Ванджа), ассимилированы таджиками лет 200 назад. Они перешли на таджикский в быту, приняли суннизм. И. И. Зарубин писал, что в 1915 году были живы старики, которые в детстве слышали от своих дедов ванчский язык и могли сообщить несколько слов, сохранившихся в памяти¹⁸.

Вслед за ванчцами, называвшими себя таджиками (отметим, что таджики других регионов также считают их таджиками), ассимилируются и язгулемцы. Они двуязычны (как и другие памирцы) и в конце XIX в. приняли суннизм (за исключением некоторых жителей в кишлаке Андербак), часть их считает себя таджиками, но таджики других регионов не признают их, как и других памирцев, таджиками. Следует отметить, что и в настоящее время верующие памирцы — мусульмане-исмаилиты (секта шиитского направления в исламе). Менее интенсивно идет процесс ассимиляции таджиками рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других памирцев.

Многоступенчатость этнонационального самосознания отметил М. С. Андреев, но не соотнес это с этническим развитием памирцев. В отношении хуфцев М. С. Андреев писал: «Сами хуфцы, как и население окружающих их долин, употребляют для самоназвания слово „хувидж“ — „хуфец“. Они себя считают особым народом, отличающимся по языку (в настоящее время диалекту), по происхождению и по обычаям от населения окружающих их долин»¹⁹, и далее он отмечает: «Однако, наряду с определением себя как группы, отдельной от прочих обитателей верховьев Пянджа, все хуфцы, с которыми мне приходилось разговаривать во время моих встреч с ними в Ташкенте в 1901 году и во время моих первых поездок в Хуф в 1907 и 1929 годах, нисколько не колеблясь, объявляли себя „настоящими таджиками“, более чистыми даже, чем живущие ниже их по течению реки Пянджа таджики, говорящие на таджикском языке»²⁰. Это противопоставление себя как этноса другому этносу — собственно таджикам западноиранским по языку более отчетливо подчеркнула А. К. Писарчик: «Общее самоназвание „тоджик“ применялось для противопоставления таджикам соседних районов ниже по Пянджу, которых припамирские таджики называли „форсигу“, „порсигу“ (говорящие по-персидски), а также „шаары“ — городские. Теперь термин „тоджик“ употребляется припамирцами и как самоназвание, и для обозначения прочих таджиков республики, отражая осознаваемое ими национальное единство со всем таджикским народом. Термином „тоджик“ называют припамирцев и киргизы Восточного Памира. Равнинные и горные таджики в настоящее время называют припамирцев, „помири“ —

памирцы или иногда „шугни“ — шугнанцы, по имени наиболее многочисленной их группы»²¹.

А. С. Давыдов, очевидно, не знает, что термин «таджик» в прошлом употреблялся и в значении «оседлого земледельческого населения» для отличия его от тюркского, скотоводческого; в этом значении его употребляли памирцы. Как отмечает С. И. Брук, «Этноним „таджик“ в Афганистане не всегда четок: таджиками, или парсиванами, т. е. говорящими на языке фарси, часто называют себя и памирские народы и многие пашаи, и ормуры, и различные группы других народов (в том числе и пуштунов), говорящих на языке фарси»²².

Употребление термина «таджик» в значении «оседлого земледельческого населения» обусловило то, что многочисленные путешественники и ученые не являющиеся специалистами-этнографами, на которых ссылается А. С. Давыдов, называли эти народности таджиками, хотя тот же И. Магидович четко отделял шугнанцев от рушанцев и других. Он писал: «Отделенные друг от друга непроходимыми горными хребтами, памирские таджики разбиваются на несколько ветвей, говорящих на столь различных диалектах, что они с трудом понимают друг друга. Ветви эти следующие:

	Мужчины	Женщины	Всего
Шугнанцы	4 782	4 111	8 893
Рушанцы	3 443	2 744	6 187
Ваханцы	1 231	902	2 193
Бадахшанцы-горонцы	498	380	878
Ишкашимцы	114	70	184
Шахдаринцы	15	13	28
Итого таджиков	10 083	8 280	18 363» ²³

(Это данные переписи 1917 г.).

Удивляет, что А. С. Давыдов, ссылается на положение юриста Л. М. Энтина, который пишет, что «исторические и естественные условия жизни горных таджиков с течением времени привели к образованию в различных районах Памира этнических групп (шугнанцы, рушанцы и др.), отличающихся определенными особенностями быта и языка...» (см. настоящий номер журнала, с. 20). Следует отметить, что С. Раджабов и Н. Бободжанов, не ссылаясь на Энтина, писали: «Исторические особенности и природные условия жизни таджиков горных районов в течение веков привели к образованию в различных районах Памира определенных этнических групп (шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы, роштанцы, рушанцы и др.), которые по языку, быту и своей культуре отличались от основного населения Таджикистана»²⁴. Упомянутые авторы, а вместе с ними и А. С. Давыдов проявили полное незнание существа этнических процессов в этом регионе. Кстати, не по названию местности в данном случае возникли этнонимы, а наоборот, по названию народов называют и местности, где они живут. Говоря о расселении народностей на Западном Памире известный демограф Н. С. Гинзбург отметила, что в Припанджских долинах жили ваханцы, шугнанцы, хуфцы и баджуйцы, рушанцы, бартангцы, язгулемцы. «В соответствии с этим отдельные области Западного Памира получили свои названия (Шугнан, Рушан, Вахан и т. д.) и были отдельными небольшими государствами»²⁵. А. С. Давыдову должно быть известно, что, например, самоназвание жителей Язгулема — «згамик», а долина на их языке называется «Юздом», отсюда переделанное название долины и реки — Язгулем, а жителей — язгулемцы; самоназвание ваханцев — «хик», шугнанцев — «хугни», «хунуни». Таким образом, видно, что из переделанного соседними народами этнонима ведет свое происхождение и название местности, а не наоборот.

Следует уточнить, говоря о численности памирцев, что А. К. Писарчик приводит общую численность народностей Западного Памира в 1959 г. по языку, я же в своей книге и статьях даю, кроме общей, численность каждой из них²⁶.

Кстати, говоря о природных границах Памира, А. С. Давыдов должен был бы сказать, что в науке это вопрос дискуссионный. Он причисляет Дарваз к Западному Памиру (с. 16 настоящего номера СЭ), а О. Е. Агаханян и А. Юсуф-

беков отметили, что «Северо-Западная граница Памира проводится по гребню Ванчского хребта и хребту Академии наук»²⁷. Очень жаль, что А. С. Давыдов не читал книгу «Страны и народы Востока» (М., 1975, вып. XVI. «Памир»), в которой опубликованы статьи по проблемам истории и этнографии, лингвистики и географии; статьи видных языковедов, историков, археологов, геологов и др.²⁸ Как видно из статей языковедов Д. И. Эдельман, И. М. Стеблин-Каменского, А. З. Розенфельд, Т. Н. Пахалиной, востоковеда А. М. Дьякова, опубликованных в этом выпуске, они как и востоковед и археолог Е. В. Зеймаль²⁹, этнографы С. В. Чешко и М. В. Крюков³⁰, а также и некоторые другие исследователи считают памирцев народами или народностями. Автор данной статьи³¹, Д. Балхов³², И. Мухиддинов³³ полагают, что в настоящее время памирцев следует считать этнографическими группами или субэтнотами таджиков. Многовековой длительный процесс естественной ассимиляции памирцев таджиками идет на наших глазах. В ходе социалистического преобразования хозяйства и культуры припамирских народностей в процессе укрепления межнациональных связей и роста атеизма как у памирцев (исмаилитов), так и у таджиков (суннитов) за годы Советской власти происходило более интенсивное сближение этих народов, что особенно заметно проявилось в эволюции их этнонационального самосознания.

Однако еще в 1940-е годы процесс консолидации таджикской нации не был завершен: «К концу 40-х годов процессы консолидации в стране в основном завершились. В известной мере эти процессы еще имеют место в Средней Азии и Закавказье. Так, в Таджикской ССР малые памирские народности консолидируются в единую нацию с родственными по происхождению таджиками»³⁴. В 1950—1980-е годы этнонациональное самосознание припамирских народностей проявляется в трех формах: во-первых, выясняя национальную принадлежность между собою, они называют свое первичное этническое самоназвание: «згамик», «вахи» и т. п. Во-вторых, при общении с приезжими или посещая другие районы Таджикистана, они называют себя «помири» — памирцами, или «памирскими таджиками», поясняя, что они отличаются от таджиков других регионов языком, обычаями, религией, а определение «памирские» получило этническое значение. В-третьих, за пределами Таджикистана припамирские народности называют себя «тоджик» (таджик).

Ассимиляция начинается с перемены языка, в результате культурного влияния ассимилируемая народность перестает считать себя принадлежащей к прежней этнической общности. «Перемена национального самосознания обычно считается конечной стадией процесса ассимиляции»³⁵.

Я полагаю, что конечной стадией процесса ассимиляции является следующий за переменной этнонационального самосознания этап, когда этнос, ассимилирующий другой, меньший по численности этнос (или субэтнос) перестает выделять последний особым названием. Например, когда не только ваханцы, язгулемцы и т. п. будут считать себя таджиками, но и таджики других регионов будут считать их таджиками, как это имеет место с ванджами (ванчцами).

Осознание этнической общности всеми памирскими народностями и этноним «помири» (памирцы), определение родного языка не по первичному названию — например, шугнанский или рушанский, а как «памирский» (при проведении массового анкетного опроса в 1982 г. в г. Хороге из 141 опрошенного «памирским» назвали родной язык 12 чел.), превращение шугнанского языка в язык межнационального общения в Хороге — центре ГБАО, а также общность семейно-бытовой сферы, культурные и экономические связи свидетельствуют о проявлении тенденции к формированию этнической общности «памирцев». Однако, на мой взгляд, эта тенденция консолидации памирцев в особую памирскую этническую общность не имеет перспективы дальнейшего развития при учете все усиливающегося влияния современной таджикской национальной культуры, возрастающей роли таджикского языка, являющегося и языком межнационального общения в течение многих веков, и литературным.

Памирцы, на мой взгляд, переживают в настоящее время переходную стадию своего длительного этнического развития на пути все большего сближения и дальнейшего слияния с таджиками, о чем говорит многоступенчатость их этнонационального самосознания, выражающаяся в многоступенчатости их самоназвания. Шугнанец, кандидат философских наук Д. Балхов отметил: «Двойственный характер самосознания припамирских народностей свидетельствует о незавершенности процессов консолидации и о влиянии таких факторов, как религия, традиции их исторического прошлого и географических условий Памира»³⁶.

Учитывая вышеизложенное, я прихожу к следующему заключению об этнической принадлежности памирцев: памирцы двуязычны, причем дети идут в школу, не зная таджикского языка (на котором ведется обучение), они сохраняют свои родные разговорные языки, особенности в семейно-бытовой сфере, некоторые элементы своей традиционной материальной и духовной культуры, верующие исповедуют исмаилизм. Однако памирцы приобщены к современной экономической жизни республики и профессиональной культуре таджиков. Ученые памирцы являются представителями таджикской науки, поэты и писатели памирцы — представители таджикской литературы, памирцы артисты — представители таджикского театрального искусства и т. п. Они осознают себя «памирскими таджиками» и на данном этапе их этнонационального развития они представляют собою этнографические группы или субэтнотопосы таджиков.

Примечания

¹ Чешко С. В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография (далее СЭ). 1988. № 6. С. 3—15.

² Моногарова Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира // СЭ. 1949. № 3.

³ Биснек А. Г., Зельдович Н. М. Этнография народов Памира // Сб. СЭ, III. М.; Л., 1940.

⁴ Кисляков Н. А. Язгулемцы // Изв. ВГО. 1948. Г. 80. Вып. 4. С. 361—372.

⁵ Писарчик А. К. Термины обращения «ло» и «ро» в шугнано-рушанской группе языков в верховьях Пянджа (Амударьи) // Изв. Таджикского филиала АН СССР. № 15. История и этнография. Сталинабад, 1949. С. 59.

⁶ Писарчик А. К. Припамирские таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. Ч. 1. М., 1962. С. 657.

⁷ Андреев М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии // Сб. МАЭ. Т. IX. СПб., 1911; Ошанин Л. В. Иранские племена Западного Памира. Т. 1. Ташкент, 1937.

⁸ Снесарева А. Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. 1904. № 90.

⁹ Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.

¹⁰ Биснек А. Г., Зельдович Н. М. Указ. раб.; Население СССР. Справочник. М., 1974. С. 78; Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 175, 300, 302; Гафуров Б. Г., Мирзоев А. М. // Предисловие к книге Бертельс А., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959—1963 гг. М., 1967. С. 9—10.

¹¹ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 331.

¹² Кисляков Н. А. Таджики // Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960. С. 209.

¹³ Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 657—658.

¹⁴ И. Мухиддинов считает, что население ГБАО, о котором идет речь, являются народностями, в настоящее время ассимилируемыми таджиками, и применительно к настоящему времени называет их памирскими таджиками. (См. Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975; его же. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX века. Душанбе, 1984. С. 16.

¹⁵ Искандаров Б. И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. Душанбе, 1983. С. 3—4.

¹⁶ Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский Н. М. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 276—283.

¹⁷ Мухиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX века.

¹⁸ Зарубин И. И. К списку памирских языков // Докл. Российск. АН. Серия В. Л., 1924. С. 80; см. также Андреев М. С. О таджикском языке настоящего времени // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сб. 1. Душанбе, 1945. С. 66; Розенфельд А. З. Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964.

- ¹⁹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. вып. I. С. 11.
- ²⁰ Там же. С. 147.
- ²¹ Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 657—658.
- ²² Брук С. И. Указ. раб. С. 302.
- ²³ Магидович И. Население Памиров // Бюллетень Центрального статистического управления Туркестанской республики. Ташкент, 1922. № 23 (1 мая). С. 5.
- ²⁴ Раджабов С., Бободжанов И. Советский Бадахшан в братской семье народов СССР. Душанбе, 1975. С. 17.
- ²⁵ Гинзбург Н. С. Особенности расселения на Памире // География населения и населенных пунктов СССР. Л., 1967. С. 253.
- ²⁶ Ср.: Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 658—659; Моногарова Л. Ф. Преобразования быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. С. 11—12; *ее же*. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVI. С. 174—175.
- ²⁷ Агаханян О. Е., Юсуфбеков А. Главные черты природы Памира // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVI. С. 26.
- ²⁸ См. статьи Эдельман Д. И. (с. 41—62), Стеблин-Каменского И. М. (с. 192—193), Розенфельд А. З. (с. 210—221), Пахалиной Т. Н. (с. 222—250), Дьякова А. М. (с. 169—173) // Страны и народы Востока. Вып. XVI.
- ²⁹ Зеймаль Е. Народности и их языки при социализме // Коммунист. 1988. № 15. Октябрь. С. 64—72.
- ³⁰ Чешко С. В. Указ. раб; Крюков М. В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты лесозонных переписей населения // СЭ. 1989. № 2. С. 31.
- ³¹ Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей; *ее же*. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области. С. 156—168; *ее же*. Эволюция национального самосознания припамирских народностей // Этнические процессы национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 125—135; *ее же*. Припамирские народности // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 373.
- ³² Балхов Д. Развитие национального самосознания народных масс в условиях перехода от капиталистических отношений к социализму: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. философ. наук. М., 1972. С. 17.
- ³³ Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима; *его же*. Особенности традиционного земледельческого хозяйства; *его же*. Этнографическое изучение Советского Бадахшана. (В соавторстве с Моногаровой Л. Ф.) // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе. 1985. С. 352—384.
- ³⁴ Справочник. «Население СССР». М., 1975. С. 98—99.
- ³⁵ Брук С. И. Указ. раб. С. 80.
- ³⁶ Балхов Д. Указ. раб. С. 17.

А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ ОТКЛИКА А. С. ДАВЫДОВА НА СТАТЬЮ С. В. ЧЕШКО

В № 6 журнала за прошлый год была напечатана статья С. В. Чешко, в которой обсуждались и проблемы памирских народностей. Мы полностью согласны с критикой автором так называемого «письма ветеранов» (газ. «Коммунист Таджикистана», 24 июня, 1988 г.).

По предложению журнала «Советская этнография» мы ознакомились с откликом А. С. Давыдова на статью С. В. Чешко. Наши возражения А. С. Давыдову, приводимые ниже, неизбежно перекликаются с нашим ответом на «письмо ветеранов», публикуемым в «Памире».

Бросается в глаза, в первую очередь, противоречивость позиции А. С. Давыдова. С одной стороны, он признает, что окончательное решение вопроса об этнической принадлежности зависит от самосознания и является правом самих памирцев. Однако тут же А. С. Давыдов делит всех носителей памирских языков на две группы: благонамеренную, лояльную, признающую себя «таджиками» и группу «смутьянов», зараженную, по его словам, «отвратительным местничеством», настаивающую на языковых и культурных отличиях населения ГБАО

от прочих районов Таджикской ССР. Почему же в данном случае А. С. Давыдов присваивает себе право судить о том, кто прав, а кто не прав в этом споре?

Впрочем, если разобраться, спор этот вызван лишь разным пониманием слова «таджик», получившего в последнее время, на наш взгляд, по крайней мере, два значения: 1 — древнее самоназвание населения в самых разных районах (см. ниже); 2 — наименование, не такое давнее, так называемой социалистической нации.

Рассуждения А. С. Давыдова относительно термина «таджик» свидетельствуют не только о его недостаточной осведомленности в этом вопросе. Для этих рассуждений характерна еще одна особенность, свойственная вульгарно-социологическому мышлению. Берется многозначный, или во всяком случае, неоднозначный термин, подразумевается лишь одно из его значений, а затем, по воле автора, объявляется крамольным и ненаучным все, что не соответствует этому толкованию.

Да, действительно, термин «таджик» имеет давнишнее распространение на Западном Памире. Он был употребителен там, кстати говоря, задолго до того, как стал общепринятым в остальной части нынешнего Таджикистана. Только термин-то этот в прежние времена имел во многом другое значение, чем в его современном, особенно официальном словоупотреблении. Сегодня «таджик» в понимании А. С. Давыдова, — это представитель одного «народа», «нации», область проживания которой странным образом почти полностью совпадает с границами Таджикской ССР. Между тем, исторически, а следы этого словоупотребления во многом сохраняются до сих пор, далеко за пределами Таджикистана — от Восточного Туркестана до Западного Ирана, таджиками называли оседлое земледельческое население, противопоставляя его (так же, как и термин «тат») кочевому, преимущественно тюркоязычному населению, сохранявшему племенное деление. «Таджиками» (а свой язык «таджикским») называли себя носители иранских диалектов в Фарсе на юге Ирана (см. «Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Западная группа...», М., 1982, с. 316). «Таджиками» называли себя этнические группы, говорящие на дардских языках в Афганистане, «таджиками» называли себя и некоторые тюркоязычные группы в Средней Азии, утратившие обычно, в известной степени, свое племенное деление. Термин «таджик» в его официальном значении сравнительно новый, так же, как и термин «узбек». Значительная часть населения Афганистана еще в недавнем прошлом не называла себя таджиками, а ныне приняла в качестве самоназвания этот термин.

В поддержку своей точки зрения А. С. Давыдов приводит без разбора многочисленные цитаты из всевозможных сочинений, написанных как специалистами, так и неспециалистами, не замечая при этом, что приводимые наблюдения иногда свидетельствуют против него. Так, например, в цитате из Н. Г. Малицкого говорится, что «...припамирские таджики ... себя самих называют таджиками, а остальных таджиков ...зовут „порси-гу“ (т. е. говорящие по-персидски)» (с. 19). Странной кажется ссылка на юриста Л. М. Энтина (с. 34) говорящая лишь о невежестве его в проблемах этногенеза, и уж совсем неуместно упоминание мнения некоей анонимной военно-политической тройки (с. 19). Если следовать логике А. С. Давыдова, то все памирцы, живущие на Памире, безоговорочно считают себя «таджиками» (а по мнению А. С. Давыдова, это означает, что они не стремятся сохранять и развивать свою самобытную культуру), а «смутьяны» из Душанбе, пользуясь консультациями «благжелателей» из соответствующих институтов республиканской и союзной академий, выступают против своих родичей на Памире.

Дело обстоит совершенно иначе. Памирцы, живущие в Душанбе, это прежде всего представители памирской интеллигенции, получившие образование на таджикском и русском языках и не имеющие возможности пользоваться родным языком как письменным. Именно то обстоятельство, что эти люди получили образование и проживают в неродной языковой среде, и помогло им глубже

изобраться в сути проблемы и осознать свою обособленность. Эти представители памирской интеллигенции до сих пор пользуются между собой в быту памирскими языками, что, с точки зрения А. С. Давыдова, как мы уже говорили — «отвратительное местничество».

А может быть, это — естественное стремление представителей малых народов и, конечно, в первую очередь интеллигенции, сохранить свои самобытные языки и культуру? В основу рассуждений А. С. Давыдова положено примитивное и, на наш взгляд, неверное представление о том, что устранение этнического, языкового и иного разнообразия, вытеснение малых языков большими и ассимиляция малых культур — это прогрессивный процесс. Эту нелепую концепцию внушали нам в течение десятилетий всевозможными способами, в том числе самыми неприглядными. Результаты, как мы знаем сегодня, оказались плачевными, чтобы не сказать трагическими. Вспомним хотя бы судьбу малых народов Севера.

Если верить А. С. Давыдову, то за годы советской власти процесс ассимиляции памирских народностей и консолидации их в таджикскую нацию проходил безмятежно и гармонично по predetermined истории пути без всяких злоупотреблений со стороны как местных, так и республиканских властей. Напомним, однако, что нововведенная шугнанская письменность использовалась в школах до 1937 г. и была отменена и ликвидирована в этом печально известном году отнюдь не по просьбе местных жителей. Эта акция была частью проводившейся при Сталине под флагом борьбы с местным национализмом вредливой и коварно-лицемерной политики по искоренению национального разнообразия и разнообразия в нашей стране и по натравливанию одних народов на другие (разумеется, в полном противоречии со всем тем, что сам Сталин говорил о национальной политике в своей речи на XVI съезде партии). В ходе этой кампании была уничтожена письменность у многих других народностей, деятели, ратовавшие за развитие письменности и культуры на родном языке, репрессированы.

Все, что происходило и происходит поныне с памирскими языками, с письменностью и фольклором памирских народностей, является отражением политики насильственной их ассимиляции, проводившейся на протяжении нескольких десятилетий. Вот только некоторые из частных проявлений этой политики: стало правилом, что руководители не только всей ГБАО, но и отдельных ее районов назначались из числа представителей непамирцев. Употребление местных языков в школе даже в устном общении было категорически запрещено. Исполнение песен на смотрах художественной самодельности на памирских языках не разрешалось. Представители интеллигенции, носившие традиционные местные тюбетейки, обвинялись в национализме, им предписывалось надевать на голову стандартные черно-белые тюбетейки ферганского образца.

Особенно вопиющим примером полного пренебрежения к нетаджикоязычным народностям Таджикистана явилось переселение язгулемцев, рошорвцев, бартангцев с Западного Памира в низменные хлопкосеющие районы в 50-ые годы. Напомним, что последнее из подобных «переселений народов» произошло уже в 1970 г., когда около двух тысяч ягнобцев было выселено из верховий Берафшана в Зафарабадский район Ленинабадской области. Эти переселения стали настоящей трагедией для сотен семей. Неприспособленные к жизни жарком низменном климате горцы массами вымирали. Только после отчаянных усилий, посылки ходоков в Москву, некоторым семьям удалось вернуться обратно. Это «белое пятно» в истории памирцев еще тоже нужно стирать. Невольно приходит на память судьба балкарцев, калмыков, чеченцев, крымских татар и других народов, «наказанных» в свое время Сталиным. Разница заключается только в том, что здесь это делалось центральными властями республики, а не для блага несчастных горцев, хотя они вовсе не просили об этом благодеянии.

Не следует забывать также и о том, что памирские народности за границей

внимательно следят за судьбой своих сородичей в Советском Союзе. Продолжающиеся попытки насильственной ассимиляции памирских народностей могут вызвать у зарубежных памирцев, уже и без того страдающих от шовинизма афганских таджиков и паштунов, резко отрицательную реакцию. Наоборот, признание за памирскими языками права на самостоятельное развитие, в частности, наличие местного радиовещания на этих языках, в свое время способствовало бы развитию добрососедских отношений в этом регионе.

Еще с конца XIX в. зарубежные памирцы с завистью взирали на судьбу своих родичей по другую сторону Пянджа, где они пользовались покровительством русских, защитивших их от национального гнета и от произвола эмирской Бухары. Надеемся, что традиции доброго отношения памирцев к русским, сохранявшиеся до нынешнего времени, не прервутся.

Культурные, исторические и политические связи Горного Бадахшана с Таджикистаном неоспоримы, нельзя подвергать сомнению и тот факт, что таджикский (точнее фарси или новоперсидский) язык с давних пор имеет прочные позиции на Памире в качестве второго языка. Вряд ли кто-нибудь претендует на то, чтобы оторвать памирские народности от Таджикистана или таджикского народа. Речь может идти лишь о фактическом признании права памирских народностей на культурную автономию, для чего есть все необходимые основания, в том числе и юридические. Статус памирских народностей как национальных меньшинств в составе Таджикской ССР в принципе решен самим наличием ГБАО, речь идет не о том, чтобы пересматривать границы и уже сложившееся положение, а о том, чтобы эта автономия из пустых слов стала реальностью. Решающее слово здесь, конечно, за самими памирцами и, в первую очередь, представителями интеллигенции.

Возникает вопрос, почему кому-то так необходимо превратить этот терминологический спор в важную политическую проблему? Ответ прост: это нужно для того, чтобы продолжать политику языковой и культурной ассимиляции местного населения Памира, игнорировать самобытность их древней культуры, в конечном итоге облегчить административно-бюрократической системе управление разнородным населением национальных окраин. Надо, наконец, понять, что каждая этническая, языковая или религиозная группа, живущая в нашей стране, сколь бы мала она ни была и каковы бы ни были ее отношения к другим, должна иметь полную свободу пользоваться родным языком или диалектом и развивать свою культуру в тех рамках и в том объеме, в котором представители этой группы сочтут необходимым. Решение этих вопросов, безусловно, не является прерогативой никаких центральных органов и не должно зависеть от заключений или рекомендаций каких-либо государственных или иных учреждений. Пора, наконец, понять, что этот вопрос правовой и без его справедливого решения невозможно создание правового государства, что сегодня стало нашей главной политической задачей. Решение это возможно только, при реальном соблюдении прав каждой человеческой личности.

Н. А. Дубова, Н. М. Лебедева, Е. А. Оборотова,
А. П. Павленко

АДАПТАЦИЯ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Адаптация этнических групп к новой природной и этнокультурной среде обитания представляет собой комплексный многоуровневый процесс, затрагивающий все сферы жизнедеятельности этнических общностей. В первой публикации на ту же тему¹ акцентировалось внимание на особенностях расселения русских старожиллов Азербайджана, на их численности, демографических показателях, на изменениях в хозяйстве и связанных с ними сторонах материальной культуры. В данной статье обобщаются первые результаты исследований психологических аспектов приспособления этнических групп к иной географической и этнокультурной среде. В ракурсе проблемы адаптации рассматриваются антропологические параметры и показатели здоровья русских старожиллов, а также особенности брачных связей в данных популяциях.

Как известно, существует несколько вариантов адаптации этнической общности к иной среде. Первый — постепенное вращание, точнее, взаимопроникновение в окружающую этнокультурную среду, с ростом числа межэтнических браков, многообразными заимствованиями в области материальной и духовной культуры. Другой вариант — довольно жесткая изоляция во всех сферах жизни. Между этими полюсами возможно разнообразие переходных форм и типов этнокультурной адаптации, подчиняющейся конкретным, объективным и пока еще мало изученным закономерностям.

Успешность адаптации этнических групп к новой среде обитания зависит не только от правильного построения жилища, ношения удобной в данных условиях одежды, умения приспособить традиционное питание к местным условиям, перестройки некоторых элементов духовной культуры и т. д. В тесной связи с психологическим здоровьем этноса находится и сохранение физического здоровья его носителей. Именно оно вместе с демографическими характеристиками служит показателем благополучия функционирования биологической системы, каковой является изолированная популяция. Поэтому прежде всего следует остановиться на некоторых аспектах биологической адаптации русских старожилловских групп в Азербайджане.

Еще в 20-х годах В. В. Бунак сформулировал задачи изучения приспособительной изменчивости — акклиматизации человеческих рас. Акклиматизацию В. В. Бунак понимал как «способность организма подвергаться незначительным морфологическим и функциональным изменениям, не нарушающим общий тип индивидуума и обеспечивающим способность жить и, главное, размножаться в несвойственной индивидууму новой обстановке»². В этой же работе ученый выделил четыре основных фактора акклиматизации: метеорологический (климатический), биотический (приспособление к биологическим условиям среды — растительность, животный мир, микроорганизмы и пр.), расовый (столкновение переселенцев с новым эндо- и экзопаразитическим миром, носителем которого является аборигенное население, а также с новой культурной и психологической средой) и, наконец, эргологический (различия между переселенцами и аборигенами в пище, укладе жизни и гигиеническом режиме). Следует иметь в виду, что в отличие от общего подхода в этнической экологии, когда выделяют

ся две группы факторов — природно-экологические и этнокультурные³. В. В. Бунак выделил вышеперечисленные факторы под углом зрения изменения именно биологических характеристик популяции.

Явление акклиматизации В. В. Бунак четко отграничивал от глубинных изменений в строении и функциях, которые претерпевают популяции человека в процессе длительного приспособления к новым, необычным для них условиям существования. Этому посвящены исследования, проводимые в течение ряда лет группой под руководством Т. И. Алексеевой⁴, обосновавшей концепцию адаптивных типов, которые формировались на протяжении всей истории человечества и независимы от расовой и этнической принадлежности групп⁵. В одних и тех же геоклиматических условиях разные по происхождению группы имеют сходные приспособительные реакции. В то же время в различных условиях обитания близкие в генетическом отношении группы демонстрируют морфофункциональные различия, обусловленные воздействием окружающей среды.

При переселении группы из одной местности в другую первым шагом на пути формирования морфофункциональных особенностей, соответствующих адаптивному типу данной территории, будут акклиматизационные изменения. Изучение их сосредоточено на приспособительных реакциях к контрастным условиям: высокогорью, аридной зоне, резко континентальному климату, условиям Крайнего Севера и т. д. Однако любое, даже незначительное, перемещение на новое постоянное место жительства сопряжено с определенной перестройкой внутренней деятельности организма человека. Данное состояние описано Г. Селье⁶ как «адаптационный синдром». Следствием этого синдрома и конкретным его проявлением (особенно при длительном воздействии любых стрессогенных факторов) является развитие ряда неинфекционных заболеваний, в первую очередь гипертонии, атеросклероза, в отдельных случаях сахарного диабета, раковых заболеваний и др.⁷ Пороговые значения изменений, необходимых для проявления адаптационного синдрома, и степень его выраженности у отдельных индивидуумов различны. Есть основания предполагать, что и у различных популяций эти показатели будут варьировать.

У русских старожилов Азербайджана мы встречаем очень интересную модель акклиматизационной изменчивости. Относительно однородные по антропологическому типу, значительные по численности группы, происходившие из центральночерноземных районов (пограничные районы нынешних Тамбовской, Саратовской и Воронежской областей), переселились в 30—40-е годы XIX в. в Закавказье. Как уже отмечалось, большинство русских сел основано сектантами и представляет собой в целом замкнутые в брачном смысле общины. Расположены они в различных географических зонах Азербайджана, в районах: Джалилабадском (села Новоголовка, Привольное, Пришиб) — в степях, где климат субтропический; в Исмаиллинском (с. Ивановка); Шемахинском (села Астрахановка, Кировка, Чухурюрд, Хильмилли) и Варташенском (с. Бёюк-Сёюдлю) — в предгорьях, с умеренно теплым влажным климатом; в Кедабекском (села Новоивановка, Новосаратовка, Славянка) — в горах, где климат более холодный, чем во всех перечисленных зонах. Поскольку русские проживают здесь уже около 150 лет (приблизительно шесть поколений), мы имеем возможность проанализировать не только проявление адаптационного синдрома, но и ступени адаптации, т. е. механизм закрепления в генофонде популяции наиболее выгодных в данных условиях сочетаний морфологических и функциональных характеристик.

С учетом этих главных направлений была разработана комплексная программа исследований адаптации русских к условиям Азербайджана, а летом и осенью 1987 г. нами были собраны первые антропологические и медицинские данные. Наиболее подробно изучена единственная в своем роде популяция с. Ивановка Исмаиллинского р-на. Всего в селе проживает 3,6 тыс. чел., из них русских — 2,9 тыс. В составе экспедиции работали сотрудники НИИ антропологии и Музея антропологии МГУ, в задачи которых входило изучение

морфологии тела (включая и конституциональные особенности) взрослого и детского населения, остеоморфного статуса взрослых, развития обоняния и чувствительности к фенилтиокарбамиду. Генетико-демографическое и генеалогическое обследование русского населения с. Ивановка, проведенное также сотрудником НИИ антропологии Б. Н. Казаченко, позволит увязать изменчивость показателей внутри поколений с передачей их от родителей к детям, а также выявить наличие генетически обусловленной изменчивости морфологических характеристик.

Медицинские исследования, которые были выполнены коллективом Института геронтологии АМН СССР (Киев), Института физиологии АН АзССР и Института переливания крови Минздрава АзССР (Баку), включали обследование терапевта, невропатолога, электроэнцефало- и электрокардиографию, ритмо- и артериопьезографию (определение характера давления крови внутри артерий), гормональные и офтальмологические исследования, а также количественное определение степени склеротизации поверхности кровеносных сосудов (доплерография) и другие показатели. Изучалось состояние питания населения. Определение групп крови (ABO и Rh) и антропогенетических признаков, кефалометрическую и кефалоскопическую программу, сбор демографических материалов (архивные данные о брачности, смертности, похоронительные списки в динамике с 1935 по 1987 г.) проводил Институт этнографии АН СССР⁸. Данное комплексное обследование даст возможность подойти вплотную и попытаться в дальнейшем получить характеристику состояния здоровья населения не только по выраженности в популяции тех или иных патологических состояний, но и по изменчивости показателей в пределах нормы. Это, в свою очередь, при сравнении русских Азербайджана с населением районов, откуда шли их предки, даст вектор адаптационных изменений.

Для оценки степени гетерогенности русских сельчан и углубленной характеристики особенностей антропологического типа, в частности на основе анализа изменений пределов вариации различных признаков, по короткой антропологической программе (кефалометрия, кефалоскопия и одонтология) было исследовано население сел Новоголовка и Привольное Джалилабадского р-на и сел Чухурюрд и Хильмилли Шемахинского р-на. У жителей с. Новоголовка невропатологом и терапевтом был также проведен клинический осмотр, получены статистические материалы по заболеваемости. Таким образом, нами в настоящее время изучены жители двух русских старожильческих ареалов на территории Азербайджана — Шемахинского и Джалилабадского. Остается пока неисследованным лишь Кедабекский р-н.

Полная обработка материалов еще не завершена, но уже в настоящее время мы можем проанализировать изменчивость отдельных антропологических характеристик в нескольких территориальных группах. Прежде всего отметим, что русские Азербайджана более брахицефальны и имеют большие широтные размеры как головы, так и лица по сравнению с населением районов выхода (табл. 1).

Для указанных признаков русских Азербайджана характерно сужение пределов их вариации (табл. 2) по сравнению с Юго-Восточной зоной РСФСР. В то же время природные условия, в которых живут обследованные группы, различаются, как уже указывалось, значительно сильнее, чем у русских в Саратовской, Тамбовской и Воронежской областях, отдельные районы которых включаются в юго-восточную антропологическую зону. Такое увеличение размеров головы переселенцев по сравнению с районами выхода отмечалось ранее как для русских Азербайджана⁹, так и для старожилов Сибири и Алтая¹⁰. В Сибири некоторые отличия старожилов от населения Европейской части страны могут быть в какой-то мере объяснены смешением с местным населением¹¹. Основной же причиной этого В. В. Бунак и Г. М. Давыдова считают проявление гетерозиса в результате расширения круга брачных связей, а также возможность случайной миграции соматически более крупного населения.

Сравнение некоторых антропометрических характеристик русских Азербайджана и Юго-Восточной антропологической зоны *

Признак	Русские в Азербайджане		Русские в Юго-Восточной зоне	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Продольный диаметр	190,2	181,5	191,0	182,3
Поперечный диаметр	154,7	150,1	152,6	146,9
Головной указатель	81,4	83,3	80,0	80,7
Морфологическая высота лица	126,2	115,7	124,5	115,8
Скуловой диаметр	143,0	137,7	139,7	132,2

* Имеется в виду Юго-Восточная антропологическая зона, выделенная в результате работ Русской антропологической экспедиции. Показатели рассчитаны по материалам этой экспедиции (см.: Происхождение и этническая история русского народа // Тр. Ин-та этнографии. Т. 88, М., 1965). Эта зона включает дон-сурскую, степную, средневожскую и десно-сеймскую группу антропологических типов.

Таблица 2

Некоторые антропологические характеристики головы и лица русских, проживающих в разных селах и р-нах Азербайджана

Село, район	Пол и число опрошенных	Продольный диаметр	Поперечный диаметр	Головной указатель	Головной модуль	Скуловой диаметр	Морфологическая высота лица
Новоголовка	Мужчины N=35	188,3	153,6	81,6	171,0	143,8	124,5
	Женщины N=56	180,4	150,3	83,3	165,4	137,9	115,0
Привольное	Мужчины N=38	189,6	154,9	81,7	172,2	142,0	126,6
	Женщины N=55	181,4	149,5	82,4	165,4	138,2	116,0
Джалилабад-ский р-н суммарно	Мужчины N=73	189,0	154,3	81,6	171,6	142,9	125,6
	Женщины N=111	180,9	149,9	82,9	165,4	138,1	115,5
Хильмилли	Мужчины N=56	190,7	154,7	81,1	172,7	141,7	126,1
	Женщины N=57	181,0	151,0	83,4	165,9	136,8	113,1
Чухурюрд	Мужчины N=47	190,1	156,0	82,1	173,0	141,9	128,5
	Женщины N=39	181,0	155,5	85,9	166,2	138,4	118,0
Шемахин-ский р-н суммарно	Мужчины N=103	190,4	155,3	81,5	172,8	141,8	127,2
	Женщины N=96	181,0	152,8	84,4	166,0	137,5	115,1
Ивановка Исмаиллинско-го р-на	Мужчины N=237	190,5	154,7	81,2	172,6	143,6	126,0
	Женщины N=263	182,0	149,2	82,0	165,6	137,6	116,1
Суммарно пределы вариации	Мужчины	189,5—	151,2—	78,7—	170,5—	138,4—	123,4—
	N=413	193,0	154,7	81,7	172,8	140,7	125,4
	Женщины	180,6—	146,0—	79,7—	163,9—	130,8—	114,7—
	N=263	183,9	148,0	82,0	165,4	132,6	117,1

Кроме того, в литературе имеются сведения, что мигранты занимают в популяции, из которой они вышли, крайнее положение (более крупные размеры тела и головы, большая брахицефалия и более высокое физическое развитие). Можно, видимо, предположить, что к миграциям склонны в первую очередь более матуризованные индивидуумы. Но русские переселялись в Азербайджан по требованию властей. Поэтому предполагать в изучаемых популяциях «искус-

ственный отбор» наиболее крупных и физически развитых людей вряд ли возможно.

Но вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Какая-то часть сектантов могла и не пожелать переселяться, приняв православие¹². Существует, по-видимому, два варианта выхода личности из критической ситуации: или путем внутренней перестройки самой личности, или путем изменений внешних условий существования. Кроме того, далеко не каждый психологически способен к протесту, каковым в данном случае было молоканство по отношению к православию. Можно предположить, что у людей, объединившихся в конфессиональную общину, могут быть сходные психологические характеристики. Они могли иметь какие-то общие морфологические (например, конституционные) и психофизиологические (скажем, скорость протекания реакций) признаки. Здесь мы подходим к очень важному и интересному вопросу соотношения психологических и морфологических характеристик. В литературе имеются данные, свидетельствующие, что такие связи прослеживаются¹³, однако углубленное их рассмотрение — дело будущего.

Вывод о проявлении эффекта гетерозиса в старожильческих группах Азербайджана также достаточно спорен. Об этом свидетельствует детальное изучение круга брачных связей среди русского населения Закавказья, которое проводилось в селах Чухурюрд и Хильмилли Шемахинского р-на, Новоивановка, Новосаратовка и Славянка Кедабекского р-на, Ивановка Исмаиллинского р-на АзССР, а также частично в с. Лермонтово Гугаркского р-на АрмССР. Целью исследования было выявление круга брачных связей в указанных селениях и анализ взаимоотношений между селениями по количеству фамилий, характерных как для одного села, так и общих либо для разных пар селений, либо для всех обследованных сел. Другая задача — показать, являются ли брачные группировки в селениях, выбранных для обследования, устойчивыми, как организован их брачный обмен с соседними селами. Требовалось также оценить степень сохранения традиционных норм брачного поведения и охарактеризовать принципы брачно-родственной структуры в обследованных селениях.

Изученное население представляет собой несколько довольно обособленных юпудаций. Состав брачного круга на протяжении нескольких поколений остался практически без изменений. Пришлое население незначительно — отсюда полное преобладание браков между жителями одного селения. Доля браков, заключенных внутри того или иного селения, колеблется в сравнительно узких пределах — от 50 до 70%. Например, в Новоивановке браки внутри села составили 68,8%, а в Новосаратовке — 70,8%.

В каждом селе имеется (что вполне естественно) группа фамилий, выделяющаяся количеством семей. В с. Чухурюрд из 79 фамилий (385 семей) самые многочисленные: Половинкины — 29 семей, Шевердяевы — 23, Кастрюлины — 22 и Юрины — 21. В Хильмилли из 80 фамилий (547 семей) 48 — Рахманины, 11 — Борисовы, 26 — Красичковы и 22 — Вологины. В с. Новоивановка, где насчитывается 39 фамилий (151 семья), наиболее многочисленными являются Явинны — 18 семей, Новоятлевы — 14, Легоньковы — 10 и Аришины — 8. В Новосаратовке — 33 фамилий (200 семей), из них Поповы (36 семей), Бычковы (21), Богдановы (20) и Коробовы (17) самые многочисленные. В с. Лермонтово из 45 фамилий (383 семьи) самые крупные: Шубины — 65, Шутовы — 34, Болотины — 31 и Чичевы — 30. В с. Славянка (кстати, духоборческое), где насчитывается 67 фамилий (229 семей), более всего распространены Стреляевы — 28 семей, Агафоновы — 22, Филипповы — 16 и Ничолодовы — 8.

Следует отметить, что население обследованных сел (и в Азербайджане, и в Армении) имело в прошлом, по-видимому, значительное число общих предков. Это ясно из того, что некоторая часть фамилий встречается не только в одном, а в двух или большем числе селений. Так, фамилия Болотины встречается в селах Новоивановка и Лермонтово, фамилии Васильевы и Кривовы — в Новоивановке и Чухурюрде, Морозовы и Савельевы — в Чухурюрде и Хиль-

милли, а семьи с фамилией Поповы встречаются во всех обследованных селениях. Следует отметить, что и в селении Славянка, где, как уже отмечалось, проживают духоборы, можно встретить фамилии, распространенные среди молчан, например Бавины, Богдановы, Бучневы, Ивановы, Поповы, Сысоевы.

Собранный материал продемонстрировал стойкое сохранение в среде русских старожилов основных традиционных норм брачного поведения, характерных для сектантов, — браков внутри селения. При этом частота браков между представителями определенных фамилий (а они, как правило, самые многочисленные) довольно значительна. Так, например, в с. Новоивановка из 39 брачных пар, где мужья носят фамилию Бавиных, в 26 (66,6%) жены из этого же села, причем значительная часть их (почти 25%) приходится на фамилии Аришиных, Бавиных, Легоньковых и Новоятлевых. А в с. Новосаратовка из 14 брачных пар, где мужья принадлежат к фамилии Богдановых, в 7 (50%) жены из этого же села, и почти половина их (43%) из фамилии Богдановых. Поскольку в брачные связи вступали мужчины и женщины, не сильно различающиеся по возрасту, то брачный выбор в таких популяциях ограничен, а степень троюродного родства между уроженцами селения сравнительно высока. Так например, в с. Ивановка каждые два случайно взятые индивидуума будут находиться между собою в родстве не более далеком, чем троюродное.

Принимая во внимание сравнительно небольшую численность популяций (жителей того или иного селения) и их изолированность, высокую степень браков внутри села, устойчивость системы брачных традиций в историческом аспекте естественно допустить наличие отдельных браков между родственниками. В обследованных популяциях при стабильном брачном круге у вступающих в брак повышается доля общих предков, возрастают степень родства и вероятность сочетания однородных генотипов.

Таким образом, даже современному русскому населению в Закавказье свойственно не столь резкое расширение круга брачных связей, как в других областях страны. В то же время, как уже неоднократно подчеркивалось, русские поселившиеся в Азербайджане, были представителями разных популяций. Поэтому на первом этапе поселения расширение круга брачных связей безусловно имело место, а эффект гетерозиса мог сказаться у первых двух-трех поколений переселенцев. Русские в Закавказье живут уже не менее шести поколений и, как отмечалось в уже опубликованной статье В. И. Козлова и др.¹⁴, миграция в села извне за последние 60—65 лет была незначительна. Все это заставляет критически отнестись к выводу о наличии эффекта гетерозиса у современных групп.¹⁵ Думается, в данном случае можно предположить действие в этих популяциях специфического механизма онтогенеза, обеспечивающего укрупнение общих размеров тела и головы и сформировавшегося в результате определенных (тоже пока неизвестных нам) преимуществ, которые получают такие индивидуумы в условиях нового места жительства. Особое внимание, видимо, следует уделить внутренним связям в организме.

В заключение охарактеризуем состояние здоровья населения. Данные такого рода получены по Джалилабадскому, Кедабекскому, Шемахинскому р-нам (структура заболеваемости по нозологическим формам) и по с. Ивановка Исмаиллинского р-на (комплексное медицинское обследование населения). Анализ заболеваемости проводился по диагнозам из историй болезней участковых сельских больниц, дифференцированно у русских и азербайджанцев (по заключительным больничным диагнозам) за 1967—1968 и 1984—1985 гг. В оба периода у русских преобладают ишемическая болезнь сердца, гипертония различной степени выраженности, у азербайджанцев же — болезни органов дыхания и пищеварения. Смерть у русских (по данным стационаров) наступает чаще всего от инфаркта миокарда и сердечной недостаточности. Во всех возрастных периодах (от 20 до 80 лет) частота сердечно-сосудистой патологии в два-три раза выше у русских, чем у азербайджанцев. Эти данные трактуются медицинскими работниками как нарушения в структуре взаимоотношений ген-

тип — среда и свидетельствуют, по их мнению, о дезадаптации населения¹⁶. Теоретически, конечно, можно предположить, что в результате неблагоприятного воздействия новой для русских природной среды их заболеваемость повысилась.

Думается, однако, что такой вывод, является преждевременным прежде всего потому, что пока мы не имеем сравнительных данных по общей (и дифференцированно по нозологическим формам) заболеваемости как русских, так и азербайджанцев. У нас нет также этих показателей для русских тех районов, из которых в середине прошлого века шла миграция. Учитывая эпохальную динамику заболеваемости, было бы логично предположить, что русские, заселяя этот регион, могли иметь генетически закрепленную предрасположенность к сердечно-сосудистой патологии. Тогда фиксируемая структура заболеваемости в настоящее время — показатель сохранения русскими собственного им генофонда и соответственно успешной акклиматизации в условиях Азербайджана. Окончательное решение этого вопроса следует отложить до получения необходимых материалов и их анализа.

Социально-психологическое исследование, проводившееся в русских селах Азербайджана¹⁷ в июле-августе 1987 г., во многом имело поисковый характер в силу слабой разработанности методики исследований, ведущихся на пересечении этнической психологии, психологии среды, этнографии и социальной географии.

Проблема психологической адаптации переселенческих групп к иной природной среде — одна из самых неразработанных как в советской психологической науке, так и за рубежом, по крайней мере в том аспекте, в котором мы здесь рассматриваем ее: изменилась ли (и как) психологическая ориентация на определенный тип природной среды у представителей этнической общности в результате переселения в иную географическую среду; стала ли она «родной» для переселенцев? Для решения этой задачи был разработан метод ранжирования ландшафтов основных географических зон — по степени их субъективного предпочтения.

Согласно полученным результатам, в различных русских селах в зависимости от преобладающего типа ландшафта разными оказались и природные зоны, выбранные в качестве «своей», «родной», что само по себе говорит об адаптации русских к новой природной среде. Однако хотелось бы отметить, что у русских переселенцев наибольшую удовлетворенность вызывает тип природной среды, близкий к характерному для исторической зоны выхода мигрантов.

Результаты факторного анализа оценок природных ландшафтов по применяемому в психологических исследованиях методу семантического дифференциала показали, что при оценке русскими всех видов природных ландшафтов в первый фактор с самой большой нагрузкой входит такая характеристика, как «просторный». При оценке нетрадиционных для России горных ландшафтов у русских поселенцев появляются новые характеристики, такие, как «веселый» и «щедрый», которые в свою очередь являются основными характеристиками природных ландшафтов у азербайджанцев. Можно предположить, что в психосемантической структуре представителей определенного этноса есть довольно устойчивые элементы, через призму которых воспринимаются природные ландшафты, и в то же время под воздействием новых типов ландшафтов может меняться сама психосемантическая структура их восприятия, т. е. появляются новые элементы, «наведенные» именно данным типом природного ландшафта. К сожалению, эта чрезвычайно интересная тема почти не разработана в современной психологической науке.

На сегодняшний момент следует признать, что русские переселенцы к природным условиям Азербайджана адаптировались успешно, решив основные задачи хорошей адаптации: сохранить свое «ядро», свою структуру в общих чертах неизменной и в то же время «врасти» в иную среду, сродниться с ней.

Вторая, не менее важная проблема — адаптация этнической общности к иной этнокультурной среде. При этом действуют две тенденции — сохранения и изменения, что находит отражение в этническом самосознании и сознании общности, которые и являются объектом социально-психологического изучения. Эту проблему мы изучали с помощью методов этнических авто- и гетеростереотипов, шкалы социальной дистанции Богардуса¹⁸ по этническому признаку (формализованной для работы в конкретных условиях) и метода ранжирования значимых отношений, направленного на выяснение статусов контактирующих групп. Для исследования этнических стереотипов применялась модифицированная методика Катца и Брели¹⁹: испытуемым предлагалось назвать 5 наиболее типичных черт, характерных для представителей данной этнической группы в целом (своей собственной и соседней). Основное внимание было уделено рефлексивной функции этнических стереотипов, особенно автостереотипов, как гибких, подвижных компонентов этнического самосознания, чутко реагирующих на изменения внешней и внутренней среды.

Этнические стереотипы исследовались в трех основных формах, или направлениях: 1) как отражение изменений, происходящих в этнической общности в результате межэтнического общения (вопрос о межкультурных заимствованиях), 2) как рефлексия подобных же изменений, явившихся результатом отрыва или изоляции от основного массива данной национальной культуры, и 3) как характеристика интенсивности и характера межэтнических контактов данной общности.

Рассмотрим эти формы более подробно.

1. Межкультурные заимствования. Несмотря на довольно высокий процент опрошенных, отрицающих межкультурные заимствования (русские у азербайджанцев «ничего не переняли», считают 42% опрошенных русских и 53% азербайджанцев; а азербайджанцы «ничего не переняли» у русских, полагают 33% русских и 35% азербайджанцев), большая часть представителей обеих культур отмечает взаимозаимствования. Указанные нашими респондентами межкультурные заимствования можно условно разделить на три группы.

а) **Взаимные межкультурные заимствования**, в основном охватывающие элементы традиционной культуры данных двух этносов. Оцениваются с обеих сторон положительно: язык, элементы материальной культуры, обычаи, пища, убранство жилища, архитектура и т. д.

б) **Односторонние положительные заимствования** (по мнению тех, кто их приобрел): чистота, аккуратность, свободу поведения женщин и молодежи, некоторые элементы образа жизни азербайджанцы заимствовали у русских; скромность женщин, взаимовыручку, уважение к старшим, трезвость русские переняли у азербайджанцев (в основном это характеристики уклада жизни).

в) **Односторонние отрицательные заимствования** (по мнению тех, кто их приобрел): хитрость, изворотливость, лень русские заимствовали от азербайджанцев. Отрицательные заимствования азербайджанской культуры от русской не отмечались ни той, ни другой стороной. Можно предположить, что они либо немеренно не указывались, либо здесь мы сталкиваемся с разными способами отражения действительности в групповом самосознании (о чем речь пойдет ниже) — в данной группе присутствуют в основном заимствования психологических черт.

Данное разделение межкультурных заимствований на три группы с разными модальностями и с разным знаком еще требует своего осмысления. Важно, что заимствования на первых двух уровнях оцениваются положительно, а на третьем — «психологическом» — имеют одностороннюю природу и оцениваются негативно. Можно предположить, что взаимовлияния на первых двух уровнях не осознаются носителями обеих культур как угрожающие их этнокультурной целостности и специфичности, а третий уровень — изменение самих носителей культуры (точнее, разрушение их ценностного единства) — воспринимается как «опасный» и нежелательный.

2. Социальная percepция отличий «от русских в России». Для оценки того, как в этническом самосознании (в форме стереотипов) отражается результат «отрыва» субкультуры от своего, если можно так выразиться, этнокультурного «материка», мы спрашивали у респондентов, есть ли, на их взгляд, какие-нибудь отличия у русских, живущих в Азербайджане, от русских, живущих в России? Только 10% опрошенных русских отрицают различия между русскими, живущими в Азербайджане, и русскими в России. Интересно, что большинство отмеченных различий — психологического характера (изменения не столько элементов культуры, сколько самих представителей данной культуры). Указанные различия можно сгруппировать так, как это представлено в табл. 3.

Таблица 3

Социальная percepция отличий от «русских в России»*

Приобретения	Потери	Консервация
Открытость, скрытность, недоверчивость, проницательность	Доверчивость, открытость	Традиционный уклад жизни
Скромность	Щедрость, бескорыстие	Конфессиональная принадлежность, культовая обрядность
Большая доброта, мягкость	Веселость, общительность	
Трезвость		

* Данные опроса респондентов обобщены и сведены авторами в таблицу.

Из данных, приведенных в ней, видно, как в сознании переселенцев находят отражение те изменения, которые произошли в результате тесного взаимодействия с иной культурой. Здесь необходимо вспомнить о разнице между объективными процессами и их субъективным отражением в этническом самосознании. Вследствие действия механизмов психологической проекции ряд черт, объясняемых респондентами межэтническим влиянием, во многом был присущ сектантским общинам изначально, благодаря стремлению к выделению из основного массива русской культуры, к самоизоляции. Это в свою очередь повлияло на закрепление таких психологических качеств, как «замкнутость, проницательность, скрытность». Но именно «замкнутость» и позволила, на наш взгляд, этим субкультурам сохранить свою целостность и специфичность в иноэтническом окружении, которое в свою очередь еще больше закрепляло названные свойства. Необходимо отметить также высокую развитость самосознаний данной субкультуры, в котором четко отмечаются границы размежевания общности как с «материнским» этносом, так и с соседним, большим по размерам.

3. Характер межэтнического общения. Согласно теоретическим представлениям современной кросс-культурной психологии²⁰, по полученным этническим стереотипам можно судить об интенсивности и характере межэтнического общения. Для русских старожильческих групп Азербайджана характерны тенденция к «отделению» от соседней иноэтнической культуры посредством увеличения социальной дистанции, стремление к повышению собственного статуса и усилению негативной окраски этнических гетеростереотипов. Это, на наш взгляд, единый социально-психологический механизм, способствующий сохранению целостности и специфичности этнической общности в условиях тесного и активно-го взаимодействия с иной этнокультурной средой.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что негативные этнические стереотипы не есть объективная оценка каких-то негативных качеств представителей той или иной культуры. При анализе полученных стереотипов, на наш взгляд, нужно исходить из вопроса: почему та или иная этническая группа иногда негативно оценивает представителей соседней с ней культуры? При ответе на него мы почти всегда приходим к выводу, что большая социальная дистанция, негативные межгрупповые стереотипы и уверенность в собственной компетентности (высоком статусе) — это механизм «психологической защиты» (или контрсуггестии²¹) этнической общности от проникающих в нее инокультурных

элементов, грозящих разрушением ее целостности и специфичности. Появление такого механизма исторически и психологически понятно, поэтому и подходить к анализу данных явлений следует без предвзятости и с пониманием того, что такой «негативизм» — естественное явление межгруппового (межэтнического) восприятия. Он несет также и несомненную позитивную нагрузку — как внешней защиты, так и внутренней консолидации, усиления позитивной групповой идентификации этнокультурной целостности и единства. Вопрос этот сложен и в рамках данной статьи не может быть так проанализирован, как он того заслуживает.

Вместе с тем в ряде сел, особенно смешанных в национальном отношении, и в большей мере там, где «распалась» религиозная община (например, в с. Славянка), отмечаются снижение негативной окраски стереотипов и рост разнообразия стереотипных оценок, что свидетельствует о процессе «размывания» единства этнической группы, ослабления ее внутренней консолидации. Объективное этому свидетельство — увеличение количества выездов жителей таких сел в Россию.

Если говорить о психологической адаптации к иной культурной среде, необходимо иметь в виду два уровня: социально-психологический и индивидуально-личностный. До тех пор, пока этническая группа существует как единое целое и способна «защитить» себя от усиливающегося инокультурного влияния, мы вправе говорить о ее социально-психологической адаптации. Несомненно, что личность, находясь в целостной, обладающей единством и сплоченностью этнической субкультуре, чувствует себя более защищенно и комфортно. Когда же инокультурное влияние становится сильнее, чем «защитные» механизмы этнической группы, и, целостная в прошлом, она распадается на ряд отдельных, малых социальных групп (а то и просто на отдельные семьи), то на уровне личностного сознания это ощущается как острый дискомфорт, побуждающий личность либо искать необходимое ей чувство «мы» в других группах той же этнической принадлежности (миграция в Россию), либо вживаться в новое, иноэтническое «мы», которое долгое время было «они» (аккультурация). Здесь перед нами уже вариант адаптации на личностном уровне, сфера действия иных закономерностей. На уровне социально-психологическом (или макроуровне) следует отметить, что, пока этническая общность существует, отражает в своем самосознании реальность всего с ней происходящего, сопротивляется собственному распаду (который во многом, естественно, неизбежен вследствие угасания мощной консолидирующей роли религиозной общины и действия других факторов), мы имеем дело с вариантами адаптации, пусть и не слишком устойчивой. Когда же она «размывается» (появляется разнообразие стереотипных суждений), сфера интересов замыкается внутри семьи, уменьшается внутренняя суггестия, появляются разные самоназвания и т. д., можно считать, что начался процесс психологической дезадаптации этнической общности в условиях инокультурного окружения.

Здесь следует отметить немаловажную роль и численности таких локальных субкультур — наиболее «жизнеспособные» русские села имели около 3 тыс. жителей. Согласно анализу данных о малых японских группах в странах Латинской Америки, проведенному С. А. Арутюновым и Г. П. Сафиной²², численность порядка 10^4 является средней, при которой отмечается наибольшее сопротивление к ассимиляции, наибольшее стремление к сохранению связей с ядром материнского этноса. Обследованные нами села, меньшие по численности и более изолированные от материнского этноса, несомненно, также подчиняются действию объективных законов, регулирующих процессы социальной и кросс-культурной реальности, и познание их — одна из важных, пусть и далеких пока задач подобных комплексных исследований.

Заклучая краткое изложение аспектов психологической адаптации переселенческих групп к иной географической и этнокультурной среде, следует отметить, что в дальнейшем планируется проведение аналогичных исследований

Других республиках Закавказья, а также организация сравнительных исследований на других объектах с целью поиска инвариантных закономерностей психологической адаптации локальных субкультур к иной среде (в широком смысле). Это позволит расширить наши представления о психологической адаптации этноса вообще, а также даст возможность глубже заглянуть в психологическую структуру этнического, понять, почему «распад» этнической группы воспринимается человеком как личная трагедия, как нарушение смыслообразующих основ его личного бытия.

Заканчивая первичный обзор результатов исследования антропологических психологических аспектов адаптации русских старожилов, а также познакомив читателей с особенностями семейно-брачных связей в новых условиях, мы надеемся, что продолжение подобных комплексных исследований позволит дать более разностороннее и глубокое представление об адаптации этнических групп к иной среде. Кроме того, на следующем этапе исследования мы предполагаем выйти на более высокий уровень теоретических представлений, объединяющий данные отдельных смежных дисциплин и позволяющий сочетать глубину исследований в каждой отдельной области с преимуществами комплексного подхода, дающего более целостное и всестороннее видение изучаемого объекта.

Примечания

- ¹ Козлов В. И., Комарова О. Д., Степанов В. В., Ямсков А. Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX—XX в.) // Сов. этнография (далее — СЭ). 1988. № 6.
- ² Бунак В. В. Об акклиматизации человеческих рас и сравнительном значении определяющих факторов // Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. С. 45.
- ³ Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1.
- ⁴ Публикацию итогов исследования см. Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. М., 1977; *ее же*. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.
- ⁵ Алексеева Т. И. Адаптивные процессы... С. 150.
- ⁶ Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960.
- ⁷ Дильман В. М. Четыре модели медицины. Л., 1987. С. 49—54; 94—100.
- ⁸ В с. Ивановка проведены и подробные этнографические исследования, результаты которых частично отражены в первой части данной статьи, а также в статье: Козлов В. И., Комарова О. Д., Степанов В. В., Ямсков А. Н. Указ. раб.
- ⁹ Пантохов П. И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа // Кавказский календарь на 1899 г. Отд. 2. Тифлис, 1898. С. 35—93.
- ¹⁰ Бунак В. В. Русское население в Забайкалье // Антропологический сборник. IV (Тр. Ин-та этнографии (далее — ТИЭ). Т. 82). М., 1963; Давыдова Г. М. Антропологические исследования среди семейских русских Забайкалья // Там же; *ее же*. Сравнительная популяционно-генетическая характеристика трех русских деревень Алтая // Антропология и геногеография. М., 1974; Русские старожилы Сибири (гл. III, V, VI). М., 1973.
- ¹¹ Бунак В. В. Русские старожилы смешанного происхождения // Русские старожилы Сибири.
- ¹² По всей видимости, в скрытой форме молокоанство, духовничество и субботничество сохранились на территории, откуда проходило выселение. Об этом свидетельствует тот факт, что еще в 20-е годы XX в. представители этих сект были достаточно многочисленны в Тамбовской, Саратовской и Воронежской областях. См., например, Путинцев Ф. Современное сектанство // Антирелигиозник. 1926. № 4, 6; *его же*. Районы распространения сектантов прежде и теперь // Там же. 1927. № 1.
- ¹³ Например, Bernholdt-Thomsen C. Die Entwicklungsbeschleunigung der Jugend (Grundtatsachen, Theorien, Folgerungen des Accelerations problems) // Ergebnisse der inneren Medizin und Kinderheilmunde. B., 1942. Bd. 62; Акинщикова Т. И. Соматическая и психофизиологическая организация человека. М., 1977; и др.
- ¹⁴ Козлов В. И., Комарова О. Д., Степанов В. В., Ямсков А. Н. Указ. раб.
- ¹⁵ Оценить степень изменений размеров тела по поколениям в будущем поможет сравнительный анализ данных, приводимых в указанной работе П. И. Пантохова, и материалов исследования 1987 г., проведенного сотрудниками НИИ антропологии МГУ (готовятся к публикации).
- ¹⁶ Кузнецова С. М. Отчет группы Ин-та геронтологии АМН СССР об экспедиционной работе в с. Ивановка АзССР // Архив Ин-та этнографии АН СССР; Дубова Н. А. Научный отчет об экспедиционном выезде эколого-антропологического отряда Межинститутской комплексной этноэкологической экспедиции 1987 г. // Там же.
- ¹⁷ Исследования проводились в селах Новоивановка и Славянка Кедабекского р-на и в с. Ивановка Исмаиллинского р-на АзССР.
- ¹⁸ Психологическая диагностика. Проблемы и исследования. М., 1981.

¹⁹ Katz D., Braly K. W. Rasial Stereotyped oi 100 Coliege Students // J. Abnormai and Social Psychology. 1933. V. 28.

²⁰ Handbook of Cross-Cultural psychology. V. 5. Boston; ets., 1980. P. 25—61.

²¹ Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971. С. 7—35.

²² Арутюнов С. А., Сафина Г. П. Малые японские группы в испаноязычных странах Латинской Америки // Расы и народы. Вып. 12. М., 1982.

А. Б. Спесивовский

ДРЕВНЕЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА О. ШИКОТАН И ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА АЙНОВ

Дальневосточный регион с древних времен являлся местом, где контактировали разные этносы и соприкасались различные культурные традиции, что было следствием этнических процессов как в данной части Азии, так и на сопредельных территориях. Эти обстоятельства обусловили сложность этнической истории региона, многие проблемы которой еще не разрешены современной этнографической наукой. В первую очередь к их числу следует отнести проблему этногенеза айнов — аборигенного населения островных областей Дальнего Востока. Происхождение айнов представляет собой одну из важнейших проблем современной расологии, так как айны не только резко выделяются в антропологическом отношении среди этносов Азиатского континента, но и не соотносятся по полному набору антропологических признаков ни с одной популяцией мира. То же относится к айнскому языку, занимающему изолированное положение в мировой лингвистической классификации. Поэтому айнская проблема чрезвычайно трудна из-за определения генетического родства айнов с другими этносами земного шара и нахождения их прародин. Крайне сложно также выявить межэтнические связи (особенно ранние) с населением материковых районов Азии, которые сыграли роль в формировании этнических особенностей (традиций, культуры и др.) и расового своеобразия айнской общности в целом и ее локальных вариантов.

Особую проблему представляет так называемая охотская культура (культура морских зверобоев и собирателей моллюсков в шельфовой зоне), вопрос о ее носителях и ее связях. Картина представляется чрезвычайно проблематичной и сложной. Охотская культура получила распространение начиная с I тыс. до н. э. (примерно с VIII в. до н. э.) по II тыс. н. э. на Сахалине, Курильских островах и севере о. Хоккайдо. На Хоккайдо и Курилах, где до этого господствовала культура *дзёмон* (дословно: «веревочный орнамент» — по характерным оттискам на керамике), характеризуемая большинством исследователей, занимающихся этнической историей Дальнего Востока, как древнейшая¹, охотская культура сосуществовала с последней. Параллельно с охотской в I тыс. н. э. развивалась культура *сацумон*, которую ученые связывают опять-таки с предками айнов. И наконец, на сцену выступают уже исторические айны. В исторической перспективе территории Хоккайдо и Курильских островов оказываются связанными с айнами и их предками с древности и практически до наших дней. Носители охотской культуры выступают в данном случае в качестве иноэтнического «клина».

Охотская культура, обнаруживающая в своих вариантах сходство с вариантами древнеайнской культуры, в целом, однако, отличается от *дзёмона* и по своим традициям, и по антропологическому облику ее носителей (например, по палеоантропологическим данным из раковинной кучи Моёро на Хоккайдо). Ее распространение, как полагают исследователи, началось с Сахалина.

Рис. 1. Верхняя часть захоронения (внутри большого сосуда видна черепная крышка)

Во временном отношении появление охотской культуры на островах (последние столетия до нашей эры) условно сопоставимо с другими широкомасштабными миграциями с материка на островные территории Дальневосточного региона — с проникновением в Японию через Корейский полуостров предков японцев, носителей культуры рисосеяния *яёи*, имевших в своем составе тунгусо-маньчжурский компонент. Возможно, появление на островах охотской культуры и *яёи* было следствием одних и тех же демографических или каких-либо других процессов в Восточной Азии.

Тем не менее палеоантропологический материал по охотской культуре (впрочем, как и по культуре *дзёмон*) с Сахалина и Курильских островов, на основе которого можно было бы сделать расовую и этническую «привязку» по этим территориям, до последнего времени отсутствовал. В этой связи большой интерес представляет недавняя находка погребения, по всей видимости, охотской культуры, в юго-западной части (бухта Дельфин) о. Шикотан, впервые давшая отечественной науке палеоантропологический материал с Курильских островов².

Погребение обнаружено в одной из раковинных куч бухты. Оно было частично разрушено трассой гусеничных машин, которая проходила непосредственно через памятник.

В неглубоком погребении (примерно в 40 см от поверхности земли) без следов могильной ямы в слое раковин находился скелет мужчины лет сорока. Костяк, ориентированный головой на север, лежал на спине. Череп был обращен лицевой частью вправо и закрыт большим керамическим сосудом, дно которого

Рис. 2. Фрагмент керамического сосуда, служившего крышкой головы погребенного

Рис. 3. Керамические сосуды, входившие в погребальный инвентарь

провалилось (рис. 1, 2). В результате этого череп частично пострадал: оказалась разрушенной левая теменная и скуловая кости. Кроме того, отсутствуют носовые кости и повреждена правая скуловая кость. Руки были согнуты в локтях и лежали вдоль корпуса, кисти находились около головы. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к грудной клетке. Сверху костяк был заложен несколькими крупными плоскими камнями диаметром от 30 до 45 см.

В погребальный инвентарь кроме большого сосуда, закрывавшего череп (очевидно для того, чтобы при засыпке погребаемого в раковинной куче створки раковин не попадали на его лицо), входили еще два малых керамических сосуда (один в хорошей сохранности) (рис. 3), в одном из которых были обнаружены кости рыб.

Рис. 4. Изделия и орудия из кости, найденные в непосредственной близости от захоронения

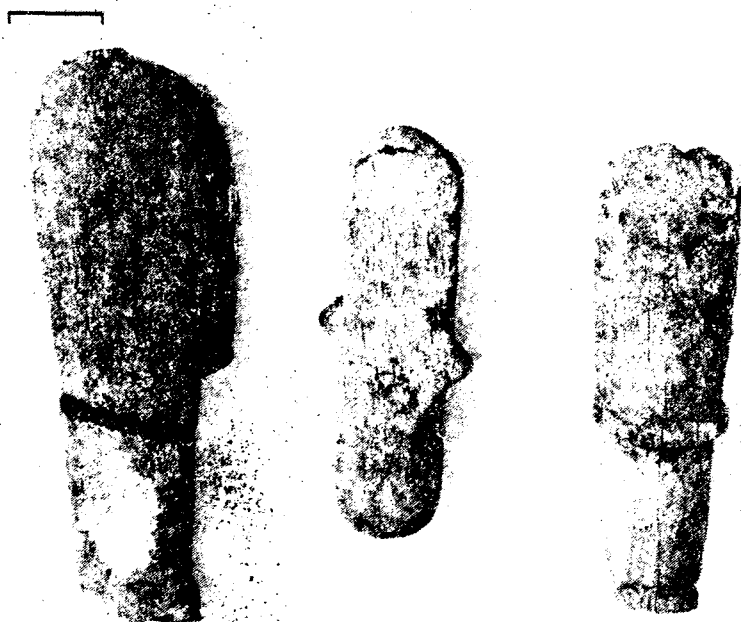

Рис. 5. Орудия, обнаруженные в слое раковин в непосредственной близости от захоронения

В непосредственной близости от костяка обнаружены орудия морского зверобойного промысла из кости, в том числе гарпун поворотного типа, изготовленный из толстой стенки трубчатой кости крупного животного, наконечники стрел из трубчатых костей животных, обсидиана (4 экз.) и галечного кремня (1 экз.), обработанные отжимной ретушью, три лопатообразных и два небольших орнаментированных предмета неизвестного назначения (рис. 4, 5). Здесь же был обнаружен череп, а также нижняя челюсть собаки. Чуть поодаль от погребения, также под слоем раковин находились кости крупных морских животных (китообразных, ластоногих), клыки медведя, кости различных пернатых и рыб. Кости китообразного (позвоночник, располагавшийся в анатомическом порядке) также были обложены камнями.

В засыпке костяка кроме створок моллюсков и костей животных и птиц было большое количество фрагментов керамики и отщепов обсидиана. Керамические сосуды из погребения, а также фрагменты керамики из раковинной кучи сходны с керамикой охотской культуры, в частности из раковинной кучи Моёро с Хоккайдо. Рядом с погребением (в пределах квадрата 2×2 м) обнаружена также керамика типа дзёмон.

Анализ костей человека и животного дал соответственно абсолютные даты 2280 ± 40 (ЛЕ-4029а) и 2510 ± 40 (ЛЕ-4029б).

Таким образом, обнаруженное погребение, представляющее собой, по всей видимости, захоронение охотника на морского зверя, относится примерно к III в. до н. э.

Способ захоронения и сопроводительный инвентарь позволяют сравнивать погребение с айнскими. Судя по этнографическим данным, на Дальнем Востоке в исторически обозримое время только айны хоронили своих покойников в раковинных кучах. В первой половине XVII в. такой обычай был зафиксирован у айнов голландцами, участниками экспедиции де Фриза на корабле «Кастрикум». Анонимный голландский автор отмечал, что могилы айнов, умерших во время голодных и холодных зим, устраивались на берегу в кучах устричных раковин³. Эти свидетельства находят параллели в археологических материалах эпохи дзёмон. Большинство палеоантропологических находок, относящихся к предкам айнов на Японских островах, обнаружено в раковинных кучах. Таким образом, эти факты подтверждают преемственность традиций айнского населения. В противоположность айнам, у других аборигенов региона — в частности у их ближайших соседей, условно называемых палеоазиатами нивхов, с древности была распространена кремация трупов. Соответственно ни о каком краниологическом материале, за исключением случайного, речи идти не может.

Более поздние айнские погребения (XVII—XVIII вв.), в частности обнаруженные на Сахалине, показывают, что, как и в рассматриваемом случае, айны часто хоронили своих покойников, ориентируя их головой на север, с согнутыми в коленях и подтянутыми к грудной клетке ногами (на спине или на боку).

Особое внимание следует обратить на обычай покрывать лицо покойника перевернутым вверх дном большим керамическим сосудом. В конце XIX в. исследователь Дальнего Востока П. И. Супруненко привез с Сахалина погребальные сосуды с внутренними ушками, которыми так же как и на о. Шикотан, были покрыты черепа погребенных. Местное население приписывало эти погребения так называемым *тончам* — этносу, упоминавшемуся в айнских легендах. Однако сосуды с внутренними ушками на Дальнем Востоке и вообще в Восточной Азии были известны только у айнов во всех районах их расселения на Камчатке, Курилах, Сахалине, Японии⁴, что позволяет говорить об этом виде керамики как о типичной особенности древнеайнской культуры. Что касается термина *тончи* (*тонти*), то его следует рассматривать не как название этнической группы, или этноса, а как обозначение по типу жилища. Дж. Бэчелор в своем словаре указывал, что данное слово в равной степени применимо как к айнам, так и любому другому этносу, живущему в полуподземном (землянке) жилище (*тонти*, *тонти-ун-гуру*, *тонти камуй*, *тотэ гуру* — от «тон» —

земля)⁵. Айны Хоккайдо, которые долгое время находились под влиянием японской цивилизации, называли так айнов Сахалина и Курил, потому что у тех еще до конца XIX в. были распространены полуподземные жилища. Следовательно, в данном случае, речь может идти о тончах как об одной из локальных групп айнской общности и о схожести погребальных обрядов предков айнов Сахалина и Курильских островов, в частности о. Шикотан. Сосуды, привезенные с Сахалина П. И. Супруненко и ныне хранящиеся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде, позднее были описаны Л. Я. Штернбергом в его известной работе «Айнская проблема» и не случайно определены как айнские⁶.

Костяной сопроводительный инвентарь (наконечники стрел, поворотный гарпун) по своим особенностям также обнаруживает явные параллели с орудиями, распространенными у айнов Хоккайдо.

Зубная система черепа, найденного на Шикотане, довольно схожа с той, которая известна по черепам культуры дзёмон⁷. Однако в общем череп не дает основания для констатации в его строении типично айнских особенностей и по краниологическим признакам скорее обнаруживает сходство с континентальными монголоидами материковых областей Восточной Сибири.

Единичная находка, конечно, не дает основания для окончательных и далеко идущих выводов. Тем не менее в этой связи представляется возможным предположить, что предки айнов Курильских островов и севера Хоккайдо действительно контактировали с населением материка, которое, проникнув на острова, подверглось ассимиляции айнами.

Древнеайнское население и его культура на Японских и Курильских островах развивалась в условиях изоляции многие тысячелетия, что в целом повлияло на своеобразие айнского этноса в расовом, культурном и языковом отношении. Но изоляция на островах, как видно по находке с о. Шикотан, была относительной. Близость материка позволяла осуществлять этнические контакты, скорее всего в разные временные отрезки существования протоайнской общности. Такого же мнения придерживаются и японские антропологи. Они предполагают, что население Сибири оказало влияние на формирование антропологического типа жителей северо-востока Хоккайдо в эпоху дзёмон⁸.

Возможно, что древние популяции, которые впоследствии послужили основой для формирования протоайнской общности, освоили окраинные районы Дальневосточного региона. В эпоху позднего палеолита потепление климата на земном шаре обусловило таяние ледников и подъем уровня Мирового океана. В результате этого процесса, происходившего примерно 15—10 тыс. лет назад⁹, прежняя береговая линия, проходящая по границе современного шельфа, отступила. На Дальнем Востоке образовались Сахалин, Японские и Курильские острова. Население образовавшихся островных территорий, разъединенных с материком морями и проливами, начало обособленное развитие. Именно к этому времени (13—12 тыс. лет назад) относятся самые ранние образцы керамики дзёмон, обнаруженные на Японских островах.

Если на материке остались родственные айнам группы, они могли на территории Дальнего Востока вступать в контакты с этносами, мигрировавшими в силу различных этнических процессов позже на северо-восток Азии (предположительно с эско-алеутами или носителями чукотско-камчатских языков), и продолжать поддерживать связи с генетически родственной им популяцией на Японских островах. Возможно, что параллели, которые показывают археологические материалы с территорий советского Приморья и Японии¹⁰, подтверждают существование на материке и островах родственных этнических общностей и культур.

С проникновением предков тунгусо-маньчжуров в Дальневосточный регион, вероятно, произошло вытеснение его прежних обитателей на север и восток (в частности, на островные окраины Азии) или ассимиляция их пришельцами. Не исключено, например, что древнеайнский компонент входил в качестве

составной части в племена так называемых *сушэн*, расселявшихся в Северном Восточном Китае и в Приморье и отмеченных в древнекитайских источниках (Хоуханьшу и др.) в качестве предков тунгусов¹¹. Основанием для утверждения о расселении предков айнов на материке, в частности в низовьях Амура, служат и другие китайские данные. В хрониках сообщается, что в начале VIII в. около озера Кизи жили *кушо* или *кушо-бо*, в которых можно видеть айнов, так как это обозначение согласуется именно с айнскими самоназваниями и названиями *куши*, *куи*, *кудзи* и т. д.¹²

Изучая айнскую проблему свыше 100 лет, ученые разных стран мира создали много гипотез и теорий происхождения айнов. Наибольшее количество приверженцев получила гипотеза связи айнов с европеоидным населением и теория южного происхождения аборигенов Японии.

Первая была в свое время подвергнута критике из-за умозрительных заключений, отсутствия научной аргументации, и сейчас о ней в этнографической литературе исследователи упоминают лишь как об историографическом факте. Действительно, почти ни по одному из антропологических признаков, может быть, за исключением некоторых соматологических признаков и дерматоглифики¹³, современные айны не соотносятся с европеоидами. Не дала результатов попытка найти родство айнского и индоевропейских языков и т. д. Однако до сих пор еще неизвестны время и границы распространения в Азии древних европеоидов, которые, возможно, продвинулись тысячелетия назад в восточном направлении довольно далеко.

В связи с этим самым серьезным образом следует изучить краниологический материал эпохи дзёмон с целью выявления особенностей (если они имеются) характерных для европеоидной расы. Поэтому, несмотря на нынешнюю неубедительность и несостоятельность гипотезы, ее стоит оставить для окончательного решения будущим исследователям, а не отбрасывать категорически.

Что касается теории южного происхождения айнов, поддержанной, кстати, рядом советских ученых, то она, казалось, была достаточно убедительно аргументирована в работах Л. Я. Штернберга¹⁴, М. Г. Левина¹⁵ и др. и в полной мере отвечала уровню научных знаний об айнской общности в довоенное время и в 50-е годы. Некоторые ученые придерживаются этой теории до сих пор. Но исследования смежных наук 60—70-х годов и особенно данные, полученные в первой половине 80-х годов, когда накопление материалов шло наиболее интенсивно, привели к результатам, не столько способствующим разрешению проблемы или подтверждению положений какой-либо из старых теорий, сколько усложняющим и делающим отдельные ее положения более проблематичными и спорными. Материалы этнографии, антропологии, исторической лингвистики дают чрезвычайно пеструю картину и параллели, ведущие во многие области огромного Азиатско-Тихоокеанского региона. Одни из этих новых данных отчасти позволяют сравнивать айнов в антропологическом и языковом отношении с южными популяциями, другие, напротив, коренным образом опровергают теорию южного происхождения. В такой ситуации очень легко можно прийти к ошибочному выводу, особенно если исследователь прибегает к комплексному изучению проблемы, давно утвердившемуся в современной этнографии, а к использованию данных лишь своей узкой специализации, что наблюдается, к сожалению, еще довольно часто. Поэтому учет комплексных данных археологии, антропологии, лингвистики и этнографии представляет особенно важным при рассмотрении этногенеза айнов.

Анализируя факты, касающиеся вопроса происхождения айнов, прежде всего необходимо отметить, что айны являются древнейшим населением Дальнего Востока, расселявшимся в пределах Японии задолго до того времени, когда человек начал проникать на большинство островов Тихого океана (Полынезию, Меланезию, Микронезию и др.). На территории Японии предки айнов жили по крайней мере за 10—12 тыс. лет до нашего времени. На севере Японского архипелага, в частности на о. Хоккайдо, по данным археологии, антропологии

логии и этнографии, они концентрировались как минимум последние 7 тыс. лет¹⁶, на Курильских островах, во всяком случае, свыше 5 тыс. лет. Об этом свидетельствуют многочисленные остатки археологической культуры дзёмон. Самые ранние образцы ее керамики из пещеры Фукуи, считающейся древнейшей из керамических традиций мира, датируются японскими археологами в 12 500 лет¹⁷. Подтверждением связи айнов с неолитическим населением служат также палеоантропологические данные. Краниологический материал из раковинных куч с Японских островов, который в ходе научных исследований был обнаружен вместе с элементами культуры дзёмон, коррелируется, как это следует из публикаций японских, американских и западноевропейских ученых, с таковыми относящимися к современным айнам, и, наоборот, отличается от черепов носителей древнеяпонской культуры *яёи* и японцев. О принадлежности праайнов к культуре дзёмон могут говорить также данные этнической одонтологии, показывающие у айнов и их предков наличие максимальной степени зубной редукции, т. е. самых малых по размерам зубов, что выделяет их среди других популяций во всей Азии¹⁸. Возможно, редукция зубной системы была непосредственно связана с появлением древнейшей в мире гончарной традиции, позволившей перейти от употребления сырой пищи к ее варке в керамической посуде. Вареная пища обусловила меньшую нагрузку на челюстные мышцы, что со временем повлияло на уменьшение размера челюсти и зубов.

То обстоятельство, что айны являются древнейшими жителями региона, сразу же ставит под сомнение вопрос об их океанийском происхождении, который, как ни странно, до сих пор освещается на страницах научной литературы сторонниками «южной» теории¹⁹ и исключает при разрешении проблемы те островные территории, которые, согласно научным данным, были заселены человеком позже Японии, где была распространена культура дзёмон. Человек начал заселять территорию Индонезии, Филиппин, Новой Гвинеи, Австралии десятки тысяч лет назад, продвигаясь, очевидно, сухопутным путем, именно из Азии. Оттуда намного позже, на рубеже новой эры, люди по воде достигли Полинезии, Меланезии, Микронезии, проникая на острова постепенно мелкими группами. Процесса обратного расселения не произошло, т. е. ни одна из расселившихся по островам Тихого океана и континента Австралии этническая общность не предприняла движения в обратном (северном) направлении. Во всяком случае, сколько-нибудь достоверных свидетельств этому нет. Почему же это могло произойти с айнами?

Далее, существенное значение имеет факт многотысячелетнего непрерывного существования и развития айнской культуры. Вследствие культурных заимствований и взаимовлияний, изменения климата (от которого в немалой степени зависит материальная культура этноса) и многих других факторов айнская культура во временной перспективе могла неузнаваемо преобразиться. Очевидно, американский исследователь Ч. Чард был совершенно прав, утверждая, что при этногенетических исследованиях современную айскую культуру нельзя сравнивать с той, которая была у их предков первоначально²⁰. К тому же при сопоставлении элементов культуры айнов и этносов южных регионов необходимо самым критическим образом рассматривать все то, что могло возникнуть конвергентно. Многие элементы культуры, которые сторонники южного происхождения айнов привлекали для обоснования своей теории (одежда «южного» типа, использование при ее изготовлении луба, применение во время охоты и военных действий сильнодействующего растительного яда, вооружение, татуировка, примитивный ткацкий станок, похожий на индонезийский, образцы народного искусства, религиозные верования, и т. п.), оказываются малоубедительными.

В качестве примера можно упомянуть об использовании айнами в боевых действиях и на охоте ядов растительного происхождения, которыми смазывались наконечники стрел. Во многих местах Северного полушария, в том числе и районах расселения айнов, произрастают десятки видов ядовитых растений. К их числу относится аконит — род многолетнего травянистого растения

семейства лютиковых. Применение аконита в морском зверобойном промысле было известно и у алеутов.

То же касается растительных материалов, применявшихся айнами для изготовления одежды. Там, где был пригодный природный материал, например луб дерева, он использовался для такой цели. Это опять-таки необязательно показатель южных традиций. Возможно, не только айны, но и другие северные этносы изготавливали одежду из луба. Г. М. Васильевич приводит упоминание из эвенкийских преданий об «одежде из коры» как о пережитке далекого прошлого²¹.

Применение растительных волокон для изготовления одежды повлекло за собой изобретение простейшего ткацкого станка. При этом сходство айнского станка с индонезийским, на что указывал Л. Я. Штернберг, не следует объяснять только заимствованием. Такого рода приспособления для выработки ткани могли возникнуть у разных этносов независимо. Свидетельство этому — наличие аналогичного по конструкции станка у индейцев майя.

Из области материальной культуры очень показателен пример с *варганом* — губным музыкальным инструментом, известным у айнов под названием *муккури*. Айнские варганы по своему облику очень напоминают индонезийские, но индонезийские в свою очередь аналогичны тунгусским²². Чрезвычайно широкое распространение этого музыкального инструмента в Евразии не дает тем не менее основания сравнивать культуру лопарей или башкир с культурой жителей Индонезии.

Не должна рассматриваться как южная особенность культуры айнская татуировка, так как Сибирь, например, также имеет свои древние центры ее развития. Обычай татуировать тело был известен в пределах Горного Алтая (татуировка была обнаружена в погребениях пазырыкской группы курганов)²³, он получил широкое распространение у тунгусоязычных этнических общностей, палеоазиатов (чукчей и коряков) и других северных этносов.

Нельзя, очевидно, говорить о криволинейном орнаменте как о типично южной черте культуры. Идея его создания могла с одинаковым успехом возникнуть и у жителей Севера. Нет оснований также безапелляционно связывать содержание айнами в клетках в домашних условиях некоторых видов животных и птиц с такими же традициями, распространенными у народов Юго-Восточной Азии. У любого первобытного этноса выкармливание и выращивание в неволе животных могло явиться своеобразным способом накопления продуктов питания или началом приручения этих животных и т. д. Кеты, например, как айны и некоторые другие этносы низовьев Амура, выращивали до определенного возраста в своих жилищах медвежат, держали в клетках орлов²⁴.

Если принцип сравнения, используемый для доказательства южного происхождения айнов, применить к другим этносам, следовало бы признать, что алеуты, эвенки и другие обитатели севера, так же как и айны, пришельцы из Юго-Восточной Азии и южных островов Тихого океана.

Аналогичные примеры, которых можно привести немало, показывают, что отдельные элементы культуры, привлекаемые для разрешения этногенетических проблем, требуют крайне осторожного подхода, не допускающего предвзятого и некритического отношения. В противном случае это может привести к ошибке. Учитывая древность айнской культуры, целесообразно сравнивать ее и элементы других культур по возможности как на синхронном, так и на диахронном уровне.

Обращаясь к данным антропологии, необходимо еще раз подчеркнуть, что на земном шаре, в том числе в пределах Тихоокеанского бассейна, нет популяции, которая бы обнаруживала с айнами единство по большинству признаков. Советские антропологи сравнивали айнов на основании их соматических особенностей с южными этносами. В расовой классификации Н. Н. Чебоксарова они входили, например, в австралоидную или океанийскую расу²⁵. В соответствии с этим общепринятым положением 50-х годов, предки айнов считались выходцами из обширной области, охватывающей Юго-Восточную Азию и прилегающие к ней острова Тихого океана²⁶.

Однако антропологические материалы, которые наука начала накапливать середины 60-х годов, стали все больше ставить под сомнение тезис о южной роддине айнов, показывая много общего с североазиатскими монголоидами. Еще в 1947 г. Н. Н. Чебоксаров, причисляя айнов к австралоидной расе, отмечал в то же время, что по ряду важных диагностических особенностей черепа они отличаются от большинства южных групп и обнаруживают специфическое, не сводимое к метисации сходство с монголоидами²⁷. Вывод Н. Н. Чебоксарова о сходстве краниологического типа айнов и монголоидов был подтвержден в работах последующего времени²⁸.

Большой интерес в научных разработках последнего времени представляет изучение некоторых краниологических признаков — особенностей швов черепа, которым раньше расоведы почти не уделяли внимания. Такой важный для этнической антропологии расоразграничительный признак, раскрывающий четкие этногеографические закономерности, как заднескуловой шов, показал, что по его встречаемости айны занимают первое место среди всех современных народов мира, а у носителей культуры дзёмон частота была еще выше²⁹. Ближе всего к айнам в этом отношении стоят северные монголоиды — нивхи, эвенки, эвены, нанайцы, монголы и др. Между тем у южных монголоидов, а также у австралоидов Азии, Австралии и Океании заднескуловой шов встречается редко. По частоте клиновидно-верхнечелюстного шва айны сближаются с большинством монголоидных народов и контрастируют с австралоидами³⁰.

В то же время особенности подглазничного узора отличают айнов от монголоидов и сближают их с экваториальными популяциями³¹.

Определенная близость прослеживается и при сопоставлении айнских черепов с древними краниологическими материалами с Азиатского материка, в частности с верхнепалеолитическими черепами из Верхнего грота пещеры Чжоукоудянь близ Пекина и неолитической серией из Прибайкалья. При этом сходство между айнской серией и серией прибайкальского неолита, а также близость айнских черепов к индейским, по предположению А. Г. Козинцева, могут свидетельствовать о возможности существования гипотетических общих предков айнов и американоидов, приближающихся по своему облику к населению Прибайкалья эпохи неолита³².

Кроме краниологических показателей, айнов противопоставляют южным популяциям по комплексу серологических признаков. Дж. Спьюлер, например, исследуя кровь айнов и 10 дальневосточных популяций, выявил скрытое филогенетическое родство между аборигенами Японских островов и их географическими соседями, особенно японцами, корейцами, китайцами и некоторыми этносами северо-востока Сибири³³. Ту же картину показали исследования японских ученых. Проведенный ими серологический анализ противопоставил айнов европейцам, а также австралийцам, микронезийцам, меланезийцам и другим южным популяциям и объединил, причем не за счет метисации, аборигенное население Японии с монголоидами³⁴.

Всесторонние данные, касающиеся морфологических, генетических и физиологических характеристик айнской общности, опубликованные в коллективном труде под ред. С. Ваганабэ, С. Кондо и Е. Мацунага, также согласуются с вышеприведенными выводами. Согласно результатам этих исследований, айны входят в состав монголоидной расы. При этом физические различия между айнами и монголоидами авторы объясняют наличием в айнском антропологическом типе архаичных характерных особенностей, присущих человеческой популяции вообще и сохранившихся у аборигенов Японских островов³⁵.

Мысль об архаичных особенностях в антропологическом типе айнов не лишена смысла, так как айны представляют собой, очевидно, остаток очень древней популяции. Свидетельство этому — мозаичный комплекс признаков, сочетающий резкую монголоидность айнов с чертами, присущими южным (экваториальным) формам.

Идея древности расового типа айнов не нова. Уже в начале 30-х годов

Т. А. Трофимова считала, что формирование монголоидных типов происходило на основе айнского в результате его эволюции³⁶. Г. Ф. Дебец, хотя и относил айнов к австралоидам, в некоторых своих работах писал о том, что айнский тип мог быть исходной протомонголоидной формой³⁷. В настоящее время положение о древних корнях антропологического типа айнов нашло обоснованную аргументацию в работах А. Г. Козинцева, согласно выводам которой совокупность данных, на первый взгляд противоречивых, свидетельствует о генетической близости айнов какому-то древнему варианту монголоидной расы³⁸.

В свете последних исследований в области этнической антропологии особый интерес приобретает историческая лингвистика. Использование языковых материалов, однако, затруднено из-за невозможности проследить бесписьменный язык айнов в его развитии, так как изучение айнского языка на подлинно научной базе началось лишь в конце XIX — начале XX в., т. е. в последние десятилетия существования языка, на котором сейчас говорят единицы. Это чрезвычайно затрудняет реконструкцию лексических и морфологических элементов айнского языка — восстановление праформ, необходимых для сравнительного анализа.

Как уже отмечалось выше, до сих пор не выявлены генетические связи языка айнов ни с какой-либо языковой семьей в мире, ни с языками этносов, окружающих их в Дальневосточном регионе, хотя отыскать родство айнского языка пытались многие исследователи³⁹. Очевидно, причина здесь кроется в ранней локализации предков айнов на относительно изолированных территориях и разрыве связей с родственными языками, если таковые существовали вообще. Другими словами, картина та же, что и в случае с расовой принадлежностью, — слишком длительное обособленное развитие.

Тем не менее большое значение при рассмотрении айнской проблемы представляют собой североазиатско-айнские ареальные связи, которые, хотя и не дают ответа на вопрос о генетической принадлежности языка айнов, свидетельствуют о древних этнических контактах носителей айнского и алтайских языков, прежде всего тунгусо-маньчжурских. Сравнительно-историческое изучение айнского и тунгусо-маньчжурских языков выявляет довольно значительное количество общих лексических элементов, оказывающихся межгрупповыми заимствованиями.

Множество примеров дает рассмотрение лексических сходжений айнского с языками алтайской группы, а так же и с корейским. К их числу относится лексика, связанная с ландшафтом и явлениями природы, материальной и духовной культурой, традиционными занятиями и образом жизни и т. д.⁴⁰

Однако несмотря на параллели в лексике айнского и алтайских языков, отмечаются различия, прежде всего в области морфологии, что не дает основания говорить о родстве этих языков. И вообще вопрос об отношении айнского языка к ностратической макросемье остается полностью открытым⁴¹. Поэтому пока приходится говорить о древних и, очевидно, длительных связях предков айнов с общностями, говорившими на алтайских языках, причем большая часть лексических сходжений, в основном в тунгусо-маньчжурских языках, представляет заимствования из айнского языка. Основаниями для подобного вывода может служить отсутствие надежных этимологий слов на тунгусо-маньчжурской основе, ограниченный ареал распространения лексем в языках тунгусо-маньчжурской группы — север Тихоокеанского побережья — или интерпретации морфологической структуры тунгусо-маньчжурского слова средствами айнского языка⁴².

К числу ареальных контактов, прослеживаемых в историческое время, относятся языковые связи айнского и нивхского⁴³ и айнского и японского языков. Что касается айнско-японских лексических сходжений, то они вполне очевидны. Это результат длительных этнических контактов. Когда начался контакт айнского и нивхского языков, пока не ясно. Но в обоих языках имеются

ова, о происхождении которых нельзя с определенностью сказать, принадлежат ли они к айнскому или к нивхскому ⁴⁴.

Кроме восточно- и североазиатских параллелей интерес представляют также оварные соответствия из австронезийских и папуасских языков. Несмотря на то, что данных по этим языкам собрано мало, несколько слов можно сопоставить со словами айнского языка, в том числе личные местоимения и числительные первой пятерки, т. е. слова «базисной лексики», которым придается перестепенное значение при выявлении генетических связей ⁴⁵. Однако это положение не следует рассматривать как свидетельство в пользу южного происхождения айнов — ведь нельзя полностью исключить, что прадиной австронезийцев являются континентальные районы Азии. Регионы формирования отоавстронезийцев и протоайнов могли располагаться поблизости на азиатском континенте, и не обязательно на его юге, возможно, севернее, чем это принято считать. К тому же большинство исследователей рассматривали древние миграции в пределах Юго-Восточной и Восточной Азии как идущие преимущественно с юга на север, но не наоборот.

Касаясь археологических материалов, следует отметить, что при изучении предметного инвентаря с территорий Центральной и Восточной Азии четко прослеживаются довольно устойчивые тенденции миграций этнических групп в восточном и северо-восточном направлении, осуществлявшиеся в течение длительного времени. Как считал А. П. Окладников, истоки восточноазиатских культур выходили из одного обширного центра — районов Внутренней Азии, именно Восточной Монголии ⁴⁶. Свидетельством этому является комплекс ре-Уул (долина р. Халхин-Гол), который сконцентрировал все элементы, характерные для районов от Прибайкалья до Японии и от Камчатки до Японии ⁴⁷. Сходство каменных орудий и анализ находок на перечисленных территориях позволяет сделать вывод, что именно районы Восточной Монголии или тем центром, откуда шли культурные импульсы на север и восток ⁴⁸. Таким образом, следует констатировать, что докерамические культуры Японии были связаны с материком.

То же относится и к культуре дзёмон, имевшей, очевидно, континентальное происхождение. В соответствии с господствующей в японской науке теорией, дзёмон развилась из регионального варианта культуры микропластин, возникшей и получившей широкое распространение на территориях северо-востока Азии ⁴⁹.

Подводя итоги сказанному, можно предположить следующее. Территория внешнего Японского архипелага была заселена из внутренних районов Азии племенами, являющейся частью древней расы (какой именно, еще предстоит окончательно выяснить). Сильная монголоидная примесь бесспорна, а вопрос об ауропоидном компоненте остается открытым. С повышением уровня Мирового океана и образованием в северной части Тихоокеанского бассейна островов, жители окраин Дальнего Востока жили в условиях относительной изоляции. В течение времени на островах сформировалась и начала свое развитие культура дзёмон, носителями которой скорее всего были предки современных айнов. В результате этнических процессов, происходящих во внутренних районах материка Азии на рубеже нашей эры, к побережью Тихого океана входят тунгусо-маньчжуроязычные общности, которые начинают вытеснять население приморских областей Дальневосточного региона, возможно, носителей чукотско-камчатских языков. Под давлением с материка на север Японских островов (Хоккайдо) и Курилы проникают северные монголоиды из восточной Сибири. Пришедшее население, очевидно, оказало влияние на носителей культуры дзёмон на севере Хоккайдо и Курильских островах, свидетельством чему является череп, найденный в раковинной куче на о. Шикотан.

¹ Prehistoric Rantier-gatherers in Japan // New Research Methods. The University Museum. The University of Tokyo. № 27. Tokyo, 1986, etc.

² В исследованиях на о. Шикотан, организованных в 1985 г. Ленинградской частью Ин-та этнографии АН СССР, принимала участие группа в следующем составе: А. Б. Спесивов (руководитель), Ю. К. Чистов, Л. Б. Ермолов, А. И. Терюков.

³ Анучин Д. Н. Племя айнов // Изв. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XX. Тр. Антропологического отдела. М., 1876. Кн. 2. Вып. 1. С. 87.

⁴ См.: Torii R. Etudes Archéologiques et Ethnologues. Les Ainu des Iles Kouriles. // Journal of the College of Science, Imperial University of Tokyo. Tokyo, 1919. V. XLII. Art. I. Воробьев М. Древняя Япония. Историко-археологический очерк. М., 1958; Козырева Р. В. Древний Сахалин. Л., 1967; Дикова Т. М. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983, и др.

⁵ Batchelor J. An Ainu-English-Japanese Dictionary. Tokyo, 1926. P. 256. 475. 480.

⁶ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С. 582—590.

⁷ Автор чрезвычайно признателен американскому антропологу К. Г. Тэрнеру, давшему заключение по зубной системе древнего человека из раковинной кучи о. Шикотан.

⁸ Ishida H., Dodo Y., Yonemura T. Human Skull of Jomon Period Excavated at Ohmagari-I Site, Abashiri, Hokkaido // Journal of the Anthropological Society of Nippon. April, 1986. V. 94. № 2. P. 205.

⁹ Гальцев-Безюк С. Д. О соединении Сахалина с материком и островом Хоккайдо в четвертичное время // Изв. АН СССР. Серия географическая. 1964. № 1.

¹⁰ См.: Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983.

¹¹ Такое мнение не ново. Еще в начале XX в. японский ученый Кумэ Кунитакэ предполагал, что «эдзо» (айны) являлись этническим подразделением «сюкусин» (сушенъ). См.: Кумэ Кунитакэ, Нихон Кодайси (Древняя история Японии). Токио, 1905. С. 765—767.

¹² Народы Сибиря // Народы мира. М.; Л., 1956. С. 784.

¹³ Kimura K. The Ainu, Viewed from Their Finger Prints and Palm Soles // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. B. 52. № 2. 1962. S. 176—198.

¹⁴ Штернберг Л. Я. Указ. раб.

¹⁵ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). Т. 36. 1958.

¹⁶ Chard Ch. S. A New Look at the Ainu Problem // VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences Abstracts of Sectional Meetings. Tokyo — Kyoto, 1968; Оцука Казуюси. Анну-но китэ (гарпуны айнов) // Кокурицу миндзокугаку хакубуцукан кэнкю хококу (собрания Государственного музея этнографии). 1976. Т. 1. № 4.

¹⁷ Ikawa-Smith F. On Ceramic Technology in East Asia // Current Anthropology. 1976. V. 17(3) *idem*. The Early Paleolithic Tradition of East Asia // Early Paleolithic in South and East Asia. The Hague, 1978; *idem*. Current Issues in Japanese Archaeology // American Scientist. 1978. V. 68 (2); Pearson R. Paleoenvironment and Human Settlement in Japan and Korea // Science. 1978. V. 197.

¹⁸ Brace C. L., Nagai Masafumi. Japanese Tooth Size: Past and Present // American Journal of Physical Anthropology. 1982. V. 59. № 4. P. 399—400, 404.

¹⁹ См. История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 117—118.

²⁰ Chard Ch. S. Op. cit. P. 217.

²¹ Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г. М. Василевич. М.; Л., 1935. С. 353.

²² Wassilewitsch G. Ursprung der Gesänge, Tänze, Spiele, Legendenerzählungen und Schamanierens bei den Ewenki // Acta Ethnographica. Budapest, 1960. T. IX. Fasc. 1—2.

²³ Руденко С. И. Древнейшая «скифская» татуировка // Сов. этнография (далее — СЭ). 1949. № 3.

²⁴ Алексеенко Е. А. Культ медведя у кетов // СЭ. 1960. № 4. С. 93; *еже*. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967. С. 172.

²⁵ Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологических классификаций // Происхождение человека и древнее расселение человечества // ТИЭ. Т. 16. 1951.

²⁶ Левин М. Г. Указ. раб. С. 291.

²⁷ Чебоксаров Н. Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. ТИЭ. Т. 2. 1947.

²⁸ Беневоленская Ю. Д. Мировое распределение затылочно-теменного указателя // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980; *еже*. Дифференциация народов Сибири и Дальнего Востока по некоторым краниологическим признакам // СЭ. 1984. № 2.

²⁹ Козинцев А. Г. Заднескуловая щель как разграничительный признак // Вопросы антропологии. 1984. Вып. 74; *еже*. Краниоскопия и расовая классификация // СЭ. 1987. № 2; Oberg N. S. Isolate Variation and Hybridization in the Population History of Japan // Bull. U of Tokyo Museum. 1986. № 27.

³⁰ Козинцев А. Г. Варианты соединения костей у нижней глазничной щели черепа человека и их частоты в разных группах // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984; *еже*. Краниоскопия и расовая классификация.

- ¹¹ *Его же*. Подгласничные швы и их значение для классификации современных человеческих рас // Вопросы антропологии. 1987. Вып. 79; *его же*. Краниоскопия и расовая классификация.
- ¹² *Его же*. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов // Генетические процессы в этнической истории. М., 1974. С. 240.
- ¹³ Spuhler J. N. Numerical Taxonomy and the Ainu Problem // Paper presented at the United States Japan Cooperative Science Program Seminar. Sapporo, 1966.
- ¹⁴ Omoto Keiichi. Blood Protein Polymorphism and the Problem of the Genetic Affinities of the Ainu // Paper Presented at the IX-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, Chicago, 1973. The Hague, 1974; *idem*. The Ainu: A Racial Isolate? // Israel Journal of Ethnology. 1973. V. 9 № 9—10; Omoto K., Misawa S. The Genetic Relations of the Ainu // The Journal of the Australians. Australian Institute of Aboriginal Studies. Canberra, 1976. № 6.
- ¹⁵ Anthropological and Genetic Studies on the Japanese / Eds Watanabe S., Kondo S., Matsunaga S. // Japanese Committee for the International Biological Programme. Synthesis. V. 2. Tokyo, 1975.
- ¹⁶ Трофимова Т. А. К айнской проблеме // Антропологический журнал. 1932. № 2.
- ¹⁷ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования на Камчатке (предварительное сообщение) // Антропологические сообщения Ин-та этнографии. 1949. Вып. V. С. 16.
- ¹⁸ Козинцев А. Г. Краниоскопия и расовая классификация.
- ¹⁹ Обзор теорий см. в следующих работах: Naert P. La situation linguistique de l'Ainou. I // Bulletin de l'Indo-européen Lunds Universitets Arsskrift N. F. Avd. I. Lund, 1958. B. 53. № 4; Taillieur O. G. L'ainu, langue paleo-eurasienne // Studia Linguistica Slavica Baltica. Canuto-Olavo Falk Sexagesimo anniv. a collegis amicis discipulis ollata. Lund, 1966. № 8; Patrie J. The Genetic Relationship of the Ainu Language // Oceanic Ling. Spec. publ. Honolulu, 1982. № 17.
- ²⁰ Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology / Suomalaisugrilainen seura. Helsinki, 1949; Parolipomena of Korean Etymologies // Memoires de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1950.
- ²¹ Бурыкин А. А., Спевковский А. Б. К ареальной интерпретации лексических сходств русского языка с алтайскими языками // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. М., 1985; Бурыкин А. А., Вовин А. В., Спевковский А. Б. Айнская проблема в свете новых данных лингвистических и ареальных связей языков Дальневосточного региона (в печати).
- ²² Хелимский Е. А. Проблема границ ностратической макросемьи языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984. С. 36.
- ²³ Бурыкин А. А. Айноско-тунгусо-маньчжурские лексические параллели (в печати).
- ²⁴ Добротворский М. М. Айноско-русский словарь. Казань, 1875; Крейнович Е. А. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели // Доклады и сообщения Ин-та языкознания. 1955. № 7.
- ²⁵ Хаттори Такэси. Гириякуго (гиляцкий язык) // Сэкай гэнго гайсэцу (очерк по языкам мира). Токио, 1957.
- ²⁶ Бурыкин А. А., Вовин А. В., Спевковский А. Б. Указ. раб.
- ²⁷ Деревянко А. П., Окладников А. П. Древние культуры восточных районов МНР (к итогам археологических исследований 1949—1967 гг.) // Сов. археология. 1969. № 4; Деревянко А. П. Маньчжурия в древности: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1971.
- ²⁸ Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973. С. 44; Окладников А. П. У истоков истории Сибири (археология сегодня) // Изв. Сибирского отделения СССР. Серия общественных наук. 1982. № 1. Вып. 1.
- ²⁹ Васильевский Р. С. Указ. раб. С. 44.
- ³⁰ Hirotsuki. Symposium: East Asia and Japan // Newsletter of Japanese Prehistory. 1975. № 3 P. 3.

АШАНТИЙЦЫ В ЭТНОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИЯ АШАНТИЙЦЕВ: ФАТАЛЬНАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ?

...имеется три типа драконов: нулевые, мнимые и отрицательные. Все они, было сказано, не существуют, од-
каждый тип — на свой особый ма-
Мнимые и нулевые драконы...
...существуют значительно менее акти-
ным способом, чем отрицательные.

Станислав Лем. Киберн

Ашантийцы — один из самых известных народов Африки. О их существовании знают все, поскольку практически любое обобщающее или справочное дание этнографического, исторического и страноведческого характера не об- дится без ссылок на ашантийцев. Немного найдется других народов, сыграв- такую же серьезную роль в становлении и развитии теоретической этногра- и послуживших основой для разработки столь многих фундаментальных по- тий и концепций, таких, например, как фетишизм¹, анимизм, тотемизм², ма- архат³, двойной счет родства и т. д.

Вместе с тем популярность ашантийцев, особенно у теоретиков первобыт- общества, привела к появлению целого ряда стереотипов, упрощенных и да- неверных представлений, которые без проверки и аргументации кочуют из од- работы в другую. Особенно много искажений в описаниях основных компо- тов ашантийского мировоззрения и традиционной социальной организа- В общем сложилась достаточно парадоксальная ситуация, когда теоретичес- образ ашантийского общества «живет» своей особой жизнью, независимо- реальных ашантийцев. Объясняется это, вероятно, тем, что ашантийский ма- риал чаще всего привлекается не столько для обоснования, сколько для на- страции того или иного положения в концепции автора. А первоначальное пр- ставление об ашантийцах сложилось в значительной мере на базе сочинен- европейских путешественников, миссионеров и торговцев, весьма далеких от- учных описаний. Однако за последние 60 лет появилась поистине огромная- учная литература, поток которой с каждым годом увеличивается, особенно- ле 1963 г., когда в Гане при финансовой поддержке ЮНЕСКО началось ос- ствление Ашантийского исследовательского проекта, направленного на ин- сивное изучение традиционной культуры и доколониальной истории аша- цев. В настоящее время ашантийцы, несомненно, относятся к числу самых- ченных этносов Тропической Африки. Но вся эта современная литерату- этнографии ашантийцев не оказывает заметного влияния на теоретические- реотипы.

Рассмотрим несколько типичных описаний ашантийского общества в со- менной литературе обобщающего характера.

1. «... государство Ашанти, образовавшееся в XVII в. и разгромленное англичанами на р- XIX и XX вв., делилось на несколько областей, которыми управляли назначаемые царем во- не. Во власти этих вождей находились старейшины местных общин, внутри которых связую- чалом было кровное родство как по отцовской, так и по материнской линии. Замещение до- вождя и наследования престола шло по женской линии. Умершего правителя обычно смен- ший из сыновей его сестры. Наследование имущества, или хотя бы части, его у простых кре- недавнего времени также шло по материнской линии. Сосуществование двух систем родства- лось в религиозных представлениях, по которым каждый человек получал от своего отца ду- матери кровь»⁴.

Приведенное описание фактически представляет собой сжатый пересказ раздела «Ашанти» в «Очерках общей этнографии», опущены только названия души (итор) и крови (абусуа) и произошла некорректная замена понятий «счет родства» и «системы счета родства» на «кровное родство» и «системы родства»⁵. Основные параметры ашантийского общества предстают здесь в следующем виде: централизованное государство, состоящее из нескольких областей; назначаемость правителей областей; сосуществование материнского и отцовского счета родства; наследование престола по женской линии.

2. «... в государстве Ашанти... в социальной структуре общества преобладали земледельческие общины смешанного родового состава, включавшие в себя различные родовые группы на основе матрилинейного счета родства и происхождения. Родовая матрилинейная группа была основной организационной ячейкой в таких сферах общественных отношений, как наследование, присвоение земли, семейно-брачные отношения, распределение общественных должностей и титулов от старейшины сельского поселения до племенного вождя — оманхене и даже верховного правителя народа — ишантихене. Там, где сохранялся материнский счет родства, женщина обычно принимала участие в семейном совете и могла дублировать роль вождя матрилинейной группы (у народов акан — ашанти и др.) ...»⁶.

Суммируем главные черты социальной структуры ашантийского общества во втором описании: государственность; гетерогенная община; матрилинейная родовая организация; матрилинейность счета родства; племенной вождь и, следовательно, наличие племен; участие женщины в семейном совете (?) и дублирование (?) функций вождя матрилинейной группы.

3. «Все ашанти делились на восемь матрилинейных родов (абусуа), а те, в свою очередь, — на более мелкие, также матрилинейные, родовые группы. Эти группы уже лишились территориального хозяйственного единства, но еще считались коллективными собственниками земли, родовых святынь, предметов родового культа. Главую группы была старшая женщина, фактическим руководителем — ее брат, старший сын или другой мужчина. Сохраняя материнский счет родства, ашанти уже перешли к вирилокальному поселению; поэтому их отдельные семьи (физфо), составляющие основные экономические ячейки общества, были зародышами патриархальных семей в их очень раннем, осложненном многочисленными остатками допатриархальных отношений виде ... Отпечаток позднематриархальных традиций носило на себе даже государственное устройство ашанти: престолонаследие шло по женской линии, очень большим влиянием пользовалась мать царя, нередко имевшая решающий голос в вопросах престолонаследия, политики, судопроизводства»⁷.

Третье описание дает следующие признаки: государственность; матрилинейная родовая организация (всего восемь родов); раннепатриархальная семья; вирилокальность послебрачного поселения; матрилинейный счет родства; матрилинейное наследование (в том числе престола); влияние матери царя; родовой культ.

Приведем еще один набор признаков, характеризующий традиционное общество ашантийцев, из сводной работы Б. И. Шаревской: раннефеодальное федеративное государство; родовая община, матрилинейная родовая организация; матрилинейный счет родства; тотемические объединения итор; патриархальная семья; авункулат; патрилокальность послебрачного поселения; культ родовых предков, перераставший в культ царей; фетишизм; политеизм⁸.

Достаточно беглого взгляда и элементарного сопоставления параметров четырех «моделей» ашантийского общества, чтобы отметить очевидную отрывочность и недостаточность описаний, увидеть несистемность общих формулировок, а также явные несоответствия и противоречия в характеристиках существенных признаков. Нет ни одного признака, кроме государственности и матрилинейности, которые бы совпадали во всех четырех описаниях. (Отметим сразу, что единое указание на сосуществование государственности и матрилинейности отражает один из самых стойких, но ошибочных стереотипов ашантийского общества в этнографической литературе). Кроме того, неясны соотношения родо-

вых, общинных и семейных институтов, а также формы сосуществования отца и материнского счета родства. В каком смысле употребляется понятие «земледельческая община» — в типологическом или хозяйственном? Что кроется за словосочетанием «присвоение земли»? Что имеется в виду под наследованием — имущество, статус или членство в родственном коллективе? Что означает «распределение общественных должностей и титулов»? Имеет ли этнографический смысл употребление категорий «сын», «брат», «сестра», «мать» без упоминания на исторический тип системы терминов родства? Как совместить утверждения о сосуществовании государства и родовой организации, государства и племенной структуры, федеративности и централизованности (унитарности) государства? Каков исторический тип семьи, общины, рода, какова специфика брачной локальности? Что такое родовой культ и исчерпывает ли он полностью религиозные представления ашантийцев? Нужно ли подчеркивать особую роль женщин в потестарном аппарате, если не сообщаются данные о функциях мужчин? Наконец, для какого этапа в этносоциальном и политическом развитии ашантийцев характерны перечисленные признаки — современного, колониального или для всех 200 лет существования «государства» Ашанти?

Этими и аналогичными вопросами читатель может задаваться бесконечно. Ответов же, к сожалению, не найти, если не обратиться к специальной литературе. Но ведь именно авторам сводных работ и учебников следовало обобщить имеющуюся информацию об ашантийцах, прежде чем приводить их в качестве иллюстративного материала в разделах о пережитках первобытности в классических обществах Тропической Африки.

Надо отметить, что ашантийцам вообще «не повезло» с самого начала: научный мир узнал их под неверным, искаженным названием *ашанти*, хотя сами они называют *асанте*, точнее, *асантефо* (ед. ч. — *асантени*). Звук [ʃ] в этнонаме появился потому, что у Т. Э. Баудича — первого европейца, описавшего ашантийцев, переводчиком оказался представитель народа *га*, в языке которого звук [s] произносится более мягко⁹. Много путаницы не только с ашантийцами, но и со всей группой народов акан, к которой они относятся, и с языком чви, диалекте которого они говорят.

Ашантийцы — самый крупный этнос группы акан, населяющей гвинейское побережье и центральные районы Ганы, юго-восточную часть Республики Гвинея, д'Ивуар и западные районы Того. Общая численность аканов превышает 10 млн чел., из них ашантийцев — около 3,5 млн.¹⁰ Аканы составляют особую лингвокультурную общность, объединяемую близостью языка, общностью происхождения и относительным единством материальной, духовной и социально-политической культуры, но все же основным интеграционным критерием выступают языковой: все они говорят на взаимопонимаемых языках. Аканские языки входят в подгруппу ква гвинейской группы языков Западной Африки по классификации Д. А. Ольдерогге или в подгруппу ква группы нигер-конго нигеро-корфанской языковой семьи по классификации Дж. Гринберга. По степени языковой близости аканов обычно подразделяют на две группы: западную (аньи, ле, нзима, аанта, сефви, чокоси, аброн, аовин и др.) и восточную (ашанти, фанти, акваним, ачем, акваму, кваву, ассин и др.); последняя в свою очередь разделяется на две группы диалектов: фанти (фанте, мфантсе) и чви.

Название языка или группы диалектов чви закрепилось в русском языке в правильной транскрипции *тви* (иногда *тши*), так как мало кто знал, что сочетание *tw*, которое имеется в названии языка, передает в аканских языках лабиализованный палатальный звук [ɕw], т. е. *twi* — это не *тви*, а *чви* (*чъви*, *чуи*). Попутно отметим, что нелабиализованный палатальный [ɕ] передается сочетанием *ку*, которое также часто неверно передает как *и* или *кь*, и поэтому в специальной литературе нередки ошибки типа Анокье (Апокуе) вместо Апокуе (легендарный персонаж, жрец-сподвижник Осея Туту, основателя Конфедерации Ашанти); Денкьера или Денкира вместо Денчира (Denkyira) и Аким Акем вместо Ачем (Akyem) — это названия политических образований, а та

нонимы; *океаме* вместо *очеаме* (*окуеате*) — должностное лицо при аканских ждях. Типичны ошибки с транскрипцией сочетаний *gy* и *dw*, передающих соответственно звуки [j] и [j]: *могья* вместо *моджа* (*mogya*) — кровь; *агья* вместо *жа* (*agya*) — отец; *Двабен* вместо *Джуабен* (*Dwaben*).

Новейшие исследования лингвистов привели к некоторым изменениям представлений о внутреннем членении языков ква. Прежняя аканская подгруппа теперь называется «вольта-комоз» и подразделяется на три ветви: гуан, оно тано; последняя, в свою очередь, состоит из групп биа и акан, соответствующих в целом прежним западной и восточной группам аканских языков. Таким образом, в современной лингвистике название «акан» закреплено только за группами диалектов чви-фанти¹¹.

Следует также отметить, что употребление термина *чви* тоже не отличается однозначностью. В узком значении термин *чви* употребляют в качестве второго звания языка (диалекта) аквапим; в обычном или наиболее распространенном — как обозначение группы диалектов, в которую входят аквапим, ашанти (санте) и ачем, что и отражено в лингвистической классификации; в широком — для номинации всех языков восточной подгруппы аканских языков (чаще всего это сводится к рассмотрению аквапим, ашанти, ачем и фанти в качестве диалектов чви). Кроме того, в Гане имеется тенденция использовать слово *чви* как синоним термина *акан* для обозначения всех аканских языков, распространенных на территории Ганы.

В сложившейся ситуации не так уж трудно разобраться, однако во многих справочниках и учебниках слишком много противоречивых утверждений, которые еще больше запутывают и так непростую картину с соотношением чви и акан¹². Например, часто пишут о народе тви или отождествляют тви с ашанти, причем не только в языковом аспекте¹³.

Единой литературной нормы языка чви нет. В то же время имеются литературные формы у диалектов аквапим, ашанти и ачем, а также у фанти и нзима. Искренность для этих диалектов была создана европейскими миссионерами в середине XIX в. на латинской основе, причем сначала был разработан нормативный вариант для всех диалектов на базе аквапимского, который и получил звание *чви*, или *чви каса*. Однако попытки учителей-миссионеров обучать других аканов по-аквапимски вызвали негативную реакцию, особенно у ашантийцев. Впоследствии Д. Вестерманн создал нормативные варианты ачем и ашанти, методистские миссионерские — фанти.

Происхождение термина *акан* до сих пор не ясно. Впервые его упомянул в 1505 г. Д. Пашеку Перейра в форме *Нессанус*. Слово *Акан* в разных транскрипциях довольно часто встречается в документах европейских фортов Золотого берега и в сочинениях путешественников и торговцев XVI—XVII вв. Аканцами зывали одну из групп населения золотобережного хинтерланда, представляли которой часто приходили в европейские форты торговать золотом. Полагали, что аканы живут в Акан, но вот что такое Акан, оставалось неизвестным. Одни авторы считали Акан страной, другие — городом, третьи — племенем, но большинство — политическим образованием (государством или вождеством). Имеются сведения о переговорах между португальцами и послами короля Акан в 1519 г., о «гражданской» войне в Акан в 1548 г.¹⁴. Было предпринято множество попыток отождествить Акан с каким-нибудь более поздним политическим образованием, существовавшим в доколониальный период в междуречье Офин — Ира — Бирим, — с Ассин, Аданси и Ачем-Абуаква, причем одна из самых популярных версий отождествляет аканов с ачемцами. Однако ни одна из предложенных гипотез не выдерживает критики¹⁵. Не ясно также, почему Акан и аканы исчезли из европейских сочинений XVIII—XIX вв. и появились только в конце XIX — начале XX в. в работах миссионеров и колониальных чиновников как соправительное название группы родственных этносов и языков.

Этимология слова «акан» тоже не совсем понятна. Наибольшее распространение имеет толкование, которое впервые привел Й. Г. Кристаллер: *акан* или

оканни (мн. ч. — **аканфо**) — «человек, говорящий на языке акан или чви; хороший, лучший, чистокровный, человек с хорошими манерами», т. е. акан — лучший, первый среди других (народов)¹⁶. В то же время обращает на себя внимание, что слово «акан» практически не используется неграмотными аканами и другими ганцами в качестве этнонима. У многих чвиязычных народов слово **оканни** употребляется только в ситуациях, связанных с личной честью и мразью. При этом они произносят почти как клятву следующую фразу: «Смотря — оканни», т. е. настоящий абориген, хорошо знающий моральные ценности своего народа в противоположность чужаку, не знающему, как себя правильно вести. Вполне возможно, что слово **оканни/аканф** стало активно использоваться с увеличением числа чужаков, скорее всего рабов, среди чвиговорящих народов в период работорговли. В таком случае этот термин отразил скорее становление и противопоставление в структуре общества новых социальных категорий, а не сохранение древних этнических связей.

Что касается этногенеза и ранней этнической истории аканов, то эта проблема породила в свое время множество этногенетических концепций. В течение почти столетия доминировали многочисленные гипотезы, так или иначе связанные с хамитским мифом или производными от него теориями, т. е. поиском африканских истоков происхождения относительно высоко развитых негроидов Африки и их культуры. Корни аканской цивилизации искали вне территории современного распространения, чаще всего в Западном Судане, связывая аканов с Древней Ганой, что в конце концов нашло свое наиболее яркое отражение в переименовании Золотого Берега в Гану после достижения независимости.

Разрабатывались также «теории» о предках-европеоидах, пришедших в лесную зону Золотого Берега из долины Нила (Египта, Мероэ), Эфиопии, Сахары и Северной Африки и даже из Финикии, Аккада и Месопотамии, Древней Греции и Рима и принеших полностью сформировавшуюся политическую и духовную культуру. Такие гипотезы в настоящее время мало кто принимает всерьез, хотя иногда и встречаются их рецидивы в трудах отдельных ганских историков. Более современная точка зрения связывает истоки аканской культуры с регионом между оз. Чад и р. Бенуэ, откуда пришли предки многих западноафриканских народов, а центром развития аканов как особой этносоциальной и этнокультурной общности считается лесная зона Золотого Берега (современные Гана и Кот-д'Ивуар); протоаканы могли формироваться в соседнем районе — в зоне саванн к северо-западу от лесного пояса, в междуречье Комоэ и Черной Вольты, примерно в XI—XII в. Об этом свидетельствуют современные данные антропологии и археологии (прямая преемственность археологических культур прослеживается по XII в.)¹⁷, а также лингвистики и этнографии. Так, например, единая система матрилинейной родовой организации и патрилатеральных группировок **нторо** (**эджабосом**) охватывает практически всех лесных и прибрежных аканов, но отсутствует у абронов и других аканов саванны, у которых несколько иная специфика социальной организации. Более того, эта система могла сложиться именно в лесной зоне, поскольку тотемические названия родов не только совпадают у всех аканов лесного пояса и побережья, но связаны с животными, которые обитают лишь в лесу или в лесу и саванне, но нет ни одного, который бы жил только в саванне. К тому же все названия группировок **нторо** совпадают с аканскими названиями рек и других водоемов именно этого региона, а большинство родов возводят свое происхождение к Амансе, Аданси и Денчире — крупным этнополитическим образованиям лесной зоны в междуречье Пра — Офин¹⁸.

Как этническая общность ашантийцы сформировались довольно поздно, вероятнее всего в середине XVIII — начале XIX в., в результате консолидации различных аканских групп на территории Конфедерации Ашанти (около 1700—1896 гг.). Конфедерация возникла как военный союз нескольких вождей (**аканов**) во главе с **кумасихене** (правителем Кумаси) для борьбы с Денчирой. Устная традиция утверждает, что этих оманов было пять, но в литературе называются и другие цифры, а также даются несовпадающие списки первых оманов.

или *аманто*¹⁹. Правители почти всех первых оманов (*оманхене*) были членами одного рода и находились в родственных отношениях с кумасихене, который, став верховным правителем, получил титул *асантехене*. Думается, не совсем корректно писать этот титул в форме *ашантихене*, как это часто делается, а также определять верховного правителя Ашанти как оманхене²⁰, равно как и оманхене называть всего лишь вождем (*охене*)²¹.

По поводу этимологии этнонима и политонима *асанте* существует несколько версий. Самая распространенная утверждает, что он происходит от слов *san* (названия растения) и *tew* (есть), т. е. асанте — это «люди, которые едят растение сан»; аналогично: фанти (или фанте) — «люди, которые едят растение фан»²². Очевидно, перед нами так называемая народная этимология. Большого доверия заслуживает другое объяснение: *osa* — «война»; *nle* — «для, ради, из-за»; префикс *a-* — показатель мн. числа; т. е. *асанте* — «объединившиеся для войны (войн)», «военный союз»²³. Первоначально термин *асанте* применялся только к «настоящим ашантийцам», т. е. к аманто, создавшим конфедерацию²⁴. Таким образом, термин *асанте* возник как социально-политический и только к концу XVIII в. приобрел этническую окраску. Основным фактором, способствовавшим этнической консолидации ашантийцев вокруг населения аманто, выступила их социально-политическая общность в рамках Конфедерации Ашанти. Поэтому трудно согласиться с утверждениями, что Конфедерация объединила племена ашанти или что португальская экспедиция Ж. ди Сантарена и П. ди Эшкюара достигла страны Ашанти в 1417 г.²⁵ Ни племен ашанти в XVII в., ни страны Ашанти в XV в. просто не существовало.

Такой подробный экскурс в этническую историю ашантийцев и аканов, а также анализ соотношения понятий *асанте*, *акан* и *чви* представляется необходимым, так как в различных сводных работах ашантийская этнокультурная и социально-политическая специфика выдается за общеаканскую, т. е. всех аканов сводят только к ашантийцам (а иногда отождествляют и все аканские политические образования XV—XVIII вв. с Конфедерацией Ашанти), хотя аканы довольно существенно различаются по многим признакам, особенно крупные этносы побережья и саванны (например, фантийцы и аброны), а бауле и ании вообще имеют мало общего с ашантийцами в социально-политической сфере. Обосновывается же такой подход, как правило, тем, что «культура и религия ашанти наиболее характерны для всех акан»²⁶. Точнее было бы, наверное, отметить, что культура ашантийцев сохранилась в более самобытном варианте из-за того, что они позднее большинства других аканов подверглись непосредственному влиянию европейцев — в конце XIX в., в то время как аканы побережья — с XV в. В то же время существует и противоположная тенденция — приписывать ашантийцам так называемые общеаканские черты, которые им вовсе не свойственны.

Встречаются и такие загадки, как «народы ашанти»²⁷ или, наоборот, «племя акан», а иногда и «собственно аканы»²⁸, или же ашанти и аканы перечисляются как разные народы, причем аканы рассматриваются в качестве особого этноса²⁹. Бывают и совершенно непонятные утверждения типа отнесения ашантийцев к прибрежным народам³⁰, а фантийцев, напротив, к лесным³¹. Но пожалуй, самым интересным феноменом (подстать отрицательным драконам С. Лема), уверенно кочующим из одного справочника в другой, следует признать аканский этнос квайя или квейя³², которого никогда не было и нет. Вероятно, это очередной результат неверной транскрипции. Есть довольно малоизвестный аканский этнос *кwaву* (*квау*), название которого пишется как *kwaɔwi* или *kwaɔhi*. Возможно, это он превратился в *квейя*, хотя одновременно указывается и он, но уже как *кваху*. Типична и аналогичная ошибка с этнонимом *аанта* или *анта* (*ahanta*) — его часто превращают в *аханта*.

Ашантийцы давно уже стали хрестоматийным примером матриархата или, точнее, позднего матриархата, в другой трактовке — позднематрилинейного или позднего матриродового общества. Название этой стадии в развитии первобытного общества меняется с прогрессом теоретической мысли, но ашантийцы

продолжают фигурировать в качестве эталона или аналога³³. М. О. Косве именно у ашантийцев находил развитый матриархат³⁴ и в то же время подчеркивал классовый характер их традиционного общества: «Этнографии известны народы, достигшие очень высокого развития, когда родовое общество превращается уже в классовое, у которых тем не менее еще силен матриархат. Именно здесь мы имеем матриархат в его самой высокоразвитой форме. Таковы няяры, минангкабау, ашанти»³⁵.

В современной литературе наблюдается то же самое: ашантийцы перечисляются среди народов, «перешагнувших порог классового общества», но сохранивших материнский род³⁶: «... материнский род ... мог ... продолжать существовать вплоть до возникновения классов и государства (минангкабау о. Суматра, нас провинции Юньнань в КНР, ашанти Зап. Африки)»³⁷. В новейшем учебнике истории первобытного общества можно прочитать: «Этот вариант развития поздний матриархат, меньше распространен и все еще хуже изучен, чем патриархат, но бесспорно (разрядка моя. — В. П.) зафиксирован. Таковы, например, микронезийцы, малайцы-минангкабау Суматры, гаро и кхаси Горного Ассам, ашанти, дагомейцы и некоторые другие народы Тропической Африки»³. Далее излагается ашантийский материал и также подчеркивается наличие ашантийцев государственности³⁹.

Такие категоричные утверждения о государстве и классовом характере доколониального общества ашантийцев, причем без серьезной аргументации и без ссылок на специальные исследования, довольно типичны. Более того, в советской африканистике весьма распространена точка зрения на Конфедерацию Ашанти как на государство феодальное (иногда — раннефеодальное), восходящая к работам И. И. Потехина⁴⁰, хотя уровень развития ашантийцев и других аканов, достигнутый ими к началу британской колонизации, всегда был дискуссионным вопросом. Как представляется, суждения о феодальном характере общественных отношений в Конфедерации Ашанти вызваны механическим повторением выводов, сделанных в свое время западноевропейскими исследователями ашантийского общества (прежде всего крупнейшим авторитетом в этнографии ашантийцев Р. С. Рэттреем), которые, естественно, ориентировались не на марксистскую модель феодализма. Следовательно, некритическое использование материалов и категориального аппарата немарксистских исследователей создает предпосылки для произвольной модернизации и неадекватных заключений о специфике развития ашантийцев в доколониальную эпоху.

Специальное системно-типологическое исследование традиционной социальной организации ашантийцев позволило прийти к выводу, что ашантийское общество в предколониальный период находилось на стадии перехода от первичной формации ко вторичной, а Конфедерация Ашанти представляла собой союз племен-вождеств, но не государство в марксистском понимании этой категории⁴¹.

Ашантийское общество предколониального периода так и не превратилось в государство, хотя и подошло в своем развитии плотную к раннегосударственным институтам. Причиной консервации на предгосударственной стадии и застойности социально-экономического развития ашантийцев являлись экологические условия региона, в которых не мог быть обеспечен стабильный прибавочный продукт. Он стал появляться только с активизацией торговых связей с европейцами, особенно в период работорговли. Отсутствие необходимых материальных ресурсов для саморазвития и возможность существования только за счет посредничества обусловили ярко выраженный экспансионистский характер функционирования Конфедерации Ашанти. В социально-экономическом плане она представляла собой военно-торговый организм. Опираясь на сильную военную организацию и используя огнестрельное оружие, правители Ашанти завоевали право на монопольную торговлю с европейцами и превратили Конфедерацию в мощную державу, под контролем которой в период расцвета (конец XVIII — начало XIX в.) находились земли, примерно соответствующие территории современной

енной Ганы. В Ашанти возникла и развивалась социальная дифференциация, то, разумеется, способствовало росту имущественного неравенства и первичных форм эксплуатации, однако противоречия между социальными группами не приобрели еще антагонистического, классового характера.

Формационная атрибуция предколониального общества ашантийцев дает основания для вывода о вторичности процессов классовообразования и разложения первобытных отношений, поскольку эти процессы в Конфедерации Ашанти детерминировались внешними факторами. Ашантийский вариант возникновения становления вторичных предгосударственных образований и перехода к классовому обществу типичен не только для истории Тропической Африки в доколониальную эпоху, но и для развития синполитейной первобытной периферии в условиях опосредованного воздействия более прогрессивных, классовых обществ нового времени.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос о репрезентативности ашантийского общества для реконструкции истории первобытности в классическом, аполитейном варианте. Ведь совершенно очевидно, что исторический путь развития ашантийцев принципиально отличается от классического, и поэтому они не могут привлекаться в качестве этнографического аналога позднематриархального общества, если, конечно, не сконструировать некий особый синполитейный матриархат. В то же время, учитывая типичность синполитейного развития ашантийцев, удивляет их отсутствие в качестве аналога соответствующих процессов в тех разделах сводных и обобщающих работ, которые посвящены судьбам первобытной периферии в новое время⁴². Впрочем, в этих разделах, как ни странно, вообще отсутствует доклассовая периферия Африки.

Совершенно ясно, что стереотипное включение ашантийцев в перечень позднематриархальных/позднематеринских обществ неправомерно. Даже если рассматривать доколониальных ашантийцев как классовое общество, то сама формулировка позднего матриархата как этапа в развитии первобытности не допускает включения, да еще в качестве представителей наиболее развитого варианта, тех обществ, которые достигли более высокой ступени развития — перешли к вторичной формации и создали государство. Здесь явное логическое противоречие. Но даже если исходить из классического определения позднего матриархата как преобладающего положения женщины в хозяйстве и обществе⁴³, то ашантийский материал явно в него не вписывается, поскольку преобладания женской половины не наблюдалось; практически во всех сферах, прежде всего экономической и социально-политической, доминировали мужчины.

Представляется необходимым обратить внимание еще на одно противоречие. С одной стороны, исследования последних лет привели к необходимости серьезнее, а в некоторых случаях кардинально переоценить и переосмыслить теоретическое наследие в области первобытной истории⁴⁴, и в частности был сделан вывод, что «сущность позднематеринских обществ определялась не столько сохраняющейся матрилинейностью, сколько чертами, свойственными любому разлагающемуся первобытному обществу»⁴⁵. Более того: «Матриархат в прямом смысле этого слова не существовал ни как совокупность общественных порядков, ни как более как этап в развитии первобытности... Термин все больше переставал соответствовать своему прямому значению и начал выходить из употребления»⁴⁶. Однако с другой стороны, этот «выходящий из употребления» термин все же продолжает использоваться и в 3-м издании практически единственного в СССР учебника по первобытной истории в качестве обозначения совокупности общественных порядков и как название одного из вариантов развития позднепервобытного общества⁴⁷, а основной этнографический аналог — ашантийцы.

Современные представления о специфике ранних этапов развития общества допускают сведения всего процесса перехода от первичной формации ко второй к смене только иерархии ролей по признаку пола. Происходит переосмысление соотношения основных форм филиации, что обусловлено, в частности, знанием принципиальной невозможности трансформации одной формы ли-

нейности в другую, т. е. матрилинейности в патрилинейности или наоборот. Менялась не форма, а принцип счета родства, т. е. генеалогический принцип пришел на смену групповому. Поэтому есть все основания «перенести... акцент на рассмотрение трансформации латеральных систем (где преемственность осуществляется от группы к группе) в системы линейные (где доминирует индивидуальная преемственность)»⁴⁸. Конкретные шаги в этом направлении уже сделаны в том числе разработана принципиально иная историческая типология счета родства: билатеральность → унилатеральность (в матри- и патрилатеральной формах) → унилинейность (в матри- и патрилинейной формах) → билинейность⁴⁹.

Ашантийское общество обычно относят к матрилинейным, поскольку у ашантийцев и поныне существуют матрилинейные роды (*абусуа*), точнее, даже иерархия родовых институтов: *абусуанон* — *абусуа* — *яфуну*. Однако имеется еще социальный институт нторо, системообразующей детерминантой которого является счет родства по отцу. Члены одного нторо были связаны общей символикой (имя, тотем, особые приветствия), обрядностью и культом. В нторо не было строгой экзогамии, как в абусуа, скорее это были экзогамные группировки. Поэтому определения нторо как патрилинейного рода не являются корректными. Группировкам нторо принадлежит особое место в структуре ашантийского общества, так как на их базе создавались военные отряды асафо.

Параллельное функционирование институтов абусуа и нторо дало основание многим зарубежным этнографам квалифицировать ашантийцев как общество с двойной филиацией. Однако М. Фортез пришел к выводу о несоответствии такого представления реальным фактам, так как нторо не являются корпоративными социальными группированиями⁵⁰. С этим мнением трудно согласиться, ибо институт нторо характеризует достаточное число корпоративных признаков. Но общий вывод правомерен. Наличие института нторо свидетельствует об определенной значимости патрилатеральных связей, но не о патрилинейной филиации. Поэтому следует считать недостаточно обоснованным включением ашантийцев в список этносов с двойной унилинейностью. Д. Гуди, разрабатывая классификацию общества с двойным счетом родства, отнес ашантийцев к тем обществам, у которых наряду с матрилинейными подразделениями параллельно существуют второстепенные агнатные унилинейные группы, имеющие название «унилинейный» точнее было бы употребить «унилатеральный». В целом имеется достаточно фактов, чтобы реконструировать процесс трансформации счета родства у ашантийцев и других акамов от билатеральности через стадию унилатеральности к унилинейности в матрилинейной форме.

О латеральности счета родства свидетельствует прежде всего бифуркативный тип системы терминов родства, носящий групповой, классификаторский характер. Следы билатеральности прослеживаются в ашантийском представлении о полноправном человеке, которым считался только тот, кто знал своих родственников как по отцу, так и по матери. Поэтому вступающий в должность вождя обязательно перечислял на официальной церемонии не только своих матрилинейных, но и патрилатеральных предков. Ритуальные плачи также начинаются с обращения к предкам с обеих сторон. О билатеральности может свидетельствовать и феномен слияния альтернативных поколений в структуре системы терминов родства, а также наличие расширенных групп сиблингов. К единству групп сиблингов восходит, по-видимому, институт соправления *охене* и *охемы* (женский род от *охене*), репрезентирующий к тому же солидарность и равноправие различных сиблингов. Система управления протоашантийским обществом на этих стадиях развития, судя по всему, базировалась на поочередном нахождении у власти наследующих друг другу групп сиблингов. Отметим в связи с этим типичную ошибку, когда оманхема или асантехема называется королевой-матерью царя и т. п. На самом деле она почти всегда была сестрой или племянницей правящего асантехене, но никогда — матерью. Поэтому большое влия-

асантехемы свидетельствует не столько о доминировании женского пола в социально-политической сфере, сколько о равноправии разнополых сиблингов — деривате билатеральности. К тому же главным претендентом на пост асантехене был не старший сын его сестры (см. описание 1), а брат, т. е. сиблинг мужского пола. Естественно, наследницей асантехемы была сестра.

Унилатеральность появляется тогда, когда вертикальные связи становятся важнее горизонтальных, т. е. филиация приобретает большее значение, чем брачные связи. При этом происходит одновременное образование патрилатеральных и матрилатеральных группирований. Именно к этому этапу следует отнести генезис социального института нторо, так как связи по нторо имели именно патрилатеральный, а не патрилинейный характер. Генеалогии нторо охватывали не более трех поколений, и все связи, как правило, ограничивались группой сиблингов отца и группой сиблингов эго. На этой же стадии изменяются правила наследования титулов и статусов. Одни из них начинают наследовать только в пределах матрилатеральных группирований (абусуа, яфуну), другие — в рамках патрилатеральных (нторо, асафо). С появлением правовой значимости матрилатеральных институтов возникает передача статуса и имущества детям сестры. Трон асантехене рассматривается в качестве «брата матери» для всех троюв оманхене категории аманто, поэтому все оманхене считаются племянниками асантехене. Предки и потомки воспринимаются уже в авункулатной связи брата матери и племянника, и даже рабы стали называть своего хозяина дядей по матери.

Признаком унилинейности могут служить сравнительно глубокие генеалогии: в начале XX в. взрослые ашантийцы в массе знали свои вертикальные связи глубиной на 4—6 поколений, а некоторые вожди — до 10—14 поколений. Кроме того, члены одной абусуа стали возводить свои происхождения уже к одной реальной или мифической прародительнице, а не к группе женских сиблингов, как при патрилатеральном счете. О выделении биологических родственных связей в качестве системообразующих свидетельствует и трактовка термина *абусуа* как синонима слова «кровь». Индикатором унилинейности может служить и возникновение индивидуальных терминов для породителей и описательного способа обозначения относительного возраста в структуре системы терминов родства, что является следствием тенденции к генецентризму — выделению прямой линии родства. Наличие развитого культа предков также говорит в пользу вывода о возникновении линейного счета. Укрепление и развитие матрилинейного счета родства происходило в процессе становления новой политической общности — Конфедерации Ашанти, а также других сдвигов в социальной сфере (в том числе классовообразования) под влиянием внешних факторов в XVIII—XIX в.

Таким образом, характеристика ашантийского общества как матрилинейного или с двойной филиацией является неполной и не отражает специфику развития его счета родства. Факты свидетельствуют, что примерно до середины XVIII в. ашантийцы прошли через стадии билатеральности и унилатеральности в двух формах, а в XIX в. происходил переход от латеральных форм к линейной (в матриформе) с сохранением отдельных институтов патрилатеральности (нторо). Такая трактовка сущности института нторо позволяет понять, почему он утратил свою социальную значимость в современных условиях, когда имеется достаточно стимулов к развитию патрилинейных институтов. В связи с этим трудно согласиться с мнением, что в культе нторо отразилось образование патриархальной семьи⁵², хотя в богатых семьях и появилось стремление передать нажитое не матрилинейным наследникам, а собственным детям. Но такая возмужность касается только денег и индивидуально нажитого имущества или же других объектов собственности (плантации какао) и с институтом нторо никак не связана.

В данной статье автор стремился продемонстрировать, что модели ашантийского общества, которые фигурируют в обобщающих и сводных работах, как правило, имеют мало общего со своим реальным прототипом, не учитывают ди-

намику развития ашантийцев, их синполитейность и вторичный характер социально-политической эволюции, грешат искажениями и ошибками в изложении вполне установленных фактов. Налицо явный разрыв между теоретическим образом и конкретной этнографией, что не может не вызывать беспокойства у специалистов. Аналогичные причины уже вынуждали ганских исследователей выступить с довольно резкими «разъяснениями» некоторых моментов социальной и духовной жизни ашантийцев, неадекватно описанных американскими антропологами⁵³.

Конечно, путь тотального опровержения сам по себе рискован, но что остается делать, когда в новом учебнике по этнографии Африки почти все, что сообщается об ашантийцах, неверно. В частности, неточно описание обряда наречения имени, из которого вряд ли можно узнать, что первое имя ребенок получает сразу от дня недели, в который он родился, и что второе имя дает ребенку его отец на восьмой (но не на шестой, как указано) день⁵⁴. Не может не удивить, почему у ашантийцев, разработавших собственную систему веса и счета, основной мерой был вес пшеничного зерна, хотя они никогда не выращивали пшеницу⁵⁵. Есть и явные опечатки, но ведь читатель о них не догадывается (например, ашантийские имена на самом деле звучат как Осефо, Яо, Опоку; а Атумфуо — не имя, а почетный титул)⁵⁶.

В другом учебном пособии утверждается, что ашанти носят плащи, хотя имеется в виду знаменитое *кенте* (типа римской тоги)⁵⁷.

Далее, не совсем понятно, почему Е. С. Котляр утверждает, что духи предков называются *нторо*, а не *саманфо*, что *абусуа* — это название культа родовых предков, а не рода⁵⁸. Ведь есть же хорошая сводка данных по религиозным представлениям ашантийцев⁵⁹. Или: почему И. Л. Андреев пишет о представлениях ашантийцев, «согласно которым дух крови „абусуа“ постепенно порождает и выделяет из себя дух спермы „нторо“»⁶⁰. Ведь в книге В. Б. Иорданского⁶¹ на которую сделана ссылка, нет ничего подобного и материал в ней подан достаточно корректно. Удивляет также и серьезность, с которой И. Л. Андреев отстаивает матриархат, подкрепляя свою точку зрения такими давно опровергнутыми аргументами, как авункулат, аталычество и «теорема» Э. Тэйлора 1889 г.⁶²

Наконец, нельзя не отметить статьи Н. Г. Панковой, посвященные аканам⁶³ в которых автор грешит вторичным цитированием, противоречит себе в описаниях основных социальных институтов, путается в названиях (и их транскрипции) аканских социальных явлений, этносов, политических образований, имен и т. п., определяет Конфедерации Ашанти и Фанти как общества раннефеодального типа и тут же пишет о племенах и обществах племенного типа, затем обнаруживает фратрии (?) и без всяких ссылок приводит якобы легендарную этимологию этнонима *ашанти* как союза пяти⁶⁴. Ашантийская акура — община позднербовитного типа — определяется ею как сельская, но состоит из серии (?) родовых общин⁶⁵ и т. п., не говоря уже о таких «мелочах», как устаревшие сведения о численности аканских этносов⁶⁶ или небрежность в переводе, превратившая в физика первого историка-аборигена Золотого Берега врача К. Х. Рейндорфа⁶⁷. Тем не менее Н. Г. Панкова уверенно формулирует в своем автореферате, что в «научный оборот вводятся новые материалы, которые могут способствовать дальнейшей разработке вопросов теории этноса, этнопсихологии и т. п.»⁶⁸. А если эти «новые» материалы действительно «включить в учебные курсы по этнографии Африки»?⁶⁹

Разумеется, в разные годы выходили достаточно серьезные и весьма продуктивные исследования Н. Б. Кочаковой, И. В. Следзевского и И. Е. Синицыной⁷⁰ в которых традиционные институты ашантийцев охарактеризованы по первоисточникам. Довольно корректно изложен ашантийский материал и в «Очерка общей этнографии». М. О. Косвен, при всей его увлеченности концепцией матриархата, так же вполне объективно для своего времени описал ашантийское традиционное общество⁷¹. Но почему-то и эти работы не влияют на теоретическое видение проблем ашантийцев.

Как уже совершенно справедливо подчеркивалось, «последние десятилетия отмечены быстрым подъемом теоретического уровня марксистской этнографии. Начавшись в области разработки теории этноса, этот процесс с настоящего времени охватил, пожалуй, все другие сферы нашей науки. При этом, естественно, возникла необходимость в переосмыслении и уточнении многих привычных понятий и упорядочении связанных с ними терминов»⁷². Однако если трезво оценивать сложившееся положение, то меньшую актуальность представляет необходимость серьезных коррективов и даже пересмотра того фактического материала, на базе которого развивается теоретическая мысль нашей области знания. Это естественное продолжение саморефлексии этнографии как науки.

Теоретические стереотипы ашантийского общества — лишь частный случай, хотя и довольно показательный, серьезной проблемы отражения фактов конкретной этнографии в теоретических обобщениях. Ведь «всякий раз необходима тщательная критика адекватности и достоверности полученной информации»⁷³. Но пока это методологическое требование не станет подлинным руководством к действию, лемовские вероятностные драконы будут жить и размножаться.

Примечания

- ¹ Самое первое описание фетишизма как явления и первое в литературе употребление самого термина «фетиш» принадлежит голландскому путешественнику В. Босману, описавшему верования прибрежных аканов, родственных ашантийцам (Токарев С. А. Истоки этнографической науки. М., 1978. С. 105).
- ² Т. Э. Баудичу принадлежит приоритет описания тотемических названий родов, т. е. он первым обнаружил явление, получившее впоследствии название тотемизма (Bowich T. E. Mission from Cape Coast Castle to Ashantee. L., 1819). См.: Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М., 1948. С. 65; Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1965. С. 166—167.
- ³ Косвен М. О. Указ. раб. С. 65.
- ⁴ Основы общей этнографии. М., 1968. С. 146—147.
- ⁵ Ср.: Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка. М., 1957. С. 304.
- ⁶ Этнография. М., 1982. С. 149.
- ⁷ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. 3-е изд. М., 1982. С. 180 (2-е изд. 1974. С. 189).
- ⁸ Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964. С. 158—167.
- ⁹ Ratray R. S. Ashanti Proverbs. Oxford, 1916. P. 108.
- ¹⁰ Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 557—560.
- ¹¹ Stewart J. M. Niger-Congo, Kwa // Current Trends in Linguistics. 1969. V. 7; Languages of the Akan Area // Mitteilungen der Basler Afrika Bibliographien. Communications from the Basel Africa Bibliography. 1976. V. 14. P. 5—10.
- ¹² См., например, Львова Э. С. Этнография Африки. М., 1984. С. 12.
- ¹³ Андрианов Б. В. Население Африки. М., 1964. С. 87; Население земного шара. М., 1965. С. 222; Гана // Большая Советская Энциклопедия (далее — БСЭ). Т. 6. М., 1971. С. 87; Страны и народы. Западная и Центральная Африка. М., 1979. С. 121.
- ¹⁴ Boahen A. A. Arcany or Accany or Arcania and the Accanists of the 16th and 17th Centuries European Records // Transactions of the Historical Society of Ghana. 1973. V. 14.
- ¹⁵ Kiyaga-Mulindwa D. The «Akan» Problem // Current Anthropology. 1980. V. 21. № 4.
- ¹⁶ Christaller J. G. A Dictionary of the Asante and Fante Languages, Called Tshi (Chwee, Twi). Basel, 1881.
- ¹⁷ Boahen A. A. The Origin of the Akan // Ghana Notes and Queries. 1966. № 9; Posnansky M. Archaeology and the Origins of the Akan Society in Ghana // Problems in Economic and Social Archaeology. L., 1976.
- ¹⁸ Boahen A. A. The Origin of the Akan; Dickson K. B. A Historical Geography of Ghana. Cambridge, 1969.
- ¹⁹ См. обзор: Попов В. А. Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М., 1982. С. 19.
- ²⁰ Народы Африки. М., 1954. С. 281, 295.
- ²¹ Там же. С. 281; Основы этнографии. С. 146.
- ²² Ellis A. B. The Tshi-Speaking Peoples of the Gold Coast of West Africa. L., 1887. P. 334.
- ²³ Busia K. A. The Position of the Chief in the Modern Political System of Ashanti. Oxford, 1951. P. 52.
- ²⁴ Arhin K. The Structure of the Greater Ashanti (1700—1824) // Journal of African History. 1967. V. 8. № 1. P. 67.
- ²⁵ Горнунг М. Б., Липец Ю. Г., Олейников И. Н. История открытия и исследования Африки. М., 1973. С. 59.

- ²⁶ Шаревская Б. И. Указ. раб. С. 159.
- ²⁷ Страны и народы. Западная и Центральная Африка. С. 122.
- ²⁸ Косвен М. О. Матриархат в Западной Африке // Сов. этнография (далее — СЭ), 1934. № 1—2. С. 52; Панкова Н. Г. Развитие этнического самосознания у аканов Ганы // Расы и народы. Вып. 14. М., 1984. С. 148.
- ²⁹ Кирей Н. И. Народы Африки. Краснодар, 1973. С. 12, 68.
- ³⁰ Этнография. С. 46.
- ³¹ Страны и народы. Западная и Центральная Африка. С. 121.
- ³² Андрианов Б. В. Акан // Африка. Энциклопедический справочник. Т. 1. М., 1963. С. 204; Гана // Африка. Энциклопедический справочник. Т. 1. М., 1986. С. 418; Потехин И. И. Акан // БСЭ. Т. 1. С. 325; Брук С. И. Указ. раб. С. 578—579.
- ³³ Небольшой опрос около 40 коллег по Институту этнографии АН СССР и студентов-этнографов показал, что ашантийцы прежде всего ассоциируются с матриархатом, причем у тех, кто имеет или получает базовое этнографическое образование, такая ассоциация проявилась гораздо жестче чем у востоковедов и археологов.
- ³⁴ Косвен М. О. Матриархат. С. 64—66; *его же*. Очерки истории первобытной культуры. М. 1953. С. 110.
- ³⁵ Косвен М. О. Переход от матриархата к патриархату // Родовое общество. М., 1951. С. 93—94.
- ³⁶ Семенов Ю. И. Проблема начального этапа родового общества. Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968. С. 174.
- ³⁷ Семенов Ю. И. Первобытнообщинный строй // БСЭ. Т. 19. 1975. С. 356.
- ³⁸ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. Указ. раб. С. 179.
- ³⁹ Там же. С. 180.
- ⁴⁰ Потехин И. И. О феодализме у ашанти // СЭ. 1960. № 6; *его же*. Становление новой Ганы М., 1964.
- ⁴¹ Попов В. А. Ашантийцы в XIX в. С. 141—145; ср. *его же*. Этнополитические организмы аканов доколониальной эпохи (проблемы генезиса и стадийно-формационной атрибуции). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1987. С. 10, 26.
- ⁴² Первобытное общество. М., 1975. С. 205—285; Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. Указ. раб. С. 208—210.
- ⁴³ Косвен М. О. Матриархат. С. 3.
- ⁴⁴ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 242—243.
- ⁴⁵ Первобытное общество. С. 101.
- ⁴⁶ Першиц А. И. Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии // СЭ. 1983. № 5. С. 66. См. также Першиц А. И. Матриархат: иллюзии и реальность // Вестн. АН СССР. 1986. № 3.
- ⁴⁷ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. Указ. раб. С. 178—181.
- ⁴⁸ Girenko N. M. More on Marxism and Matriarchate // Current Anthropology. 1979. V. 20. № 4. P. 815.
- ⁴⁹ Там же; Гиренко Н. М. К вопросу об эволюции систем родства у некоторых народов Экваториальной и Тропической Африки // Африканский этнографический сборник. Вып. XI. Л., 1978; Попов В. А. Система терминов родства аканов как этносоциологический источник // Там же. Вып. XIII. Л., 1982.
- ⁵⁰ Fortes M. Kinship and Marriage among the Ashanti // African System of Kinship and Marriage L., 1950. P. 253, 267.
- ⁵¹ Goody J. The Classification of Double Descent Systems // Current Anthropology. 1961. V. 2. № 1. P. 11.
- ⁵² Шаревская Б. И. Указ. раб. С. 167.
- ⁵³ См., например, Akwabi-Ameyaw K. Ashanti Social Organization: Some Ethnographic Clarifications // Ethnology. 1982. V. 21. № 4.
- ⁵⁴ Львова Э. С. Указ. раб. С. 122.
- ⁵⁵ Там же. С. 188.
- ⁵⁶ Там же. С. 122, 172, 234.
- ⁵⁷ Кирей Н. И. Этнография народов Африки. Краснодар, 1983. С. 74.
- ⁵⁸ Котляр Е. С. Ашанти мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 143.
- ⁵⁹ Шаревская Б. И. Указ. раб. С. 158—167.
- ⁶⁰ Андреев И. Л. Рукописная страница истории марксизма. (Проблема общины и рода в рукописях К. Маркса 70—80-х годов). М., 1985. С. 152.
- ⁶¹ Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982. С. 258—260.
- ⁶² Андреев И. Л. Указ. раб. С. 150.
- ⁶³ Панкова Н. Г. Указ. раб.; *ее же*. Динамика этнополитических процессов в районе Золотого Берега (XV—XIX вв.) // СЭ. 1983. № 4.
- ⁶⁴ *Ее же*. Развитие этнического самосознания... С. 149—150, 152.
- ⁶⁵ Там же. С. 149; *ее же*. Этнические процессы у аканов Ганы XVII—XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 14.
- ⁶⁶ *Ее же*. Динамика этнополитических процессов... С. 117; *ее же*. Этнические процессы у аканов... С. 3.
- ⁶⁷ *Ее же*. Развитие этнического самосознания... С. 158;
- ⁶⁸ Там же. С. 5.
- ⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Кочакова Н. Б. Особенности производства и присвоения прибавочного продукта в странах Бенгальского залива // Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970; Следзевский И. В. Крестьянская община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978; Симицына И. Е. Традиционные институты в работах африканских ученых (Дж. Сарба, Дж. Данква, Н. А. Олленну) // Изучение истории Африки. Проблемы достижения. М., 1985.

⁷¹ Косвен М. О. Матриархат в Западной Африке. С. 52—65.

⁷² Першиц А. И. Социально-экономическая терминология. С. 59.

⁷³ История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 40.

К. В. Чистов

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В. К. СОКОЛОВОЙ

В настоящем номере мы публикуем список основных трудов по фольклористике и этнографии одной из старейших сотрудниц Института этнографии АН СССР доктора филологических наук Веры Константиновны Соколовой. Список этот готовился к 80-летию В. К. Соколовой, однако ей не суждено было увидеть его в печати. 7 августа 1988 года мы попрощались с ней навсегда.

В. К. Соколова была одной из виднейших представительниц старшего поколения фольклористов нашей страны. Начало ее научной деятельности тесно связано с кругом сотрудников и учеников братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых (Э. В. Померанцева, В. Ю. Крупянская, С. И. Минц, Р. С. Липец, В. И. Чичеро и др.). Под руководством Ю. М. Соколова она еще в студенческие годы стала специализироваться по русскому фольклору. Под его руководством В. К. Соколова в 1937—1940 гг. написала кандидатскую диссертацию («А. К. Толстой и фольклор»). В последующие годы ученая сохранила интерес к литературно-фольклорной тематике (см. статьи о Пушкине и фольклоре, декабристах Гоголе и др.), однако она перестала быть для нее основной.

Первые печатные работы В. К. Соколовой были опубликованы на страницах «Сов. этнографии». В № 1 за 1949 год (т. е. сорок лет тому назад) появились сразу две ее рецензии — на сборник «Народное творчество Южного Урала» И. С. Зайцева и «Исторические песни на Тереке» Б. Н. Путилова. С тех пор В. К. Соколова стала постоянным автором журнала и несколько позже — членом редколлегий. За сорок лет она опубликовала на страницах журнала несколько десятков статей и рецензий. Эти работы, так же, как и многочисленные публикации в других изданиях и особенно опубликованные в 60—80-е годы книги принесли В. К. Соколовой широкую известность в нашей фольклористике и безусловное признание как видной представительницы «Школы братьев Соколовых» — весьма значительного явления в нашей фольклористике 30—70-х годов. Основательная фольклористическая выучка в сочетании с поразительным трудолюбием и стремлением открывать новые для науки факты выдвинули В. К. Соколову в число авторитетных фольклористов-русистов, а в последние два десятилетия также и фольклористов-славистов. Ее работы были и остаются незаменимыми собраниями фактов для каждого, кто занимается исследованием русских и славянских исторических песен, исторических преданий и календарно-обрядового фольклора. Как бы ни развивалась фольклористика, какие исследовательские концепции ни получали популярность, разыскания В. К. Соколовой не теряют своего значения — они насыщены материалами, извлеченными из архивных собраний, столичной и губернской периодики, полевых материалов экспедиций, как старых, так и осуществленных в последние десятилетия.

Научное наследие В. К. Соколовой обладает бесспорным и своеобразным качеством — при всей своей значительности — оно сравнительно легко осязаемо.

После нескольких лет работы в журнале «Сов. краеведение», в Гос. Литературном музее, преподавания в Хабаровском пединституте В. К. Соколова в 1946 году поступает в докторантуру Института этнографии АН СССР, где работает более сорока лет, пройдя путь от младшего научного сотрудника

ю руководителя группы фольклора (1961—1986 гг.). Все эти годы она сосредоточенно работала над тремя основными темами, которые уже назывались выше. Каждая из них разрабатывалась первоначально в цикле предварительных публикаций, посвященных, казалось бы, частным вопросам. Однако обычно это было хорошо обдуманное планомерное движение в глубь темы, постепенное выяснение ее исторической специфики. Многолетние разработки завершались обобщающей монографией. Первой из них была книга, ставшая докторской диссертацией — «Русские исторические песни XVI—XVIII вв.» (1960). Она открывалась обзором сюжетов инвариантов исторических песен, связанных с политическими событиями этого времени, что позволяет в следующем разделе обобщить наблюдения над динамикой жанровых особенностей исторических песен в наиболее продуктивный период их развития. В заключении рассматривается вопрос о распространении и областных типах исторических песен XVI—XVIII вв. Таким образом, историческое развитие народных песен тесно увязывается с проблемой их географического распределения, а исторические, филологические и географические проблемы, которые при этом возникают, приобретают этнографический характер. Методические вопросы при этом, что присуще и другим работам В. К. Соколовой, не декларируются.

Занимаясь исторической песней, В. К. Соколова постоянно обращалась к другому и, в известном смысле, параллельному фольклорному жанру — историческим преданиям, т. е. устным народным рассказам исторического содержания. Интенсивное развитие научных связей с фольклористами из других славянских стран влекло, вместе с тем, мысль исследовательницы к сравнительному изучению славянских исторических песен и славянских исторических преданий. Неслучайно именно предания стали центральной темой второго периода исследовательской деятельности В. К. Соколовой в послевоенные годы.

Столь же последовательно, за циклом цикл, был проработан основной материал русских исторических преданий. После публикации серии статей основные результаты были обобщены В. К. Соколовой в другом ее капитальном труде — «Русские исторические предания» (1970). Хронологические рамки исследования здесь были несколько раздвинуты — обзор начат с наиболее ранних из известных нам преданий и заканчивается рассмотрением вариантов преданий в записях XIX в. и позже, но все-таки и здесь основное внимание исследовательницы сосредоточено на XVI—XVIII вв. (предания об Иване Грозном, Ермаке, Разине, Пугачеве и Петре I). Исследование, естественно, завершалось главами «Предания и историко-песенный фольклор» и «Жанровые особенности преданий

и их основные типы». Параллельно с этим исследованием на протяжении многих лет готовился капитальный сборник русских преданий, которого так не хватало нашей фольклористике. К сожалению, эту работу В. К. Соколова завершить не успела.

Третий период послевоенной исследовательской деятельности В. К. Соколовой был посвящен календарным обрядам и обрядовому фольклору — одному из наиболее популярных тем русской фольклористики последних десятилетий. Книга В. К. Соколовой «Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов» (1979) как бы продолжает и дополняет основные книги по русским народным календарным обычаям — монографию В. И. Чичерова (вышедшую, кстати, в свое время под ее редакцией) «Зимний период русского народного календаря XVI—XIX вв.» (1957) и В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования» (1963). Методически книга В. К. Соколовой особенно тесно примыкает к монографии В. И. Чичерова. Но, в отличие от В. Я. Проппа и В. И. Чичерова она построена на общем восточнославянском материале, а изучение обрядов здесь, как и в книге В. И. Чичерова, тесно увязано с обрядовым фольклором. Отдельные главы посвящены основным циклам весенне-летней обрядности (проводы зимы и встреча весны, первый выгон скота, праздник летнего солнцеворота).

Три основные книги В. К. Соколовой очень близки друг к другу методически и основная их ценность, безусловно, состоит в тщательном изучении и максимально широком привлечении источников — литературных, архивных и полевых. Поэтому они еще долго будут нужны и дороги всем, кто будет работать над сходными темами.

Все послевоенные годы В. К. Соколова вместе с Э. В. Померанцевой была активнейшим рецензентом фольклористической литературы на страницах «Советской этнографии», кроме того, ею за эти же годы была проделана весьма значительная научно-организационная и редакторская работа. Так, она была организатором и многолетним редактором (совместно с Р. С. Липец) известной серии «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (вып. I—X, М., 1956—1988), сыгравшей значительную роль в разработке истории этих наук в XIX и XX вв. В. К. Соколова была научным редактором книг В. И. Чичерова, Э. В. Померанцевой, К. В. Чистова и др. сотрудников Института этнографии АН СССР, сборника «Обряды и обрядовый фольклор», «Славянский фольклор», «Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа» (последние две — совместно с В. И. Чичеровым) и др.

Прилежная труженица и образованная фольклористка, В. К. Соколова все свои силы отдавала специальности, избранной ею еще в студенческие годы. Она не знала других интересов и обязанностей, кроме интересов и долга фольклориста и этнографа. Ее научное наследие — неотъемлемая часть советской фольклористики и этнографии последних десятилетий. Ее доброжелательность и всегдашняя человеческая готовность прийти на помощь своим товарищам и коллегам, как в нашей стране, так и в других славянских странах, незабываемы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ В. К. СОКОЛОВОЙ

- Пушкин и народное творчество // Советская этнография (далее — СЭ). 1949. № 3. С. 3—11.
То же // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. I / Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). Т. XXX. М., 1956. С. 211—220.
Русские исторические песни XVI века (эпохи Ивана Грозного) // Славянский фольклор: Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян / ТИЭ. Т. XIII. М., 1951. С. 8—94.
Народное поэтическое творчество в борьбе за мир // СЭ. 1952. № 1. С. 9—21.
Этнографические и фольклорные материалы у Гоголя. (К 100-летию со дня смерти) // СЭ. 1952. № 2. С. 114—128.

- Лени и предания о крестьянских восстаниях Разина и Пугачева // Русское народно-поэтическое творчество: Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа / ТИЭ. Т. XX. М., 1953. С. 17—56.
- Баллады и исследования декабристов в области этнографии и фольклора // СЭ. 1953. № 2. С. 131—151. То же // ТИЭ. Т. XXX. С. 187—210.
- Исторические песни // Русское народное поэтическое творчество: Пособие для вузов / Под общей ред. Богатырева П. Г. М., 1954. С. 291—324. 2-е, изд., дополн. М., 1956. С. 367—405.
- Первая русская революция в народном песенном творчестве // СЭ. 1955. № 1. С. 3—15.
- Проблемы этнографии и народного творчества в последней трети XVIII в. // ТИЭ. Т. XXX. С. 136—171.
- Летская фольклористика к 40-летию Октября // СЭ. 1957. № 5. С. 72—85.
- Распространение и областные варианты русских исторических песен о событиях XVI — начала XVIII в. // Крат. сообщ. Ин-та этнографии. Вып. 27. М., 1957. С. 3—13.
- Русские исторические песни XVI—XVIII вв. / ТИЭ. Т. LXI. М., 1960. 330 с.
- Фольклор как историко-этнографический источник // СЭ. 1960. № 4. С. 11—16. То же // La poésie populaire orale comme le source historique et ethnographique // Actes du VIe Congrès International des sciences Anthropologiques et Ethnologiques. P., 1964. P. 279—284.
- Некоторые закономерности развития историко-песенного фольклора у славянских народов // История, фольклор, искусство славянских народов / V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). Докл. сов. делегации. М., 1963. С. 461—482.
- Некоторые особенности исторических песенных и прозаических жанров // Известия на Этнографский институт и музей. Кн. VI. София, 1963. С. 359—366.
- Некоторые особенности казачьих исторических песен // Народная устная поэзия Дона (Материалы науч. конф. по нар. творчеству донского казачества. 18—23 декабря 1961 г.). Ростов н/Д, 1963. С. 70—81.
- Основные проблемы советской фольклористики // СЭ. 1964. № 4. С. 22—39 (совместно с Путиловым Б. Н.).
- Антифеодальные предания и песни славянских народов // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965. С. 173—207.
- Советская фольклористика к 50-летию Октября // СЭ. 1967. № 5. С. 44—61.
- Некоторые типы исторических преданий (к проблеме их жанрового своеобразия) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов / VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Докл. сов. делегации. М., 1968. С. 248—273.
- Историческая устная проза и действительность // Народно стваралаштво. Св. 29—32/69. Београд, 1969. С. 313—322.
- Русские исторические предания: М., 1970. 288 с.
- Предания о кладах и их связь с поверьями // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 169—180.
- Типах славянских топонимических преданий // Македонски фолклор. Година III, број 5—6. Скопје, 1970. С. 43—56.
- Задачах и принципах составления указателя преданий // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых археолог. и этногр. исследований 1970 г. Тез. докл. (секции этнографии, фольклора и антропологии). Тбилиси. 1971. С. 132—134.
- Типах восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. М., 1972. С. 202—233.
- Баллады и исторические песни (о характере историзма баллад) // СЭ. 1972. № 1. С. 52—57.
- Современное состояние преданий // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / VII Международный съезд славистов (Варшава, август 1973 г.). Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 423—437.
- Некоторые традиционные символы славянской народной поэзии / IX Международный конгресс антропол. и этногр. наук (Чикаго, сентябрь 1973 г.). Докл. сов. делегации. М., 1973. 17 с.
- Some Traditional Symbols in Slavonic Folk Poetry // Varia folklorica / Ed. Alan Dundes. The Hague; Paris. 1978. P. 155—163.
- Фольклористика в Академии наук // СЭ. 1974. № 3. С. 3—19.
- Взаимодействие преданий с другими фольклорными жанрами // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Тез. докл. Минск, 1974. С. 125—128.
- Сотношение национальных и общих элементов в преданиях // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 221—227.

- Хлеб (злаки, солома) в зимней обрядности восточных и южных славян // Македонски фолклор. Година VIII, broj 15—16. Скопје. 1975. С. 43—49.
- The interaction of the historical legends with other folkloristic genres // Folk narrative research. Some papers at the VI Congress of the International Society for Folk narrative research («Studia Fennica», 20). Helsinki, 1976. S. 58—66.
- О значении современных записей для изучения обрядов и обрядовой поэзии // Тез. докл. на сессии, посвящ. итогам полевых этногр. и антропол. исследований в 1974—1975 гг. (май 1976 г.). Душанбе, 1976. С. 240—242.
- Об историко-этнографическом изучении народной поэтической обрядности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 188—195.
- Календарные обряды и поэзия восточнославянских народов в начале XX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / VIII Международный съезд славистов (Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.) Докл. сов. делегации. М., 1978. С. 385—400.
- Масленица (ее состав, развитие и специфика) // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Арханга. Традиции. М., 1978. С. 48—70.
- Особенности развития песенных и прозаических исторических фольклорных жанров // Рад XVI Конгреса Савеза Удруженьа фолклориста Југославије на Игалу 1969 године. Цетинье. 1978. С. 389—395.
- Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979. 286 с. с илл.
- Obecné slovanské a regionalni zviaznosti masopustnich obrada v yehodoslavenských narodu // Masopustni tradice. Pamatce Ph. Dr. Josefa Tomse. Brno, 1979. S. 79—88 (резюме на рус. и нем. языках).
- «Вьюнины» — русский весенний обычай поздравления молодоженов // Етногрфски и фолклористични изследвания. В чест на Христо Вакарелски по случай 80-годишнината от рождението му. София, 1979. С. 202—208.
- К типологии обрядового фольклора // Фольклор, язык и народная судьба. София, 1979. С. 59—66.
- Украинские карпатские предания об опришках // Interetnicke vzt'ahy vo folklóre Karpatskej oblasti. Bratislava, 1980. S. 85—93.
- К исследованию обрядового фольклора. (На примере восточно-славянского материала) // СЭ. 1981. № 4. С. 16—25.
- Изображение действительности в разных фольклорных жанрах (на примере соотношения преданий с историческими песнями и быличками) // Русский фольклор. Т. XX. Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. С. 35—44.
- Заклинания и приговоры в календарных обрядах // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 11—25.
- Особенности календарных обрядовых песен восточных и южных славян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / IX Международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983 г.). Докл. сов. делегации. М., 1983. С. 224—241.
- Типы заклинаний в восточнославянских календарных обрядах // Литературоведение и фольклористика. В чест на 70-годишнината на академик Петър Динев. София, 1983. С. 415—420.
- The Status and Functions of Modern Ritual Folklore among the East Slavs // Studies in Ethnography and Anthropology. Papers presented by Soviet participants. М., 1983. S. 153—160.
- Об этнографических истоках сюжетов и образов преданий // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 132—137.
- Традиции обрядового фольклора (по восточнославянским материалам) // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984. С. 135—142.
- К специфике рабочих преданий // Фольклор Урала. Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1986. С. 36—42.
- Календарные праздники и обряды // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 380—395.
- Традиционные виды календарного обрядового фольклора славян и современность // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.). Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 314—326.
- Место и функции традиционного обрядового фольклора в современности // Традиции и современность в фольклоре. М., 1988. С. 136—152.

Н. П. Лобачева

СВЕРСТНИКИ И СЕМЬЯ

(К вопросу о древней половозрастной градации общества у народов Средней Азии и Казахстана)

В традиционном быту среднеазиатских народов вплоть до XX в. исследователи отмечали следы генетически очень древней половозрастной градации обществ и основанных на возрастном принципе более поздних по времени их возникновения объединений, преимущественно мужских. Изученность этого явления у разных народов региона неодинакова. Более глубоко исследована роль в общественной жизни так называемых мужских объединений, восходящих к мужским союзам патриархально-родового общества¹. Менее известно об участии их в жизни семьи, а вопрос о женских объединениях сверстниц фактически не разрабатывался. Накопившиеся материалы позволяют остановиться на этих сюжетах подробнее, чем это делалось до сих пор. Наиболее полно представлены сведения о хорезмских узбеках, которые и будут положены в основу работы.

Согласно материалам и исследованиям К. Л. Задыхиной и М. В. Сазоновой², у узбеков Хорезма существовали до недавнего времени пережитки половозрастного деления общества. Лица примерно одного возраста составляли *катар*, *катарлар* — иранский термин в значении «ряд» или группа сверстников, ровесников — узб. *теңкур*, *тенггур*, *тенггурлар*. Люди одного катара уважали и оказывали предпочтение друг другу, помогали другу другу в работе во всех других случаях. Члены одного возрастного ряда (мужчины), обращаясь к сверстнику, употребляли термин *джура*³ (друг, приятель), а женщины — *чикон* (подруга), друзей мужа по катару для его жены, как и сверстницы для ее мужа, называли *курдас*. Отмечено от четырех до семи возрастных упеней, каждая из которых имела свое наименование. По полевым материалам 1950-х годов, относящимся к 1950-м годам, у каракалпаков дельты Амударьи и казахов островов Арала возрастные подразделения и по терминологии, и по возрастным градациям в целом соответствовали узбекским, но население уже стало забывать и путать, как, впрочем, и сами узбеки⁴.

В работах К. Л. Задыхиной и М. В. Сазоновой говорится о распределении обязанностей в семейном хозяйстве с учетом половозрастной градации, об отражении этой градации в costume населения Хорезма и в обычае приема гостей: мужчины и женщины на *тоях* (празднествах) находились в разных помещениях, жилих принимали отдельно от более молодых и т. д.

Люди, принадлежащие к одному возрастному ряду, в пределах общины были объединены в особые коллективы. Благодаря работам Г. П. Снесарева⁵ хорошо известны деятельность и организационные формы мужских объединений хорезмских узбеков под названием *зиёфат* (угощение), формировавшихся по территориальному и возрастному принципам. В узбекско-таджикской среде такие объединения широко известны под наименованиями *гап* (беседа), *гаштак* (переносн. — очередь), *джура* (друг, товарищ) и др. У киргизов их называют

джороо (друг). Сходные туркменские объединения носят названия *кешден* (гешдек), *денгене* (букв. равный), *хан-хан* (последнее у туркмен-нохурли).

По сей день появляются новые данные о значении и функциях возрастных объединений в жизни узбеков и других народов Среднеазиатско-Казахстанского региона в разных сферах хозяйственной и общественной жизни. Так, помощь оказывалась членами объединениям при строительстве дома, жениху — в полевых работах, невесте — в домашних. В Южной Фергане невесте помогали и в полевых работах⁶.

При изучении обрядности семейного цикла, в частности свадебной, раскрывается еще одна сторона жизнедеятельности этих объединений, до сих пор мало привлекавшая внимание исследователей, — это причастность их к событиям, связанным с жизнью семьи⁷. Остановимся сначала на группе сверстников жениха, членах одного с ним объединения, и рассмотрим их действия в свадебном церемониале у хорезмских узбеков⁸.

Сверстники жениха. События разворачивались следующим образом. Парень сообщал о своей женитьбе *агабию* — выборному руководителю *зиёфата*, который затем объявлял членам объединения о предстоящей свадьбе и предлагал собрать средства для покупки барана. Мясом этого барана в доме жениха угощали членов *зиёфата*⁹.

Непосредственное участие *джура* жениха в брачно-свадебной обрядности начиналось с подготовительных церемоний к помолвке. В Хиве семья жениха обязательно приглашала его друзей на выпечку хлеба — *нон пишарда*, *но ёпар* — для помолвки. Сверстники жениха выполняли хозяйственные поручения, участвовали в снятии пробы с выпекаемого хлеба. Как говорили в окрестности Шавата, с этого дня *джура* жениха постоянно с ним и стараются во всем ему помочь.

Между помолвкой и свадьбой семьи жениха и невесты обменивались подарками — *гелин души* (букв. угощение в честь замужества) и *гияу души* (букв. угощение в честь женитьбы). *Гелин души* кроме других яств, включало до 1 *чойхалта* (букв. мешочек для чая) с двумя вареными яйцами и кусочком сахара в каждом, предназначенных товарищам жениха, которых приглашал по поводу получения подарков. Жених за дастарханом не сидел, а обслуживал гостей и раздавал *чойхалта* своим сверстникам (подразумевалось, что это пожелание плодородия).

Прежде между свадьбой и помолвкой осуществлялся также обычай, называвшийся *гияулаш*¹⁰ (зятие), суть которого заключалась в следующем: жених и невеста через посредство матери и *янги* (наставницы) невесты «тайно» от ее отца вопреки обычаю избегания встречались. В этой церемонии участвовала группа сверстников жениха. Через представителей этой группы иногда происходили даже переговоры с матерью невесты о встречах. По записи из Ханки, после получения согласия на встречу жених приглашал 10—15 своих *джура* для того, чтобы «идти на *зиёфат* в дом невесты». Шагах в десяти от дома невесты расстилали белый *пойяндоз* (дорожку) — метров 10 белой бязи (*ок йул* — белый путь), на который первым ступал жених, за ним его товарищи. В доме невесты их ждал ритуальный *сладкий дастархан* — угощение из молока, рисовой каши на молоке, *шир чай*. Затем следовали *плов*, *шурпа*, *ит барак* (мясные пельмени), *юмurt барак* (пельмени с яйцами), *гумма* (пирожки). Все эти блюда, согласно религиозно-магической традиции, обеспечивали чистоту взаимоотношений, плодovitость и т. п.

С группой *джура* жениха встречаемся вновь на *сайлях* и *хаитах* (гулянья во время народных и религиозных праздников) в период между помолвкой и свадьбой. На них встречались жених с друзьями и невеста с подругами при выполнении обычаев *лаган ёсаш* (букв. блюдо, украшенное яствами) и *олма отиш* (букв. перебрасывание яблоками) — об этом ниже.

Особенно активны были *джура* жениха в предсвадебные дни и на самой свадьбе. Они — участники свадебного действа.

За день до свадьбы во всех местностях Хорезма в торжественной обстановке дом жениха устраивали *йигит йигнар* (букв. собрание юношей), *йигит чакириша* (букв. приглашение юношей, джигитов) — собрание членов объединения. Однако приглашенными здесь были не только товарищи жениха. Всех ждало угощение, их развлекали, для чего приглашали музыкантов и танцоров. Примечательным в этой церемонии является то, что на ней руководитель объединения — *агабий* распределял между его членами обязанности на свадьбе: он должен был наблюдать за порядком во время свадебных торжеств. Шавате даже говорили, что на *йигит йигнар* товарищи жениха приходили угощаться; в этот день распределялись обязанности между ними и вообще между соседями. Считалось, что члены *зиёфата* на *тоё* несут службу *хизматлари*. Существенно, что члены *зиёфата* подчинялись именно *агабию*, но не руководителям общины или родственникам жениха, т. е. это объединение выступало как самостоятельный организм.

Сверстники были участниками многих ритуальных действий над женихом в день свадьбы. Вечером он отправлялся на *той* в дом невесты. В Северном Хорезме для него и товарищей там ставили специальную юрту. Невеста с подружками была в другом помещении. По окончании *тоя* жених и его *джура* по приглашению матери невесты направлялись в комнату невесты. Приветствовать мать невесты поклонами с приседанием — *сюзиледи* должны были не только жених, но и его *джура*.

Во время ритуального переодевания жениха (иногда ему помогал в этом один из *джура*) перед привозом невесты в его дом *джура* расхватывали снятую одежду и носили ее до собрания молодежи, которое проводилось после главного свадебного *тоя*. Они ехали с женихом встречать свадебный поезд, при встрече, гарцуя вокруг арбы невесты, получали от нее и подружек платки, повязывали их через плечо. В момент приезда и введения невесты в *келин там* (помещение для молодоженов) *джура* также находились около жениха. В Северном Хорезме двое из них ложились перед местом, где должны были поместить невесту, требуя от сопровождающих ее выкупа в виде платков. К. Л. Задыхина предполагала в этом обычае откуп невесты за отказ подчиниться осуществлению былых прав на нее со стороны *джура* жениха, т. е. видела в нем косвенный аналог группового брака. В связи с этим интересно сообщение Т. Киличева¹¹, что все *джура* во время церемонии *куев курар* (смотрины жениха) именовались женихами. При угощении новобрачного бараньей грудкой (в некоторых южных районах вареным петухом или курицей) сверстники жениха тоже получали свою долю. После *улы-тоя* через 3 дня их приглашали в *кияу барак* (букв. пельмени зятя), перед которым проверяли умение невестки работать. После свадьбы *джура* сопровождали молодого в дом родителей жены на *кияу чакириш* (приглашение зятя). Здесь, когда молодой стоял на *пойндызе* и произносил приветствия родителям жены, *джура* делали полагавшиеся по обряду поклоны, затем разрывали дорожку и брали каждый по лоскутку от нее в надежде на скорую женитьбу. Таким образом, неженатые сверстники жениха, члены одного с ним *зиёфата* являлись участниками практических хлопот, вызванных женитьбой их товарища и известным образом его представниками, а также действующими лицами разнообразных обрядовых церемоний, фиксирующих изменение социального статуса одного из членов объединения. Характерно, что они подвергались порой тем же испытаниям, что и жених.

Судя по отдельным сведениям из других районов Узбекистана, роль сверстников жениха там при проведении свадьбы аналогична, как, впрочем, и у других народов региона (например, у казахов жених на *урын-бару*, равнозначного хорезмскому *гияулаш*, ездил в сопровождении товарищей и *отагасы* и др.). Отсутствие полной информации по этому вопросу о других народах можно объяснить как известным изживанием данной традиции, так и невниманием к нему исследователей.

Сверстницы невесты. Обращении теперь к подружкам — сверстницам несты и их роли в свадебном церемониале.

В хорезмской свадьбе, в частности в округе г. Хивы, с подружками невесты *чикон*, а этим термином назывались ее сверстницы, впервые сталкиваем как и с друзьями жениха, при выпечке хлеба для помолвки. Они помогали раскатывать тесто и т. п. В Шавате девушки принимали участие в шитье *кушна* (свадебная занавеска) и *никох куйлак* (свадебное платье) для невесты. Девушек приглашали, когда на *хайтлик* (к празднику) от жениха для невесты присылали праздничный *дастархан* (скатерть), подарки. В Гурлене их привозили *чеча* (жена брата матери) и две другие женщины. По этому поводу приготавливали *хну* — обязательный элемент в составе подарков. Подружки невесты — неперменные участницы групповых встреч молодежи на *сайлях* и *хайтах*, о которых скажем ниже. Но особенно заметна причастность девушек по всей области, что совершается с их сверстницей — невестой перед свадьбой и на самой свадьбе. Так, во всех районах Хорезма накануне свадебного торжества в дом невесты устраивали девишник. В Гурлене его называли *киз чакиришма* (бу — приглашение девушек), в местности под Шаватом и Хивой — *туйсоч тар* (букв. празднество расчесывания волос), а в Хиве — *хине акар* (букв. истекания). Это название позволяет предполагать здесь в прошлом обычай окрашивания хной рук, возможно, и волос, как это практиковалось, например, во времена османской свадьбы¹². Девишник называли также *киз йигнаш*, *ётог туйи* и т. д. В этот день вымытые волосы невесты ее подруги или *янеа* (наставницы) заплетали в медкие косички (в 19—20 или 40), сопровождая этот обряд пением свадебной песни (*ёр-ёр*). Подружек угощали плодом, они долго беседовали. В Гурлене на девишник приглашали *халфа* — чти религиозных и светских (литературных) текстов, исполнителей народных песен. На девишнике бывали *жахр* — обрядовая церемония типа радения, ведущим лицом которой выступала *халфа*. По другой информации, кроме подруг на девишник приглашали замужних женщин, в том числе и со стороны жениха, четыре—пять *халфа* (читали молитву). Упомянувшийся автор Тура Киличев добавляет, что в день девишника подруги в последний раз оставались у невесты ночевать. Торжество начиналось перед заходом солнца и проводилось на *айване* (букв. открытая терраса) или в большой комнате. На почетном месте располагались невеста с подругами. Девушки наряжали невесту к свадьбе, расчесывали ей волосы, заплетая в 40 косичек, красили брови *усьмой* (краска для бровей), обували невесту в свадебные *ичиги* (мягкие сапожки), набрасывали на плечи шелковый платок, надевали тюрбейку. Остальные наблюдали за их действиями. После угощения начиналось пение *ёр-ёр*¹³. Таким образом, как *йигит йигнаш* (собрание сверстников) у жениха, так и *ётог* (девишник) у невесты проходили в торжественной обстановке. Все это походит на проводы сверстника и сверстницы¹⁴. На следующий день (в некоторых местностях до девишника) невеста уходила из дома и посещала по очереди своих подруг. Об этом приходилось слышать в Хиве, Шавате и других местах (в Коканде невеста за несколько дней до свадьбы вообще переходила жить к подруге¹⁵). Аналогия этому обычаю есть в османской свадьбе¹⁶.

В день свадьбы или накануне невеста в сопровождении подруг и *янеа* посещала местную святыню, куда приносили дары и где молились о благополучии брака. В Хиве направлялись к мазару Палван-Ата, в Куня-Ургенче — к мазару Тюрбек-ханум или Наджмеддин Кубро, авлия Шокабир и др. (в Куня-Ургенче невесту приглашали в дома подруг после посещения *авлия*). В Куня-Ургенче и Хазараспе невесты после посещения местной святыни обязательно должны были прийти на могилы родственников (*каумига*) и принести жертву (*садака*)¹⁷.

Перед *никохом* — религиозным обрядом бракосочетания, который в северных районах Хорезма проводился в доме невесты, а в южных — в доме жениха, а в некоторых местностях даже после свадьбы¹⁸, подружек помещали вместе с невестой в отдельной комнате под ритуальной занавеской — *кушайна* (в се

в районах — *чимилдирик*) и они вместе с ней плакали. В день переезда невесты в доме жениха устраивали празднество — *келин тушар*, *келин тушириш* (прием невесты). Из дома жениха за невестой высылали *булиш арава* (хв. отвозящая невесту арба) — вереницу из 4—6 арб. На первой располагались музыканты с *карнаями*, *сурнаями*, на второй, под свадебным пологом — *хаяна* — невеста с *чикон* и *янгой*, на третьей арбе ехали распорядительницы празднества у невесты и *халфа*, на остальных — другие гости. Им навстречу ехали на конях выезжали жених с друзьями. При встрече девушки через арбу раздавали сверстникам жениха платки. Подпоясавшись платком, жених, начиная с правой стороны, трижды объезжал арбу невесты, а юноши, получив платки, устраивали гонки с перебрасыванием платками. Девушки внимательно следили за этим, приоткрыв занавеску. Около дома жениха арба невесты обязательно переезжала через очистительный костер. В это время музыканты играли, а подруги невесты пели *ёр-ёр*.

Не расставалась с подругами *келин* (новобрачная) и в доме жениха (новобрачного). По приезде, спускаясь с арбы, она ступала на *постун* (шубу) свекра, проходила в отведенную ей комнату, где в почетном углу ее с подругами усаживали за свадебный полог. В отдельных районах прибывшим приходилось долго стоять у дома жениха. В Гурлене лишь после трехкратного обращения к свекрови они сажались за *кушанья*. Уходили подружки только после прощания *юз гурумлик* (смотрение лица) в конце *тоя*.

Сравнение приводит к заключению о значительном сходстве роли подружек невесты и друзей жениха в свадебных церемониях. И те и другие принимали участие в хозяйственных делах (в соответствии со специализацией женского и мужского труда) по подготовке свадьбы, являлись участниками обрядовых действий, совершаемых над брачащимися. Таким образом, и те и другие участвовали в церемонии, закрепляющей переход вступающих в брак в другую возрастную и социальную группу — группу женатых и замужних, в свадьбе, которой, как на это указывал Г. П. Снесарев, отражены элементы былых возрастных инициаций. Они усматриваются в ритуальном переодевании, изменении прически, бритье жениха (у таджиков) и др. С этого момента новобрачные именовались иначе: жених вместо *бола* становился *джигит*, *джаши-джигит*, невеста вместо *киз* до первого ребенка становилась *келин*, *келинчек*, *джаши-келинчек*, затем *жувон*, *джувон*, у каракалпаков — *хаял*. Учитывая все сказанное, можно предположить, что и женские возрастные группы, подобно мужским, даже в начале XX в., судя по хорезмским данным, были организованы и проявляли свое значение в жизни семьи и общины, в частности узбекского населения.

Руководители молодежи. Для более полного уяснения сути обрядов на свадьбе и функций объединений сверстников в ней полезно обратиться к анализу действий руководителей объединения (агабия и др.), а также наставницы невесты вместо *киз* до первого ребенка становилась *келин*, *келинчек*, *джаши-келинчек* выше. Что касается *янги*, то деятельность ее на свадьбе дает обильный материал для выяснения роли этого персонажа в системе возрастных традиций.

Согласно терминологии родства, *янга* (*женге*, *дженге*) — это жена старшего брата и жена дяди по материнской линии. В жизни девушки-невесты *янга* — это наставница, первая советчица, помощница и посредница между ней и женихом. В Шаватском районе в 1950-х годах ее функции были охарактеризованы следующим образом: *янга* отвечает перед будущим мужем и его родственниками за непорочность невесты. Это современное осмысление роли *янги*, свидетельствующее тем не менее о значительности этого персонажа. Во время свадебных церемоний роль ее исключительно велика. Она все время около невесты. Так, *янга* присутствовала на девичнике, заплетала волосы невесты во множество косичек, сопровождала невесту накануне свадьбы к святому месту, по некоторым данным, оставалась там с невестой на ночь, молилась вместе с ней о благополучии брака. Перед религиозным обрядом бракосочетания — *нихом* незави-

симо от того, где и когда он совершался, *янга* переодевала невесту в свадебный костюм: *нихох куйлак* (свадебные платы), *манглай румол* (налобная повязка *нихох махси* (свадебные сапожки), украшения). Во время *нихоха* в Ханке, где религиозный обряд совершали через несколько дней после *тоя*, «втайне», чтобы «не повредили», *янга* резала ножницами на кусочки бумагу, что должно было оградить молодых от порчи и т. п. Она же совместно с подружками сопровождала невесту (новобрачную) в дом мужа. Сидя на свадебной арбе, *янга* держала в руках зажженный *чирог* — светильник (позже лампу) с магической целью — оберечь, очистить путь новобрачной. По дороге при встрече с группой женихов (новобрачного) она раздавала ему и его *джура* платки. У дома новобрачного *янга* первой спускалась с арбы и обычно снимала *келин*. По некоторым свидетельствам она же стелила под ноги ей *посту* свекра. *Келин* все время стояла за *янгой* и делала вместе с ней поклоны. В доме новобрачного две *янги* (одна — невесты, другая — жениха) в комнате молодых вешали свадебную занавеску — *кушаяна*, за которую сажали *келин* с подружками. Когда туда приходил в сопровождении *джура* в новых, присланных ранее невестой одежды новобрачный, их приветствовала и руководила всем последующим ходом обряда опять *янга* невесты: разрешала сесте за дастархан с лепешками и вареным мясом (обычно баранья грудка или курица) ¹⁹, привезенный из дома новобрачной. Во многих районах Хорезма при этом соблюдался такой обычай: прежде, видимо, имевший магическое значение, напоминающий испытание молодой вынимал нож и вонзал его в мясо. *Янга* ножом нарезала мясо на кусочки и первый руками клала в рот новобрачному. Только после этого мясо начинали есть *джура*, гостям раздавали по кусочку в последнюю очередь. Во всех местностях Хорезма соблюдался обычай развязывания пояса на новобрачной и стягивания с него сапог. Выполняла его опять-таки *янга*. Сидящую за свадебной занавеской вместе с подружками *келин янга* зорко оберегала — нельзя было допустить, чтобы кто-либо со злым умыслом наступил на *курпа* (одеяло на котором сидела эта группа. За *кушаяна* никого не пускали. В некоторых местностях *янга* стелила и постель для новобрачных и протаскивала между ними ребенка (мальчика) или сажала на правое колено новобрачного, что по поверью, обеспечивало плодородие. *Янга* давала новобрачным зеркала, с которыми связывались религиозно-магические представления о благополучной счастливой жизни. Она также с магической целью подавала им сладкий горячий чай, молоко и масло. Часто *янга* невесты оставалась в комнате молодых на всю ночь, находясь по другую сторону *кушаяна*. Другая *янга* (у невесты их могли быть несколько) утром приносила *юмуртка* (яичницу) и дыню — продукты питания, соотносимые с идеей плодородия. *Янга* умывала лицо и руки новобрачной, снимая свадебное платье, переодевала ее в женское платье с длинными рукавами, повязывала ей женский платок; показывала гостям доказательства невинности невесты. Во время *юз гуримлик* (смотрения лица невестки) *янга* развязывала узел свадебного платка, закрывавшего лицо новобрачной. Она выводила молодую к отцу мужа на *салом* (приветствие). Бывало, что обряд *келин саломи* (приветствия невестки) выполняла *янга*, стоя перед *кушаяна* в накинутом на лицо шелковом платке. *Янга* от имени новобрачной раздавала подарки близкой родне молодого. В некоторых районах она оставалась с *келином* 3 дня. В Гурлене во время церемонии *гияв барак* (пельмени зятя) молодой и его друзьям прислуживала *янга*: давала воду для мытья рук, подносила пищу. *Янга* была при новобрачной и когда та показывала свекрови «контрольную пробу».

Приведенный перечень действий *янги* в очень ответственных свадебных церемониях говорит о значительности и ответственности этого персонажа в проведении свадьбы: она оберегала невесту, обслуживала, учила ее, как вести себя в разных обстоятельствах (не плакать громко, как надо приветствовать и т. д.), сообщала подробности о поведении жениха (новобрачного) при встрече с свадебной занавеской, посвящала в интимные вопросы брака; когда вступившие в брак встречались в комнате молодых, выполняла обрядовые действия

правленные на обеспечение благополучной жизни (хороших взаимоотношений, плодovitости), с одной стороны, и символизирующие переход невесты из группы замужних женщин (переодевание в свадебный костюм перед *никохом*, женский — после брачной ночи) — с другой. *Янга* представляла *келин* родне и обратного. К этому надо добавить, что добрачные встречи осуществлялись обычно через *янгу*, руководившую сложной процедурой первой встречи жениха и невесты. Функции ее сходны с теми, которые она осуществляла на свадьбе.

Характеристика роли *янги* не будет полной без описания ее участия в упоминавшихся встречах под названием *лаган ёсаш* (блюдо, украшенное ягодами) и *олма отиш* (перебрасывание яблоками) между *патихали киз*, т. е. просватанными, просватанными девушками-невестами и парнями-женихами с обязательным участием их сверстников во время народных гуляний на *сайлах хайтах*.

В Шаватском районе *сайли* бывали весной и осенью. Осенью они проходили по Юсуф Хамадан авлия или в крепости старого Кята (Кат каласига). Жениху давали знать, что невеста собирается быть на гулянье. Невеста с подругами в сопровождении *янги* выезжали на *сайль*, куда собиралась почти вся родня. К этому специально готовились. В числе яств обязательно привозили *пирмиш* (особые пирожки), 30—40 крашенных в красный и синий цвет яиц. Группа товарищей жениха, приезжавшая во главе с *йигит-агасы*²⁰ (господин яшей) — вторым лицом после *агабия* в мужском объединении Хорезма, шла в направлении, где расположились девушки. Они несли на руках блюда — *лаган*, наполненные сладостями, сахаром, приобретенными тут же на праздничном базаре. *Янга* принимала сладости и освободившиеся блюда наполняла тем, что было принесено из дома невесты, и угощала сверстников жениха. Во время этой встречи лица женщин были закрыты платками.

В Гурлене о *лаган ёсаш* договаривались, когда от жениха для невесты и еще две женщины привозили подарки. На угощение по этому поводу приглашались и подруги невесты. Праздничный базар в Гурлене длился 9 дней; 3 дня из них отводились для так называемого девичьего базара (*киз бозор мади*), который посещали невеста с подругами в сопровождении *чеча* — *ки* и *кайвои*, *кайвои хотин* (главная женщина общины). Жених с товарищами тоже шли на базар и заказывали девять блюд (*лаган*) у мелочного лавочника, наполнявшего их всем необходимым для дарения (сладости, две головки шара и т. д.).

Группа девушек собиралась в месте, отведенном для *киз бозор*. Жених с друзьями останавливались в базарной толпе примерно на расстоянии 100 м от них. Девять товарищей жениха шли к девушкам, неся над головами блюда красиво уложенными яствами, принимавшиеся *янгой* — *чеча* и *кайвои*. Идя в сторону, женская группа рассаживалась в круг и угощалась сладостями. Часть их раздавали подругам невесты, оставшееся относили в ее дом. Освободившиеся блюда наполняли принесенными из дома подарками для жениха, бравшего себе только *чопон* (халат), а остальное раздававшего товарищам. Другие встречи между женихом и невестой и их сверстниками также под руководством *янги* — *чеча* (при этом поясняли, что *янгой* должна быть жена или по матери), устраивавшиеся более скрытно, известны под названием *олма отиш* (перебрасывание яблоками). По рассказам информаторов в Шаватском районе все это выглядело так: на второй день *хайта* был день девичьего праздника — *кизларнинг кидириш куни*, *кизлар хайт кидиради*. Для его проведения выбиралось помещение подальше от родительского дома, куда приходили *патихали киз* (просватанные девушки) со сверстницами и *янгой*. Жених с товарищами устраивали там качели для девушек — *саринджак*. Невеста, качавшаяся от других прической (волосы заплетены в 40 косичек), качаясь на качелях, становилась так, чтобы лица ее не было видно. Жених с товарищами приходили к дому на заранее условленное через *янгу* место. Во двор они входили, а стоя у ворот, кидали девушкам яблоки и сладости. Все это

происходило в период, когда жених и невеста должны были соблюдать обычай избегания.

Нечто сходное записано у узбеков-дурменов; в прошлом, по рассказам стариков, между юношами и девушками при встрече допускалась свобода общения²¹. Обычай предсвадебных совместных встреч юношей и девушек известен у соблюдавших брачную экзогамию каракалпаков — это *отырысна* (посиделки), на которые девушки приходили с *женге*, а юноши — с *джигит-агасы*. По некоторым свидетельствам, на таких встречах происходила и проверка юноши на способность стать мужчиной, лишь после этого он становился джигитом. Руководили этим *женге* и *джигит-агасы*²². Свадебные игры молодежи, сопровождавшиеся бегством невест (*кыз кочди*), были у казахов *кыз оюн* (игра с девушкой) и др. у киргизов и т. д. Даже у ортодоксального узбекско-таджикского населения городов отмечалось ослабление женского затворничества на свадьбах²³.

Групповые встречи молодежи в Средней Азии совмещались не только со свадебными церемониями. Они сопровождали, как правило, те большие народные праздники, которые были связаны генетически с культом природы в широком плане. Даже мусульманская реакция не смогла заглушить древний смысл этих действий, связанный с идеей плодородия, со священной обязанностью продолжения человеческого рода. Молодежные гулянья со значительной свободой общения между юношами и девушками, немислимые в среднеазиатском обществе в обыденной жизни, отмечены во время весенних «праздники цветов»²⁴. Молодежные игры были обязательным элементом новогодних гуляний, посвященных весеннему возрождению природы, у казахов²⁵. Рассматривая обычаи хорезмских узбеков — *лаган ёшаш* и особенно *олма отиш*, связанные не только со свадебными церемониями, но и с народными, нередко весенними праздниками, в свете брачных порядков древности, приходишь к заключению, что во всех этих обычаях встреч сталкиваешься с отдаленными пережитками древних групповых брачных отношений, проявлявшихся в дни культа природы. Здесь уместно вспомнить, что *джура* жениха на церемонии *куёв курар* (смотр жениха) тоже именовались женихами (интересно в этом плане обрядовое бритье жениха в армянской свадьбе, когда этой процедуре подвергались и его сверстники, товарищи по объединению²⁶). Руководящим началом в этих встречах, как видно, выступали *янга* и *йигит-агасы*.

В свадебной обрядности узбеков Хорезма, причем только Северного, население которого имеет особенности в этногенезе, встречаемся еще с одним персонажем, причастным к свадьбе, — это *бурундук-ене* (посаженная мать), она из *дженге* молодого (жена старшего или младшего брата отца молодого или жена его старшего брата). *Бурундук-ене* действует только в доме новобрачных, выполняя в целом функции *янги* и считается для молодых второй матерью. Такой персонаж есть также у каракалпаков (*мурундук-ене*), у узбеков-локцев, дурменов, найманов, у киргизов (*окуль-эне*), у казахов, т. е. у народов с общим этническим пластом в этногенезе, с пережитками родоплеменного деления с характерным для них в прошлом экзогамным браком. Отмеченный персонаж у этих народов вполне закономерен. У них девушка, выходя замуж, порывала связи с родственниками, односельчанами, с группой своих сверстниц. В селении мужа она приобретала новую наставницу и покровительницу.

В результате рассмотрения функций *янги*, нашедших отражение в свадебной обрядности узбеков Хорезма, вырисовывается значительная фигура женщины-представительницы старшей возрастной группы (*янга*, будь то жена старшего брата, тем более жена дяди матери, которой в некоторых церемониях отдавалось предпочтение, всегда старше девушки-невесты и ее подружек) — наставница женской молодежи, регулирующей как-то брачные отношения, ведущего и ответственного за церемонии, связанных с обеспечением благополучия брачной пары. Переводом девушки в другой возрастной и социальный разряд. Тем не менее относительно места *янги* в системе древней возрастной организации и предполагаемых женских объединений узбеков Хорезма и вообще среднеазиатских

родов пока не все ясно. Если *агабий*, *йишт-агасы* — это руководящие персонажи мужского объединения — *зиёфата*, то *янга*, несмотря на сходство функций во время встреч молодежи на праздниках с функциями *йигит-агасы*, таковой является хотя бы потому, что каждая невеста имела свою *янгу* (могла иметь несколько), задачи которой фактически ограничивались рамками свадьбы других циклах обрядности она не участвовала). Вспомним, что посещение яний в Хорезме кроме янги проводилось в присутствии *кайвони хотин*, яствовавшей и в других семейных обрядовых церемониях. А *кайвони хотин*, ясно исследованиям Г. П. Снесарева, — это руководительница, распорядительница в общине. Прежде ей поручалось воспитание молодых девушек, подготовка их к самостоятельной жизни. Правда, в середине XX в. функции значительно сузились и стерлись в памяти народа ²⁸. Предположение автора о существовании женских объединений сверстниц в Хорезме подтверждаются упоминавшимися исследованиями К. Л. Задыхиной и М. В. Сазоновой. Так, женщины участвовали в церемониях, связанных с рождением ребенка у одной из них, начиная с *курпача-тоя*, когда собирались, чтобы сшить для ожидаемого ребенка одеяльце, обязательно из лоскутков — *курок* (магическое значение этого приема известно) ²⁹. Женщины-родственницы и *чиконлар* собирались еще при рождении ребенка. Готовили для роженицы из принесенных яиц яичницу (широко известный символ плодородия), которую должна была отвесть каждая из присутствующих. Близкий друг, сверстница роженицы, жарила *урсак* (кусочки теста, жареные в кипящем масле). Повивальная бабка — *идык-ене* готовила ритуальное блюдо — *атала* (кашицу из пшеничной муки, предварительно поджаренной на остатках сала или масла от яичницы). Этому блюду приписывались магические свойства, стимулирующие плодородие, поэтому давали отвесть роженице и всем присутствующим, особенно бездетным женщинам. Вновь собирались сверстницы молодой матери на *бешик-той* (праздник положения в колыбель). Значительным моментом церемониала было окуривание травой испанд над огнем светильника — *чирок-исирик*, которым трижды водили *бешик* (колыбель) и ребенка. Окуривание выполняла *кайвони хотин*. Рождение ребенка существенно сказывалось на общественном статусе женщины, она переходила в группу *джувон*, *жувон* (Южный Хорезм) и впервые девала женский головной убор — *лачек*, сначала цветной. Эта церемония проводилась посвяжительным ритуалом, в котором участвовали ее сверстницы, и руководила всем *кайвони хотин*, произносившая пожелания молодой женщине в момент завязывания ей *лачека*. Подруги вторили ей и пели обрядовые песни. Участницам ритуала подносили угощение, для чего резали барана и кур. Ритуал надевания в 40—45 лет белого *лачека* скромнее ³⁰. Сходные обряды известны и для других районов Средней Азии. Так, в Самарканде совершался обряд «повязывания чалмы» (*саллабандон*) — головного убора женщины ³¹.

Как видим, в детском цикле организующая роль нередко была за руководящим лицом общины — *кайвони хотин*. Другой момент, обращающий на себя внимание, — в этих церемониях, как и на свадьбе, сверстницы участвуют во всех обрядовых действиях, направленных на охрану от вреда и стимулирование плодородия.

Чтобы завершить тему о предполагаемых женских объединениях, обратимся к материалам об общественной жизни селения. Оказывается, известны женские собрания во время созревания винограда у мазаров Хивы и Останы. Бывали женские собрания с угощением во время созревания и сбора шелковичных червей. Продолжением их был летний праздник, когда коконы были готовы. Женщины собирались для размотки коконов. Во время этой работы женщины собрания обращались за помощью к своей покровительнице — *Би-Фатме* ³². Широкой известностью пользовались в Хорезме ежегодные женские собрания женщин для варки вскладчину *сумальяка* из солода от пропеченной пшеницы и муки — ритуального блюда, генетически связанного с

культом умирающей и возрождающейся природы³³. По свидетельству К. Л. Задыхиной, возглавляла приготовление *сумальяка кайвони хотин*.

Кроме того, К. Л. Задыхина и М. В. Сазонова сообщают, что в Хорезм женщины-сверстницы собирались с чисто развлекательными целями: известные зимние складчинные встречи девушек, начинавшиеся с первым снегом, когда девушки устраивали игры в снежки — *кортишма*. Известны периодические складчинные сборища женщин из разряда *джувон* (до 35—40 лет) под названием *чакиришма* (приглашение), происходившие в зимнее время поочередно у каждой и сопровождавшиеся приготовлением *плёва* или *сут-гуруну* (рисовой молочной каши). В хорезмских городах, в частности в Хиве, женщины 35—45 лет собирались для прослушивания в исполнении *халфы* стихов среднеазиатских классиков, пения песен на их слова. Старые женщины — 45—50 лет собирались для чтения религиозных текстов.

Приведенные материалы подтверждают существование женских возрастных объединений у узбеков Хорезма, но их организационные формы не так отчетливы, как в мужской среде. Собрания женщин, видимо, не носили регулярного характера и не имели свойственной мужским объединениям иерархии. Женские собрания приурочивались часто к церемониям, так или иначе связанным с культом природы. Жизнь мужских объединений в Средней Азии в общественной сфере выливалась в военизированные шествия, соревнования³⁴. В событиях связанных с жизнью семьи, воинственный дух сохранялся в разнообразных состязаниях на свадьбах, *суннат-тоях* и т. п. Следует отметить, что это характерная черта мужских объединений. Военизированный характер мужских молодежных объединений сохранялся до начала XX в. у кубачинцев и армян и проявлялся также в свадебной обрядности, когда «войско» жениха неотлучно находилось при нем, помогая и охраняя его от возможного «вреда» в ответственные моменты свадьбы³⁵, что находит значительную аналогию в среднеазиатском в частности хорезмском, быту (однако следует заметить, что среднеазиатский эпос, например каракалпакское Кырк-кыз, дает основание предполагать существование и женских военизированных дружин в прошлом, что определяется возможно, этнической принадлежностью народа).

Ввиду того, что собрания женщин во время весенне-летних ритуалов проходили не строго по возрастным группам (собирались женщины разных возрастов), в этой форме объединений можно предположить архаическую стадию их формирования, отмечаемую в Средней Азии и в мужской среде, когда руководящим началом выступало старшее поколение в целом³⁶. Может быть этим объясняется и недостаточная ясность в статусе *янги* в системе возрастной организации. Определенно о ней можно говорить лишь, что она принадлежала к старшей возрастной группе, выступала руководителем женской молодежи в церемониях, имеющих отношение к браку, выполняя при этом религиозно-магические функции. В детской обрядности, как и в посвятительных ритуалах по поводу смены головного убора женщиной, действует *кайвони хотин*, появляющаяся и во время свадебных церемоний. А *кайвони хотин*, без которой не проходило ни одно событие семейной и общественной жизни общины, — это уже персонаж другой общественной организации — общины. Таким образом, можно отметить, что во всяком случае в XX в. женские объединения Хорезма были недостаточно развиты и в какой-то степени подчинены общине.

Сведения о женских объединениях в Средней Азии фактически еще не собраны. Но фрагментарные данные подтверждают существование этого института и в других районах Средней Азии. Так, в Бухарском оазисе в настоящее время они носят название *чак-чак*. Здесь женские, как и мужские группы сверстников обязательно участвуют в организации и проведении, например, свадебных церемоний³⁷. Объединения девушек и молодых женщин (*баштан*) у киргизов собирались в летнее время тайком от родителей, угощение бывало складчинным. За трапезой участницы встречи беседовали, рассказывали сказки, пели³⁸. Описаны также объединения и у горных таджиков³⁹.

Не только ясен вопрос о формировании возрастных объединений женщин. По мнению М. В. Сазоновой, среди узбеков Южного Хорезма оно шло естественным путем: девочки в своей семье годам к 8—9 отделялись от общения с мальчиками и годам к 11—12 образовывали своей *катар*, с которым были связаны в то время всю жизнь, так как в Хорезме в силу распространения кузенных браков в пределах больших семей по выходе замуж женщина оставалась часто в том же селении, сохраняя связь со сверстницами. Однако в прошлом, видимо, существовали специальные посвятельные ритуалы. В этом плане интересны сведения о таджиках Бухары и ирани Кагана. В прошлом у них дети, достигшие 12 лет, проходили через обряд *мулчардароен* (связывалось это с летосчислением по 12-годовалому животному циклу). В обряде участвовали только женщины. Приурочивалось все это к Наврузу (Новый год), хотя могло быть и в другие «счастливые» дни. Среди угощений обязательно были *сумаяк*, а также *угро* — суп с лапшой. Приходившие выполняли положенные действия к Наврузу, затем под руководством пожилой женщины — *вакили* участвовали в обряде посвящения. Посвящаемого вводили после прочтения молитвы в честь умерших предков в момент, когда начиналось пиршество с танцами и музыкой. *Вакили* надевала на посвящаемого обрядовое платье или рубашу, обязательно традиционного покроя и белого цвета, и другие предметы костюма, произнося благословения и по традиции осыпая его монетами и сладостями и одаривая его. Лицо подростка смазывали мукой.

Трансформированный праздник *мулчардароен* отмечается в семьях и школах и теперь и приурочивается также к Наврузу. Сохранился и белый цвет костюма, который теперь кроится по-современному⁴⁰.

Не исключено, что и в Хорезме в прошлом были подобные обычаи, поскольку с детства жизни по мурчелам, в частности женщин, здесь известен. Элементы посвятельного ритуала зафиксированы в материалах об объединениях сверстников в селении Калачаи Калон (район Ура-Тюбе)⁴¹. Теперь у нас есть основания подвести итоги по вопросу о причастности объединений сверстников к жизни семьи. Наиболее значительна их роль в обрядовой жизни, конкретно — в обрядности жизненного цикла, когда они наряду с общиной выступают как самостоятельный коллектив. И это естественно, поскольку данный цикл связан с этапными, переходными моментами в жизни человека, которые в ракурсе половозрастной градации в далеком прошлом сопровождались системой инициаций. Элементы их сохранились в свадебном цикле, в комплексе *суннат-тоя* хорезмских узбеков, на что указал в свое время Г. П. Снесарев.

Судя по фрагментарным данным⁴² и по материалам из других регионов, в частности по армянам⁴³, каждая возрастная ступень и их объединения имели свои общественные и семейные обязанности. По Хорезму известно, что сверстники каждой возрастной группы обязательно участвовали в похоронно-поминальной обрядности (см. труды К. Л. Задыхиной). По материалам Г. П. Снесарева, сверстники участвовали в *суннат-тое*. Согласно сведениям Л. Ф. Моногаровой, утаджиков в сельской местности до последнего времени *джура* хозяина дома наравне с родственниками оказывают посильную помощь в проведении *суннат-тоя*: приводят теленка, приносят чай, рис, паласы. На суннат-тое участвуют *джура* отца ребенка, его дед и дяди. На помолвку всегда приглашают *джура* отца невесты. Даже в современных семейных сборищах, например по поводу призыва в армию, *джура* отца новобранца наряду с родственниками дают деньги на расходы, а сверстники провожают до призывного пункта⁴⁴.

Реликты взаимоотношений, диктуемых отголосками древней половозрастной градации общества, встречаются и в современной жизни народов региона. Интересно, что они претерпевают существенную трансформацию и бытуют в новых формах. Например, в Киргизии, согласно материалам А. Кочкунова, существуют летние молодежные объединения — *шерне*, состоящие из друзей по учебе или работе⁴⁵, хотя не исключено, что они имеют другую природу, так как в них принимают участие целые семьи.

В заключение хочется привлечь внимание исследователей к данной теме: поскольку традиции, связанные с ней, уходят в прошлое, надо успеть собрать материалы для реконструкции сути данного института. Интересна и его современная судьба. Половозрастная градация общества и ее производные в виде возрастных объединений даже в вариантах, характерных для рубежа XX в., когда они были известны в деформированных, пережиточных по сравнению с изначальными формами, когда в них стали проявляться классовые тенденции, все-таки регламентировали поведение человека в общественной, хозяйственной и семейной жизни. Объединения мужчин и женщин являлись своеобразной жизненной школой, в которой старшие возрастные группы выступали воспитателями младших поколений, конечно, в рамках морально-этических, идеологических и других норм патриархально-феодального общества. В XX в. заметно стала усиливаться роль этих объединений в заполнении досуга. В послевоенный период в Средней Азии известны объединения, основанные не по возрастному принципу, а по профессии — объединения учителей, шоферов. Тем не менее традиция связей членов объединения в обыденной жизни — помочь по хозяйству, при постройке дома, принять участие в подготовке и проведении свадьбы, похорон и т. п. — не утратилась, что видно даже из немногочисленных приведенных выше примеров. Известная всем народам Средней Азии *янга* — наставница невест — не утратила полностью своего значения в жизни молодежи. Именно она сопровождает невесту на церемонию бракосочетания в загс или Дворец бракосочетания. Однако недостаток конкретных знаний по состоянию этого института в наши дни не позволяет делать более определенные выводы.

Примечания

¹ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. Экскурс III; Снесарев Г. П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М., 1963 и другие его работы.

² Задыхина К. Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии — Родовое общество. Материалы и исследования. М., 1954; *ее же*. Узбеки дельты Амударьи // Тр. Хорезмской экспедиции. 1952. Т. 1; Сазонова М. В. О женских возрастных группах в Хорезме // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1978. С. 10—11.

³ Местные узбекские термины даны в русской транскрипции.

⁴ За неимением места мы не приводим весь состав сведений по этому вопросу, относящихся к работам: Задыхина К. Л. Узбеки... С. 392; Архив ИЭ, Каракалпакский отряд Хорезмской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР под руководством Т. А. Жданко; Полевые записи автора Муйнакский р-н Каракалпакской АССР. 1957. № 25—26; о-в Карабейлы. 1958. № 8.

⁵ Снесарев Г. П. Указ. раб.

⁶ См.: Рахимов Р. Традиционные мужские объединения и некоторые вопросы общественной быта таджиков (конец XIX — начало XX в.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1977; Дирдыев М. Б. Пережитки возрастных групп и ранних форм брака в свадебных обрядах туркмен в конце XIX — начале XX в. // Уч. зап. Туркменского гос. ун-та (Сер. историко-юридических наук) Ашхабад, 1970. С. 57; Буриев А. Б., Рассудова Р. Я. Мужские объединения и община узбеков и таджиков на рубеже XIX—XX вв. // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1983. С. 12 и др.

⁷ В период подготовки статьи к печати появилась специальная работа на эту тему с новым конкретным материалом: Тошматов Н. Э. Традиционные мужские объединения и их роль в семейно-обрядности у населения Ура-Тюбе // Изв. АН ТаджССР. Сер. востоковедения, истории, филология. 1987. 4.

⁸ Основными материалами к данной работе послужили полевые записки, проведенные в различных районах Хорезмской области УзССР в 1955—1958 гг. Г. С. Куртмуллаевой, работавшей в составе Узбекского отряда Хорезмской экспедиции под руководством Г. П. Снесарева и полевые записки автора, участвовавшего в работе этого отряда в 1956, 1968 гг. — Архив ИЭ.

⁹ Снесарев Г. П. Указ. раб. С. 162.

¹⁰ См. Лобачева Н. П. Об одном обычая свадебного комплекса хорезмских узбеков // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

¹¹ Киличев Тура. История народного театра Хорезма и его развитие в XIX и начале XX века. Автореф. дис... канд. ист. наук. Нукус; Ташкент, 1986.

¹² См. Гордлевский В. А. Османская свадьба // Этнографическое обозрение. 1914. № 13. С. 21—22.

¹³ Киличев Т. Указ. раб.

¹⁴ См. Снесарев Г. П. Указ. раб. С. 161.

¹⁵ Полевые записки автора. 1966. Коканд // Архив ИЭ.

- ¹⁶ Гордлевский В. А. Указ. раб. С. 21—22.
- ¹⁷ Лобачева Н. П. Свадебный обряд хорезмских узбеков // КСИЭ. 1960. 34. С. 44.
- ¹⁸ См. карту: Лобачева Н. П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 39.
- ¹⁹ По некоторым информациям, курицу новобрачный должен был съесть, не притрагиваясь руками, что вызывало смех у зрителей.
- ²⁰ По возрастной градации этот термин означает мужчину зрелого возраста от 30 до 50 лет, т. е. представителя старшей возрастной группы, хотя в объединении он не выделялся своим возрастом, а *агабий*. В этом явлении, очевидно, отразилась роль старшего поколения и та фаза в развитии этнических объединений, когда они не разделялись на группы по возрастам.
- ²¹ См. Борозна Н. Г. Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов разных районов Таджикистана и Узбекистана // Сов. этнография. 1969. № 1. С. 84.
- ²² Архив ИЭ. Каракалпакский отряд Хорезмской экспедиции. 1956. Полевая запись автора.
- ²³ Сухарева О. А. Празднество цветов у равнинных таджиков (конец XIX — начало XX в.) // Этнические обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 44.
- ²⁴ Сухарева О. А. Указ. раб. С. 44.
- ²⁵ Кармышева Дж. Х. Земледельческая обрядность у казахов // С. 51—52.
- ²⁶ См. Варданян Л. В. Традиции мужских возрастных групп у армян (Конец XIX — начало XX в.) // Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования в 12 вып. Ереван, 1988. С. 118.
- ²⁷ Задыхина Ю. Л. Узбеки... С. 403.
- ²⁸ Снесарев Г. П. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма // Материалы Хорезмской экспедиции. 1960. Вып. 4. С. 138.
- ²⁹ Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 2. С. 224.
- ³⁰ Сазонова М. В. Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М. 1989.
- ³¹ См. Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1982. С. 83—84.
- ³² Полевые материалы автора. 1947. Хива, Турткуль и их районы; а также Лобачева Н. П. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975. С. 123.
- ³³ Полевые записи автора. 1947. Хорезмская обл. УзССР, Турткульский р-н Каракалпакской АССР; Лобачева Н. П. Формирование... С. 120.
- ³⁴ См. Рахимов Р. «Тун салладор» в окрестностях города Ура-Тюбе (К вопросу о традиционной общественной быте таджиков) // Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР. 1975. М., 1977.
- ³⁵ См. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М., 1939. С. 166—167 и др.; Варданян Л. В. Традиции мужских возрастных групп... С. 114 сл.
- ³⁶ См. Снесарев Г. П. Традиции мужских союзов... С. 164.
- ³⁷ Устное сообщение А. Жумаева.
- ³⁸ Симаков Г. Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. Л., 1984. С. 170.
- ³⁹ См. Андреев А. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. С. 130.
- ⁴⁰ Шовалеева М. Современный обряд «мулчар» у таджиков Бухары и ирани Кагана // Актуальные вопросы гуманитарных наук на современном этапе (Философия, история, право). Душанбе, 1987. С. 130 сл.
- ⁴¹ См. Тошматов Н. Э. Традиционные мужские объединения и их роль в семейной обрядности населения Ура-Тюбе // Изв. АН ТаджССР (Сер. востоковедение, история, филология). 1987. С. 33—34.
- ⁴² Там же. С. 36—37.
- ⁴³ Варданян Л. В. Указ. раб.
- ⁴⁴ Устное сообщение Л. Ф. Моногаровой.
- ⁴⁵ Устное сообщение А. Кочкунова.

С. В. Соколовский

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ БРАЧНОЙ СТРУКТУРЫ У АЛТАЙСКИХ МЕННОНИТОВ

Одним из главных объектов исследования в географии населения является тема расселения. Однако роль пространственного размещения человеческих обществ столь велика, а закономерности этого размещения настолько существенно влияют на их жизнедеятельность, что без учета размещения населения обходится по существу ни одна из наук, в которых исследуются те или иные

стороны функционирования этих сообществ. Рассмотрение особенностей расселения давно перестало быть прерогативой географов и превратилось в традицию в исторических, археологических, антропологических, демографических, популяционно-генетических исследованиях. Приемы и методы оценки влияния системы расселения на те или иные стороны общественной жизни безусловно варьируют от науки к науке, вместе с тем в их мозаике улавливаются черты сходства, позволяющие говорить о существовании определенных исследовательских традиций и подходов. Наиболее явным образом выделяются три таких подхода: региональный, или хорологический; экологический, или энвайронменталистский и пространственно-аналитический¹.

Предметом этой статьи является изучение влияния системы расселения на формирование и эволюцию брачной структуры. Избранный в ней подход — количественная оценка пространственных детерминантов брачной структуры — совпадает по методам с пространственно-аналитическим подходом. Нетипичен лишь объект анализа. Было бы преувеличением утверждать, что влияние пространственно-географических факторов на брачные структуры до сих пор недооценивалось, ведь терминосистема этой области исследований содержит ряд географических понятий «брачная миграция», «круг брачных связей», «радиус брачного обмена» и т. д. Следует, однако, отметить, что исследования взаимосвязи систем расселения и брачности до сих пор выполнялись методами регионального анализа². Исследования же брачных систем с позиции экономического и пространственно-аналитического направлений автору не известны. Впрочем, по ряду особенностей к пространственно-аналитическому методу приближаются исследования брачной миграции в популяционной генетике, однако в центре внимания в рассматриваемых там моделях находится не брачная, а генетическая структура популяции. Другим существенным отличием выбранного здесь аспекта анализа служит формальный характер используемых в этих моделях параметров, связанных как раз с изменением пространственных закономерностей миграции. Проиллюстрируем данное утверждение несколькими типичными примерами.

Одной из наиболее распространенных посылок, включенных в большинство дискретных моделей, — «островной» С. Райта, «ступенчатой» Ж. Малека, М. Кимуры и Дж. Г. Вейсса, «звездной» Л. Л. Кавалли-Сфорца и Д. Кармели, — является принцип изотропности миграции, выражающийся в том, что коэффициент миграции субпопуляции не зависит от ее пространственного положения³. В числе других часто встречаемых допущений — симметричность миграционных потоков, равномерное распределение населения в пространстве (контуальная модель «изоляции расстоянием» Ж. Малека), линейная зависимость величины миграционного потока от расстояния («гравитационная модель» Д. Куржо)⁴.

Допущения такого рода столь существенно огрубляют реальность, что специалисты относятся скептически к возможности использования этих моделей для изучения реальных популяций⁵. Подобный скептицизм породил и направление исследований — так называемый дескриптивный, или феноменологический подход, цель которого — строгое описание реальных систем брачных связей и фиксация наблюдаемых брачных структур с помощью комплексов хорошо измеримых параметров. Предполагается, что создание банка данных на основе информации, накопленной в результате применения этого подхода послужит надежной основой разработки более реалистичных моделей популяционных структур.

Таким образом, предлагаемое здесь описание брачной структуры исследовано двумя исследовательскими традициями — пространственно-аналитической (география населения) и феноменологической (популяционная генетика и экология), т. е. представляет типично целевое междисциплинарное исследование. Его объектом стала группа меннонитских сел (обычно обозначаемых как Славгородское, или Барнаульское поселение⁶) — крупнейшая в СССР

этнорегиональная группа меннонитов, сложившаяся в 1907—1911 гг. в ходе их переселения на свободные земли из новороссийских меннонитских округов⁷. Достаточно подробно описанная история меннонитской общности позволяет ограничиться этой скупой исторической справкой и сосредоточиться на синхронной характеристике брачной структуры, источником для описания которой послужили полевые материалы, собранные автором в экспедиционных поездках 1980—1985 гг. Именно тогда были получены сведения о регистрации браков меннонитами Благовещенского, Славгородского и Хабаровского р-нов Алтайского края с 1963 по 1982 г., позволившие оценить размеры брачной миграции между отдельными меннонитскими селами и выделить группы наиболее тесно связанных сел, называемые обычно кругами брачных связей, или демами.

Поскольку подразделенность алтайской популяции меннонитов на демы, как и система локальных изолирующих барьеров, с учетом действия таких групп факторов, как конфессиональная, лингвистическая, социально-экономическая, уже описаны⁸, возникает возможность исследовать иные аспекты структурирования, в частности подробнее остановиться на роли современной системы расселения в эволюции брачной структуры.

В популяционно-генетических исследованиях, где до настоящего времени происходило основное накопление информации о популяционных структурах и брачной миграции, интерпретируемой как миграция генов, последняя обычно фиксируется в терминах распределений типа «место рождения жены — место рождения мужа», либо «место рождения матери (реже отца) — место рождения ребенка». При этом в первом случае, когда речь идет о местах рождения супругов, система расселения представлена в ретроспективе, в том виде, в котором она существовала почти поколением раньше, а современное расселение (т. е. вся добрачная миграция) и его влияние на наблюдаемую географию брачности не учитывается. Анализ матриц типа «место рождения матери — место рождения ребенка», по всей видимости, более пригодный для оценки миграции генов, хотя и может отражать изменения в системе расселения, но мало что сообщает о наличной брачной структуре. Таким образом, оба способа представляются неадекватными средствами решения поставленной здесь задачи.

С нашей точки зрения, влияние системы расселения на брачную структуру позволяет оценить матрицы типа «место рождения — место жительства», составляемые для мужчин и женщин, заключивших браки в исследуемый период. Эти матрицы фиксируют результат изменений, произошедших в системе расселения с момента рождения будущих супругов до момента их вступления в брак, т. е. содержат информацию о расселении на двух временных срезах.

Тип структуры, отражаемый в матрицах данного вида, удобно обозначать как «композиционную структуру популяции», поскольку этот термин одновременно подчеркивает структурный аспект анализа географических популяций и фиксирует вид структуризации, ее способ — композицию, т. е. локальной популяции (например, определенного села или города) из уроженцев данного населенного пункта и мигрантов, проживающих в нем. Характер признаков, из которых складывается композиционная структура, может быть сколь угодно разнообразным, а принцип их описания зависит от целей конкретного исследования: например, для изучающих этнические процессы возможна оценка этнической композиции данного населенного пункта, и социологов может заинтересовать социально-профессиональная композиционная структура и т. д. Таким образом, из широкого класса возможных композиционных структур объектом нашего анализа будет лишь та, которая отражает современную систему расселения алтайских меннонитов в терминах их мест рождения.

Поскольку материалы по всем административным районам расселения меннонитов в Алтайском крае не могут быть представлены в небольшой статье, ограничимся рассмотрением композиционной структуры самого крупного массива меннонитских сел, находящегося на территории современного Хабаровского

р-на и состоявшего в недалеком прошлом из 19 сел (часть из них исчезла в процессе укрупнения колхозов).

Исходная матрица композиционной структуры сел строится аналогично привычным в популяционно-генетических исследованиях матрицам брачной миграции, но в отличие от них элементами этой матрицы являются числа, отражающие количество мужчин, либо женщин, родившихся в i -том селе района и проживающих на момент заключения брака в нем же (элементы главной диагонали матрицы), либо в j -том селе (все остальные элементы матрицы).

Построение и анализ таких матриц позволяют оценить размеры, направленность и интенсивность добрачных миграционных потоков, существенно влияющих на распределение вероятностей встречи будущих супругов и вероятностей заключения браков между уроженцами различных сел. Картографирование таких потоков, особенно необходимое при значительных изменениях системы расселения (а именно таким изменением можно считать процесс укрупнения колхозов, в результате которого уроженцы малых сел переселялись на главные усадьбы), позволяет понять географию локальных изолирующих барьеров, зафиксировать степень их устойчивости либо, наоборот, подвижности. Наконец, зная современную композиционную структуру сел, можно дать прогноз для брачной структуры по принципу места рождения супругов. Разумеется, эта структура не является однозначным отображением будущей брачной структуры, однако она несомненно очерчивает по пространству вероятностей, внутри которого будет реализовываться брачная структура следующего поколения. Для анализа особенностей расселения при вступлении в брак (патрилокальное, вирилокальное, неолокальное и т. д.) целесообразно строить отдельные матрицы для мужчин и женщин.

Матрицы композиционной структуры меннонитских сел Хабаровского р-на, фиксирующие добрачную внутрирайонную мобильность, представлены в табл. 1 и 2. Сопоставление данных обеих таблиц обнаруживает значительное совпадение мужских и женских миграционных потоков если не по объемам, то по направлениям миграции. В этом отражается уже отмеченный процесс переселения на центральные усадьбы колхозов, протекавший как раз на временном от-

Таблица 1

Композиционная структура меннонитских сел Хабаровского р-на
(мужчины, вступившие в брак в 1963—1982 гг.)

№ п/п	Место рождения	Место жительства *																		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1.	Мирное	27	18	0	0	0	0	1	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
2.	Протасово	0	34	0	0	0	0	1	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
3.	Угловое	1	4	10	0	0	0	43	1	0	0	0	0	0	0	5	0	0	0	0
4.	Чистый	1	6	0	0	0	2	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5.	Красный Дол	1	16	0	0	8	3	1	4	0	0	0	0	2	0	1	0	0	0	0
6.	Никольский	0	22	0	0	0	11	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
7.	Полевое	0	2	0	0	0	0	49	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
8.	Дегтярка	0	0	0	0	0	0	1	54	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
9.	Дягилевка	0	0	1	0	0	0	17	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
10.	Петровка	0	0	0	0	0	0	0	6	0	2	0	0	0	0	2	0	0	0	0
11.	Синеозерное	0	0	0	0	0	0	2	1	0	0	3	0	0	0	29	0	0	0	0
12.	Ясное	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	11	0	0	16	0	0	0	4
13.	Дворское	0	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	27	0	7	0	1	0	2
14.	Луговое	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	2	2	18	0	0	0	1
15.	Орлово	0	5	0	0	0	1	3	6	1	1	1	1	0	75	0	2	5	2	2
16.	Черновка	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1	1
17.	Лесное	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	14	0	34	0	7	7
18.	Чертеж	0	0	0	0	0	0	13	1	0	0	0	0	0	1	0	0	24	0	0
19.	Александровка	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	13	0	1	0	26	0

* Цифры, приведенные в головке таблицы, соответствуют цифрам, указанным в боковике.

**Композиционная структура меннонитских сел Хабаровского р-на
(женщины, вступившие в брак в 1963—1982 гг.)**

№ п/п	Место рождения	Место жительства *																		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1.	Мирное	23	29	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
2.	Протасово	1	37	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	2	0	0
3.	Угловое	1	1	9	0	0	0	38	2	0	0	0	0	1	5	0	2	0	2	0
4.	Чистый	0	8	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5.	Красный Дол	0	5	0	0	11	1	2	3	0	0	0	0	0	0	4	0	1	0	1
6.	Никольский	0	22	0	0	2	21	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
7.	Полевое	0	0	0	0	0	0	45	1	0	0	0	0	1	0	3	0	0	1	0
8.	Дегтярка	0	1	0	0	0	0	1	49	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
9.	Дягилевка	0	0	0	0	0	0	18	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
10.	Петровка	0	1	0	0	0	0	1	8	0	5	0	0	0	1	0	0	0	0	0
11.	Синеозерное	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	5	0	0	0	27	0	1	0	0
12.	Ясное	0	0	0	0	1	0	1	1	0	0	1	16	0	0	8	0	0	0	3
13.	Дворское	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	24	0	13	0	0	0	1
14.	Луговое	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	2	10	0	1	1	0
15.	Орлово	1	3	1	0	1	0	6	2	0	0	3	1	1	0	62	0	2	7	0
16.	Черновка	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	4	0	1	0	4
17.	Лесное	0	1	0	0	0	0	5	0	0	0	0	0	1	0	9	0	38	0	2
18.	Чертеж	0	2	0	0	0	0	14	1	0	0	0	0	0	0	3	0	0	22	0
19.	Александровка	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0	9	0	1	1	35

* Цифры, приведенные в головке таблицы, соответствуют цифрам, указанным в боковике.

резке с момента рождения членов наблюдаемой когорты до момента их вступления в брак. В результате этого процесса сформировались сложные композиционные структуры сел, являющихся административными и хозяйственными центрами (Дегтярка, Орлово, Полевое, Протасово). Напротив, композиционные структуры малых сел относительно просты (к этому классу относятся Мирное, Дворское, Лесное, Чертеж, Никольский). В отдельный тип выделяются села-спутники, расположенные в 1—3 км от центральной усадьбы колхоза и связанные с ней интенсивной маятниковой миграцией. В Хабаровском р-не к такому типу принадлежит лишь Александровка. Остальные с крайне простыми композиционными структурами можно было бы выделить в еще один тип — села, исчезнувшие за рассматриваемый период (1963—1982 гг.). Однако, поскольку в действительности здесь мы имеем дело с осколками прежних структур (данные о миграции с 1963 г. до момента исчезновения села), а не со структурами особого типа, этот «тип» скорее следует рассматривать в качестве эпифеномена, который должен быть упомянут, но который вряд ли заслуживает специального анализа.

Простейшим способом количественного описания композиционной структуры села является измерение доли вклада каждой из групп мигрантов в процентах, либо с помощью простого подсчета направлений миграции. Например, среди мужчин с. Орлово, вступивших в брак в 1963—1982 гг. помимо местных уроженцев есть и выходцы из 13 сел района: около 41% — уроженцы с. Орлово, 16% — Синеозерного, 10% — Лугового, 9% — Ясного, 7,5% — Лесного, 7% — Александровки, около 4% — Дворского, 5,5% — еще семи сел района. Примечательно, что 94,5% этих мужчин родились в границах Орловского сельсовета, а 80,5% — в границах прежнего Орловского прихода. У женщин этого же села композиционная структура еще более сложна: 38% — местные уроженки, 16,5% — мигранты из с. Синеозерного, 8% — из Дворского, 6% — из Лугового, по 5,5% из Лесного и Александровки, 5% из Ясного, остальные 15,5% — еще из девяти сел района, т. е. в структуре представлены уроженки 16 меннонитских сел района. В границах сельсовета родилось около 88%,

а в границах бывшего прихода — 74,5% представительниц рассматриваемой группы.

Сходными по сложности композиционными структурами обладают и другие административно-хозяйственные центры этого региона — села Протасово (8 и 10 групп мигрантов у мужчин и женщин соответственно), Полевое (11 и 12 групп, или направлений миграции в популяцию) и Дегтярка (12 групп у мужчин и 11 — у женщин).

Малые села характеризуются помимо менее сложных композиционных структур высокой долей уроженцев данного села. Черты, присущие их композиционным структурам, отчетливо проявляются на примерах таких сел, как Мирное, Дворское и Лесное. Композиция по признаку «место рождения» первого из них выглядит следующим образом: 90% мужчин — уроженцы села, остальные прибыли из близлежащих сел Угловое, Чистый и Красный дол, т. е. 100% мужчин, вступивших в брак в описываемый период и проживающих в данном селе, родились в границах прежнего прихода, 97% — в границах сельсовета. Среди женщин этого села его уроженки составляют 88,5%, остальные прибыли из сел Протасово, Угловое и Орлово, т. е. 96% родились в границах прихода, 92% — в границах сельсовета.

Столь же простой композицией характеризуется и с. Дворское, где 87% мужчин и 80% женщин — его уроженцы: у мужчин остальные 13% составляют мигранты из Лугового и Красного Дола, у женщин в числе проживающих в селе — выходцы из Углового, Полевого, Дегтярки, Дягилевки, Орлово и Лесного. Доля родившихся в границах прихода и сельского совета у мужчин совпадает и составляет 93,5%, а у женщин эти величины равны соответственно 90 и 86,5%.

Композиционную структуру с. Лесного легко рассчитать по данным приведенных таблиц. Отметим лишь, что она также проста, а число жителей, родившихся в границах прежнего церковного прихода, составляет у мужчин 92% (100% — в границах сельсовета), а у женщин — 81,5% (90% — в границах сельсовета).

Таким образом, малые села обладают особым типом композиционной структуры, число элементов (групп мигрантов) которой почти вдвое меньше, чем в аналогичных структурах крупных сел. Этот вполне предсказуемый и, таким образом, не неожиданный результат имеет существенное значение для планирования полевой работы в антропологических и популяционно-генетических экспедициях, где, как известно, основой выборки служит совокупность людей, объединяемая местом проживания (локальная, или географическая популяция, т. е. население деревни, поселка, города, района и т. д.), а не требуемая теорией совокупность, обладающая единым генофондом. Исходя из особенностей композиционных структур крупных и малых сел можно наметить две стратегии в формировании выборки. Первая состоит в том, что крупное село предпочтительнее как объект исследования по сравнению с малым, так как в его композиционной структуре население дема (круга брачных связей, объединяющего, как правило, группу сел) представлено репрезентативней. Другая стратегия заключается в обследовании группы связанных брачными миграциями малых сел. Она менее экономна с точки зрения времени и усилий (на формирование такой же по размерам и представительности выборки их затрачивается больше), однако нередко представляет возможности для реконструкции брачной структуры в предшествовавший исследованию период, так как системы брачных обменов малых сел и формируемые ими композиционные структуры носят обычно более консервативный характер, чем соответствующие системы и структуры сел, являющихся административными или хозяйственными центрами того или иного ранга.

Поэлементный анализ композиционных структур крупных и малых сел позволяет отметить общую для этих групп тенденцию к большей гетерогенности женского населения, что дает основание для предположения о некотором,

хоты и небольшим преобладанием в вириокального расселения над прочими его формами. Другой особенностью, в известной мере объясняющей возникновение этих двух типологических групп, выделяемых на основании данных о миграции, является характерное для крупных сел преобладание прямой миграции над обратной (т. е. миграции в микропопуляцию, в данном случае — в село, над миграцией из села). Для сел второго типа (малых сел) характерно как раз обратное. Однако типология в терминах миграционного сальдо микропопуляций, сколь бы естественной она ни казалась при обсуждении миграционных процессов, имеет тот недостаток, что в ней не учитывается ни доля жителей, не менявших места проживания, ни число направлений миграции. Разумеется, всегда остается возможность построения классификаций сел по всем перечисленным основаниям с последующей оценкой меры их взаимной согласованности, но существует и менее громоздкий путь — попытка конструирования показателя, в котором бы учитывались все перечисленные параметры миграций.

Такой показатель, разработанный для прямого анализа брачной миграции, был предложен Ю. Г. Рычковым⁹. В качестве интегральной оценки генетического вклада микропопуляции в популяционную систему, учитывающей и число направлений миграции и уровень локальной эндогамии, этот метод, с нашей точки зрения, может быть использован и для анализа матриц композиционных структур. В соответствии с ним коэффициент миграции всей системы расселения определяется следующим выражением:

$$\bar{m} = (1/2K) \cdot (m_i + m'_i), \text{ где} \\ m_i = (n_i/n_i + N) \cdot (k_i/K - 1), \\ m'_i = (n'_i/n_i + N) \cdot (k'_i/K - 1).$$

(N — число эндогамных случаев, n_i , n'_i — число прямых и обратных миграций; k_i , k'_i — число направлений прямых и обратных миграций; K — общее число направлений миграции):

Все величины, необходимые для расчетов коэффициентов прямых и обратных миграций, и сами коэффициенты представлены в табл. 3. Как следует из нее, для мужчин $\bar{m} = 1109$, для женщин — 1239.

Высокие значения коэффициентов свидетельствуют о том, что микропопуляция (населенный пункт) не является самостоятельной и независимой структурной единицей. Из приведенного ранее анализа известно, что вся группа меннонитских сел Хабаровского р-на распадается на три дема, и приведенные здесь коэффициенты отражают, таким образом, как внутри-, так и междемную мобильность.

Использование метода «не по назначению», т. е. не в качестве оценки миграции генов как необходимого параметра математической модели популяции, а как некоего индикатора добранной мобильности населения, позволяющего ранжировать рассматриваемое множество сел, вызывает обоснованные возражения. Оправданием может служить лишь то обстоятельство, что и цели, в которых данный метод используется, отличаются от традиционных. В частности, здесь не преследуется цель расчета модельного параметра, а ставится задача выяснения степени связи между положением села и интенсивностью миграционных потоков. Прежде чем перейти к решению этой задачи, требующему не только измерения параметров миграции, но и введения некоей количественной меры, которая бы характеризовала положение села относительно всей системы расселения, подведем итоги рассмотрения композиционных структур.

Рассмотрение параметров миграции, формирующей композиционные структуры крупных сел, свидетельствует о значительном их своеобразии. Главными факторами, лежащими в основе этого своеобразия, являются явное преобладание потоков прямой миграции над потоками обратной и большее число направлений прямой миграции по сравнению с числом направлений обратной. Значительное преобладание мигрантов из близлежащих малых сел над прочими

№ п/п	Микропопуляция (населенный пункт)	Мужчины						
		N_i	n_i	k_i	n'_i	k'_i	m_i	m'_i
1	Мирное	27	3	3	22	4	.0167	.0998
2	Протасово	34	74	8	3	2	.3045	.0090
3	Угловое	10	1	1	54	5	.0051	.2344
4	Чистый	0	0	0	12	5	0	.2778
5	Красный Дол	8	1	1	28	7	.0062	.3025
6	Никольский	11	10	6	23	2	.1587	.0752
7	Полевое	49	85	11	4	3	.3876	.0126
8	Дегтярка	54	27	12	1	1	.2222	.0010
9	Дягилевка	1	1	1	19	3	.0278	.1583
10	Петровка	2	1	1	8	2	.0185	.0889
11	Синеозерное	3	2	2	32	3	.0444	.1524
12	Ясное	11	1	1	22	3	.0046	.1111
13	Дворское	27	4	2	13	6	.0143	.1083
14	Луговое	2	0	0	22	4	0	.2037
15	Орлово	75	109	13	28	11	.4278	.1661
16	Черновка	0	0	0	4	4	0	.2222
17	Лесное	34	5	4	21	2	.0285	.0424
18	Чертеж	24	6	2	15	3	.0222	.0641
19	Александровка	26	17	6	16	3	.1318	.0635

свидетельствует об известном совпадении композиционных структур административно-хозяйственных центров с границами брачного круга, что и делает их выбор в качестве объекта популяционно-генетических исследований вполне корректным. Для сохранившихся малых сел характерна как раз противоположная ситуация — значительное преобладание (в среднем на целый порядок) обратной миграции над прямой. Единственное исключение, отмечаемое в массиве сел этого района — с. Александровка. Оно расположено в непосредственной близости от крупного с. Орлово — центра сельсовета и колхоза. Через оба села проходит дорога районного значения, а расстояние между ними не превышает 2—3 км. Александровка, таким образом, может рассматриваться с некоторым основанием как часть с. Орлово. Такие села-спутники есть и в других районах расселения меннонитов. Их композиционные структуры сложнее, чем структуры малых сел, а поток прямой миграции превышает обратную (с. Кусак в Славгородском р-не при крупном с. Некрасово, с. Татьянаовка в Благовещенском р-не при административно-хозяйственном центре — с. Николаевке).

Изложенные здесь наблюдения позволяют считать, что ведущим фактором в трансформации композиционных структур был процесс укрупнения колхозов, превращения некоторых сел в относительно крупные административно-хозяйственные центры, повлекший за собой исчезновение ряда мелких поселков и складывание сложных композиционных структур крупных сел. Преобладание в составе мигрантов в крупные села уроженцев небольших соседних поселков не позволяет говорить о фундаментальной перестройке брачной структуры (границы круга брачных связей существенно не изменились), скорее речь должна идти о трансформации (и в данном аспекте весьма значительной) системы расселения популяции, фиксируемой в терминах микропопуляций (долей мигрантов из исчезнувших и сохранившихся сел, проживающих в каждом из существующих ныне сел). Наблюдаемое в меннонитских селах Алтайского края своеобразное пространственное «сжатие» брачного круга в композиционную структуру одного крупного села позволяет ожидать в ближайшем будущем возрастания частоты изолакальных браков в таких населенных пунктах и соответствующего упрощения их композиционных структур. В отдельных случаях мы уже имеем возможность наблюдать этот процесс: в с. Глядни (Благовещенский р-н).

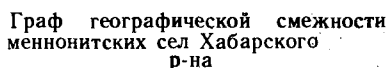
сел Хабаровского р-на

Женщины						
N_i	n_i	k_i	n'_i	k'_i	m_i	m'_i
23	3	3	31	3	.0192	.0957
37	73	10	5	3	.3687	.0198
9	2	2	53	9	.0202	.4274
0	0	0	10	2	0	.1111
11	6	4	17	7	.0784	.2361
21	3	2	25	3	.0139	.0906
45	91	12	8	5	.4661	.0419
49	23	11	3	3	.1952	.0096
0	0	0	19	2	0	.1111
5	0	0	11	4	0	.1528
5	4	2	30	4	.0494	.1905
16	1	1	15	6	.0033	.1613
24	6	6	16	3	.0667	.0667
2	1	1	13	4	.0185	.1926
62	100	15	28	11	.5144	.1901
0	0	0	5	5	0	.2778
38	11	8	18	5	.0998	.0893
22	10	4	20	4	.0694	.1058
35	13	6	14	4	.0903	.0635

более 90% мужчин и женщин вступили в изолакальные (в данном случае — и эндогамные) браки. Такое же явление было отмечено В. В. Бунаком в крупном немецком с. Подсосново (Славгородский р-н), где доля эндогамных браков составляла 92%¹⁰. Эти факты позволяют отметить два существенных момента: 1) композиционные структуры представляются наиболее динамичной частью системы брачных связей с «короткой памятью» и отражают недавние исторические события; 2) перестройка системы расселения может не сопровождаться существенными изменениями брачной и популяционно-генетической структур.

Перейдем теперь к анализу влияния географического положения села в данной системе расселения на формирование его композиционной структуры. Теоретически можно предположить, что периферийные села будут иметь более простые структуры, чем те, которые расположены ближе к центру сети поселений. Однако для того чтобы проверить истинность такого предположения, необходимо использовать более точные характеристики местоположения сел, позволяющие оценивать меру их «центральности», выгоды размещения и т. д. Такой мерой, точнее, целым комплексом мер, позволяющим квантифицировать центральность, компактность, связность пунктов в системе расселения, располагает теория графов¹¹. В частности, в аппарате этой теории существует целый ряд показателей, позволяющих применительно к брачной структуре оценить и измерить выгоды положения населенного пункта на сети брачных связей (брачных миграций, связывающих группу сел).

Все эти показатели, широко используемые в географических исследованиях (главным образом в географии транспорта), определяются на графах географической смежности, где под смежностью понимается непосредственное соседство населенных пунктов (в нашем случае хозяйственных территорий сел), граница между территориями которых представлена линией, а не точкой. На графе смежности соседствующие в определенном выше смысле села (вершины графа) соединены линиями (или, в терминах теории графов — ребрами). Наиболее элементарным из показателей выгоды положения села является так называемый показатель степени вершины ρ (число связей по смежности, характеризующих конкретное село, т. е. число соседних пунктов у каждого из сел). Его легко извлечь либо из специально построенной матрицы смежности, либо визуально — на графе географической смежности (рисунок). Этот вид анализа

Более точную оценку, в которой учитывается не только число соседей, но и расстояния до всех сел, входящих в данный граф, обеспечивают так называемые индексы доступности, или центральности. К наиболее элементарным из них относится число Кёнига, определяемое на матрице кратчайших расстояний $K = \|k_{ij}\|$ как наибольший элемент k_{ij} в i -той строке (столбце) матрицы (табл. 4). Число Кёнига оценивает доступность вершины только со стороны самого удаленного от нее пункта, поэтому теоретически предпочтительней использовать другие меры: индекс оптимальной связности вершины μ_i , индекс центральности Бавела B_i , индекс центральности Бошама E_i , либо взвешенный показатель связности вершин S_i (индекс Шимбела — Каца).

Таблица 4

$\frac{N_0}{n/n}$	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1																			
2	1																		
3	1	2																	
4	1	1	1																
5	2	1	2	1															
6	3	2	3	2	1														
7	2	2	1	1	2	3													
8	3	4	2	3	4	5	3												
9	3	3	2	2	2	3	1	2											
10	2	3	1	2	3	4	2	1	1										
11	3	4	2	3	3	4	2	1	2	1									
12	4	5	3	4	4	5	3	1	2	2	1								
13	5	4	4	4	4	3	4	3	2	2	3	2	1						
14	5	1	4	4	3	4	3	3	2	3	2	2	1	1					
15	4	3	3	3	2	3	2	2	1	2	1	2	1	1	2				
16	4	3	3	3	2	2	2	3	2	3	2	3	2	2	1	1			
17	4	3	3	3	2	1	2	3	2	3	3	4	3	2	2	1	1		
18	3	2	2	2	1	2	1	3	1	2	2	3	2	2	1	1	1		
19	5	4	4	4	3	2	3	3	3	3	2	3	2	2	1	1	1	2	

* Номера сел соответствуют приведенным в табл. 1.

Меры доступности на графе смежности меннонитских сел Хабаровского р-на *

Населенные пункты	Индексы доступности (центральности)					
	μ_i	E_i	B_i	S_i	ρ	$k_{\max}$
К р у п н ы е						
Протасово	51	0,35	16	1,438	3	7
Полевое	38	0,47	22	2,082	4	7
Дегтярка	48	0,38	17	1,495	5	7
Орлово	35	0,51	24	2,756	8	5
М а л ы е						
Мирное	55	0,33	15	1,345	3	8
Угловое	43	0,42	19	1,899	5	8
Красный Дол	41	0,44	20	1,973	4	6
Никольский	53	0,34	16	1,222	4	6
Дворское	48	0,37	17	1,583	3	6
Лесное	43	0,42	19	1,855	5	5
Чертеж	33	0,55	25	2,691	6	6
Александровка	48	0,37	17	1,539	6	5

* Индексы рассчитаны лишь для сел, существовавших на протяжении всего периода наблюдений.

Первые три индекса — μ_i , B_i и E_i , хотя и рассчитываются различными способами, дают идентичные результаты в отношении ранжирования вершин по степени доступности (табл. 5). Индекс оптимальной связности вершины определяется суммированием элементов в соответствующих строках матрицы кратчайших расстояний:

$$\mu_i = \sum k_{ij}.$$

Чем ниже показатель μ_i , тем более выгодным в смысле топологической доступности является положение i -того села на сети ¹².

Индекс центральности Бавела является отношением суммы индексов доступности всех пунктов сети к индексу доступности i -того пункта:

$$B_i = \sum \mu_i / \mu_i.$$

Индекс центральности Бошама определяется как

$$E_i = (n - 1) / \mu_i,$$

где n — общее число пунктов в сети. Чем выше значения индексов Бавела и Бошама, тем благоприятнее географическое положение села по отношению ко всем рассматриваемым населенным пунктам.

Наиболее информативным следует считать все же, с нашей точки зрения, взвешенный показатель связности вершин — индекс Шимбела — Каца, который конструируется следующим образом. Путь между двумя вершинами, состоящий из одного ребра, измеряется при расчете этого индекса не L , а скалярной величиной, значение которой выбирается между 0 и 1. Путь из двух ребер тогда соответствует величине S^2 , из трех ребер — S^3 и т. д. У. Л. Гаррисон принял значение $S = 0,30$.

Измеряя этой скалярной величиной пути, состоящие из различного числа ребер, можно на основе исходной матрицы кратчайших расстояний K построить новую матрицу K' . Суммируя элементы этой матрицы по строкам, мы и получим величины индекса Шимбела — Каца для каждой из вершин графа смежности. Чем выше будет значение индекса, тем более доступное в топологическом отношении место на сети занимает данный населенный пункт. Этот индекс обеспечивает максимально дробное ранжирование вершин, что и обуславливает его теоретическую предпочтительность.

Теперь, когда мы располагаем двумя комплексами параметров, один из которых характеризует брачную миграцию, а второй — систему расселения с

точки зрения «выгодности» положения сел на сети брачных связей, мы получаем возможность измерения влияния пространственного положения сел на брачную структуру. Типологическое различие композиционных структур и формирующих их миграционных потоков у крупных и малых сел делает целесообразным проведение раздельного корреляционного анализа для обеих групп сел. Это позволяет к тому же нивелировать влияние различий в уровнях развития социальной инфраструктуры и «престижности» тех или иных населенных пунктов, поскольку выделенные группы сел более или менее однородны в данном отношении. Такой подход является по своей сути комплементарным в отношении известной теории центральных мест В. Кристаллера, или более ранней теории зонирования И. Г. фон Тюнена, где пространственно-географические детерминанты отступают на второй план по сравнению с ролью социально-экономических факторов.

Напомним, что в группу крупных сел Хабаровского р-на входят Дегтярка, Орлово, Полевое и Протасово, каждое из которых представляет собой главную усадьбу колхоза и центр сельсовета. Для оценки связей между параметрами миграции и величинами индексов центральности этих сел были рассчитаны ранговые коэффициенты Кэндела и Спирмена. Статистически достоверными оказались связи между числом направлений миграции в популяцию у женщин и показателем степени вершин ρ ($\tau=0,913$; $r_s=0,950$), а также между ρ и числом компонентов в композиционных структурах этих сел (у женщин и у мужчин). Для остальных индексов были получены достаточно высокие положительные корреляции, не достигшие, однако, из-за малой численности сравниваемых рядов, порога значимости. Так, корреляция между величинами индекса Шимбела — Каца S_i и коэффициентами прямой и обратной миграции у мужчин и женщин m_i , m'_i ($\tau=0,667$; $r_s=0,800$); между индексами оптимальной связности вершин μ_i и числом направлений миграции в популяцию k_i у мужчин: $\tau=0,667$. Статистически значимой ($P=0,01$) оказалась корреляция между μ_i и числом направлений миграции в популяцию k_i у женщин ($\tau=1$). Положительная корреляция ($\tau=0,667$) существует также между числом сел в приходе и количеством компонентов в композиционной структуре сел этой группы.

В группе малых сел района, существовавших в период исследования, которая включает Мирное, Угловое, Красный Дол, Никольский, Дворское, Лесное, Чертеж и Александровку, статистически достоверные корреляции ($P=0,05$) были получены лишь между ρ и числом направлений миграции в популяцию k_i у мужчин: $\tau=+0,709$; $r_s=-0,756$, а также между ρ и коэффициентом обратной миграции у женщин m'_i : $\tau=0,591$; $r_s=0,766$. Корреляция именно этих параметров миграции с показателями степеней вершин (т. е. числом сел — непосредственных соседей) не представляет сложностей для интерпретации: асимметрия миграционных потоков по полу, вызванная небольшим преобладанием вирилокальной формы расселения над прочими и оттоком молодых мужчин из малых сел в крупные, обусловила «асимметрию» коэффициентов корреляции. Отрицательная корреляция, существующая между количеством связей по смежности (степень вершин) и числом направлений прямой миграции k_i у мужчин функционально связана с преимущественным направлением миграции — из малых сел в крупные, ведь чем больше соседей у малого села, тем больше вероятность, что в их числе есть и более крупные села, располагающие более широкими возможностями для приложения труда и более развитой социальной инфраструктурой. Иными словами, выгодность положения малого села внутри данной группы сел оборачивается известными невыгодами в структуре миграции — оттоком мужчин трудоспособных возрастов. Это подтверждается и отрицательной корреляцией между величинами индекса Шимбела — Каца S_i , измеряющего выгодность положения села, и коэффициентами прямой миграции у мужчин: $\tau=-0,357$; $r_s=0,500$. Хотя эти величины находятся несколько ниже порога статистической значимости $P=0,05$, они совпадают по знаку с уже отмеченными статистически достоверными корреляциями и, таким

образом, не противоречит выдвинутому объяснению. Отмеченная выше достоверная положительная корреляционная связь между ρ и коэффициентом обратной миграции m'_i у женщин также совпадает по знаку с корреляцией между m'_i и S_i , рассчитанной для характеристик миграции женщин: $\tau = 0,357$; $r_s = 0,548$, хотя, как и в предыдущем случае, не достигает порога значимости. Смена знака на противоположный по сравнению с аналогичными показателями у мужчин фиксирует асимметрию миграционных потоков по полу, вызванную преобладанием вирилокального расселения. Все прочие коэффициенты корреляции, рассчитанные для различных параметров, измеряющих выгодность географического положения села, и параметров миграционных потоков, оказались в этой группе сел статистически недостоверными.

Проведенный корреляционный анализ позволяет утверждать, что местоположение села (центральное или периферийное) в системе расселения, число соседей (географически смежных сел) входят в состав факторов, существенно влияющих на композиционные структуры этих сел и формирующих их миграционных потоков. Существование связи между положением села и некоторыми параметрами популяционной структуры (потоками прямой и обратной миграции, количеством направлений брачной миграции) делает уязвимым некоторые из применяемых сегодня математических моделей популяционной структуры.

В рассматриваемом здесь случае — добрачной и брачной миграции у алтайских меннонитов — хорошим предиктором композиционной структуры села является число непосредственно соседствующих сел. В той мере, в какой брачная структура реализуется в границах композиционной структуры (а, по-видимому, чаще всего так и бывает, за исключением сообществ с традиционной экзогамией, вследствие которой частота изолакальных браков резко падает), число сел-соседей служит ориентиром и в случае прогноза в отношении брачной миграции, формирующей структуру следующего поколения. Такой вывод в отношении Алтайского массива меннонитских сел хорошо согласуется с результатами проведенного анализа брачной структуры (выделенные демы пространственно компактны) и историческими свидетельствами о преимущественной эндогамности церковного прихода у меннонитов. Вопрос о распространенности такой ситуации у сельского населения других народов остается открытым. В случае же получения дополнительных свидетельств в пользу существенной роли положения села в системе расселения для формирования особенностей брачной структуры следует подумать о включении в популяционные модели пространственно-географических параметров, характеризующих выгодность размещения села.

Примечания

¹ Краткую характеристику этих направлений и представляющих их исследователей см. в кн.: Ягельский А. География населения. М., 1980. С. 9—21.

² Regional Analysis. V. 2. Social Systems / Ed. by C. A. Smith. N. Y. e. a., 1976; Migration and Mobility: Biosocial Aspects of Human Movement / Ed. by A. Boyce. London; Philadelphia, 1984.

³ Wright S. Breeding Structure of Populations in Relation to Speciation // Amer. Naturalist. 1940. V. 74. P. 232—248; Kimura M., Weiss G. H. The Stepping-Stone Model of Population Structure and the Decrease of Genetic Correlation with Distance // Genetics. 1964. V. 49. P. 561—576; Malécot G. Quelques schémas probabilistes sur la variabilité des populations naturelles // Ann. Univ. Lion Sci. Sect. A. 1950. V. 13. P. 37—60; Carmelli D., Cavalli-Sforza L. L. Some Models of Population Structure and Evolution // Theor. Popul. Biology. 1976. V. 9. P. 239—359.

⁴ Malécot G. Les modèles stochastiques en génétique de population // Publ. Inst. Statist. Univ. 1959. V. 8. P. 173—210; Courgeau D. Migration // Genetic Structure of Populations / Ed. A. Jacquard. N. Y., 1974. P. 351—387.

⁵ См., например, Ward R. H. Some Aspects of Genetic Structure in the Yanamama and Akiritare // Methods and Theories of Anthropological Genetics. Albuquerque, 1973. P. 367; Lewontin R. C. The Genetic Basis of Evolutionary Change. N. Y., 1974; Ewens W. J. Tay-Sachs Disease and Theoretical Population Genetics // Amer. J. Human Genetics. 1978. V. 30. P. 328—329.

⁶ Mennonitisches Lexikon. Bd 2./Hrsg. Chr. Hege und Chr. Neff. Frankfurt/Main. 1937. 125—126; ibid. Bd 4. 1956. S. 178—182; Fast G. In den Steppen Sibiriens. Rosthern, 1957.

⁷ Подробнее об истории этой общности см.: Ипатов А. Н. Меннониты. Вопросы формирования эволюции этнокофессиональной общности. М., 1978; Бондарь С. Д. Секта меннонитов в России.

Пг., 1916; Писаревский Г. Г. Переселение меннонитов в России при Александре I. Ростов н/Д 1917; Ehrst A. Das Mennonitentum in Russland von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart B., 1931; The Mennonite Encyclopedia: A Comprehensive Reference Work of the Anabaptist-Mennonite Movement / Eds C. H. Smith, H. S. Bender et al. V. 1—4. Hilsboro; Newton; Scottsdale, 1955—1961.

⁸ Соколовский С. В. Брачные круги и эндогамные барьеры. К методике анализа брачной миграции // Сов. этнография. 1986. № 4. С. 87—99.

⁹ Рычков Ю. Г. Система древних изолятов человека в Северной Азии в свете проблем стабильности и эволюции популяций. Поиски и решения на путях популяционной генетики // Вопросы антропологии. 1973. Вып. 44. С. 3—22.

¹⁰ Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980. С. 257.

¹¹ В цит. статье (Соколовский С. В. Брачные круги и эндогамные барьеры...) использован аппарат этой теории; в приложении к статье дан краткий словарь терминов.

¹² Михеева В. С. Математические методы в экономической географии. Ч. 2. Приложения теоретических методов. М., 1983. С. 29—37.

Ч. Язлыев

АТЛЫЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ У МУРГАБСКИХ ТУРКМЕН В XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Водоземельная община была основным элементом общественной организации туркмен до Великой Октябрьской социалистической революции. Важное место в структуре водоземельной общины занимала атлычная организация. Последняя еще в XIX — первой четверти XX в. отличалась большой стабильностью, причем у туркмен Мургабского оазиса она просуществовала вплоть до коллективизации сельского хозяйства.

Между тем атлычная организация у мургабских туркмен почти не изучена. О ней лишь упоминают некоторые дореволюционные и советские авторы: Д. И. Субботич, Я. Таиров, К. К. Пален, Г. Е. Марков, М. Аннанепесов¹. Данная статья написана на основе литературных источников, архивных и полевых этнографических материалов, собранных автором в 1985—1986 гг. в Марыйском и Сакар-Чагинском районах республики. Особенно следует отметить значение данных по аульным бланкам и домохозяйственным карточкам, составленным в 1914—1915 гг., а также материалов ревизии К. К. Палена, хранящихся в Центральном государственном архиве Туркменской ССР (далее — ЦГА ТССР) и в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (далее — ЦГИА СССР).

Термин *атлык* известен еще в древнетюркских памятниках письменности². Сущность атлычной системы у мургабских туркмен во второй половине XIX — первой четверти XX в. была многозначной. Дело в том, что в процессе оседания мургабских туркмен структура их племенной и хозяйственной организации совпадала со структурой военной организации. Поэтому атлычная система до начала 80-х годов XIX в. представляла микрообщину в составе водоземельной общины и имела военно-хозяйственное и административное значение.

В 60-х годах XIX в. каждая водоземельная община мургабских туркмен подразделялась независимо от своей численности на 20 атлыков. Атлык состоял из группы близкородственных, иногда неразделенных больших семей, напоминавших патронимию, и назывался именем той семейно-родственной группы, которая составляла его основу.

Состав атлыка был по большей части постоянным. Как подчеркивали члены комиссии по ревизии Мервского уезда в 1909 г., «состав атлыка образовывался исторически, при первоначальном делении земли и воды (т. е. в 60-х годах XIX в. — Ч. Я.) каждая маленькая группа общества, иногда даже отдельная семья, уравнивалась и получала собственный надел»³. Наши информаторы сообщали, что еще в 1920-х годах, хотя и редко, некоторые большие семьи представляли самостоятельные атлыки. Иногда атлык состоял из двух семей

Выставляя несколько воинов (нукеров) в племенное ополчение, атлыки становились как бы первичной ячейкой военной организации. Военные функции атлыка сохранялись в середине XIX в. «В прежние времена,— говорится в материалах ревизии К. К. Палена,— делением общества на „атлык“ достигалась цель военной организации. В случае нападения каждым атлыком выставлялось одинаковое число всадников для отражения неприятеля»⁴. Однако после вхождения Туркменистана в состав России военные функции атлыка перестали иметь какое-либо значение, определяющими стали его хозяйственная и административная функции.

Атлык являлся хозяйственной ячейкой общины. Он получал 1/20 часть всех ее водоземельных ресурсов, за что выделял определенное число людей на ирригационные работы. В «Истории Туркменской ССР» подчеркивается, что в 60—70-х годах XIX в. каждый атлык в Мургабском оазисе владел суточной нормой поливной воды⁵. В эти годы здесь, как и в других оазисах Закаспийской области, членам общины, имеющим право на землю и воду, выделялись водоземельные наделы одновременно в двух формах: мюльковой (частнособственной) и санашиковой (общинной)⁶. Члены атлыка совместно работали на санашиковом участке, а мюльковый надел обрабатывался семьями индивидуально.

Как следует из архивных материалов, система распределения водоземельных ресурсов общины у мургабских туркмен менялась. В 60-х годах XIX в. там бывало уравнивание атлыков. Но, изучая порядок водоземлепользования в Утамышском приставстве в 1908—1909 гг., члены комиссии ревизии К. К. Палена констатировали, что уже в начале XX в. «переделов и уравнивания не происходило и означенные группы продолжали пользоваться своим наделом, причем не принимались во внимание перемены, происходившие в их составах: то есть увеличение или, наоборот, уменьшение таковых. Таким образом, значительные и мелкие группы в настоящее время получают одинаковое количество воды и земли»⁷.

Составители поаульных бланков указывали, что в некоторых водоземельных общинах существовал порядок выравнивания числа членов атлыка. «Атлыки постоянны по наделу воды и земли,— говорится в поаульном бланке общин Кор-Сегир и Чуйрук,— но для уравнивания атлыков по числу хозяйств в некоторые атлыки присоединяются хозяйства по родству, принадлежащие к другим атлыкам»⁸. В общинах Бай и Кабыл, где каждый атлык равнялся 15 су (су — единица нормы воды, выделяемая одному водовладельцу), ежегодно состав атлыков уравнивался, так как для женившихся имелась резервная доля су. Аналогичный порядок существовал и в общине Кор-Сегир⁹.

В конце XIX — первой четверти XX в. порядок выделения наделов воды и земли в общинах и даже в различных атлыках был неодинаковым, что зависело от наличия водоземельных ресурсов в каждой общине. Там, где еще имелись так называемые резервные наделы, женившимся выделяли долю воды и земли за счет этого резервного фонда. В 1914 г. так поступали, например, в общинах Курта, Чапык, Закыр, Челтек, Хырланды и Кара-Гоз. В общинах Курт-Закир, Кор-Сегир, Кабыл и др., где резервные наделы были исчерпаны, выделение новых наделов происходило за счет ранее существовавших атлыков.

В архивных материалах подчеркивается зависимость выделения новых наделов от обеспеченности общины водой. «Когда воды много,— читаем в поаульном бланке общины Меджеур,— то новые участники образуют новые атлыки. Когда воды мало, атлык начинает прибавлять число су и этим наделять новые хозяйства»¹⁰. При этом в одних общинах молодым семьям выделяли надел уже при первой жеребьевке, а в других — только по мере возможности общины. В 1914 г. в 12 из 21 общины Утамышского приставства женившимся выделяли мюльковые наделы в одних в первый же год после брака, в других — лишь через несколько лет, порой даже за счет ранее существовавших мюльков, путем уменьшения их размера¹¹.

В начале XX в. число атлыков в разных водоземельных общинах и число на-

делов воды — су в них были разными. Так, например, в водоземельных общинах Аладжа-Гез в 1914 г. насчитывалось 23, в Эбе-Азхы-Йолук — 10, в Бай и Ка был — 30 атлыков¹². В водоземельных общинах Бай и Кабыл атлыку выделял 15 су, в то время как в Аррык-Перренг и Бегли-Перренг — от 32 до 35 су¹³.

Данные о размере атлыка у мургабских туркмен весьма разноречивы! Д. И. Субботич писал, что атлык в Утамышской части Мургаба означал полусуточную очередь пользования водой¹⁴. По Я. Таирову, у подразделения Бек отдела Тохтамыш он равнялся суточной доле воды¹⁵. В «Истории Туркменской ССР» указывается, что у всех мургабских текинцев атлык означал, как и серкар, суточную очередь пользования водой¹⁶.

По данным архивных материалов, особенно поаульных бланков Утамышского приставства, составленных в 1914—1915 гг., атлыку в водоземельных общинах Курта, Чапык, Муджеур выделялась суточная очередь воды, а в общинах Курт, Закир, Кор-Сегир, Чуйрук, Перренг — полусуточная. При этом следует отметить, что размер атлыка на мюльковых и санашиковых участках водоземельных общин тоже был разным. В общине Ванаш-Бек-Бурун на мюльковых землях полагалось на атлык от 12 до 20 су, а на санашиковых — от 16 до 23; в общине Муджеур — соответственно от 16 до 26 и от 18 до 31 су. В общинах Язхы-Йолук, Аладжа-Гез, Ала-Сакал, Харланды, Кара-Гез, выделяемая доля воды и земли на каждый атлык на мюльковых и санашиковых участках была одинаковой¹⁷.

По нашему мнению, уменьшение доли воды в атлыках и некоторых общинах в начале XX в. связано с ростом численности населения. Общины, исчерпавшие свои резервные фонды, выделяли женившимся наделы воды и земли за счет ранее существовавших наделов-атлыков, что привело, естественно, к уменьшению доли воды на атлык. А для образования полусуточных и суточных объединений-артелей необходимо было объединить владельцев, имевших право на полив в течение 12 или 24 часов. По этой причине в разных земельных общинах численность землевладельцев, входивших в состав атлыка, была разной.

Существенно и другое. В конце XIX — начале XX в. наделение молодых семей участками осуществлялось в основном за счет санашиковых земель. В результате получилось так, что одни члены атлыка владели и мюльковыми, и санашиковыми наделами, а другие — только санашиковыми.

Наследование и продажа атлычных наделов на мюльковых землях регламентировалась нормами обычного права — адата (права шифата — шепелик), согласно которому, члены атлыка извещали сначала о продаже своих наделов одноатлыкцам, а потом однообщинникам, как это принято в соседской общине.

Право на наследование в атлыках на мюльковых землях имел сын, а если его не было, — близкий родственник из того же атлыка¹⁸. При отсутствии прямых наследников надел возвращался общине. В поаульном бланке водоземельной общины Ванаш-Бек-Бурун подчеркивается, что в другой атлык вода и земля по наследству не переходят¹⁹.

Условия ведения атлычного хозяйства на мюльковых землях имели ряд преимуществ. Как свидетельствуют архивные материалы — поаульные бланки водоземельных общин Утамышского приставства, доля воды на мюльковых участках орошала в 2 раза больше земель, чем на санашиковых. Атлычное хозяйство на мюльке велось каждой семьей индивидуально и самостоятельно. Отдельно поливали, ухаживали и собирали урожай²⁰.

Атлык на санашиковых землях как хозяйственное объединение в конце XIX — начале XX в. образовывался ежегодно сроком на один год, т. е. до начала следующего передела воды и земли. До этого, обычно в начале августа, члены атлыка решали вопросы, кто будет заниматься земледелием, кто сдает аренду воду, и т. д. В атлыках, расположенных на санашиковых землях, работали чаще всего совместно четыре земледельца, арендовавшие наделы у других членов атлыка и владевшие, таким образом, суточной очередью воды из общег

оросительного арыка водоземельной общины. Атлык на этих землях организовывался, как правило, из хозяйств, примерно одинаково состоятельных и обладавших одинаковым комплектом сельскохозяйственных орудий. В случае нехватки орудий и скота их арендовали у зажиточных односельчан²¹.

Состоятельные и большие семьи, владевшие несколькими наделами, организовывали самостоятельный атлык. Наш информатор Реджеп Язханов рассказывает, что его большая семья имела шесть паев су. Арендуя еще несколько наделов воды и земли у других членов общины, они организовали самостоятельный атлык²².

Земледельцы, входившие в атлык, осуществляли совместно все необходимые работы, в частности по очистке и исправному содержанию ирригационных каналов и сооружений. Совместно проводились и полевые работы: посев, обработка и сбор урожая. «Полив и вся работа, — говорится в поаульном бланке водоземельных общин Кор-Сегир и Чуйрук, — посев, обработка и уборка, вплоть до молотбы всех хлебов, производится сообща целыми атлыками. Отдельно никто не работает»²³. В поаульном бланке водоземельной общины Бегли-Перренг — Аррык-Перренг указывается, что у них совместно трудились члены даже двух атлыков. Из каждого атлыка работали обычно по четыре человека. Они «поливают, обрабатывают и засевают свой участок вместе, не деля землю и очередь полива, — говорится в архивных материалах, — урожай делится между участниками этого товарищества»²⁴.

Условия дележа урожая между членами атлыка зависели от их вклада семян, орудий труда и рабочего скота. Об условиях договаривались ежегодно, перед началом сельскохозяйственного цикла. Водовладельцам, сдавшим свои наделы в аренду, платили установленную по договоренности долю урожая. Санашиковые участки располагались далеко от аула и мюльковых земель. Поэтому земледельцы во время посева, полива, уборки урожая жили в поле. По сообщениям информаторов, компаньоны по совместной работе селились обычно вместе, складывая в общий котел (*умумы газан*) продовольствие. В честь завершения земледельческих работ члены атлыка устраивали праздник — Харман той. По сообщению информаторов, в этот день покупали барана, лепешки выпекали из зерна нового урожая, выделяя для этого до 10—15 пудов. Чай и сладости покупали сообща²⁵.

Атлык на санашиковых землях организовывался добровольно, но в пределах одного мелкого племенного подразделения — тире. Как правило, состав атлыка оставался неизменным. По сообщению информаторов, бывали случаи, когда два брата оказывались в разных атлыках. Если у кого-то из членов атлыка женился сын и получал водоземельный надел, то он мог механически войти в состав атлыка отца, но мог и не участвовать в нем. Это зависело не только от желания отца, но и от согласия других членов атлыка. В приеме нового члена в атлык решающее слово имел руководитель атлыка — атлыкбаши.

В атлыке руководящую роль играл атлыкбаши²⁶. Сведения об его обязанностях до периода вхождения Мургабского оазиса в состав России отсутствуют. Об этом не знают и информаторы. Судя по данным конца XIX — начала XX в., атлыкбаши до 80-х годов XIX в. возглавлял в военное время всадников своего атлыка, являясь предводителем первичной ячейки народного ополчения. Позднее он руководил в основном хозяйственными работами и контролировал очередь на воду в своем объединении, а также по требованию мираба выстав- лял рабочих для очистки ирригационной сети и т. д.²⁷

По сообщениям информаторов, атлыкбаши избирались из числа членов атлыка, при этом учитывались опыт, знания и возраст. Если члены большой семьи составляли самостоятельный атлык, то глава семьи считался и атлыкбаши. Согласно полевым данным, атлыкбаши за выполнение своих функций ничего не получал от членов атлыка. Это подтверждается и архивными материалами. «В каждом ауле, — указывается в поаульном бланке водоземельных общин Бай и Кабыл, — есть атлыкбаши, которые бесплатно следят за участками»²⁸.

Вместе с тем в поаульном бланке водоземельных общин Курт-Закир и Закир-Челтек говорится, что атлыкбаши получали иногда по 10 коп. с каждого надела на атлыках, организованных на мюльковых землях²⁹. Эти факты свидетельствуют о развитии товарно-денежных отношений в крае.

Атлыкбаши во всех случаях выступали от имени своего атлыка, выражая интересы его членов. Так, например, в архивных материалах указывается, что 3 марта 1909 г. атлыкбаши аула Муджеур написали заявление на имя К. К. Палена (руководителя ревизии Туркестанского края) с жалобой на самовольные действия утамышского пристава и просьбой выяснить судьбу собранных им 40 тыс. руб.³⁰.

Царская администрация края рассматривала атлыкбаши как полноправных представителей хозяйственных объединений местного населения и намеревалась создать постоянно действующий их сход. Начальник Мервского уезда Михайлов писал начальнику Закаспийской области о том, что в отличие от населения других оазисов жители Мургабского оазиса не имеют крупных поселений, они разбросаны небольшими группами по всей долине вдоль оросительных каналов. По мнению Михайлова, это сильно затрудняло управление общинами. Поэтому, писал он, «единственным выходом из такого положения (имеется в виду сбор аульных сходо́в.— Ч. Я.) было бы допущение во всех экстренных и менее важных вопросах аульного хозяйства решения схода атлыкбашей, лишь выбранных тайханами каждого атлыка, снабженных доверенностью избирателей»³¹.

Следует также сказать, что атлыкбаши представлял интересы своего атлыка на ежегодном перераспределении санашиковой земли и воды, а также на племенном, общинном и других советах. По материалам письменных источников и этнографическим данным, во второй половине XIX — первой четверти XX в. у населения Утамышского приравства Мервского уезда существовали и другие обозначения, связанные с атлыком хозяйственных объединений: *кош атлык*, *тех*, *кошате́к*, *дехе* и т. д. В поаульных бланках водоземельных общин, как и в других архивных материалах, эти термины используются совершенно произвольно. В связи с этим необходимо выяснить, что они обозначают. Но информаторы, помнящие о событиях 20—30-х годов нашего века, не дают исчерпывающего ответа на этот вопрос. Большая же часть архивных и литературных материалов свидетельствует о том, что термин *кош атлык* (видимо, *коша атлык*, т. е. двойной атлык) означал два атлыка, *кошате́к* (т. е. два *теха*) был равен одному атлыку, *тех* и *дехе* означали полусуточное водопользование.

В Утамышском приравстве терминами *кош атлык*, *тех*, *кошате́к*, *дехе* и т. д. обозначались и хозяйственные объединения. По принципу организации и своему содержанию они были аналогичны атлыку, некоторые из них отличались только размерами. В архивных материалах хозяйственные объединения типа *тех*, *кошате́к*, *атлык* и *кош атлык* характеризуются как «годовые товарищества земледельцев»³². Информаторы также называют их *шерикчелик* (товарищество)³³.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в XIX — первой четверти XX в. водоземельные общины туркмен играли важную роль в хозяйственной и административной жизни населения Мургабского оазиса.

Примечания

¹ Субботич Д. И. Материалы по землеводопользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта Д. И. Субботича. Асхабад, 1903; Таиров Я. Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области, собранные чиновником особых поручений при начальнике Закаспийской области Я. Таириным. СПб., 1904; Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб., 1910; Марков Г. Е. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961; Аннанпесов М. Хозяйство туркмен в XVIII—XIX вв. Асхабад, 1972.

² См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.: Л., 1959. С. 90.

- ³ ЦГИА СССР. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.
- ⁴ Там же. Л. 7 об.
- ⁵ История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ашхабад, 1957. С. 46.
- ⁶ В поаульных бланках водоземельных общин Курт-Закир и Закир-Челтек санашик называется «поатлычное владение». См.: ЦГА ТССР. Ф. 127. Оп. 5-а. Д. 237. Л. 692.
- ⁷ ЦГИА СССР. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.
- ⁸ ЦГА ТССР. Ф. 127. Оп. 5-а. Д. 237. Л. 762.
- ⁹ Там же. Л. 761 об., 787.
- ¹⁰ Там же. Л. 674.
- ¹¹ Там же. Л. 641—804.
- ¹² Там же. Л. 724, 734, 787.
- ¹³ Там же. Л. 788, 805.
- ¹⁴ Субботич Д. И. Указ. раб. С. 89.
- ¹⁵ Таиров Я. Указ. раб. С. 214.
- ¹⁶ История Туркменской ССР. С. 34.
- ¹⁷ ЦГА ТССР. Ф. 127. Оп. 5-а. Д. 237. Л. 642—805.
- ¹⁸ Полевые записи автора. 1985 г.; ЦГА ТССР. Ф. 127. Оп. 5-а. Д. 237. Л. 657 об., 692 об.
- ¹⁹ ЦГА ТССР. Ф. 127. Оп. 5-а. Д. 237. Л. 657.
- ²⁰ Полевые записи автора. 1986 г.; ЦГА ТССР. Ф. 127. Оп. 5-а. Д. 237. Л. 747.
- ²¹ Полевые записи автора. 1986 г.
- ²² Сообщение Р. Язханова, 1984 г. р. Колхоз «Яш коммунист» Сакар-Чагинского района Туркменской ССР//Полевые записи автора. 1986 г.
- ²³ ЦГА ТССР. Ф. 127. Оп. 5-а. Д. 237. Л. 762.
- ²⁴ Там же. Л. 806 об.
- ²⁵ Сообщено К. Велбердыевым, 1904, г. р. Колхоз «Совет» Сакар-Чагинского района Туркменской ССР. Полевые записи автора за 1986 г. При организации хозяйственных объединений такой же принцип соблюдался и у сарыков. См.: Язлыев Ч. История и хозяйственное развитие населения реднего Мургаба. Ашхабад, 1985. С. 73—75.
- ²⁶ В конце XIX — начале XX в. термин *атлыкбаши* имел аналогичные значения с терминами *кеlemeбаши*, *техбаши*, встречавшимися у населения Ахала-Атекского, Мерво-Тедженского оазисов. «Келемебаши, — говорится в материалах ревизии К. К. Палена, — представляют собой нечто вроде десятников по орошению, состоят в подчинении мирабов» (ЦГИА СССР. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 286. Л. 34 об.).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ЦГА ТССР. Ф. 127. Оп. 5-а. Д. 237. Л. 793.
- ²⁹ Там же. Л. 691.
- ³⁰ ЦГИА СССР. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 292. Л. 43.
- ³¹ ЦГА ТССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8843. Л. 1.
- ³² ЦГА ТССР. Ф. 127. Оп. 5-а. Д. 237. л. 792 об.
- ³³ Полевые записи автора. 1985 г.

М. А. Рубцова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О В. П. ЩЕГОЛЕНКЕ

Каждая наука переживает однажды свой «период Великих географических открытий», когда за относительно короткий промежуток времени она чрезвычайно активно обогащается материалами, имеющими принципиальное значение для всего ее последующего развития. В истории русской фольклористики таким временем стала вторая половина XIX в., когда наряду с другими формами бытования фольклора была «обнаружена» и начала изучаться (в основном на северно-русском материале) русская эпическая традиция. В процессе изучения произошло знакомство с творчеством таких крупнейших русских сказителей, как Т. Г. и И. Т. Рябиныны, К. И. Романов, Т. Иевлев, А. Е. Чуков, А. Касьянов, И. А. Федосова и др. Одним из «открытий» того времени стало творчество заонежского крестьянина Василия Петровича Щеголенка, которое, искав ему еще при жизни славу одного из наиболее выдающихся русских сказителей, занимает особое место не только в истории русской фольклористики, но и в истории русской культуры.

Сказительская деятельность В. П. Щеголенка получила в литературе весьма подробное освещение¹, и, ставя себе здесь иную цель — уточнить некоторые

биографические данные, мы упомянем об основных этапах его творческой жизни лишь в самых общих чертах.

Необходимо еще раз обратить внимание на тот факт, который составляет уникальную не только для русской, но и для мировой фольклористики целую особенность творческой биографии сказителя: на протяжении почти трех десятилетий с ним работали семь разных собирателей. Первые записи о В. П. Щеголенке были сделаны П. Н. Рыбниковым в 1860 г., затем, в 1860-х годах (не позднее 1868 г.), с ним работал М. Гурьев, в 1871 г. — А. Ф. Гильфердинг, в 1873 г. — П. А. Бессонов, в 1870-е годы — Е. В. Барсов и, наконец в 1886 г. — Ф. М. Истомин.

Репертуар Щеголенка состоял из 14 былин (более 3000 стихов), записанных от него в 31 варианте; в его репертуар входили также и легенды, сказки, устные рассказы, связанные с различными религиозными сюжетами. Исследователи творчества В. П. Щеголенка отмечают, что он обладал феноменальной памятью и вместе с тем исключительным талантом певца-импровизатора.

В 1871—1879 гг. В. П. Щеголенок несколько раз приезжал в Петербург и Москву, где состоялись его публичные выступления, на которых он с огромным успехом «сказывал старины» перед представителями научной общественности а также перед широкой аудиторией слушателей².

Будучи в Москве, В. П. Щеголенок познакомился с Л. Н. Толстым³. Знакомство состоялось в доме Е. В. Барсова — известного собирателя, знатока и ценителя северо-русского фольклора, автора знаменитого сборника «Причитанья Северного края». Великий писатель-гуманист чрезвычайно заинтересовался яркой и самобытной личностью сказителя и пригласил его к себе в Ясную Поляну, где Щеголенок и провел лето 1879 г. Сообщенные им Л. Н. Толстому устные рассказы и легенды (всего Л. Н. Толстой записал 26 легенд олонечского сказителя) легли в основу цикла «Народные рассказы», написанного в 1881—1885 гг. К записям этим Толстой возвращался и в последующие годы.

Тогда же, летом 1879 г., живший в Абрамцеве И. Е. Репин написал портрет В. П. Щеголенка, ныне хранящийся в Русском музее. Помимо него мы располагаем также портретами сказителя, помещенными во «Всемирной иллюстрации» (1871 г.) и в «Онежских былинах» А. Ф. Гильфердинга (1872 г.)

Очень интересные сведения о В. П. Щеголенке, его пребывании в Петербурге содержатся в переписке Л. Н. Толстого и В. В. Стасова⁴. В. В. Стасов крупнейший художественный критик, неизменно ратовавший за сохранение самобытности национальной русской культуры во всех ее формах, был совершенно очарован талантом заонежского сказителя. По его инициативе и при его непосредственном участии и был организован ряд публичных выступлений В. П. Щеголенка в Петербурге, а также специальный вечер на квартире у Стасова, на котором композиторы Балакирев, Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, Кюи (входившие в знаменитую «Могучую кучку») записали с голоса В. П. Щеголенка мелодии целого ряда былинных напевов. По свидетельствам специалистов, некоторые из них впоследствии были использованы в творчестве одного из наиболее ярких представителей этой группы — Н. А. Римского-Корсакова — крупнейшего композитора-мелодиста, необычайно тонко чувствовавшего красоту и мощь «былинного сказа или распева».

Таким образом, не умаяя достоинств других русских сказителей, каждый из которых внес в русскую культуру вклад, имеющий непреходящее значение, в известном смысле позволительно говорить о том, что вклад В. П. Щеголенка в национальную культуру имеет особую ценность.

Как уже упоминалось, в нашей фольклористике В. П. Щеголенку посвящена весьма обширная литература, в которой особенности его творчества и исполнительской манеры подверглись тщательному изучению. Вместе с тем, когда дело касается не творческой биографии, а жизненного пути сказителя, мы сталкиваемся с ситуацией, достаточно парадоксальной: в источниках нет точных данных относительно дат его рождения и смерти; более того, нет и единого

аниях о предположительных датах этих событий, зачастую авторы, писавшие о В. П. Щеголенке, прямо противоречат друг другу. Чтобы проиллюстрировать этот момент, приведем основные сведения, содержащиеся в публикациях, посвященных В. П. Щеголенку.

П. Н. Рыбников в «Записках собирателя», предварявших III том его «Песен», приводит некоторые биографические данные Щеголенка, причем ошибочно называет его бродячим портным, а не сапожником, как это было на самом деле, но ничего при этом не говорит о возрасте сказителя⁵. Первым из исследователей о возрасте Щеголенка упоминает А. Ф. Гильфердинг, встретившийся с ним в 1871 г. Он пишет, что в это время сказителю было «65 лет от роду»⁶. На основании данных Гильфердинга Н. В. Васильев в своей обширной статье «Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах» приблизительно определяет год рождения В. П. Щеголенка — 1805 г.⁷ У Брокгауза читаем следующее: «Щеголенок... родился в 1806, умер в 1880-х гг.»⁸. В 1958 г. в Большой Советской Энциклопедии сообщалось, что Щеголенок «родился около 1806 г.— год смерти его неизвестен»⁹, а в 1978 г., в следующем ее издании, в качестве года рождения (под вопросом) указывается 1805 г., а дата смерти — не ранее 1886 г.¹⁰ В Краткой литературной энциклопедии указывается тот же год рождения, смерти же — после 1886 г.¹¹ Один из современных исследователей творчества В. П. Щеголенка, В. И. Калугин, считает, что он родился в 1805, а умер в 1886 г.*

Одним словом, налицо явные расхождения. Между тем существует источник, достойный всяческого доверия и способный пролить свет на указанную проблему. Это «Известия Русского географического общества», на страницах которых, в отчете о состоявшемся 11 января 1895 г. заседании Отделения этнографии (оно проходило под председательством В. И. Ламанского и в присутствии председателя Песенной комиссии Т. И. Филиппова), нами обнаружено следующее сообщение: «... секретарь отделения ** посвятил несколько слов скончавшемуся в ноябре прошлого (т. е. 1894 г.— М. Р.) года олонекскому сказителю В. П. Щеголенку. Имя этого сказителя хорошо известно в этнографии; его былина и портрет помещены в сборнике А. Ф. Гильфердинга. *Умер он на 99 году жизни* (курсив наш.— М. Р.), спокойно доживая свой век при поддержке 2-рублевого ежегодного пособия от Географического Общества, которое он начал получать с 1886 г., вследствие представления Ф. М. Истомина о беспощадной старости и тяжелом материальном положении заслуженного сказителя, которых нашел его г. Истомин при посещении Щеголенка на месте жительства Заонежья»¹².

Подведем некоторые итоги. Прежде всего мы имеем теперь документальное свидетельство о том, что В. П. Щеголенок умер в ноябре 1894 г. Исходя из изложенного, несложно подсчитать: если в 1894 г. Щеголенку было 98 лет (так как сообщается, что умер он на 99-м году жизни), то соответственно годом его рождения следует считать 1796 г.¹³ Ошибка А. Ф. Гильфердинга при указании возраста В. П. Щеголенка могла, по-видимому, произойти из-за того, что в крестьянской среде достаточно точный учет возраста мужчин велся только

* Калугин В. И. «Олонекской губернии былинщик» в гостях у Толстого. С. 256. Заметим кстати, нам не представляется возможным согласиться с категоричностью утверждения В. И. Калугина о том, что Щеголенок умер именно в 1886 г. Вывод этот он делает, по-видимому, исходя из сведений Ф. М. Истомина (он приводит их на с. 257), который описывает свою встречу с Щеголенком у него в родине, в дер. Боярщина, в 1886 г. и отмечает, что Щеголенок к этому времени уже сильно состарился. Однако из этого факта совсем еще не следует, что Щеголенок непременно должен был умереть именно в этом году.

** А им был, как указывается в том же отчете, только что упоминавшийся Ф. М. Истомин — единственный из русских фольклористов, встречавшихся с Щеголенком (поэтому в некоторых источниках и указывалось, что Щеголенок умер после 1886 г., так как после этого никто из собирателей уже не встречался). Представляется, что этот факт придает особую достоверность дальнейшей информации: не исключено, что именно Ф. М. Истомин и сообщил членам Отделения о смерти этого сказителя.

в то время, пока они находились в «призывном» возрасте, когда их брали рекруты; Щеголенок же к моменту встречи с Гильфердингом из этого возраста уже вышел. Вполне вероятно, также, что Гильфердинг определил возраст сказителя, не прибегая к расспросам, «на глазок», исходя из внешних данных, которые бывают весьма обманчивы (как мы видим, на самом деле Щеголенок тогда было уже не 65, а 75 лет). Так или иначе, Гильфердинг в известной мере «повинен» в тех разночтениях, которые возникли впоследствии относительно года рождения Щеголенка. Эти ошибочные данные, незначительно варьируясь, повторялись затем во всех изданиях, посвященных исследованию его творчества. Что же касается года смерти, то только в одном случае нам удалось обнаружить верные данные¹⁴. Однако издание это («Путеводитель по Петрозаводскому этнографическому музею») в силу своего популяризаторского характера не может быть причислено к разряду научных источников: оно выполняет, и надо отметить — на должном уровне, совсем иную задачу. Поэтому оно не имеет ссылочного библиографического аппарата, что несколько снижает для нас ценность сообщаемых, в частности о В. П. Щеголенке, данных, лишая их документального доказательства их достоверности. Кроме того, книга эта издавалась небольшим тиражом и имеет специфическую направленность, а поэтому она еще в течение многих лет могла бы не обратить на себя внимания фольклористов. Наконец, необходимо отметить, что ошибка относительно года рождения Щеголенка сохраняется и здесь — указан 1805 г., а это свидетельствует о том, что приведенные нами материалы, опубликованные в «Известиях Русского географического общества» при подготовке настоящего издания авторами его использованы не были.

Примечания

¹ См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1—2. М., 1861—1864; там же. Т. 3. Петрозаводск, 1864. С. XXV—XXVI («Заметки собирателя»). Значительный интерес представляет также сводка сведений П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, дополненная позднейшими данными, составленная редактором второго издания «Песен» Рыбникова А. Е. Грузинским (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. М., 1909. С. 405); *Васильев Н. В.* Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах // Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XII. Кн. 2. СПб., 1907. С. 170—196; *Онежские былины* / Сост. Соколов Ю. М., Чичеров В. М., 1948. С. 528, 530 («Летопись государственного литературного музея», кн. 13); *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 246—247. Данные о публикациях, посвященных В. П. Щеголенку, см. также в библиографическом указателе «Русский фольклор», Л., 1961—1987 (вышел в 7 книгах).

² Подробнее об этом см.: *Чистов К. В.* Севернорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в. // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 63—65.

³ Об этом см. прежде всего: *Новикова А. М., Александрова Е. А.* Фольклор и литература: Семинарий. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1978. С. 110—114, где дается сводка той обширнейшей литературы, которая существует по этому вопросу. См. также: *Бойко Н.* Встречи с олонечским былинщиком [В. П. Щеголенком]. К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого // Ленинская правда. Петрозаводск. 1978, 8 сент., № 208; *Калугин В.* Лев Толстой и сказитель Щеголенок // Север. 1978. № 8. С. 113—123; *его же*: «Олонечкой губернии былинщик» в гостях у Толстого // Прометей. Историко-биографический альманах серии ЖЗЛ. М., 1980. Т. 12. С. 92—112; *его же*. «Олонечкой губернии былинщик» в гостях у Толстого // *Калугин В.* Герои русского эпоса. Очерки о русском фольклоре. М., 1983. С. 252—291.

⁴ Впервые на это обратил внимание К. В. Чистов (Указ. раб. С. 64—65); дальнейшее свое развитие сюжет этот получил в также уже упомянутой публикации В. И. Калугина (с. 263—269).

⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 3. С. XXV.

⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 297.

⁷ *Васильев Н. В.* Указ. раб. С. 174.

⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 40. СПб., 1904. С. 50.

⁹ БСЭ. Т. 48. М., 1958. С. 252.

¹⁰ БСЭ. Т. 29. М., 1978. С. 530.

¹¹ КЛЭ. Т. 8. М., 1975. С. 819.

¹² Известия Русского географического общества. Т. 31. СПб., 1895. С. 180.

¹³ «Увеличив», таким образом, возраст Щеголенка, мы получаем одновременно и косвенные данные, увеличивающие в свою очередь вероятность того, что одним из его учителей, действительно, мог быть известный в Заонежье в начале XIX в. сказитель Илья Елустафьев (об этом сообщает П. А. Бессонов).

¹⁴ *Тюриков И. П., Фролов А. И.* Кижи. Иллюстрированный путник по историко-архитектурному и этнографическому музею-заповеднику. Петрозаводск, 1980. С. 126.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

М. Меннис

НА ОСТРОВЕ БИЛИ-БИЛИ

(по следам Н. Н. Миклухо-Маклая)

Автор этого очерка Мэри Меннис — преподаватель одного из колледжей в австралийском городе Брисбене: В 1971—1979 гг. она жила и работала в небольшом городе Маданге, выросшем на Берегу Маклая, примерно в 30 км от деревни Бонгу, где столетие назад проводил исследования Н. Н. Миклухо-Маклай. Учитель-энтузиаст, она сблизилась и подружилась с местными жителями, заинтересовалась их самобытной культурой, выучила местный язык межэтнического общения (*ток писин*) и опубликовала несколько работ, посвященных истории и этнографии этого района Папуа — Новой Гвинеи¹.

Ознакомившись с английским переводом новогвинейских дневников Миклухо-Маклая, опубликованным в 1975 г. мадангским издательством «Кристен пресс», М. Меннис по достоинству оценила научный и общественный подвиг русского ученого-гуманиста и стала собирать материалы о его пребывании в районе нынешнего Маданга. При этом она широко использовала устные сообщения местных жителей, унаследовавших от отцов и дедов добрую память о *тамо русс* Маклае.

В предлагаемом очерке М. Меннис рассказывает о своем посещении островка Били-Били (Билбил), расположенного вблизи Маданга. Напоминая, что здесь некогда бывал Миклухо-Маклай, автор сообщает интересные детали о самобытном жизненном укладе обитателей этого маленького острова. В частности заслуживает внимания описание обрядов, связанных со встречей Нового года. Насколько мне известно, такие обряды не были зафиксированы ранее исследователями у народов Папуа — Новой Гвинеи.

Советские этнографы, дважды работавшие на Берегу Маклая, не смогли посетить Били-Били. Но они побывали в одноименной деревне, населенной выходцами с Били-Били².

Очерк Мэри Меннис не претендует на глубину и академичность изложения. Но советским ученым дороги любые крупинки информации о Миклухо-Маклае и тех далеких островах, где проходили его исследования. Поэтому представляется, что этот маленький очерк заинтересует читателей «Советской этнографии».

Д. Д. Тумаркин

О Миклухо-Маклае мне впервые довелось услышать в 1971 году, когда наша семья переехала жить в ближайший к деревне Бонгу город Маданг. Тогда газеты были полны сообщений о советской экспедиции, отмечавшей столетие со дня первой высадки Миклухо-Маклая на Новой Гвинее³.

Миклухо-Маклай общался не только с жителями Бонгу и других прибрежных деревень, но и с обитателями острова Били-Били. Здесь жил его друг Каин — строитель больших торговых каноэ. Русский ученый часто совершал на них плавания с Каином, все более расширяя свое знакомство с побережьем.

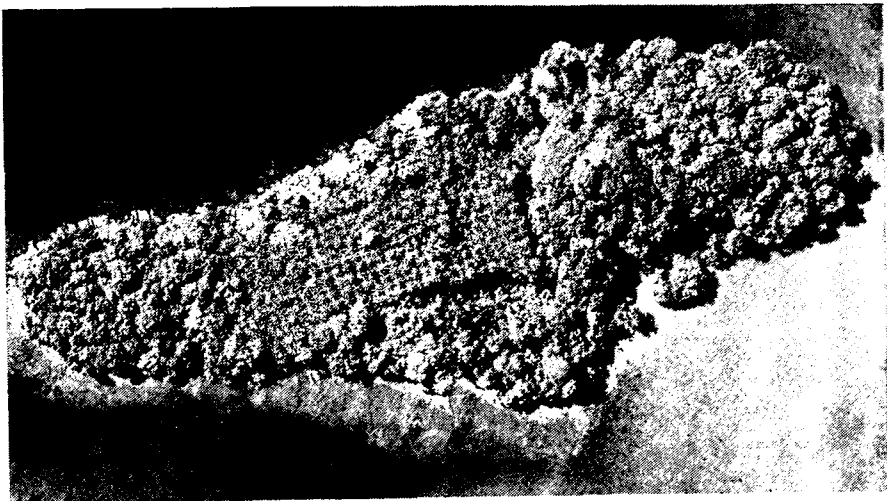

Рис. 1. Вид о-ва Били-Били с воздуха (здесь и далее — фото автора)

В начале нынешнего столетия жители перенесли свою деревню на «материк» (на побережье Новой Гвинее. — Д. Т.), и остров Били-Били опустел. Однажды в 1977 году я отправилась туда вместе с одним из деревенских старейшин по имени Маджар. Ему был знаком здесь каждый уголок, а его память хранила множество рассказов о Каине и Миклухо-Маклае.

С высоты птичьего полета Били-Били кажется отпечатком ступни какого-то великана, оставившего по небрежности свой след на поверхности океана (рис. 1). В месте, где начинается «подъем стопы», находится тот единственный участок открытого берега, на который много лет назад высадился Миклухо-Маклай. По мере нашего приближения остров все увеличивался в размерах. Били-Били неширок, и сквозь рощу кокосовых пальм просвечивало море по другую сторону острова.

Когда мы высадились на песчаный берег, Маджар сказал, что во времена Каина пляж был намного обширнее. Теперь же на него наступал кустарник, а от всей деревни осталось лишь несколько заброшенных рыбацких хижин. Давно уже не было в живых тех создателей каноэ и жителей деревни, которые собрались вокруг Миклухо-Маклая, когда он сошел там на берег 22 августа 1872 года. Сам Миклухо-Маклай так живописал эту сцену:

«Красивый островок с густой растительностью, толпа туземцев у берега разукрашенных цветами и листьями, пироги вокруг шлюпки, песни, громкий разговор, шутки и крики туземцев — все это живо напоминало мне описание островитян Тихого океана первыми мореплавателями. Выбрав место у берега я направил туда мою шлюпку. Когда она врезалась в песок, десятки рук потащили ее выше на отлогий берег»⁴.

Нас же приветствовали лишь голоса сорных кур и других птиц. Трудно было представить себе, что некогда остров был застроен домами. Звуки прошлых стихли в вечности: не слышно было ни постукивания о глину дощечек, которыми формовали горшки, ни детского гомона, ни покрикивания мужчин, стировавших свои каноэ на берегу, — все это навсегда кануло в Лету.

Маджар раздвинул кусты, росшие по краю пляжа, и заглянул в глубокую расщелину. «Смотрите, колодец все еще здесь! — воскликнул он. — Женщины обычно спускались в него по приставной лестнице, чтобы наполнить горшки водой. Это был единственный колодец с пресной водой на всем острове».

Площадка вблизи колодца была усыпана черепками от горшков, которыми пользовались как для хранения воды, так и для приготовления пищи. Предназначенные для обмена, они разбились, прежде чем попали на борт торгового каноэ. В тот день я очень завидовала Маклаю, потому что, будучи здесь

он окунулся в кипение жизни и смог описать ее с натуры: «На песчаный берег были вытаснены большие пироги, и так высоко, что, казалось, они стояли в самой деревне. Между ними возвышались высокие крыши хижин, за которыми в свою очередь высились ряды кокосовых пальм, светлая зелень которых ярко выдавалась на темно-зеленом фоне остального леса»⁵.

В 1977 году здесь все еще росли кокосовые пальмы. Мы пробирались между ними с Маджаром, опасливо высматривая змей в плотном травянистом покрове. Пройдя через рошу, мы вышли на другую сторону острова, и перед нами открылся изумительный вид. Вершины гор, высившихся за Берегом Рай (Берегом Маклая. — Д. Т.), были оторочены белыми облаками на фоне яркой синевы неба. Перед нами расстиралось море. Довольно спокойное вдали, оно бурлило у наших ног, разбиваясь о скалы, в которых за долгие века образовались расщелины.

Одна из скал возвышалась метров на десять; здесь у самого берега было очень глубоко. Маджар взглянул на скалу. «Молодежь обычно ныряла отсюда, — сказал он. — Выстроившись друг за другом, парни прыгали как можно дальше в воду, а потом снова поднимались вверх, карабкаясь по лианам».

Обернувшись, Маджар показал на широкий уступ позади нас: «Это Айру, где наши люди построили хижину для Маклая». Место оказалось прохладным и тенистым — точно таким, каким описал его Маклай в своем дневнике 23 августа 1874 года. Площадка густо поросла панданусовыми деревьями и была покрыта густой тенью от расположенного позади нее холма (рис. 2).

Маджар объяснил, почему они выбрали это место: «Маклай обычно останавливался тут и всматривался в море в ожидании русского корабля. Наши люди остроили ему здесь хижину, чтобы он мог и спать здесь. Отсюда виден и берег Рай, и выход в океан. Очень хорошее место».

Маджар показал на скалистый холм позади Айру. Этот холм принадлежал когда-то клану Дугус, который владел самым лучшим видом на окрестности самым лучшим участком берега. Но скальный грунт тут был настолько тверд, что в нем было почти невозможно выдолбить углубления под опорные толбы для домов. Островитян это не останавливало. Они рубили деревья, ставляя высокие пеньки, которые образовывали для дома опоры с двух сторон, а затем подтаскивали еще два пня с корнями, на которых держались стальные углы постройки. Дома, таким образом, возвышались над землей, и в тени под ними женщины занимались изготовлением горшков.

Стоя на краю утеса, Маджар с присущим ему артистизмом рассказал мне интересную историю о *ликоне* (колдуне, ведавшем погодой. — Д. Т.), который ежегодно в конце мая — начале июня приходил сюда и проводил ночь за ютью, глядя в горизонт. Он ожидал первого появления созвездия *йрис*, т. е. Плеяд, что знаменовало начало Нового года.

Заметив их первый блеск на небе, ликон начинал дуть в сигнальную раковину, к нему присоединялись другие мужчины, и посреди ночи начинался немой шум и гам, сопровождавший кукареканьем перепуганных петухов и хрюканьем свиней. Люди выбегали из своих домов, таща за руки своих еще не совсем проснувшихся детей, и все устремлялись на берег.

Ликон с друзьями метался повсюду, ударяя людей палками и подгоняя их криком: «В воду! В воду!». Все бросались в море, чтобы успеть смыть старый и приветствовать новый год, прежде чем на небе займется рассвет.

Из рассказов Маджара складывалось впечатление, что жизнь на Били-Били была идиллической, но это не вполне соответствовало действительности. Удобной для возделывания земли на острове не хватало, и к тому же почва была слишком каменистой. Ямс, главная продовольственная культура островитян, выращивался на «материке», и женщинам приходилось добираться туда на каноэ, чтобы ухаживать за ним. Их всегда сопровождало множество воинов на случай нападения обитателей лесов, которые могли украсть что-либо с огородов или, того

Рис. 2. Панданусы в Айру

Рис. 3. Женщины за изготовлением горшков

хуже, захватить женщин. Нельзя забывать, что женщины Били-Били слыли великолепными мастерицами горшечного дела, обучение которому занимало многие годы, а раз так, их похищение могло нанести серьезный удар по местному гончарству (рис. 3).

Обмен горшков велся по всему побережью, для чего использовались те большие каноэ, которые видел Маклай во время своего посещения Били-Били. Берег острова был поделен так, что каждый клан имел свой участок для строительства судов.

Рис. 4. Дамун Маклай (слева) со старейшими жителями деревни

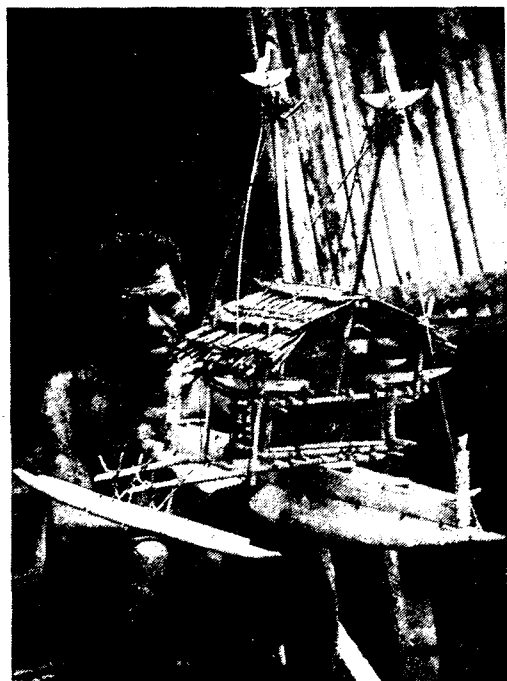

Рис. 5. Маджар с моделью торгового каное в руках

Возвращаясь, мы прошли по дальней оконечности острова. Скалистый берег здесь усеян маленькими углублениями, заполненными водой. Маджар неожиданно остановился возле одного из них и взглянул на свое отражение в воде. Встав позади, я поинтересовалась, что же он делает.

«Когда-то давно это было наше зеркало,— задумчиво сказал он.— Перед началом сингсинга (праздника.— Д. Т.) мы выстраивались здесь в очередь

друг за другом, чтобы посмотреть на себя, поправить наши головные украшения и раскрасить лица. Теперь же мы, конечно, пользуемся покупными зеркалами».

Затем мы подошли к небольшому пляжу, где волны бились о невысокий утес. «Раньше берег доходил досюда,— показал Маджар на внешний риф.— Волны смыли тут сушу».

Я поглядела вверх, чтобы повнимательнее разглядеть утес, и вдруг заметила глядевшие на меня сверху пустые глазницы черепа, а рядом с ними кости пальцев, все еще сжимавшие несколько горшечных черепков.

«Посмотри на кости!» — воскликнула я.

Маджар был возбужден не меньше, чем я. «Это мой старый *тумбуна!*» (предок.— Д. Т.) — вскричал он.

«Кто это?».

«Ну, эта земля принадлежит клану Нгури», — пояснил Маджар.

«Клану Каина?» — припомнила я.

«Да. А вон те деревья росли, как говорят старики, возле дома Каина», — добавил Маджар.

А вдруг это кости Каина, старого воина Били-Били, подружившегося с Маклаем? Мы смотрели на них, мечтая узнать их происхождение. Возможно, сосуд был вложен в руки усопшего с какой-либо особой целью, например чтобы он воспользовался им в мире духов. Но эта тайна навсегда останется неразгаданной.

Однажды во время своего посещения острова Били-Били Миклухо-Маклай услышал крик новорожденного ребенка и спросил, был ли то мальчик или девочка. Когда ему сказали, что перед ним мальчик, он попросил: «Назовите его Маклаем в мою честь». Родители так и сделали; сын и внук этого ребенка тоже стали носить имя Маклая.

Внук — Дамун Маклай — все еще живет в деревне Билбил (Били-Били) (рис. 4). В 1979 году он помог соорудить большое торговое каноэ. Это традиционное судно было первым построенным после сорокалетнего перерыва, и с ним ожили многие воспоминания о том, как люди жили прежде и как они совершали морские плавания, участвуя в меновой торговле гончарными изделиями.

Именно Маджар выдвинул идею построить традиционное большое каноэ и создал несколько его великолепных моделей (рис. 5). Работа над этим каноэ уже началась, когда мы посетили Били-Били, но, увы, Маджар умер прежде, чем она была завершена.

По инициативе Маджара кости с утеса были перевезены на «материк» и захоронены на деревенском кладбище. Спустя несколько месяцев, когда он скончался, его тело было погребено рядом с останками с острова Били-Били.

Перевод В. А. Парицкой

Примечания

¹ Mennis M. The Existence of Yomba Island Near Madang: Fact or Fiction // Oral History V. 6. № 6. Port Moresby, 1978; *eadem*. The First Lalong Canoe Built for 40 Years, Bilibil Village, Madang Province // Ibid. V. 8. № 1. Port Moresby, 1980; *eadem*. Oral Testimonies from Coast Madang. Pt. 1—3 // Ibid. V. 8. № 10; V. 9. № 1—2. Port Moresby, 1980—1981.

² См. Бутинов Н. А. Билбил и Ябоб — центры гончарного производства на Берегу Маклая. На Берегу Маклая (этнографические очерки). М., 1975. С. 258—268.

³ М. Меннис имеет в виду советскую экспедицию на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев», посетившую в 1971 г. Бонгу и Маданг. См. Тумаркин Д. Д. По островам Океании (этнографические работы во время шестого экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева») // Сов. этнография. 1972. № 2. С. 120—128.

⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 1. М.; Л. 1950. С. 286. В рукописи статьи эта и следующая ссылка даны по кн.: Miklouho-Maclay N. Travels to New Guinea. Diaries. Letters. Documents. М., 1982.

⁵ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 1. С. 198.

СПИСОК ТРУДОВ ПО ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ доктора исторических наук МАРКА МОИСЕЕВИЧА ПЛИСЕЦКОГО (к 80-летию со дня рождения)*

- іміка поезії Т. Г. Шевченка // Літературна критика. 1939. № 2—3. С. 177—197.
- нови творення епосу в Київській Русі // Там же. 1940. № 11—12. С. 76—91.
- уми та історичні пісні/Библиотека поэта. Малая серия. Київ, 1940. 303 с. Составление; 2 вступит. статьи («Думи» — с. 5—20; «Історичні пісні» — с. 153—163) и примечания (с. 263—299).
- родна лірика / Библиотека поэта. Малая серия. Київ. 1940. 280 с. Составление; вступит. статья (с. 5—30) и примечания (с. 257—275).
- товані лінії розвитку українського радянського фольклору // Ювілейний збірник АН УРСР. Т. II. Куйбышев, 1944. С. 43—63.
- патріотизм в поезії Т. Г. Шевченка // Пам'яті Т. Г. Шевченка. Куйбышев, 1944. С. 25—36.
- Українські думи та історичні пісні. М., 1944. 184 с. Составление; примечания (с. 163—181).
- Методическое письмо о преподавании украинского фольклора в вузах УССР. О дополнении курса новыми материалами, обусловленными событиями Великой Отечественной войны. Разослано Минпросом УССР. Стеклограф. изд. 1944.
- Український фольклор // Нарис історії української літератури. Гл. I. М., 1945. С. 5—54.
- Фольклорна течія в творчості П. Г. Тичини / Наукові записки [Ин-т языка и литературы АН УССР] Т. III. Київ, 1946. С. 3—41.
- Родова пісня // Мистецтво, фольклор, етнографія / Наукові записки [Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР]. Київ, 1947. Т. I—II. С. 183—206.
- Фольклористичні праці Філарета Колесси // Вітчизна. 1947. № 3. С. 149—157.
- Вимовляння донського и запорожского казачества (К вопросу о развитии русско-украинских фольклорных взаимоотношений) // Советская этнография (далее — СЭ). 1954. № 3. С. 19—31.
- Франко і фольклор рабінників Борислава // Наукові записки [Ужгородський держ. ун-т]. Т. XXV. Ужгород, 1957. С. 31—54.
- Критика теорій пізнього створення образів билинного епосу // Доповіді та повідомлення. Серія історико-філолог. Вип. I. Ужгород, 1957. С. 58—68.
- Стилі героїчного епосу різних епох (Поэтика как средство исторического приурочения эпических произведений) // Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958. С. 250—260.
- Стилі героїчного епосу східних слов'ян // Історичний епос східних слов'ян. Київ, 1958. С. 149—159.
- Про похід запорожців на Кавказ (До проблеми зв'язків українського фольклору з творчістю донського козацтва) // Наукові записки [Ужгородський держ. ун-т]. Т. XXIII. Ужгород, 1958. С. 61—100.
- Відносна сталість фольклорних сюжетів і текстів в усній традиції // Доповіді та повідомлення. Серія історико-філолог. В. II. Ужгород, 1958. С. 3—5.

* Полный список опубликованных работ, включая исследования по теории литературы и литературе народов СССР, а также статьи для Советской исторической, Украинской советской и Краткой литературной энциклопедий и др., содержит свыше 100 названий.

- Український героїчний народний епос періоду громадянської війни // Там же. С. 5—10.
- Вопросы развития эпоса в условиях возникновения государственности // СЭ. 1959. № 4. С. 26—4
- Украинский героический эпос; Белорусские эпические песни и сказки // Эпос славянских народов
- Хрестоматія для вузов / ред. Богатырева П. Г. М., 1959. С. 90—103; 103—108.
- Генезис та ідейність думи про Самійла Кішку // Доповіді та повідомлення. Серія філолог. Ужгород, 1960. № 5. С. 32—36.
- Музей на відкритому повітрі — румунське село // Народна творчість та етнографія (далее — НТ) 1960. № 2. С. 159—161.
- Про походження думи «Івась Коновченко» // НТЕ. 1961. № 3. С. 67—77.
- Илья Муромец былин и Ганжа Андйбер дум // Доповіді та повідомлення. Серія філолог. Ужгород, 1961. № 7. с. 31—36.
- Историзм русских былин. М., 1962. 240 с.
- Выступление на IV Международном съезде славистов. Материалы дискуссии. Т. 1., М., 1962. С. 497—498. Более полное изложение: Основные этапы русского героического эпоса
- Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. V. М., 1962. С. 319—321.
- Вузлові проблеми історії укр. віршування (Опроба загального огляду) // Тези доповідей та повідомлень XVII Наук. конференції УЖДУ. Серія філолог. Ужгород. 1963. С. 28—30.
- Русско-украинские взаимосвязи в области героического эпоса. Исследования из истории эпоса восточных славян. Т. I—II. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ужгород, 1962. 56 с.
- Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963. 448 с.
- Ред. и авторство: Фольклор в книге. Його естетичне значення // Книга. Читач. Сучасність. Харьков, 1970. С. 158—202.
- Рец. на кн.: Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь // СЭ. 1970. № 2. С. 179—182.
- Порівняння в слов'янському фольклорі // Слов'янське літературознавство і фольклористика. Київ, 1971. Вип. 7. С. 66—74.
- Новгородська конференція фольклористів // НТЕ. 1971. № 2. С. 106—109.
- Положительно-отрицательное сопоставление, отрицательное сравнение и параллелизм в славянском фольклоре (Из очерков по исторической поэтике славянского фольклора) // Славянский фольклор. М., 1972. С. 125—163.
- Проблеми теорії фольклору. Из блокнота учасника Всесоюзної конференції фольклористів у Тбілісі // НТЕ. 1973. № 4. С. 80—92.
- Рец. на кн.: Кирдан Б. П. Украинские народные думы // СЭ. 1974. № 5. С. 174—177.
- Роль памяти в фольклорном процессе // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 53—60.
- Стадиальная классификация героических эпосов. Спорные вопросы // Фольклор и историческая действительность. Всесоюз. конф. фольклористов в Махачкале. Махачкала, 1976. С. 25—28.
- Всесоюзна конференція фольклористів у Махач-калі // НТЕ. 1977. № 1. С. 25—28.
- Рабочий фольклор, его собиране и изучение. Ответы на вопросы // Фольклор Урала. Рабочий фольклор. Свердловск, 1978. С. 6—7.
- Про історичну основу українського народного епосу (На матеріалі маловивчених дум про Богдана Хмельницького) // НТЕ. 1979. № 1. С. 66—72.
- Видання Зводу російського фольклору // Там же. № 3. С. 105—107.
- Книга про українське кобзарство. Рец. на кн.: Кирдан Б., Омельченко А. Народні співці-музиканти на Україні // НТЕ. 1981. № 2. С. 94—96.
- Рец. на кн.: Іван Франко — збирач народних пісень. До виходу в світ збірки «Нар. пісні в записках Ів. Франка». Київ, 1981 // НТЕ. 1981. № 4. С. 82—84.
- Конференція про ігровищо-видові форми нар. творчості // Там же. № 5. С. 106—108.
- Героико-эпический стиль в восточнославянских колядках // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 179—212.
- Калмыки в украинской думе // Свет в степи. № 2. Элиста, 1982. С. 113—115.
- Згадка про калмиків в українській народній думі // НТЕ. 1983. № 2. С. 25—30.
- О своде украинского народного творчества // СЭ. 1985. № 2. С. 151—154.
- Видання народних оповідань. Рец. на кн.: Народні оповідання / Сост. и исследов. Мишанича С. В. Київ, 1983 // НТЕ. 1985. № 2. С. 74—76.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ

доктора исторических наук

ЮРИЯ ИВАНОВИЧА СЕМЕНОВА

(к 60-летию со дня рождения)*

- возникновение и основные этапы возникновения труда (в связи с проблемой становления человеческого общества) // Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та. Т. 6. 1956. С. 115—224.
- К вопросу о первой форме классового общества // Там же. Т. 9. Вып. 1. 1957. С. 237—260.
- Объективная логика развития высшей нервной деятельности животных // Там же. Т. 12. Вып. 2. 1958. С. 1—59.
- Материальное и идеальное в высшей нервной деятельности животных // Там же. С. 60—110.
- О причине матрилинейности первоначального рода // Там же. Т. 13. Вып. 2. 1958. С. 175—182.
- В. И. Ленин о тождестве логики, диалектики и теории познания диалектического материализма. Красноярск, 1958. 32 с.
- дискуссии по проблемам возникновения труда и становления человеческого общества // Сов. антропология. 1958. № 4. С. 109—126.
- Происхождение семьи, частной собственности и государства // Ф. Энгельса и современные данные этнографии // Вопр. философии. 1959. № 7. С. 137—147.
- Развода о сектантстве и сектантах. Красноярск, 1959. 68 с.
- Ступление на Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания // Философские вопросы современного естествознания. М., 1959. С. 648—649.
- О месте «классических» неандертальцев в человеческой эволюции. // Вопр. антропологии. Вып. 3. 1960. С. 46—65. То же на рум. яз. // Analele romino-sovetica. Seria biologia. 1961. N 2(49).
- Коммю в редакцию // Вестн. древ. истории. 1960 № 4. С. 204—205.
- И. Ленин о творческом характере человеческого познания // Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та. Т. 18. С. 72—87.
- И. Ленин о категории «общественно-экономический уклад» // Там же. С. 227—244.
- Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962. 672 с.
- Корни религии и философского идеализма // Философские записки (тр. методологического семинара). Красноярск, 1962. С. 125—131.
- и на кн.: Social life of early man. N. Y., 1961 // Вопр. антропологии. 1963. Вып. 14. С. 117—121.
- Упловой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений. М., 1964. 11 с. (то же на англ. яз. — М., 1964. 1967).
- категория «общественно-экономический уклад» и ее значение для философской и исторической наук // Филос. науки. 1964. № 3. С. 25—33.
- Возникновение общественных отношений // У истоков человечества. М., 1964. С. 281—317. То же на нем. яз. // Sowjetwissenschaft Gesellschaftswissenschaftliche Beitrage. 1966. N. 8. То же на яп. яз. // Специальный гуманитарный сборник. № 8, 9. Токио, 1969.
- Взгляды Моргана, марксизм и современная этнография // Советская этнография (далее — СЭ). 1964. № 4. С. 170—185. То же на англ. яз. // Soviet anthropology and archeology. V. 4. № 2. 1965.
- Востановке психофизиологической проблемы // Науч. труды Рязан. мед. ин-та. Т. 20. 1964. С. 9—14.

* В список не включены небольшие (объемом менее страницы) статьи в энциклопедических справочных изданиях.

- Проблема становления классов и государства в странах Древнего Востока // Народы Азии Африки (далее — НАА). 1965. № 3. С. 160—171.
- Проблема социально-экономического строя Древнего Востока // Там же. № 4. С. 69—89. То же на фр. яз. // *Recherches internationales à la lumière du marxisme*. 1957. № 57—58. То же на англ. яз. // *Introduction to soviet ethnography*. V. 2. Berkeley, Calif., 1974.
- О периодизации первобытной истории // СЭ. 1965. № 5. С. 74—93. То же на нем. яз. // *Ethnologisch-archäologische Zeitschrift* 1967. № 8. *Matriarchat und Patriarchat. Zur Entstehung der Familie*. Frankfurt am Main. 1986. То же на яп. яз. // Специальный гуманитарный сборник № 5. 1968.
- О некоторых вопросах становления человеческого общества // *Вопр. философии*. 1965. № 3. С. 170—175.
- Советские историки о становлении классового общества в древнем Китае // НАА. 1966. № 3. С. 151—161.
- В. И. Ленин о категории «факт» // *Материалы научн.-теорет. конференции кафедр общ. наук Рязан. мед. ин-та*. 1966. С. 18—20.
- В. И. Ленин о социализме и социалистическом государстве // Там же. С. 34—39.
- Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // *Вопр. истории*. 1968. № 8. С. 87—106.
- Из истории теоретической разработки В. И. Лениным национального вопроса // НАА. 1969. № 4. С. 106—129.
- Как возникло человечество. М., 1966. 576 с. (то же на венг. яз. — Будапешт, 1973; то же на яп. яз. — Токио, 1970, 1971).
- Первобытнообщинный строй // *Советская историческая энциклопедия*. Т. 10. 1967. стб. 100—1012 (совм. с Файнбергом Л. А.).
- Первобытнообщинная формация // *Философская энциклопедия*. Т. 4. 1967. С. 234—236.
- К определению понятия «нация» // НАА. 1967. № 4. С. 86—102.
- Новые американские издания «Древнего общества» Л. Моргана // СЭ. 1967. № 5. С. 182—184.
- Выступление на симпозиуме по учению Л. Моргана // *Тр. VII Междунар. конгр. антропол. и этнограф. наук*. Т. 4. М., 1967. С. 451—457.
- Выступление на симпозиуме по учению Л. Моргана // Там же. С. 505—508.
- Социалистическая революция — скачок из царства необходимости в царство свободы // *Рязан. мед. ин-т. Тр. юбилейной науч. конф., посвящ. 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции*. 1967. С. 3—8.
- О некоторых теоретических проблемах истории первобытности // СЭ. 1968. № 4. С. 75—77.
- Льюис Генри Морган: легенда и действительность // СЭ. 1968. № 6. С. 3—24.
- Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации // *Разложение родового строя и формирование классового общества*. М., 1968. С. 250—290.
- О структуре раннеродового общества // *История, археология и этнография Средней Азии*. 1968. С. 267—274.
- Проблема начального этапа родового общества // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. Кн. 1. М., 1968. С. 156—222.
- Сущность математизации физики как одной из причин ее методологического кризиса в начале XX в. // *Тез. докл. и сообщ. на Всесоюз. конференции-семинаре «В. И. Ленин и философские проблемы физики»*. М., 1969. С. 137—141.
- Рец. на кн.: Н. А. Бутин. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968 // СЭ. 1969. № 3. С. 163—170.
- Детерминизм абсолютный (лапласовский) и детерминизм диалектический // *Философские проблемы современной физики*. М., 1969. С. 237—252.
- Проблема перехода от материнского рода к отцовскому // СЭ. 1970. № 5. С. 57—71. То же на англ. яз. // *Soviet anthropology and archeology*. V. 15. № 2—3. 1976—1977.
- Теория общественно-экономических формаций и всемирный исторический процесс // НАА. 1977. № 5. С. 82—95. То же на англ. яз. // *Soviet anthropology and archeology*. 1977. № 1. V.
- Рец. на кн.: *Общественный строй у народов северной Сибири*. М., 1970 // СЭ. 1971. № 4. С. 169—170.
- По поводу рецензии В. М. Бахты // НАА. 1971. № 3. С. 245—247.
- Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у австралийцев // СЭ. 1971. № 6. С. 101—111.
- Рец. на кн.: Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970 // СЭ. 1971. № 6. С. 188—191 (совм. с Вайнштейном С. И.).

кого произошёл Homo sapiens? // Природа. 1971. № 11. С. 50—63.

упление на дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. 1972. № 4. С. 72—73.

вание и творчество // Современная физика и проблемы марксистско-ленинской теории познания. М., 1972. С. 9—16.

исхождение Homo sapiens // Биология в школе. 1973. № 1. С. 3—13. № 2. С. 5—14.

етические проблемы «экономической антропологии» // Этнологические исследования за рубежом. М., 1973. С. 30—76. То же на англ. яз. // Philosophy of the social sciences. V. 4. № 2—3. 1974.

люди, а предюди // Природа. 1973. № 2, С. 77—78.

на кн.: М. В. Крюков. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972 // СЭ. 1973. № 2. С. 165—169.

материнском роде и оседлости в позднем палеолите // Там же. № 4. С. 52—65.

марксистско-ленинская теория общественных формаций и исторический процесс // Филос. науки. 1973. № 5. С. 3—13. То же на нем. яз. // Sowjetwissenschaft Gesellschaftswissenschaftliche Beitrage. 1974. H. 2 (то же на исп. яз. — Гавана, 1987).

то советского народа среди исторических общностей людей // НАА. 1973. № 5. С. 44—58.

на кн.: M. Sahlins. Stone age economics. Chicago, 1972 // СЭ. 1974. № 4. С. 168—172.

единения обезьян и человеческое общество // Там же. № 5. С. 115—119.

гия: логика эволюции // Наука и религия. 1974. № 11. С. 14—19.

на кн.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973 // Филос. науки. 1974. № 6. С. 159—161.

исхождение брака и семьи. М., 1974. 310 с. (то же на вьетнам. яз. — Ханой, 1978; на кит. яз. — Пекин, 1983).

ment on the article P. Bohannan «Rethinking culture» // Current anthropology. V. 15. № 2. 1977. P. 116.

the Northwest society // Ibid. P. 200.

е раз о материнском роде и брачных классах // СЭ. 1975. № 1. С. 55—71.

робоытнообщинный строй // Большая советская энциклопедия. Т. 19. 1975. С. 356—359.

фксизм и первобытность // СЭ. 1975. № 4. С. 154—163.

рксистско-ленинская теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Актуальные проблемы марксистско-ленинского учения об общественных формациях. М., 1975. С. 53—87.

ment on article of E. Gellner «The soviet and the savage» // Current anthropology. V. 16. № 4, 1975. P. 612—614.

xism and primitive society // Philosophy of the social sciences. V. 5. № 2. 1975. P. 201—213.

ение категории «общественно-экономический уклад» для анализа социально-экономического общества // Филос. науки. 1976. № 3. С. 39—48. То же на нем. яз. // Jahrbuch des Museum für Völkerkunde zu Leipzig. Bd XXX. 1980.

специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества // СЭ. 1976. № 4. С. 93—113. То же на кит. яз. // Сборник статей по этнографии. Пекин, 1987.

лигия, идеализм: сходство и различие // Наука и религия. 1976. № 9. С. 45—51.

звитие общественно-экономических формаций и объективная логика эволюции религии // Вопросы научного атеизма. Вып. 20. 1976. С. 43—61.

ения Индия и античная Греция // XIV междунар. конф. античников социалистических стран. Тез. докл. Ереван, 1976. С. 389—391.

рвоытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 7—86.

значальной форме первобытных социально-экономических отношений // СЭ. 1977. № 2. С. 15—28. То же на кит. яз. // Сборник статей по этнографии. Пекин, 1987.

на кн.: Г. Е. Марков. Кочевники Азии. М., 1976 // СЭ. 1977. № 5. С. 163—166 (совм. с Вайнштейном С. И.).

oretical problems of ethnoeconomy // Ethnography and related sciences. М., 1977. P. 55—75.

рия общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978. С. 55—89. То же на словац. яз. // Teoretické problémy spoločensko-ekonomických formácií. Bratislava, 1981.

некоторых теоретических проблемах экономики первобытного общества // СЭ. 1978. № 4. С. 58—75. То же на кит. яз. // Сборник статей по этнографии. Пекин, 1987.

- On Morgan kinship theory // Current anthropology. V. 19. № 1. 1978. P. 167—168.
- The main stages of evolution of primitive economy // Social sciences. V. IX. № 4. 1978. P. 38—53.
- The Okonomische Gesellschaftsformation // Kategorien des historischen materialismus. B., 1978. S. 70—86.
- О методике реконструкции развития первобытного общества по данным этнографии // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979. С. 108—125.
- О стадийной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. То же на англ. яз. // Community and its types. М., 1982.
- Первобытнообщинный строй // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М., 1979. С. 213—216.
- Некоторые вопросы теории общественно-экономических формаций // Диалектика логического и исторического в формационном анализе. М., 1979. С. 8—16.
- Эволюция экономики раннего первобытного общества // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 61—124.
- О сущности религии // СЭ. 1980. № 2. С. 49—63 (то же на лит. яз. — Вильнюс, 1984).
- Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. С. 102—130.
- Общественно-экономическая формация // Категории исторического материализма. М., 1980. С. 74—90. То же на словац. яз. // Kategorie historického materializmu. Bratislava, 1982. С. 103—119.
- The theory of socioeconomic formations and world history / Soviet and Western anthropology / Ed. E Gellner. L., 1980. P. 29—58.
- О системе категорий исторического материализма // Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма. М., 1981. С. 45—53.
- Предмет философии // Предмет философии в системе философского значения. Челябинск, 1981. С. 39—42.
- Начало человеческой истории // Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981. С. 23—44.
- Socioeconomic formations in the historical process // Philosophy in USSR. Problems of historical materialism. М., 1981. P. 33—51.
- Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ. 1982. № 6. С. 48—59.
- О структуре стратифицированной сельской общины и ее роли в истории докапиталистических классовых обществ // Там же. № 6. С. 143—149.
- Общественно-экономические уклады // Теория общественно-экономической формации. М., 1982. С. 126—164.
- Facts and theory in ethnography // Problems of the European ethnography and folklore. М., 1982. P. 201—204.
- Терминология и теория // СЭ. 1983. № 6. С. 151—153.
- Рец. на кн.: З. П. Соколова. Социальная организация хантов и манси. Проблема фратрии и родства. М., 1983 // СЭ. 1983. № 6. С. 151—153.
- Первобытнообщинная формация // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 486—487.
- Предпосылки становления человеческого общества // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблема антропосоциогенеза. М., 1983. С. 228—292.
- Становление человеческого общества // Там же. С. 293—397; 406—420.
- Основные этапы эволюции первобытной экономики // НАА. 1984. № 1. С. 56—67.
- Государство и право на Древнем Востоке // Там же. № 2. С. 101—104.
- Рец. на кн.: Э. С. Годинер. Возникновение и развитие государства в Буганде. М., 1982 // СЭ. 1984. № 2. С. 163—167.
- Проблема перехода от первобытного общества к классовому в свете современных данных // Grundprobleme vorkapitalistischer Gesellschaftsentwicklung. Dresden, 1984. S. 142—145. То же на нем. яз. // Ibid. S. 146—149.
- Ehe und Familie in F. Engels «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats» // Altertum. 1984. № 3. S. 177—182; Matriarchat und Patriarchat. Zur Entstehung der Familie. Frankfurt am Main, 1986. S. 104—111.
- Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ // Филос. науки. 1985. № 1. С. 24—35.

- Отклик на статью М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций» // СЭ. 1985. № 1. С. 73—76.
- Эволюция религии: смена общественно-экономических формаций и культурная преемственность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 198—243.
- Типология ранних форм эксплуатации // НАА. 1985. № 4. С. 59—68.
- Les problèmes théoriques de l'économie primitive et l'ethnologie occidentale // Ethnologie occidentale: Essais critiques sur l'ideologie. М., 1985. Р. 66—88.
- Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 73—129.
- О племени, народности и нации // СЭ. 1986. № 3. С. 73—75.
- Статьи: Антропосоциогенез (с. 24—27); Взаимопомощь (с. 30—31); Классы общественные (с. 65—67); Обмен экономический (с. 93—96); Общество первобытное (с. 96—107); Организм социальный (с. 126—128); Отношения производственные (с. 128—131); Потребление (с. 147—148); Продукт общественный (с. 155—156); Производство (с. 156—159); Распределение (с. 166—167); Силы производительные (с. 180—182); Собственность (с. 184—188, совместно с Трайде Д.); Способ производства (с. 197—199, совместно с Трайде Д.); Торговля (с. 293—294); Труд (с. 204—205); Уклад общественно-экономический (с. 205—207) // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
- Die Lage der Frau in der Urgesellschaft // Matriarchat and Patriarchat. Zur Entstehung der Familie. Frankfurt am Main, 1986. S. 112—134.
- Происхождение человека в свете современных данных науки // Вести. АН СССР. 1987. № 7. С. 120—130.
- О предмете и внутренней структуре этнографической науки // СЭ. 1987. № 4. С. 73—76.
- Ленинская категория «общественно-экономический уклад» и некоторые проблемы истории первобытного общества // Ленинизм и проблемы этнографии. Л., 1987. С. 97—117.
- Социально-экономический строй Древнего Востока: Современное состояние проблемы // НАА. 1988. № 2. С. 151—165. То же // Преподавание истории в школе. 1988. № 6. С. 85—87. 1989. № 1. С. 52—67.
- Zur Problem des Übergangs von der Urgesellschaft zur Klassengesellschaft in Lichte der neuern Forschungen // Familie, Staat and Gesellschaftsformation. В., 1988. С. 87—97.
- Экономическая этнография // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 90—91.
- Экономическая антропология // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 62—85.
- На заре человеческой истории. М., 1989. 319 с.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ»

8 и 9 декабря 1988 г. в Ленинграде проходила научно-практическая конференция «Вопросы теории и практики межнациональных отношений в условиях перестройки», организованная Научно-исследовательским институтом комплексных социальных исследований при Ленинградском университете, Ленинградской частью Института этнографии АН СССР и Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР.

В работе конференции приняли участие ученые из Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Казани, Петрозаводска, Сыктывкара, Томска, Якутска, Мурманска, Улан-Удэ и других городов страны, партийные работники, пропагандисты, лекторы общества «Знание». На заседаниях секций конференции было заслушано более 100 докладов и сообщений по проблемам совершенствования межнациональных отношений в стране.

Конференция открылась докладом Р. Г. Абдулатипова (ЦК КПСС, Москва) «XIX Всесоюзная конференция КПСС и проблемы межнациональных отношений». Докладчик отметил, что в периоды культа личности и застоя ленинская национальная политика была подвергнута серьезным искажениям. В течение длительного времени сфера межнациональных отношений не становилась предметом глубокого теоретического осмысления, в национальной политике преобладало обыденное сознание. Сегодняшняя ситуация в области межнациональных отношений очень сложна: в стране насчитывается 15—17 очагов межнациональной напряженности.

Говоря о возможных путях решения национальных проблем, докладчик отметил, что многие трудности, переживаемые в сфере межнациональных отношений, связаны с недостатками социально-экономического развития. Старый хозяйственный механизм нанес немало вреда развитию межнациональных отношений и связей. В то же время республиканский хозрасчет, идеи которого сейчас широко обсуждаются, пока нельзя рассматривать как панацею от всех бед. Прежде чем приступить к его практическому внедрению, необходимо, во-первых, разобраться в том, насколько республиканский хозрасчет может учитывать национальные республиканские интересы, и, во-вторых, выяснить, как при этом будут соблюдаться интересы единого народнохозяйственного комплекса и общесоюзной социально-экономической политики. Эти два момента должны быть гармонично согласованы.

Экономические преобразования, подчеркнул Р. Г. Абдулатипов, должны опираться на реальное юридическое равенство. В условиях перестройки политической системы и создания правового государства основная тяжесть в решении национальных проблем ложится на Советы народных депутатов. В этой связи значительно возрастает роль такого государственного органа, как Совет Национальностей Верховного Совета СССР.

Много нерешенных проблем, указал оратор, имеется в области национально-государственного строительства. В частности, более четко должны быть определены экономические, социальные и политические критерии, определяющие статус союзной и автономной республик. Необходимо издать специальный закон о национально-государственном устройстве, который регламентировал бы и вопросы о гражданстве, языке и др. Наконец, требует коренных преобразований сложившаяся система интернационального и патриотического воспитания. По мнению докладчика, интернациональное воспитание должно реализовываться на практике через политическое, экологическое, атеистическое и другие виды воспитания.

Р. Ф. Итс (Ленинград) остановился на этнических аспектах национальных отношений в СССР. Развивая мысль предыдущего докладчика, он отметил, что национально-государственное строительство следует рассматривать только с позиций фактического признания равноправия всех наших народов и, исходя из этого, в каждом конкретном случае решать вопрос о создании новых национально-государственных образований и их статусе.

Говоря о национально-этнических причинах современного обострения межнациональных отношений, докладчик, в частности, отметил, что процесс национальной автономизации прошел ряд стадий. Объясняя возникновение проблемы родного, межнационального и государственного

языков, докладчик указал, что, по его мнению, введение государственных языков в ряде национальных республик есть не что иное, как попытка установить иерархию между культурами различных национальностей. Это — начало неравноправия и очаг межнациональных конфликтов.

Докладчик особо подчеркнул необходимость усиления роли этнографической науки в совершенствовании межнациональных отношений в стране. Занимаясь национальными сюжетами, нельзя не учитывать мнение специалистов-этнографов. Однако на сегодняшний день в университетах страны, отметил Р. Ф. Итс, существуют только четыре кафедры этнографии (для сравнения, в США — 412), имеется только один институт этнографии. Для того чтобы компетентно и ответственно решать национальные проблемы, заявил докладчик, необходимо создание Государственной этнографической службы СССР.

Поскольку конференция проходила в Ленинграде, особый интерес у ее участников вызвал доклад К. В. Чистова (Ленинград) «Национальные проблемы Ленинграда и Ленинградской области — история и современность»¹.

Дискуссия по обсуждавшимся вопросам проходила в пяти тематических секциях: «Теоретические и методологические проблемы совершенствования межнациональных отношений в СССР», «Социально-экономические и политические аспекты перестройки межнациональных отношений», «Духовное развитие социалистических наций и народностей и вопросы интернационального и патриотического воспитания», «Человек в системе национально-этнических отношений», «Национальные проблемы Ленинграда и Ленинградской области».

Спектр обсуждавшихся на конференции проблем был очень широк и многообразен — от экономических вопросов до проблем национальной психологии. Поэтому для настоящего обзора мы выбрали только те, которые вызвали наибольший интерес участников дискуссии.

Важное место на конференции заняло обсуждение теоретико-методологических аспектов межнациональных отношений. В выступлении С. Н. Артановского (Ленинград) национальные отношения в СССР были рассмотрены в контексте мировых этнических процессов. В частности, он проанализировал «возвращение к этничности», наблюдающееся и в нашей стране. По сути дела это попытка малых народов и этнических групп защитить себя от натиска нежелательных для них побочных явлений интернационализации мира. Понятие этничности, по мнению выступающего, — важный инструмент этносоциологического анализа.

С точки зрения В. Ю. Сухачева (Ленинград), унифицирующие тенденции, наблюдаемые сегодня в экономике, политике, культуре, с одной стороны, вытесняют этнические ценности из различных форм жизнедеятельности человека. С другой стороны, те же тенденции, порождая отчуждение человека, возрождают этнические идеалы. В отчужденном мире этнические ценности и идеалы становятся важнейшими ориентирами реального существования человека.

С точки зрения проблемы отчуждения подошел к анализу теории межнациональных отношений и В. П. Клычков (Ленинград), который выделил следующие специфические формы отчуждения: экономическое, государственно-правовое, политическое, культурно-языковое и межэтническое. Критерием преодоления отчуждения должны служить не формальные факторы, а действительный уровень социально-политической активности народов, их реальной социально-экономической и духовной интеграции. С. В. Игнатьев (Ленинград) в качестве одной из моделей преодоления отчуждения человека предложил концепцию «малой родины», которая предполагает изучение таких факторов, как природно-экологические особенности территории, социальная инфраструктура, языковые и социально-психологические особенности населения, культурные традиции региона.

Г. И. Датчиков (Ленинград), проанализировав ленинскую концепцию развития наций и национальных отношений, применил ее к анализу современного состояния советского общества. Он обратил внимание на проблему наднациональных отношений, которые, по его мнению, представляют собой переходную ступень от межнациональных отношений к общечеловеческим.

В выступлении М. Н. Росенко (Ленинград) прозвучала обеспокоенность тем, что в области межнациональных отношений продолжает существовать разрыв теории с практикой. Цементирующей силой интернационального единства советских народов является русская нация. Но она, по мнению докладчика, теряет авторитет ведущей нации вследствие деформаций и извращений в ее развитии, допущенных в годы культа личности и застоя. М. Н. Росенко предложила в каждом национальном регионе создать институты по разработке научных и практических рекомендаций, направленных на совершенствование межнациональных отношений, довести до уровня современных требований статистику, характеризующую состояние национальных проблем. А. И. Доронченко (Москва), оценивая уровень теоретических разработок по национальному вопросу, подчеркнул необходимость изучения психологических аспектов национализма и шовинизма, критического осмысления основных направлений буржуазной социальной психологии, в частности «психологии народов» и «психологии масс».

Рассматривая современное состояние межнациональных отношений в стране, многие участники дискуссии анализировали причины их обострения. В. К. Муратов (Ленинград) отметил, что социализм на определенном этапе развития ликвидирует национальный антагонизм, однако противоречия остаются, что обусловлено многообразием исторических условий и наличием факторов политического неравенства. При неэффективном экономическом или политическом механизме их разрешения они накапливаются и обостряются. В. Н. Сухов и В. И. Еременко (Ленинград) выделили следующие причины обострения национальной ситуации: формально-бюрократическое проведение национальной политики, игнорирование сложившихся норм традиций национальной культуры, догматизм в подходе к марксистско-ленинскому учению о национальном вопросе, недостаточная политическая культура значительных слоев населения.

По мнению В. В. Акимовой и В. Ю. Бобылева (оба — Таганрог), такими причинами являются: кризисное состояние экономики, наличие мощной командно-административной системы, невинимательное, а зачастую и политически неграмотное отношение местных органов управления к формам хозяйствования, культурному наследию, традициям народов.

В ряде выступлений обострение межнациональных отношений связывалось с нарушением принципов социальной справедливости. Так, Л. Д. Козырева (Ленинград) отметила, несоблюдение социальной справедливости ведет к нарастанию политической нестабильности. В целях обеспечения устойчивости и мобильности политической структуры она предложила учитывать сложившиеся экономические структуры, устранить искусственные препятствия в создании и воссоздании государственности наций и народностей, особенно тех, в отношении которых в прошлом была допущена несправедливость. Л. В. Завьялова (Сыктывкар) подчеркнула, что в многонациональной среде нарушение принципов социальной справедливости приобретает этнический колорит, а по мнению А. Н. Журавлева (Ленинград), социальная несправедливость усиливает противоречия, порожденные неравным положением наций и социальных групп внутри них.

Некоторые выступавшие отметили, что сегодня многие экономические, социальные, политические вопросы приобретают форму национальных. М. В. Боева (Ленинград) и Л. И. Иванкина (Томск), в частности, указали, что нет «чистой» национальной жизни, на нее непосредственно проецируются и экономические, и политические, и идеологические, и духовные отношения. В последнее время на состояние межнациональных отношений серьезно влияет экономическая ситуация. Анализируя в этом контексте проблему административного регулирования миграции, А. К. Снисаренко (Ленинград) показал, что существующая практика превратила социальные проблемы так называемых «лимитчиков» и «мигрантов» в национальные.

Говоря о современном состоянии межнациональных отношений, большинство выступавших пытались анализировать конкретную обстановку в различных регионах страны. Особый интерес при этом вызвали новые политические движения в республиках Прибалтики. Л. В. Сморгунд (Ленинград) в качестве основных противоречий в развитии прибалтийских народов выделила нарушение эквивалентности в обмене продуктами хозяйственной деятельности в условиях единого народнохозяйственного комплекса, рассогласование между республиканскими интересами и интересами центральных ведомств, тенденции к снижению доли коренной национальности в населении республик, сужение сферы применения национальных языков. Выступающий рассмотрел некоторые моменты в деятельности «народных фронтов» республик и высказал мысль, что эти демократические движения смогут занять достойное место в политической системе советского общества. А. В. Черников (Ленинград) критически рассмотрел некоторые аспекты экономического разделения в программах «народных фронтов» Эстонии и Латвии и «Саюдиса» в Литве, обратил особое внимание на дискуссионные вопросы перехода республик на территориальный хозрасчет. Говоря о современных проблемах межнациональных отношений в Прибалтике, Н. В. Кошаро (Каунас) подчеркнул необходимость введения действенного механизма гарантий суверенитета союзных республик.

Значительное внимание на конференции было уделено проблемам малых народов Севера. По мнению Ч. М. Таксами (Ленинград), непоправимый вред Северу и его народам нанесло неумелое хозяйственное управление. Приведя конкретные примеры неправильных экономических и социальных действий по освоению северных территорий, оратор внес ряд конкретных предложений, направленных на обеспечение научно обоснованного управления процессами освоения Севера. У. А. Винокурова (Якутск) выразила тревогу по поводу того, что в концепции промышленного освоения северных районов страны не учитываются интересы коренных народностей, не продумана система их жизнеобеспечения в новой, преобразованной среде. По ее мнению, необходимо создание правовой защиты территорий проживания народов Севера от промышленной экспансии. Л. В. Хомич (Ленинград) отметила, что автономные округа северных народов не приобрели фактической самостоятельности в решении вопросов хозяйственного, социального и культурного развития. При решении же большинства вопросов центральными или областными органами часто совершенно не принимаются те отрасли хозяйства, которыми традиционно занимается местное население. Б. В. Лашов (Ленинград) внес предложение создать на уровне автономных округов Севера двухпалатную структуру Советов народных депутатов, что позволит коренному населению обеспечить должный уровень представительства в органах государственной власти.

Проблемы народов Восточной Сибири, Кольского полуострова, северо-западных районов РСФСР осветили в своих выступлениях Д. Д. Лубсанов (Улан-Удэ), Т. А. Киселева (Мурманск), Ю. А. Шабает (Сыктывкар) и др.

Говоря о социально-экономических и политических аспектах перестройки межнациональных отношений, участники конференции подчеркивали, что совершенствование этой сферы жизни общества должно происходить в русле решения основных задач перестройки: ускорения социально-экономического развития, отказа от командно-административных методов управления, соблюдения социальной справедливости, гласности, демократизации. Т. Ю. Бурмистрова (Ленинград) остановилась на наиболее острых проблемах развития наций и народностей: обеспечении фактического равенства народов, достижении полной занятости населения, удовлетворении социально-культурных потребностей, решении экологических проблем и т. д. — и предложила создать общесоюзный центр межнациональных отношений, который бы взял на себя функции изучения, практического руководства и контроля за выполнением планов развития республик.

Среди обсуждаемых экономических проблем национальных отношений дискуссионным стал вопрос о возможности регионального (республиканского) хозрасчета. Так, по мнению В. Р. Ар-

есть е в а (Ленинград), такой тип хозяйствования необходим как основа обеспечения подлинной автономии всех единиц административно-территориального деления страны. И. С. Панченко (Ленинград), напротив, высказал мысль о том, что ориентация на полную хозяйственную самостоятельность не только противоречит главным тенденциям и законам экономического развития, о и стимулирует оживление национальной обособленности, способствует формированию национального этнизма.

Особую актуальность в сегодняшней ситуации приобрели проблемы языка и языковой политики, которым посвятили свои выступления М. Ю. Сластенов, А. А. Белкин, К. А. Моралева (все — Ленинград), отметившие диалектику взаимосвязанных тенденций: свободного развития национальных языков и дальнейшего развития национально-русского двуязычия. При этом особо были подчеркнуты правовые проблемы языка, включая право граждан на родной язык и содействие государства развитию национальных языков.

В ряде выступлений на конференции были подняты проблемы освещения межнациональных отношений в средствах массовой информации. Отмечалось, что печать и телевидение подчас проявляют некомпетентность, необъективность в анализе происходящих в этой сфере событий, не всегда достаточно оперативны. Отражению национальных проблем на страницах ленинградских газет и журналов было посвящено выступление А. А. Кельберга (Ленинград). В. К. Малькова (Москва), опираясь на результаты проведенного контент-анализа, отметила динамическую зависимость между пропагандой национальных отношений в прессе и различными этапами жизни нашего общества.

Участники конференции подчеркнули необходимость совершенствования содержания, форм и методов интернационального и патриотического воспитания. К числу важных проблем идеологической деятельности выступающие отнесли взаимодействие интернационального атеистического воспитания. В выступлении Р. Г. Балтанова (Казань), исследовавшего взаимоотношение религиозного и национального, говорилось, в частности, о том, что пережитки исламской религии, исламские традиции воспринимаются многими как национальная специфика восточных народов. Это мешает утверждению принципов социалистического интернационализма, а любые просчеты в атеистическом воспитании многими воспринимаются как ущемление национальных чувств.

Важное место в интернациональном и патриотическом воспитании принадлежит бережному отношению к истории, материальной и духовной культуре народов. Рассуждая о роли и месте национальных традиций в социалистическом образе жизни, А. Т. Абдынасырова (Москва) поделила этноконсолидирующую, коммуникативную, регулятивную, воспитательную функции этих традиций. К. А. Кармаев (Ленинград) отметил особенность использования этнических традиций в экологическом воспитании, подчеркнув, что опыт поколений не только позволяет более эффективно осваивать новые формы деятельности, но и способствует выработке рациональной стратегии природопользования. Г. И. Новикова (Ленинград) остановилась на роли этнокультурных традиций в процессе формирования советской обрядности, а В. К. Лебедев (Ленинград) говорил о важности изучения письменных памятников прошлого для интернационального воспитания.

Интерес участников конференции вызвали проблемы взаимодействия личности и этноса. В частности, внимание исследователей привлек феномен маргинальности. Основные функции этнической маргинальности, факторы, определяющие трансформацию ее простых форм в сложные, психологическое содержание этих форм раскрыла в своем выступлении А. Б. Мудашева (Москва). В. А. Кирсанов (Ленинград) выделил три типа этнической самоидентификации маргинальной личности: этноцентрический, полиэтнический ориентированный, трансэтнический. В этом же русле прозвучало выступление А. Б. Островского (Ленинград), рассматривавшего структуру личности в контексте явления бикультуризма, что, по мнению выступавшего, позволяет конкретизировать механизмы формирования этнического самосознания.

Тема соотношения общечеловеческого и национального в личностных ориентациях, а также в системе ценностей личности прозвучала в выступлениях Ю. Н. Емельянова, В. Е. Семенова, Н. В. Григорьева (все — Ленинград). На конференции получили отражение и проблемы национального самосознания. Так, И. Л. Афанасьева (Ленинград) исследовала исторический фактор в национальном самосознании, Р. И. Гайнутдинов (Ленинград) провел методологический анализ соотношения понятий «этническое сознание», «массовое сознание», «этническое самосознание». В. П. Трусов (Ленинград) остановился на возможности психологической коррекции таких элементов национального самосознания, как этнические стереотипы.

Внимание участников конференции, особенно ленинградцев, было привлечено к дискуссии о национальных проблемах в Ленинграде и области. Большинство выступающих развили и конкретизировали идеи, высказанные в докладе К. В. Чистова. Об истории и современном положении ряда этнических групп в городе и области говорили С. В. Бернадский, Л. А. Гильди, С. С. Кашеев, В. И. Кокко, Р. Ф. Итс, Н. В. Юхнева (все — Ленинград), З. И. Стрельникова (Петрозаводск) и др. Ораторы были единодушны в утверждении того, что следует откладывать, приступить к реальным действиям, которые могли бы способствовать гармонизации межнациональных отношений в городе и области, помогли бы ликвидировать последствия социальной и национальной несправедливости, накопившиеся в предшествующий период. Интересным дополнением к этим выступлениям стал доклад Т. М. Смирновой (Ленинград), предложившей вниманию слушателей анализ многонациональной петроградской прессы начала 20-х годов — одного из содержательных источников для изучения национальной политики РКП(б). Большой

интерес вызвало выступление В. М. Воронкова (Ленинград), методологически ориентирующее на терминологическую определенность и переосмысление ряда фундаментальных понятий теории межнациональных отношений. На тесную связь теории национальных отношений с различными социологическими концепциями указали в своих выступлениях В. Б. Голофаст и Б. М. Фирсов (оба — Ленинград).

Группа сообщений и выступлений в прениях была нацелена на научное развенчание мифов, унаследованных от реакционных социальных движений и исторических концепций современными шовинистами. Так, говоря о процессах формирования современных народов, И. М. Дьяконов (Ленинград) указал, в частности, на невозможность с точки зрения современной науки говорить о генетической и историко-культурной «чистоте» русского, как, впрочем, и любого другого, народа. Реакционные шовинистические идеи о «чистоте крови» и «сохранении генофонда нации» были подвергнуты научной критике также в выступлениях Д. А. Александрова и А. Г. Козинцева (оба — Ленинград). Анализ шовинистической политики царского самодержавия посвятил свое выступление Б. В. Ананьич (Ленинград). Д. И. Раскин (Ленинград) остановился на источниках исторической концепции современного великодержавного шовинизма. В выступлении В. И. Старцева (Ленинград) разоблачались мифы, распространяющиеся реакционной эмигрантской литературой, о роли и значении масонства в предреволюционной России, рассматривалось его место в расстановке общественных сил накануне и в ходе Февральской революции 1917 г.

Анализу межнациональных отношений в современном Ленинграде был посвящен доклад В. Г. Узуновой (Ленинград), основные положения которого были поддержаны в выступлениях О. Н. Ансберг, И. А. Левинской, Н. И. Платоновой (все — Ленинград).

На заключительном пленарном заседании участники конференции приняли рекомендации по совершенствованию межнациональных отношений в области научно-теоретических исследований и сфере практических мероприятий.

А. О. Бороновский,
Н. Г. Скворцов, В. Г. Узунова

Примечание

¹ Статья К. В. Чистова, подготовленная на основе доклада, опубликована в журнале «Советская этнография» (1989, № 3).

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В МГУ «ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР»

Свободное высказывание точек зрения по национальному вопросу специалистами различных областей знания — одна из основных целей университетской научно-методической конференции «Проблемы комплексного изучения межнациональных отношений в СССР», проведенной по инициативе ректората и парткома МГУ 14—15 апреля 1989 г.

Открывая конференцию, заместитель председателя оргкомитета акад. Ю. С. Кукушкин (декан исторического ф-та) подчеркнул, что в рамках МГУ межнациональные отношения впервые обсуждаются как проблема комплексная и что данная конференция является лишь первым шагом перед более широкими встречами.

За два дня конференции было заслушано 19 докладов, несколько выступлений, проведен дискуссии об истоках межнациональных проблем, сущности межнациональных противоречий и конфликтов, способах их предвидения и преодоления.

Большинство участников склонялись к тому, что для выяснения причин возникновения межнациональных противоречий необходимо определить существо сложившихся взаимоотношений меж-

ду этническими общностями, социальными слоями, группами людей, т. е. выявить реальные истоки социального неравенства. Естественно, что эти причины могут лежать и в сфере общественного производства, и в области социальной политики, управления, культуры, языка. И коль скоро эти сферы в реальной жизни тесно переплетаются, то и межнациональная напряженность, возникнув в результате одной причины, тут же распространяется на другие области человеческих взаимоотношений.

Каковы наиболее общие причины возникновения национальных проблем? А. П. Кабаченко (философский ф-т) в своем докладе «Формы и методы разрешения межнациональных конфликтов» определил межнациональные противоречия как норму человеческого бытия, одну из диалектических его сторон, которую необходимо рассматривать и изучать как самостоятельный феномен. Межнациональные противоречия постоянно возникают в повседневной жизни любого полиэтнического общества. Вопрос о том, чтобы, владея ситуацией, предотвратить перерастание этих противоречий в конфликты. Замалчивание национальных проблем вылилось в непонимание и потерю возможностей контроля национальных процессов. Ныне мы столкнулись с законченной формой межнациональных противоречий — межнациональным конфликтом.

Но быть может достаточно достичь такого положения, когда национальное разнообразие исчезнет, соответственно исчезнет и источник национальных противоречий? Из доклада О. И. Чистякова (юридический ф-т) «Историко-правовые аспекты национального вопроса в нашей стране» следует, что для принципиального решения межнациональных противоречий требуется по возможности полное национальное и культурное сближение и слияние, чему в немалой степени должны способствовать миграционные процессы». Сложившийся в СССР национально-территориальный принцип построения государства, при всех его определенных достоинствах и исторической необходимости, по мнению докладчика, не является универсальным средством решения национального вопроса. Ни одно национальное образование в рамках СССР не было однопациональным, что создавало предпосылки для дискриминации некоренных народов и выдвигания в управленческий аппарат представителей коренной национальности (последнее стимулировалось решениями съезда РКП(б) в 1921 г.). На нынешнем этапе нужно по возможности «рассматривать» национально-территориальный принцип, создавая условия для более широких межнациональных контактов. Например, включить национальные автономии в крупные экономические комплексы. Процесс сближения и слияния наций может быть только добровольным, однако политика в этом вопросе должна строиться именно в «направлении последовательного и далеко идущего сближения народов».

Как показывает исторический опыт, равенство возможностей отнюдь не устраняет национальную специфику, национальное самосознание, а соответственно и возможные национальные противоречия. Причин здесь много, и важнейшая кроется в психологии человека. Об этом говорила Е. И. Шлягина (ф-т психологии) при обсуждении проблем этнокультурного многообразия. Она, в частности, считает, что мир 1960-х годов — характерный тому пример, когда в противовес индивидуализации личности (в результате унификации образа жизни) люди все чаще стали обращаться к своей национальной культуре («возрождение этничности»). Национальное самосознание — самостоятельный психологический феномен.

Очевидно, более зависимой от внешних, в первую очередь социальных обстоятельств, является другая психологическая характеристика — этноцентризм, руководствуясь которой, можно вполне объективно определить, насколько напряженны межнациональные отношения. Это показали результаты исследования В. С. Агеева и Т. Г. Стефаненко (ф-т психологии), представленные в докладе «Групповая атрибуция и межнациональные отношения в многонациональном студенческом коллективе».

И все же природа межнациональных отношений не стала центральным предметом обсуждения в рамках нынешней конференции. Многие участники отмечали, что необходима коллективная концепция. Но и этого недостаточно. Для фундаментального осмысления требуется еще и время. Вместе с тем насущная потребность анализа и оценки уже существующих очагов напряженности объясняет стремление участников конференции обсудить причины появления конфликтных ситуаций на межнациональной почве.

Каковы установки на межэтнические контакты? Вот, к примеру, один из наиболее демократичных контингентов населения — молодежь. А. Г. Асмолов (ф-т психологии) в докладе «Этнопсихология — методологическая основа психологической службы межнациональных отношений» (соавтор Е. И. Шлягина) сообщил о том, что по данным опроса студентов СССР, наиболее распространенным психологическим комплексом является так называемая русофобия. Асмолов считает, что подобные стереотипы негативного отношения к представителям русского этноса основаны на сложившемся представлении о национальной управленческой «окраске». Фактически это не русофобия, а «центрофобия». Противоречия управленческой системы и исполнительной — вот основополагающая причина кипения национальных страстей, которые сами по себе являются лишь «громоотводом».

Примечательно, что многие участники конференции приходили к подобному заключению, основываясь на логике исследований в области различных научных дисциплин. В частности, в докладе «Социально-экономические предпосылки национально-территориальных противоречий в условиях административно-командной системы управления» А. Д. Акименко и В. Л. Бабури (географический ф-т), рассматривая основные положения концепции республиканского хозрасчета, выдвинутой Народным фронтом Эстонии, убедительно показали, что концепция по сути является не чем иным, как народным движением против сложившейся системы управления. Причем в качестве альтернативных лидеры движения предлагают те же административно-командные

методы, но не в общесоюзном, а в республиканском масштабе. Например, требование установления республиканского гражданства фактически идентично существующему гражданству по прописке в СССР с 1932 г., создание «национальных денег» рассчитано на выполнение тех же функций дискриминационного распределения, что и талонная система в областях РСФСР.

Вероятнее всего, большей части национально окрашенных «хозяйственных» проблем вообще не возникало бы, если бы сведения о реальном экономическом состоянии республик были доступны специалистам и широкой общественности. По мнению В. П. Орешина (экономический ф-т) высказанному в докладе «Критика практической реализации идеи регионального хозрасчета» а также А. Д. Акименко и В. Л. Бабурин, концепция республиканского хозрасчета имеет смысл лишь в том случае, если она не противоречит законам самокупаемости низовых хозяйственных звеньев. Иначе ведомственность центральная будет подменена ведомственностью и бюрократией республиканской. Эстонские экономисты, основываясь на цифрах, легко убеждают общественность, что в республике производится по стоимости гораздо больше товаров, чем реализуется. Но если бы существовала открытая экономическая статистика, нетрудно было бы показать, что основная стоимость товаров формируется не в Эстонии — здесь полуфабрикаты, передаваемые по технологической цепочке из других республик, обретают лишь свой окончательный товарный вид.

Даже такой, казалось бы, очевидный факт, как один из самых высоких в стране уровень квалификации рабочего класса Эстонии, не может служить предметом гордости одних только эстонцев. Из доклада И. К. Серовой (исторический ф-т) «Устранение перекосов в социальной структуре нации — один из путей снижения остроты межнациональных противоречий в республике СССР» следует, что среди занятых в промышленности ЭССР доля эстонцев составляет менее половины (эта величина год от года уменьшается). К тому же остается неизвестным, кто все-таки составляет основу высококвалифицированных кадров: русские или эстонцы, так как статистика с учетом квалификации с учетом национальной принадлежности трудящихся недоступна для исследователей.

Требования полной самостоятельности в республиканских границах возникают именно из-за неосведомленности республиканских деятелей и общественности о социально-экономической ситуации и потенциальных возможностях хозяйственного развития республики. Об этом говорит С. П. Поляков (исторический ф-т) в докладе «К национальному вопросу в Средней Азии». По мнению Полякова, для трезвой оценки необходимо опубликование всех статей республиканских госбюджетов. Только в этом случае можно будет преодолеть расхожее мнение, что многие республики вкладывают в общесоюзный фонд больше, нежели получают. Характерным примером является Среднеазиатский регион, в котором собственно национальный вопрос обрел остроту на базе колоссальных социально-экономических проблем. Развитие здесь индустрии хлопка не изменило социальную структуру населения, а система государственных дотаций «лишила республику потенциала развития и фактически законсервировала среднеазиатские общности ... на дореволюционном уровне» общественных отношений. Противоречия между промышленной индустрией и мелкотоварным сельским хозяйством приняли форму национальных противоречий.

Существование однотипной социальной структуры населения союзных республик — расхожий политический штамп застойного периода, считает И. К. Серова. В большинстве регионов, где мы заметны обострились межнациональные отношения, доля коренной национальности в рабочем классе значительно ниже доли других национальностей (в первую очередь русских). Вместе с тем коренные национальности, как правило, занимают управленческие должности, высока их доля в сельском хозяйстве и сфере обслуживания. Если бы в ходе привлечения рабочей силы (например, в Прибалтику) учитывалась реальная социальная структура и перспективы ее развития, многих национальных проблем не возникало бы. Вероятно, следует идти по пути «коренизации» рабочего класса, а не госаппарата.

Д. Е. Еремеев (Ин-т стран Азии и Африки при МГУ) в докладе «Принципы и решения межэтнических конфликтов в Азии и Африке» привел сходные примеры из недавней истории стран Азии и Африки, показав, что этнический конфликт может возникнуть в результате даже незначительного проявления дискриминации. Многообразие форм этнического антагонизма (непотизм, этнический фаворитизм и т. д.) Д. Е. Еремеев удачно обозначил словом «этноблат». Политико-административное и экономическое ущемление одной этнической группы другой — наиболее распространенная причина обострения межнациональных противоречий, а следовательно и природу межнациональных отношений можно определять с экономико-детерминистских позиций.

По мнению Т. И. Алексеевой (НИИ и музей антропологии МГУ), высказанному в докладе «Биологическая и культурная адаптация, социальная дезадаптация, этническое самосознание малых народов Севера», корни национальных противоречий лежат не только в сфере нездоровой экономики, но и в области взаимной адаптации культур. Например, малые народы Севера обнаружили полную неподготовленность к широким контактам с современной урбанизированной европейской культурой. Последняя оказалась всепроникающей разрушительной силой, вызывающей в сознании малых народов состояние беспомощности: жестокое чувство неполноценности, ощущение полного отрыва от этнических традиций и одновременно осознание невозможности приобщения в достаточной степени к европейской цивилизации. Многие народы Севера стоят перед угрозой депопуляции. Для них характерна высокая детская смертность, в том числе из-за несчастных случаев. Несчастные случаи (часто на почве алкоголизма) являются одной из главных причин высокой смертности коренных жителей Севера в возрасте 20—40 лет. Практика воспитания детей в интернатах приводит к отрыву от традиционных источников питания, результатом чего является

широко распространённых среди детей авитаминов, кариес зубов, обеднение минерального состава скелета и др.

С. Н. Еникалопов (ф-т психологии) в ходе свободной дискуссии уточнил, что проблема адаптации культуры перелетается с проблемами адаптации людей. Нередко существенными оказываются даже психические свойства личности. Так, шемящее чувство неполноценности представителей малых народов Севера в немалой степени является результатом их повышенной эмоциональности, что связано с управляющей доминантой правого полушария головного мозга. Здесь, можно сказать, социально-экономические беды проросли на благоприятной психологической почве.

Обсуждались также проблемы активизации национальных движений в результате причин, не сказать, субъективного характера. По этому поводу Б. С. Хорев (экономический ф-т) в докладе «Станет ли СССР страной „желанного берега“?» говорил о неядовитости той части литераторов, которые, поднимая волну односторонне-русского патриотизма, фактически стимулируют встречные волны из национальных республик. Р. Г. Бикмухаметов (филологический ф-т) в докладе «Национальный литературный процесс и социалистическое единство литератур страны» отметил, что в этой ситуации деятельность литераторов представляет собой резкий рычаг формирования общественного сознания. Однако при этом не следует забывать, что потребность сохранить национальное культурное наследие вполне естественна, закономерна и противоречит общемировым тенденциям развития (форма развития литературы всегда этнически специфична).

О. И. Чистяков в упомянутом выше докладе по этому вопросу высказал следующие соображения: «Даже беглый обзор событий последнего времени показывает, что ряды националистов возглавляются определенными слоями творческой интеллигенции», так как именно она возникает как выразитель национального культурного наследия. Имея в руках средства массовой информации, как считает докладчик, эти слои представляют собой сильное орудие воздействия на сознание народных масс.

Участники конференции обсуждали также проблемы поиска путей разрешения национальных кризисных ситуаций. По мнению О. И. Чистякова, страна уже перешагнула опасную черту: активные действия по этому вопросу не теряют остроты. Требуется вмешательство партийных и государственных органов, которое должно осуществляться «по линии убеждения обманутых националистами людей. Но не исключено также и применение власти». Именно бездействие власти на местах уже приводило к критическим ситуациям. С. Т. Калтачян (философский ф-т) в своем выступлении отметил, что в ряде случаев приходится сталкиваться с неприкрытым, наглешим национализмом. Трудность принятия решений в подобных ситуациях состоит в том, что подходящие исторические эталоны отсутствуют. И все же, при всем бережном отношении к национальным чувствам, не должно быть какого-либо поощрения национализма. Народные фронты сегодня в большинстве случаев односторонне, а это безусловно нужно принимать во расчет при решении политических вопросов.

Но как быть, если кризисная ситуация на межнациональной основе уже проявилась в открытом конфликте? Насильственные действия властей в этих случаях только обостряют стрессовую обстановку, утверждают психологи. Исследования показали, что введение комендантского часа в Ереване НКАО привело к тому, что количество молодежи, рассматривающей террористическую акцию как приемлемое средство борьбы за национальные интересы, увеличилось вдвое, а уровень насилия в Нагорном Карабахе не снизился (С. Н. Еникалопов). Насилие только подчеркивает конфликт, делает его более заметным и способствует глубокому укоренению межэтнических негативных отношений в общественном сознании (А. Г. Асмолов). Впрочем, ненасильственный путь разрешения конфликтов представляет собой самостоятельную проблему, выдвигающую необходимым условием целостность общества (С. Н. Еникалопов).

Практиковавшийся до недавнего времени метод жесткой регламентации отношений беззаконно устарел. А. П. Кабаченко в упомянутом выше докладе обратил внимание присутствующих на то, что в мировой практике существует богатый арсенал ненасильственных методов ослабления национальных конфликтных ситуаций: метод «одомашнивания несогласия», т. е. официальное признание существующих недостатков; не принятие мер по их устранению; метод переключения внимания с национальных проблем на социальные; метод партиципации — привлечение авторитетных слоев или групп каждой нации, причастной к конфликту, к выработке решения в результате широкой дискуссии и др.

Что же касается национальных проблем, не имеющих столь драматической окраски, то в этих случаях возможен спокойный и взвешенный анализ, тем более, что решение национальных проблем — дело не только сегодняшнего дня и здесь требуется дар научного предвидения.

Было бы трудно перечислить все возможные причины, которые могут инспирировать национальные противоречия. Например, отсутствие какого бы то ни было прогноза социально-экономических экологических последствий промышленной разработки месторождений нередко служит причиной возникновения экологических проблем; проблем занятости и социального обеспечения, которые в свою очередь приобретают национальную окраску (Н. И. Еремин, геологический ф-т, доклад «Интегрирование и совершенствование минерально-сырьевой базы с учетом экологических проблем и межнациональных отношений в СССР»). Вообще плановые органы должны исходить из реально существующей на той или иной территории демографической ситуации (А. П. Сулягатов, экономический ф-т, доклад «Демографические аспекты национального вопроса в СССР»). Ни в экономической, ни в социальной политике нельзя действовать прямолинейно и однородно. Возможна выработка системы юридически обоснованных принципов, договоров, регулирующих хозяйственно-экономические межреспубликанские взаимоотношения, дифферен-

цированность финансирования из общегосударственного бюджета и т. д. (А. Д. Акименко). В этой связи существенной является выработка решений по поводу регионального хозяйственного расчета. Нужно иметь в виду, что доведение до логического конца идеи регионализма (вплоть до выхода республики из состава СССР) не может дать особых выгод, кроме временного всплеска деловой активности. Если рассматривать в качестве примера Эстонию, то можно с уверенностью предсказать, что продукция эстонской промышленности будет неконкурентноспособной на мировом рынке (например, если это продукция сельскохозяйственной: стоимость производства мяса будет в 4 раза выше стоимости аналогичного продукта любой из западноевропейских стран). По-видимому, подобные «национальные» вопросы нужно решать не путем смены хозяина (замены ведомственности местничеством), а посредством расширения самостоятельности первичных производственных звеньев, что формально уже зафиксировано в положении о Госпредприятии (В. П. Орешин). Необходимо вернуться от чисто административного подхода в экономике к ленинскому принципу приоритетности экономического районирования страны и основанному на нем принципу формирования равных по хозяйственному значению и правам экономических и национально-экономических регионов. Единственная альтернатива политическому и экономическому размежеванию республик — это предоставление реального права распоряжаться производством на своей территории (Б. С. Хорев). При этом, как отметил А. А. Сусоколов (исторический ф-т), нельзя отрываться от действительности. Существующие народные фронты (при всех их минусах), по всей видимости, являются реальной силой территориального самоуправления. Во всяком случае, как показывают события последних лет, именно народный фронт в состоянии поднять болезненные вопросы. Это феномен народного движения в нашей стране еще ждет объективной исторической оценки.

В. В. Карлов (исторический ф-т) в докладе «Малые народы Севера: современное состояние и альтернативность путей развития» на примере анализа современного состояния малых народов Севера показал, что конкретно-исторический подход плодотворен как метод выбора перспективных путей социального и культурного развития населения какого-либо региона.

На конференции обсуждались также проблемы национального языка, внутриэтнических различий, национальных литератур, интернационального воспитания. Р. П. Овсянник (ф-т журналистики) в докладе «На путях обновления (Национальная советская журналистика и перестройка)», говоря о том, что проблема языка не может быть решена однозначно, считал все же необходимым изучение коренного языка в школах республики детьми всех национальностей. Таким образом, по его мнению, реализуется право коренной национальности на свободное овладение языком в своей автономии. В связи с этим С. Т. Калтахчян выразил сомнение по поводу защиты языков других народов, проживающих на территории данной республики, от возможной дискриминации. Д. Е. Еремеев привел исторические примеры того, что «языковая» дискриминация практически всегда превращается в ущемление материальное.

З. Г. Гоголданова (стажер кафедры этнографии исторического ф-та) в докладе «Субэтносы и их роль в этнических процессах» отметила, что внутриэтническая структура зачастую игнорируется управленцами различного ранга. Практика замалчивания реальных родоплеменных структур, свойственной многим этническим общностям, уходит корнями в 1930-е годы. Национальную политику следует проводить с учетом внутриэтнических различий.

Важным условием гармонизации межнациональных отношений являются правильное воспитание, преподавание общественных дисциплин и проведение культурной работы (Т. И. Алексеева), широкое ознакомление людей с этническими стереотипами поведения представителей других национальностей (А. Г. Асмолов, Е. И. Шлягина), целенаправленная пропагандистская работа. По мнению А. И. Вдовина (исторический ф-т), доклад «Развитие концепции советского народа, осознание принадлежности к новой общности — важные условия гармонизации межнациональных отношений в СССР», формирование чувства принадлежности советских людей к новой общности (социально-интернациональной, метанациональной) необходимо в такой же мере, как и чувства принадлежности к определенной национальности.

Особое внимание участники конференции уделили вопросу практических рекомендаций в деле совершенствования межнациональных отношений в СССР.

В. В. Пименов (исторический ф-т) в докладе «Этнографические знания — на службе перестройке межнациональных (межэтнических) отношений в СССР» указал на то, что решить национальный вопрос в форме однократного акта невозможно — требуется постоянный учет и исследование совершающихся изменений, выработка новых подходов. Для этого необходимо создать специальную государственную прикладную этнографическую службу, в которой участвовали бы разные специалисты. Целесообразно расширить подготовку и выпуск этнографов-прикладников на историческом факультете МГУ, преобразовав кафедру этнографии в этнографическое отделение. Параллельно с этим весьма желательно открыть специализацию студентов по этнической проблематике на других факультетах.

Научно-исследовательская работа в области поиска путей демократического решения межнациональных проблем может вестись специально организованным межфакультетским научным центром при МГУ (А. П. Судоплатов).

Подобные идеи высказали Н. И. Еремин, А. Г. Асмолов, А. А. Сусоколов, Х. Г. Короглы и др. А. Г. Асмолов и Е. И. Шлягина предложили создать психологические службы межнациональных отношений, главными задачами которых были бы: формирование культуры межэтнического взаимодействия во всех сферах жизни, воспитание толерантности к различным этническим группам, а также профилактика и амортизация возможного «культурного» шока, который возникает при смене социально-экологического образа жизни.

О задачах интернационального воспитания говорили Р. П. Овсепян, А. И. Вдовин, Т. И. Алек-
ва, С. Т. Калтахчян.

Совместную точку зрения участники конференции выразили в «Рекомендациях конференции»,
воначальный текст которых был составлен на основе тезисов докладов, опубликованных перед
ференцией¹, а затем уточнен и дополнен в процессе дискуссий. Участники конференции выразили
жду, что материалы «Рекомендаций» окажут существенную помощь специалистам разных
остей в ходе подготовки к пленуму ЦК КПСС по вопросам межнациональных отношений
СССР.

В. В. Степанов

Примечание

¹ Проблемы комплексного изучения межнациональных отношений в СССР // Тезисы универ-
ситетской научно-методической конференции, 14—15 апреля 1989 г. М., 1989.

В МЕЖВЕДОМСТВЕННОМ НАУЧНОМ СОВЕТЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ СЕКЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРЕЗИДИУМА АН СССР

На завершающем этапе подготовки к Пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям
стоялся ряд научных симпозиумов, научно-практических конференций и «круглых столов»,
организованных Академией наук СССР, Академией общественных наук, Институтом марксизма-
енинизма при ЦК КПСС, республиканскими научными учреждениями. 27—29 июня 1989 г.
ежведомственный научный совет провел сессию на тему: «Межнациональные отношения: политика
культура». В подготовке и проведении заседаний сессии непосредственное участие принимали
екция общественных наук Президиума АН СССР, Отделение языка и литературы, Институты
нографии, государства и права, мировой литературы, языкознания АН СССР, Совет по мировой
льтуре АН СССР. Сессия собрала около 100 специалистов в различных областях знаний, включая
ученых из союзных республик. Присутствовали также ответственные работники ЦК КПСС,
редставители средств массовой информации.

В рамках сессии прошло пленарное заседание и три «круглых стола». На пленарном заседании
были заслушаны доклады: председателя Межведомственного научного совета академика
Ю. В. Бромлея «Теоретические аспекты национальной проблематики»; академика Е. П. Че-
лышева «Культура и межнациональные отношения»; члена-корреспондента АН СССР
В. М. Солнцева «Языковые проблемы межнациональных отношений».

Ю. В. Бромлей уделит главное внимание теоретическим вопросам, связанным с пониманием
ста этносов в современном мире, познанием генеральных тенденций и закономерностей этниче-
ского развития. Значительное место в докладе Ю. В. Бромлей отвел анализу ленинской концеп-
ции национально-государственного строительства, показав эволюцию этой концепции в работах
В. И. Ленина, декретах советского государства, программных партийных документах первых после-
тябрьских лет. Докладчик остановился на проблеме интерпретации политики сталинизма
в национальном вопросе, высказал принципиальные соображения о возможных путях развития
советского федерализма и всей системы регулирования национальных отношений в СССР.

Доклад Е. П. Чельшева был посвящен проблемам развития национальных культур народов
СССР, обеспечения их культурных запросов. Эти вопросы докладчик рассмотрел в контексте
процессов роста национального самосознания, а также углубляющейся интернационализации
культурной сферы жизни советского общества.

В докладе В. М. Солнцева было рассмотрено соотношение тенденций и потребностей развития
языков народов СССР и двуязычия. С точки зрения социолингвистики на основе новейших
данных докладчик проанализировал языковую ситуацию в стране, указал на имеющиеся проблемы,
становился на вопросе общественных функций языков, в том числе русского языка как языка
общегосударственной коммуникации, предложил некоторые соображения о перспективах языковой
политики в СССР.

28 и 29 июня прошли «круглые столы»: «Теоретические вопросы национальных отношений»
(в Институте этнографии); «Культурно-языковые аспекты национальных процессов» (в Институте
языкознания); «Государственно-правовые проблемы национальных отношений» (в Институте госу-
ства и права). Участники обсудили заслушанные накануне доклады, высказались по многим

другим вопросам. Дискуссии носили весьма оживленный и принципиальный характер. Они вновь показали, что перед наукой стоит чрезвычайно сложная задача познания актуальных, внутренне противоречивых проблем национального развития СССР.

Ученый секретарь
Межведомственного научного совета
С. В. Чешин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СИМПОЗИУМЫ ПО БАЛКАНСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ (ОХРИД, 1969—1988 гг.)

Начиная с 1969 г. каждые два года в СФРЮ, в г. Охриде 7—8 июля проводятся Международные симпозиумы по балканскому фольклору, которые организует Институт фольклора в г. Скопье. Последний юбилейный X симпозиум состоялся в 1988 г. В задачи симпозиумов входит сравнительный анализ фольклора балканских и прибалканских стран: Австрии, Албании, Болгарии, Венгрии, Греции, Италии, Кипра, Румынии, Турции и Югославии. Помимо ученых этих стран на симпозиум приглашаются исследователи из всех стран мира, занимающиеся изучением фольклора народов этих областей.

Представительности симпозиумов в значительной мере способствует понимание термина «фольклор» в современном широком значении, которое придается ему в Югославии: подразумевается изучение не только устнопоэтического, но и музыкально-хореографического, драматического и изобразительного народного искусства.

Программа первого симпозиума включала 40 докладов представителей 12 народов по темам касавшимся разных проблем фольклора (народная литература, музыка, народные песни, игры, обычаи). С целью увеличения круга фольклористов, вовлеченных в изучение проблем, поднятых на симпозиуме, было принято решение публиковать материалы первого и последующих симпозиумов в томах «Македонского фольклора», издаваемого Институтом фольклора в Скопье. Материалы девяти симпозиумов были опубликованы в ежегодниках «Македонский фольклор» за 1969, 1972, 1974, 1976, 1978, 1980, 1982, 1984, 1986 гг.

Работа симпозиумов строилась таким образом: за полгода до их начала будущим участникам очередного съезда рассылалась программа с основными темами. В рамках объявленных в программе тем строилась работа соответствующих секций. За время работы последних пяти симпозиумов в центре внимания участников были следующие темы:

VI симпозиум (1979 г.): Осенние обычаи, песни и пляски балканских народов. Поэтика народного поэтического творчества. Древнебалканские элементы в фольклоре современных балканских народов. Византийская музыка и фольклор балканских народов.

VII симпозиум (1981 г.): Семейные обряды и обычаи, песни и танцы балканских народов. Связь отношения текста и мелодии в народных песнях балканских народов. Восточные элементы балканского фольклора.

VIII симпозиум (1983 г.): Стихийные бедствия в устной поэзии, обычаях и играх балканских народов. Историческая баллада в фольклоре балканских народов. Современное состояние балканского народного изобразительного искусства. Болезни в балканском фольклоре. Восточные влияния в балканской народной музыке.

IX симпозиум (1985 г.): Методология фольклорно-этнографического изучения балканских народов. Некровное родство (кумовство, побратимство и посестримство) в фольклоре балканских народов. Общее и специфическое в реалистической прозе (новеллах и анекдотах) балканских народов. Зооморфные и антропоморфные формы в народном изобразительном искусстве балканских народов. Фольклорные элементы в балканской духовной музыке.

X симпозиум (1988 г.): Система жанров в фольклоре балканских народов. Весенние групповые женские обрядовые песни и танцы балканских народов. Отражение социальных отношений в балканском народном изобразительном искусстве. Гадания и заговоры у балканских народов.

Внутри указанных тем докладчиками были поставлены и решены вопросы по широкому кругу проблем, касающихся мировоззренческой основы ритуальных обрядовых комплексов, соотношения славяно-балканского искусства разных жанров с византийским, античным, древнебалканским, а также с искусством древних цивилизаций и первобытного общества.

Профилирующей проблематикой симпозиумов стало разностороннее рассмотрение славяно-балканского обрядового ритуального комплекса, причем предпочтение отдавалось сравнительно-историческому аспекту исследования на фоне европейской и евразийской культуры. Охваченные симпозиумами к настоящему времени проблематику можно свести, в основном, к следующим

сравнительное изучение балканской календарной обрядности (зимнего, весеннего, летнего и осеннего циклов), изучение семейной обрядности (свадебной, похоронной, родильной). В рамках названных тем были затронуты проблемы терминологии и классификации жанров, вопросы комплексного рассмотрения жанров славяно-балканского фольклора, соотношения культовых, драматических и игровых элементов в фольклорных произведениях песенно-музыкального и танцевального сопровождения. Немалое место уделялось закланиям, повериям, гаданиям, запретам. Часть докладов была посвящена символике, поэтике и билингвизму фольклорных произведений.

Подобная широта проблематики привлекает к симпозиуму не только специалистов по фольклору, но и этнографов, археологов, музыковедов и деятелей искусств. Археолого-этнографические аспекты изучения фольклора нашли отражение в ряде докладов VI и VII симпозиумов. В докладах В. Костица (СФРЮ), А. Бренча (ПНР), Н. Н. Велецкой (СССР) были предприняты попытки реконструкции отраженных в похоронных ритуалах древних славян эсхатологических представлений, восходящих к общим праславянским корням. Историческая направленность исследования фольклора в докладах на VII симпозиуме проявилась как при рассмотрении балканского образительного искусства в целом, так и в связи с анализом элементов, свойственных определенным историческим периодам или локальным общностям.

Историко-этнографический подход к изучению фольклора имел место в ряде докладов, сделанных на VIII симпозиуме «Стихийные бедствия и болезни в устно-поэтическом творчестве, обычаях и играх балканских народов», авторы которых пытались вскрыть сущность мировоззренческих предпосылок, лежащих в основе ритуальных действий: «Календарные обряды славян как широкое средство от пагубных воздействий хтонического мира» (А. Бренча), «Культовые ритуалы и природные стихии» (Р. Каймакович, СФРЮ), «Стихийные бедствия и болезни как кара народной поэзии» (В. Матияшевич, СФРЮ), «Экскурс в генезис древнего танца „Калушары“ на фоне балканских апокрифических обычаев, связанных с культом предков» (К. Калин, НРБ), «Отношение государственной и церковной власти к народным обрядовым действиям защитного характера при разбушевавшихся стихиях природы в Боке Которской в XVIII и XIX вв.» (Д. Петровиц, СФРЮ) и др. В том же аспекте был построен и доклад Н. Н. Велецкой «Формы трансформации языческой символики в славяно-балканских ритуальных действиях, ритуально направленных на предотвращение стихийных бедствий». Всего по секции «Стихийные бедствия в устно-поэтическом творчестве, обычаях и играх балканских народов» было представлено 16 докладов, в основном посвященных рассмотрению календарных, семейных и других обрядов народов балканских и прибалканских стран, направленных на предотвращение стихийных бедствий и их последствий.

В докладах секции «Болезни в устно-поэтическом творчестве, обычаях и играх балканских народов» можно выделить две основных группы. Первая была посвящена традиционной медицинской практике народов балканских и прибалканских стран. Например, доклад Ст. Драгиги (СФРЮ) назывался «Болезни и народная медицина — в Сборнике македонских медицинских рецептов XI в.». Три доклада ученых из Анкары (Турция) были посвящены сравнительному изучению народно-медицинской практики народов Турции и Балкан. В докладах В. Фролеца и В. Сеплаковой (СССР) были рассмотрены заклатья от болезней в народных обрядовых циклах (весеннем и зимнем). Народно-медицинской практике был посвящен и доклад Г. Шуберт (ГДР) «Нить, ур и ткань как магические средства народной медицины в Юго-Восточной Европе».

Другая часть докладов, представленных на секции, была посвящена преимущественно отраженным в народном творчестве славянских народов образам болезней и их названиям. Например, в четырех докладах из Македонии говорилось об отражении образа чумы в македонском и албанском фольклоре. Народным представлениям о болезнях-порчах, отраженным в славянском фольклоре, был посвящен доклад С. И. Дмитриевой (СССР). Интерес вызвали доклады Т. Жель-Каличанин (СФРЮ) «Болезнь от любви в македонской лирике» и К. Македонско-о «Болезни и лечение музыкой в традиции македонского народа».

Нужно отметить, что тема «Стихийные бедствия и болезни в народном творчестве, обычаях и играх балканских народов» была поставлена организаторами VIII симпозиума в связи с двадцатилетием землетрясения в Скопье, что само по себе несомненно заслуживает одобрения. Прочитанные на симпозиуме доклады свидетельствовали, что в фольклоре многих народов содержится богатый материал по этой теме. Анализ его может оказаться полезным не только для фольклористов и этнографов, но и для историков и специалистов по народной медицине. Традиционный опыт народов мира в области медицины изучается сейчас во многих странах, в том числе и в СССР. Бóльший интерес в этой области народных знаний в значительной мере вызван далеко не исчерпанными возможностями использования многовекового народного опыта в этой области, в том же и отраженного в народном творчестве. Публикация материалов балканского симпозиума непременно будет способствовать дальнейшему изучению этой жизненно важной для всего человечества области народных знаний.

Еще одна тема VIII симпозиума — «Историческая баллада в фольклоре балканских народов» — была включена в программу в связи с юбилейной датой — 80-летием Ильинденского восстания*. Большинство из представленного по этой теме 31 доклада было посвящено изучению эпических и музыкальных особенностей балканских исторических песен и баллад. В ряде докладов исследовались особенности отражения в фольклоре реальных исторических событий.

* Антиосманское восстание, начавшееся в Ильин день (20 июля по ст. ст.) 1903 г.

Хотя сравнительному анализу фольклора разных народов уделялось внимание на всех симпозиумах, нужно отметить, что роль его со временем возрастала. Особенно заметно расширение круга народов, вовлекаемых в подобный сравнительный анализ. Это, в частности, сказалось в работе секции IX симпозиума «Общее и специфическое в реалистических рассказах (новеллах и анекдотах) балканских народов». В центре внимания ее участники оказались параллели устной традиции о Ходже Насреддине.

Неизменно в центре внимания балканских симпозиумов находились вопросы музыкального фольклора. В программах симпозиумов были представлены: «Византийская музыка и фольклор», «Соотношение текста и мелодии в народных песнях балканских народов», «Восточные влияния на народную музыку». В составе IX симпозиума по проблеме: «Фольклорные элементы в духовной музыке балканских народов» работала секция музыковедов, возглавленная крупнейшим специалистом в области славянских древностей акад. В. Мошиным (СФРЮ). В результате исследования обширного круга вопросов по этой тематике было обосновано мнение, что духовная музыка балканских народов испытала существенное воздействие народной, фольклорной музыки, вследствие чего духовная музыка разных балканских этносов имеет локальные особенности, связанные с особенностями местных песенных стилей. В то же время влияние византийской духовной музыки сказалось на народном творчестве, в частности, оно отчетливо прослеживается в некоторых песнях календарного цикла с мотивами из евангельских жизнеописаний Иисуса Христа.

На X симпозиуме вопросы этномузыкологии рассматривались в секциях «Восточные влияния на музыкальный фольклор балканских народов» и «Весенние обрядовые групповые женские песни и танцы балканских народов». В первой из них основное внимание уделялось восточным элементам в македонской музыке XV—XIX вв. В докладах, посвященных весеннему музыкальному фольклору македонцев, албанцев, цыган, турок, венгров Югославии, отдельных сел и регионов, рассматривались песни и танцы, приуроченные к традиционным праздникам (например, Георгиеву дню), исследовались присущие им архаические черты и элементы. Как всегда немало места отводилось сравнительному изучению фольклора разных народов. Например, З. Я. Можейко (СССР) был сделан доклад «Песенные и танцевальные игровые традиции в весенней обрядности славянских и балканских народов».

В сфере внимания последних симпозиумов было изучение народного изобразительного искусства. На секции симпозиума «Антропоморфные и зооморфные формы изобразительного искусства балканских народов» были рассмотрены многие вопросы, связанные с историко-сравнительным анализом символики архаических антропоморфных, зооморфных и орнитоморфных образов в карнавалных и других обрядовых действиях, а также с семантикой древнейших элементов этих образов, магической сущностью отдельных орнаментальных мотивов, например, мотива змеи. Большой интерес вызвали доклады, посвященные выявлению мировоззренческой сущности вотивных изображений в связи с изучением средневековых письменных источников. В ряде докладов говорилось о формах воздействия народных архаических антропоморфных и зооморфных изображений на иконопись и современное искусство.

Прикладное и изобразительное искусство рассматривалось и на секции X симпозиума «Отражение социальных отношений в народном изобразительном искусстве балканских народов». Большинство докладов секции имели этнографический характер. Ряд докладчиков уделял внимание народной одежде, ее орнаменту, сопоставительному анализу народной одежды балканских народов.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что в СФРЮ, а также и в югославской науке большим вниманием и заботой окружена традиционная культура народов. Поэтому постановка подобных вопросов на симпозиуме не случайна.

Большое внимание в работе всех симпозиумов уделялось методологическим вопросам фольклорных и этнографических исследований. На IX симпозиуме по этой проблематике работала специальная секция, на которой было представлено 30 докладов. В одних докладах данная проблематика рассматривалась в общетеоретическом плане — доклады акад. В. Хаджиниколова (НРБ) «Методология фольклорных и этнографических исследований балканских народов» и Т. Чубелича (СФРЮ) — «Методология фольклорных и этнографических исследований балканских народов». В других была представлена методология исследований более узких проблем: Д. Петрович — «Методы использования письменных источников в этнографических исследованиях»; Г. Шуберт — «Методические вопросы в исследовании одежды балканских народов»; И. Ковачевич (СФРЮ) — «Методы исследования трансформации обычаев»; Ц. Органджиева (СФРЮ) — «Методология исторического изучения песен юнаков» и т. д.

Методологические позиции советских ученых были продемонстрированы в докладах членов советской делегации. З. И. Можейко рассмотрела методы сравнительных славяно-балканских исследований в современной этномузыкологии. Доклад М. Ю. Мартыновой (СССР) был посвящен методологии изучения региональных групп балканских народов в советской этнографической науке. Эти доклады дали зарубежным ученым представление о двух направлениях исследований, ведущихся в СССР. В одних рассматриваются процессы развития этнических общностей в целом (эти исследования по теории этноса, в которых немало внимания уделяется общим закономерностям развития этнических общностей); в других — разрабатывается методология исследования локальных различий в культуре на конкретном историческом материале более узкого региона (в данном случае речь шла о трудах советских историков и этнографов-славистов).

Методике изучения фольклора на IX симпозиуме был посвящен пленарный доклад Г. Паликрушевой (СФРЮ) «Методологические проблемы сравнительного изучения македонского польского села», подготовленный совместно с зав. кафедрой этнографии Варшавского университета С. Соколовичем. В докладе нашли отражение вопросы, связанные с марксистским подходом

изучении современных этнографических проблем, критериями выделения этнографических зон и типов культуры Юго-Восточной Европы.

В июле 1988 г. состоялся X юбилейный симпозиум Балканского фольклора. На пленарное заседание вынесли тему «Система жанров в народном творчестве балканских народов», по которой были представлены доклады и общетеоретического плана и касающиеся частных проблем. Т. Чубелич рассмотрел систему жанров балканского фольклора. Он на конкретных примерах показал, что на Балканах можно выделить регионы, в которых в следствие исторических причин преобладают те или иные литературные формы. Исходя из этого, Т. Чубелич выделяет районы бытования малых жанров народной прозы: преданий, сказок, басен, фольклорной драмы и др. Теоретическими были и доклады участников советской делегации В. М. Гацака «Система жанров балканского фольклора в аспекте исторической поэтики» и А. Л. Налепина «Современные тенденции в изучении системы фольклорных жанров».

Ряд докладов — Д. Божиновой (СФРЮ), К. Хаджихосани (Албания) и др. — был посвящен жанровой специфике фольклорных произведений: сказок, баллад, песен. Некоторые доклады — Т. Кметовой (НРБ), Д. Бутурович (СФРЮ), Л. Хаджиосманович (СФРЮ) — отражению исторической действительности в фольклорных произведениях.

По теме «Гадания и заговоры у балканских народов» были рассмотрены этнографические аспекты обрядов, связанных с гаданиями у отдельных народов, главным образом, македонцев, цыган, влахов. Некоторые докладчики ставили эту проблему достаточно широко, например, Е. Мицева (НРБ) «Заговоры у южных славян и их сходства», М. Ю. Мартынова «Место и роль гаданий в зимней календарной обрядности восточных, южных и западных славян», Д. Раденкович (СФРЮ) «Символика растительности в заговорах южных славян». С. И. Дмитриева в докладе «Сравнительный анализ сходных дохристианских элементов заговорах и гаданиях восточных и южных славян» показала тесную связь заговоров и гаданий народных обрядах, а также сходные элементы в их поэтической структуре, обусловленные общей мировоззренческой основой.

На симпозиуме рассматривался также вопрос о бытовании гаданий и заговоров в наше время. М. Златанович (СФРЮ) рассказал о современном бытовании заговоров, а В. Чулинов и Ч. Константинович (СФРЮ) — о трансформации ворожбы на современном этапе, охарактеризовав практикующих даже по телефону колдуний г. Сплита.

Для работы симпозиумов характерно внимание к конкретным научным исследованиям. Помимо упомянутых нами в симпозиумах нашли отражение следующие научные вопросы: выделение основных элементов народной культуры, принципы использования письменных источников в фольклорных изысканиях, выявление древнего балканского и античного слоев в народной культуре, принципы этномузыкального анализа с помощью компьютера, теоретические и методологические принципы создания этнографических фильмов, вопросы структурно-семантического исследования народной культуры, в частности, заговоров, изучение произведений народного творчества как источника познания народного мировоззрения, этнопсихологии и культурной истории.

Симпозиум проводится в рамках Балканского фестиваля народных песен и танцев. Воспроизведение традиционных песен, танцев, обрядовых действ превращается не только в иллюстрацию докладов, но и дает исследователям импульсы к дальнейшему анализу недостаточно изученных элементов народной культуры.

Следует отметить, что успешной работе симпозиумов немало способствует и само место их проведения. Охрид — город, расположенный на берегу живописного Охридского озера, известный с III в. до н. э., во многом сохранил средневековый облик — узкие улицы и старую живописную застройку. На вершине горы Охрид высится замок царя Самуила — первоначально византийская крепость, основанная в V веке; несколько ниже расположены монастырь св. Пантелеймона (IX в.), базилика св. Софии (IX в.) и др. Многие памятники культуры Охрида связаны с культурно-просветительской деятельностью Кирилла и Мефодия и их ближайших последователей Климента Охридского и св. Наума. Общему впечатлению пребывания в средневековом городе способствуют сохранившиеся с древности кварталы с узенькими, поднимающимися вверх каменными лестницами-улицами, тесно прижатые друг к другу дома, маленькие ювелирные магазины с изделиями местных мастеров, использующих средневековую технику серебряной филигранны. Средневековые традиции сохраняются и в изделиях местных резчиков по дереву и других мастеров народного прикладного искусства. Знакомство с памятниками македонской старины происходит на экскурсиях, предусматриваемых обычно Оргкомитетом на последний день работы каждого форума. Участники симпозиумов смогли увидеть монастырь св. Наума, расположенный на Охридском озере, монастырь Иованна Бигорского, знаменитый фресками и иконостасом, украшенным резьбой дебрейских резчиков по дереву, слава которых распространилась далеко за пределами Балканского полуострова, а также живописный городок Струги, сохранивший древний облик в еще большей мере, чем Охрид, и являющийся, по-существу, музеем под открытым небом.

Результативности симпозиумов немало содействовала четкая деятельность Оргкомитета. Подготовленная им предварительная публикация тезисов докладов способствует развращиванию дискуссий, обмену научной информацией. Успешную работу симпозиумов обуславливает и то обстоятельство, что оргкомитет принял в качестве рабочих четыре языка: македонский, русский, французский и английский. Плодотворности работы симпозиумов способствует и обязательная публикация материалов в специальных выпусках «Македонского фольклора» — периодического издания Института фольклора.

В работе балканских симпозиумов принимали участие многие видные ученые из разных стран мира, а также общественные деятели и деятели культуры. Организуемые македонским Институтом фольклора симпозиумы по балканскому фольклору являются заметным событием в международной научной жизни.

Н. Н. Велецкая, С. И. Дмитриев
М. Ю. Мартынов

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ ПО ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОЦЕССАМ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

3—4 декабря 1987 г. в Уфе проходил научный семинар, организованный отделом народов Южного Урала Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР. На обсуждение были вынесены три вопроса: проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тыс. н. э. до XVI в.; этносоциальные процессы на Южном Урале и Среднем Поволжье в эпохи феодализма и капитализма; этносоциальные процессы на Южном Урале и в Среднем Поволжье в советское время. В работе семинара приняли участие 120 специалистов из Башкирии и других научных центров страны: Москвы, Фрунзе, Казани, Ижевска, Йошкар-Олы. Плодотворности дискуссии способствовали предварительная рассылка текстов представленных докладов, а также подготовка стенограмм материалов. Достаточно отметить, что в прениях выступили 35 человек, причем некоторые из них — не один раз. Вели семинар В. В. Пименов (Москва), А. Х. Халиков (Казань), Т. М. Гарин (Уфа).

Для того чтобы оценить место указанного семинара в развитии исторической науки в Башкирии, нужно иметь в виду, что в Уфе сложилась научная школа по проблемам исторической этнографии и этнической истории. Широко известны работы Р. Г. Кузеева и его учеников, ставшие заметными вехами в исследовании этнической истории и этнографии башкир, а также других народов региона. Важное значение для углубления научных разработок имело создание в Институте истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР Отдела народов Южного Урала.

Как известно, всесторонняя перестройка советского общества затронула не только политическую, экономическую и социальную сферы, но и науку. Обществоведы оказались в долгу перед практикой. Сегодня происходит активное переосмысление многих научных концепций, что позволяет глубже осветить такие проблемы, как этапы общественного развития, процессы этнонациональной консолидации в таком сложном многонациональном регионе, как Поволжье и Урал. Большая роль в преодолении сложностей, с которыми встречаются исследователи этих вопросов, принадлежит сопоставлению и обсуждению различных точек зрения. Именно в этом и состоит значение Уфимского научного семинара.

В своем вступительном докладе, по которому развернулась дискуссия, Р. Г. Кузеев отметил, что в советской исторической науке, в том числе в исследовании народов Поволжья и Урала, накопилось очень много нерешенных, а порой и неверно освещенных проблем. В связи с этим он обратил внимание на характерные для научных работ недостатки методологического и методического характера. Докладчик подчеркнул, что есть целый ряд проблем политической, социально-экономической и культурной истории народов Поволжья и Южного Урала, нуждающихся в новом осмыслении. Так, в исторической литературе проявились тенденции отодвинуть как можно дальше начальные этапы этногенеза, удревнить культуру того или иного народа (до шумерской эпохи и даже палеолита), стремление «этнизировать» археологические культуры, т. е. приписать однозначно тому или иному народу. Как национальное достояние какого-либо одного народа нередко трактуются межэтнические по существу культурные явления общетюркские или общешумеро-угорские. В то же время игнорируются или недооцениваются региональные, межэтнические пласты культуры, которые возникли в результате длительного исторического взаимодействия народов.

Далее Р. Г. Кузеев кратко изложил суть разрабатываемых отделом новых подходов к пониманию этнической истории народов Волго-Уральского региона.

1. Тюркские (башкиры, татары, чуваш) и финно-угорские (мордва, мари, удмурты) народы региона и их исторические предки более одного тысячелетия взаимодействовали между собой и поэтому их совокупность можно рассматривать как межэтническую историческую общность. И всякая другая общность, она должна быть целостным объектом историко-культурного исследования.

2. Этнонациональные процессы в этом регионе взаимосвязаны (прямо или опосредованно) с формационными процессами, т. е. этнические общности невозможно рассматривать в отрыве от развития и смены общественно-экономических формаций.

3. В этнонациональных процессах могут играть большую роль социально-политические, социально-этнические и этнодемографические, духовно-идеологические, культурные факторы, но доминирующее значение принадлежит факторам формационным, социально-экономическим. Индикатором (своеобразным количественным и качественным показателем) уровня и интенсивности социально-экономического развития является социально-классовая структура этнической общности.

4. Поскольку народы региона представляют собой многоэтническую историческую общность, этнонациональные процессы, протекавшие у того или иного народа, необходимо изучать в тесной взаимосвязи с этнонациональными процессами у других народов. Следует придать принципиальное значение региональному подходу в исследовании вопросов этнической истории.

5. Нельзя рассматривать этнические общности как явление застывшее. На всех без исключения этапах истории этносоциальные общности находились и находятся в постоянном развитии, движении, качественном изменении. Этнонациональные процессы так же историчны, как и другие спектры истории.

По научным докладам развернулось широкое обсуждение. Острую дискуссию вызвали главным образом следующие проблемы: 1) этнонациональные процессы и ступени консолидации народов Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО) с конца XIX в. до наших дней; 2) тезис преувеличения в ряде опубликованных исследований уровня и темпов развития капитализма региона, в том числе и в Башкирии, в конце XIX — начале XX в., вследствие чего завышался уровень этнонациональной консолидации всех народов Волго-Уральского региона; 3) тезис о сложном процессе трансформации этнических общностей буржуазного типа в социалистические этнические общности в переходный период от капитализма к социализму, после Великой Октябрьской социалистической революции; 4) тезис, согласно которому в период послевоенного восстановления народного хозяйства и его развития (1940—1950-е годы) социалистические нации Волго-Уральской ИЭО окончательно сложились, а этнонациональное развитие 1960—1980 годов характеризуется дальнейшим подъемом и сближением социалистических наций Волго-Уральского региона. Социалистическим нациям, по мнению докладчика, предстоит пройти ускоренный путь социально-экономического, социально-политического и духовного развития.

В дискуссии намечилось как бы два направления. Ряд участников семинара (В. В. Пименов, Х. Халиков, К. Н. Сануков, М. Б. Ямалов, Е. К. Минибаяев, В. В. Болтушкин, Т. М. Гарипов, И. Овруцкая, А. Н. Арипин, А. Г. Шайхуллов и др.), высказав некоторые замечания, в целом положительно оценили изложенные взгляды на ряд актуальных научных проблем истории и современности, отметили такие важные достоинства предложенной концепции, как историзм, широта подхода к этногенезу и национальным отношениям в Урало-Поволжском регионе, постановка новых теоретических и практических задач, приобретающих особую актуальность на этапе ускорения экономического и социального развития.

В то же время некоторые участники семинара выступили с резкой критикой основных положений доклада Р. Г. Кузеева. Г. Б. Хусанов, М. М. Кульшарипов, Д. Ж. Валеев, Р. З. Шакуров и ряд других выступающих говорили о преувеличении докладчиком социально-экономических факторов, допустимости пересмотра уже сложившихся взглядов на этапы формирования и развития башкирской нации. Выделяя прежде всего культурно-языковые характеристики национальных общностей, эта группа исследователей считает, что в развитии малочисленных наций по сравнению с крупными срабатывают иные закономерности. Поэтому по их мнению, здесь иной может быть роль национализации, рабочего класса, крестьянства («крестьянская нация») и т. д. Эта группа выступающих отстаивала тезис о том, что башкиры прошли капиталистический путь развития и сформировались до революции в буржуазную, а к концу 1930-х годов — в социалистическую нацию.

В заключительном слове Р. Г. Кузеев подчеркнул полезность семинара и обмена мнениями на дальнейшей разработке поставленных проблем. Он отметил практическую ценность реалистического понимания прошлого и настоящего для четких прогнозов, целенаправленного воздействия этнонациональные процессы. Перспективы этнонациональных процессов выявляются, по его мнению, одновременно на трех уровнях: а) усиление внутринациональной консолидации социалистических наций Урало-Поволжья на основе высокого развития экономики, современной технологии, дальнейшего роста рабочего класса, расцвета национальной культуры; б) дальнейшее сплочение многонационального населения в автономных республиках в республиканские общности трудящихся, направленные на быстрое развитие производительных сил, культуры, научно-технический прогресс, развитие народнохозяйственного комплекса соответствующих республик и страны в целом; в) дальнейшее сплочение всех наций и всех трудящихся страны в составе советского народа, объединение вокруг новых стратегических целей КПСС по перестройке и ускорению социально-экономического прогресса.

На современном этапе очень важна правильная постановка проблем, избранных для междисциплинарных разработок. Вопросы, которые вызвали столь бурную дискуссию, далеки от решения (конечно же, нуждаются в дальнейшем конструктивном осмыслении. Нужны как серьезные этнографические, так и комплексные коллективные исследования этнографов, филологов, археологов, экономистов, социологов, историков по отдельным периодам. Готовятся сборники об этнических процессах в Башкирии, о роли рабочего класса в развитии социалистических наций и др. Материалы семинара позволили выделить ряд проблем, нуждающихся в новом осмыслении и новом подходе. Вот некоторые из них: 1) время тюркизации Волго-Уральской ИЭО и ее роль в этногенетических процессах; 2) роль государств — Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, России — в этнической и культурной истории народов региона; 3) кыпчакская проблема применительно к Волго-Уральской ИЭО и ее языковые и историко-культурные аспекты; 4) присоединение Волго-Уральской ИЭО к Русскому государству и проблемы дальнейшего развития тюркских

и финно-угорских народов региона; 5) общее и особенное в генезисе феодализма и его развитии в Волго-Уральской ИЭО; ступени этноконсолидационных процессов в эпоху феодализма; 6) развитие капитализма в Волго-Уральском регионе и многоукладность общественного строя народов ИЭО к началу XX в., степень и интенсивность процессов национальной консолидации в Волго-Уральской ИЭО; 7) общее и особенное в переходном этапе от капитализма к социализму в этнонациональном развитии народов Волго-Уральского региона; проблема трансформации этнических общностей буржуазного (или буржуазно-феодального) типа в общности социалистического типа; 8) этнонациональные процессы в автономных республиках Волго-Уральской ИЭО в послевоенный период в условиях упрочения и совершенствования социализма; общие черты и особенности воздействия на них социально-экономических, социально-политических и культурно-идеологических факторов; 9) современные тенденции этнонационального развития в регионе, их структура и прогнозирование, диалектическое взаимодействие экономического базиса и этнонационального развития на современном этапе.

Прошедший научный семинар был весьма полезен для определения стратегии дальнейших исследований этнонациональных процессов и этнической истории. Он будет способствовать идентификации указанных проблем в рамках всего Урало-Поволжского региона, в том числе и Башкирии.

**В. Я. Бабенко, М. Б. Ямалов
А. Н. Аринин**

1987—88 гг. экспедиции Пермского госуниверситета и МГУ проводили комплексное изучение обособленной язывинской группы коми-пермяков, проживающей в бассейне верхней Язьвы (приток Вишеры) в Красновишерском и Соликамском районах Пермской области. Цель экспедиций — получить новые материалы о языке, этническом самосознании, традиционной культуре и быте населения. В экспедициях под руководством этнографа Г. Н. Чагина работали 3 студента-историка, 2 музейных работника, диалектолог, археограф, социолог, художник, фотограф. Полевые исследования велись в деревнях Антипинского сельсовета Красновишерского района (Антипина, Паршакова, Нижнее Заполье, Макарова, Федотова, Панова, Семина, Сысоева, Абрамова, Аксенова, Болото, Ванькова, Симонова, Егорова, Ванина, Коновалова), а также в пос. Красный берег и д. Пудьва Краснобережского сельсовета Соликамского района. Была записана информация от 78 человек в возрасте до 93 лет, составлено 10 планов деревень и усадеб, зарисованы и сфотографированы орудия труда, предметы домашнего обихода, одежда, занятия жителей, взяты на учет частично приобретенные памятники книжной культуры и прикладного искусства. Вещественные и изобразительные материалы переданы на хранение в Соликамский краеведческий музей.

В наши дни изучение язывинской группы коми-пермяков представляет научный интерес по двум причинам: 1) у неё длительное время сохранялись архаические черты в языке, обычаях и верованиях, не зафиксированные у коми-пермяков, живущих в автономном округе; 2) знание этих особенностей дает возможность яснее представить историко-культурный облик всего коми-пермяцкого этноса, так как известно, что основой формирования язывинской группы явилась та часть коми-пермяков, проживавшая издавна в районе уездного города Чердыни (к середине XVII в. коми-пермяков здесь уже не осталось), которая ушла в отдаленный район, не испытав на ранней стадии русского влияния.

Путем опроса старожилов и наблюдения за пермяцкой речью установлено, что на родном языке свободно говорит около 2 тысяч жителей Антипинского, Северо-Колчимского, Верх-Язывинского, Краснобережского сельсоветов. Лучшие всего им владеют люди старших возрастных групп Антипинского сельсовета.

Хотя язык остается бесписьменным и функции его сократились, но он по-прежнему необходим для повседневного общения. Нами замечено, что родная речь полнее звучит при характеристике местного быта. С вовлечением значительной части язывинских коми-пермяков в старообрядческую веру (с конца XVIII в. и по сей день они придерживаются беллопоповского направления) началось овладение и русским языком. Но позиция русского языка стала намного выше родного только с конца 1940-х годов. Изучение сложившейся языковой ситуации дало возможность говорить о бинарной системе. Язывинские коми-пермяки называют родной язык по-старому пермяцким и отличают его от коми-пермяцкого, а русский, на котором говорят, отличают от русского языка соседнего населения. Разговорный русский язык язывинцы осваивали в условиях активного употребления родного языка и поэтому он вообрал в себя некоторые его черты. В родном языке, например, отсутствуют звуки *х*, *ф*. В русской речи их тоже не произносят и заменяют звуком *к*. Кроме того, в русскую разговорную (диалектную) речь вставляют слова из родного языка. На давно замеченном отличии родного языка от коми-пермяцкого удерживается и самосознание язывинцев. Они не относят себя к коми-пермякам, проживающим в автономном округе, так как знают, что их язык имеет свои особенности. Самоназванием язывинцев остается прежний этноним *пермяк*.

Язывинские коми-пермяки издавна проживают компактно. В местах, удобных для земледелия, охоты и рыболовства, сложилось гнездовое расселение и свойственный для него однородный фамильный состав жителей. Для поселений характерна свободная, беспорядочная и рядовая застройка, формировавшаяся с учетом рельефа, хозяйственных, семейных и этнических традиций. Крупные поселения образовывались путем слияния близко расположенных *починков*. Примером может служить д. Антипина, к центральной части которой примыкают четыре конца, имеющие свои названия. Поселениями, лучше всего сохранившими рядовую застройку, являются д. Пудьва и д. Аксенова.

Повсеместно на верхней Язьве встречаются усадьбы одного типа — двухрядная связь с трехкамерным жилищем и большим двухъярусным двором с бревенчатым взвозом. Жилище и двор имеют самостоятельные, парал-

тельно расположенные двускатные крыши. Длинная сторона жилища с крыльцом на столбах всегда обращена на солнечную сторону. Многие постройки сохраняют традиционные элементы украшения — резные охлупни и корневия с лег, поддерживающие желоба у крыши, арочные проемы крылец, накладные детали наличников. Интерьеру жилища свойственны севернорусские традиции: русская печь расположена в углу у двери, устье ее направлено к окнам, выходящим на улицу, по диагонали к печи находится передний угол; встроенная мебель: лавки, полки, полати, западня возле русской печи и др.

В 1930-е годы пожилые женщины донашивали традиционный сарафанный комплекс одежды с рогатым кокошником, а мужчины — рубахи косоворотки. Дольше сохранялась верхняя одежда — суконные *понитки*, холщовые *гуни*, шубы, рабочие *залоны*, охотничьи *лузаны*. На наиболее устойчивой оказалась традиционная пища, так как домашнее питание основывалось на продуктах собственного приготовления.

От жителей, родившихся в 1910—1920 годы, удалось узнать многие архаические черты местного свадебного обряда и особенности половозрастных отношений в семье, на работе, во время праздников и развлечений. Подробно описан древний весенний праздник *сарчик*, который бытует до сих пор. Сарчиком на верхней Язье называют птицу трясогузку и время ее прилета связывают с наступлением весны.

Г. Н. Чагин

* * *

17 августа — 27 сентября 1987 г. в Нижнем Приобье работал экспедиционный отряд проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета. В него входили этнограф Н. В. Лукина (рук. отряда), кинооператор любительской студии ТГУ-фильм А. Н. Михалев и присоединившаяся к отряду сотрудница Художественного музея г. Томска М. В. Ожанинова. Основная задача экспедиции — сбор материала по традиционному и современному орнаменту для написания раздела коллективной монографии «Этнокультурная история Западной Сибири».

Работа велась в г. Салехарде и пос. Хар-

саим, Ишлэх Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Эта территория интересна тем, что здесь издавна шли процессы смешения двух этносов — хантов и ненцев, а русские появились на первом этапе их расселения в Сибири. Сейчас здесь интенсивно развивается газовая промышленность, что вызвало быстрый прирост пришлого населения.

По традиционной орнаментике мы работали с хантыйскими и ненецкими мастерицами старшего и среднего поколений. В настоящее время она представлена, главным образом, в традиционной одежде и утвари, где предпочтение отдается старинным узорам. В ходе работы выяснялись локальные особенности хантыйского и ненецкого орнаментов, существующие здесь формы орнаментации у русского и другого пришлого населения, взаимоотношения и связи указанных этносов по интересующему нас аспекту культуры, новации последних лет и др.

Нас интересовали также вопросы приобщения детей к народному искусству не только в семье, но и в процессе обучения в государственных учебных заведениях. Информация по этому вопросу получена в сельской школе пос. Харсаим, в любительском кружке ГПТУ-12 и на художественном отделении культпросветучилища в г. Салехарде. Современные тенденции развития национальных орнаментов выяснялись у представителей хантыйской и ненецкой интеллигенции; особенно плодотворными в этом отношении были беседы с народной мастерицей, первым дипломированным искусствоведом хантыйского народа — А. М. Сязи.

Наряду с орнаментом в какой-то мере изучались и другие стороны культуры и быта местных хантов: их семейный состав, жилище, погребальный обряд, народные знания. Вся информация фиксировалась в виде записей, зарисовок, фотосъемки на черно-белую негативную и цветную позитивную пленку. На кинопленку снято несколько сюжетов: изготовление предметов декоративно-прикладного искусства, хантыйские танцы, бытовые и культурные постройки и др. Материалы сданы на хранение в архив музея археологии и этнографии Сибири Томского университета и в киностудию ТГУ-фильм.

Н. В. Лукина

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О. Д. Фаис-Леутская

ОБЗОР ИТАЛЬЯНСКОГО ЖУРНАЛА «ЭТНИЕ»

Среди различных итальянских изданий, посвященных проблемам этнографии, в последние годы заметную роль играет журнал «Этние» («Etnie. Scienza politica e cultura dei popoli minoritari»).

Несмотря на то что первый номер журнала увидел свет недавно, всего в 1980 г., он уже снискал славу достаточно серьезной научной публикации. «Этние» выходит в Милане; журнал был создан как печатный орган так называемого «Центра Гутенберга» («Centro Gutenberg»); в сферу внимания которого входят проблемы общечеловеческого характера, как, например, вопросы охраны мира, экологические движения, а также вопросы сохранения культурной и лингвистической целостности различных этнических общностей. На сегодняшний день появилось 15 номеров журнала.

Тематику журнала раскрывает его подзаголовок, в дословном переводе звучащий как «Политическая наука и культура народов-меньшинств». Иными словами, «Этние» представляет собой совокупность исследований различных аспектов жизни этнических меньшинств: их экономического положения, политического статуса, их политических и национальных притязаний, уровня развития их самосознания, степени сохранности материальной и духовной культуры и т. д. По преимуществу рассматриваются народы Европы, но исследования отнюдь не ограничиваются ими. В сферу внимания авторов журнала попадают практически все народы земного шара — не только этнические меньшинства, но и наиболее крупные и консолидированные этносы.

Материалы, представленные на страницах «Этние», отличаются богатством и разнообразием. Как исследования теоретического плана успешно сочетаются со статьями, посвященными отдельным аспектам культуры, истории, быта и т. д. конкретных народов. Исследовательская деятельность журнала не ограничена жесткими хронологическими рамками, хотя основное его внимание сосредоточено на проблемах современности.

Подробнее речь о тематике журнала пойдет ниже, однако необходимо сразу же отметить, что все материалы на страницах «Этние» даются по определенным рубрикам, например: «Этносы», «История», «Культура», «Литература», «Политика», «Исследование», «Проблемы», «Традиции» и многие другие. Журнал несомненно представляет собой издание левой ориентации.

Необходимо сказать несколько слов и об авторах журнальных публикаций. На страницах «Этние» появляются статьи и сообщения маститых ученых с европейским именем, видных политических деятелей, но также и студентов университета, начинающих исследователей.

Журнал богато иллюстрирован. Его огромным достоинством является то, что на его страницах публикуются библиографические анонсы книг и различных международных периодических изданий, посвященных проблемам этнических меньшинств. В их числе можно назвать такие, как «Лацио Дром» («Lacio Drom») — журнал Римского центра исследования цыган; «Л'Окситан» («L'occitan. Periodic de la vida occitana») — издаваемая в Тулузе газета окситанцев; журнал «Европа Этника» («Europa Etnica») — печатный орган Федерального союза европейских этнических меньшинств; «Сервайвал Интернэшнл» («Survival International. For the Rights of Threatened Tribal Peoples»), выступающий в защиту дискриминируемых племенных этнических меньшинств журнал; бюллетень «Америк индиенн» («Amerique Indienne»), отражающий проблемы индейцев обеих Америк. Кроме этого, перед читателем раскрывается широкая панорама публикуемых в Италии изданий различных «внутринациональных» этнических меньшинств: «Ле Пепл валдотэн» («Le peuple valdotaine») — еженедельник Союза окситанцев Валле д'Аоста; «Арнассита пьемонтесса» («Arnassita piemontese») — газета, посвященная этнолингвистическим проблемам населения Пьемонта; «Арунда» («Arunda») — журнал по культурной проблематике южнотирольцев; «Нови Матайур» («Novi Matayur») — выходящий два раза в месяц на словенском языке журнал, выпускаемый словенцами

Фриули и Венеция-Джулия, а также газеты и журналы различных националистических партий и организаций, например «Инт фуриане» («Int furlane. Sfuei di culture e di intères dal friul») — ежемесячник на латинском языке; «Ломбардия аутономиста» («Lombardia autonomista»), издаваемая Лигой ломбардских автономистов; «Сарденья либертария» («Sardegna libertaria») — ежемесячник, выпускаемый сардинскими анархистами.

При этом «Этние» выступает в роли центра, прибегая к посредничеству которого читатель может подписаться на то или иное издание, анонс которого опубликован на страницах журнала.

Первые номера журнала содержали по преимуществу теоретические исследования, в частности разработки по ключевым проблемам этнографии. Так, в № 2 за 1980 г. (с. 3—4) в статье Р. К. Сональя «Что такое этнос?» (Roberto C. Sonaglia. «Cos'è l'etnia?») поднимается вопрос о понятии «этнос», о том, чем этнос отличается от других этнических общностей. При этом отмечается, что, учитывая слабую разработку в итальянской науке теории этноса и этнографии, а также этнографической терминологии, и достаточно вольное обращение ученых с понятием «этнос» (которое могло бы применяться как по отношению к нациям, так и по отношению к жителям одной деревни, обладающим определенной культурной спецификой), задача конкретизации термина и наполнения его определенным содержанием стоит необычайно остро. Автор статьи, первый редактор журнала Роберто К. Сональя, подчеркивает, что, несмотря на широко распространенную в Италии и в Европе в целом классификационную практику, не следует очерчивать рамки того или иного этноса в зависимости от языка, ибо его в первую очередь характеризуют генетико-расовый, а также культурно-стратификационные признаки. Только совокупность этих трех признаков, по мнению Р. К. Сональя, позволяет говорить об этносе как таковом. Вместе с тем автор отмечает, что не следует игнорировать и преуменьшать значимость лингвистической характеристики народов, так как на основе языкового генетического родства возможно очертить более широкую по сравнению с этносом общность, включающую в себя многие этносы. Так, Сональя выделяет, например, «центральноевропейскую» и «средиземноморскую» общности, включающие этносы, говорящие соответственно на кельтско-цезальпинских, венецком, франко-провансальском, окситанском, тосканском, латинском, словенском языках; в «средиземноморскую» общность входят итало-средиземноморские группы населения, а также сарды, албанцы и греки. Таким образом, очевидно, что при подобной классификации, хотя Сональя ведет речь о языковом родстве, лингвистический признак фактически опускается, а роль ведущего признака играет совместное проживание тех или иных народов, очерченное определенным регионом.

В данном обзоре нам не ставилась задача критического комментирования взглядов и точек зрения авторов «Этние», высказанных на страницах журнала; но независимо от того, насколько успешна данная попытка конкретизации термина «этнос», все же надо отметить, что речь идет об одной из крайне немногочисленных в итальянской историографии статей, посвященных теории этноса.

В том же номере журнала на с. 11 приводится любопытный документ — речь идет о Хартии прав этнических меньшинств («La Carta dei diritti delle minoranze»), принятой на VII Интернациональном конгрессе Международной ассоциации защиты дискриминируемых языков и культур (июль 1976 г., Валье д'Аоста) специальной комиссией под председательством Ги Эро. В условиях частой дискриминационной политики, проводимой в отношении этнических меньшинств лидерами многих европейских государств, подъема националистических движений, усиления межэтнических конфликтов (например, в Южном Тироле) выработка подобного документа приобретает особую важность и может быть использована для достижения двух целей. Во-первых, подробно разработанная Хартия предусматривает равные с остальными гражданами государства права для членов этнических, лингвистических, конфессиональных миноритарных общностей (в выработке статуса должна принимать участие комиссия, состоящая из компетентных ученых, деятелей культуры и политиков). Особое место в документе занимает проблема языка — на территории проживания меньшинства его язык должен быть признан в качестве официального, выступающего как самостоятельно, так и наряду с общегосударственным. Хартия запрещает проведение государством экономических и политических санкций в отношении меньшинства без согласования этих действий со специальными комиссиями, созданными в миноритарных обществах. Наконец, Хартия предусматривает за членами меньшинства право на самоопределение в рамках государства, вплоть до отделения. Таким образом, становится очевидным, что Хартия представляет серьезный программный документ борьбы представителей этнических (лингвистических, конфессиональных) меньшинств за их равноправие. Создание такого документа может способствовать сплочению усилий этнических меньшинств в их движениях за достижение политических, культурных, экономических, лингвистических прав. С другой стороны, упорядочение борьбы представителей этнических меньшинств может предотвратить перерастание этого движения за равноправие в национализм, часто экстремистского толка.

Переходя теперь непосредственно к исследованиям, представленным на страницах журнала, в первую очередь необходимо остановиться на содержании рубрики «Этносы». Так, большой объем материалов был посвящен сардинцам, их истории, культуре, языку и национально-политической борьбе за свое равноправие в рамках итальянского государства, а в последние годы за выход из его состава. Интерес к данной проблеме объясняется тем, что в последние годы наблюдается заметный рост этнического самосознания сардинцев и вследствие этого обострение взаимоотношений между островным населением и государством. Автором некоторых статей, посвященных истории и этническим завоеваниям Сардинии (1985, № 9, с. 2—3), а также тенденциям развития сардинского националистического движения (1985, № 10, с. 12—15), выступает видный итальянский и сардинский политический деятель, ученый-историк, лидер Сардинской партии действия Микеле Колумби (Michele Columbu). В первой из них, озаглавленной «Истинные сарды» («I veri sardi»), он ставит вопрос, не сохраняется ли и в наши дни «колониальный» статус Сардинии в рамках Италии.

статус, приобретенный островом в предыдущие века в результате того, что он был многократно покорен различными державами. Положительный ответ на этот вопрос М. Колумбу подкрепляет убедительными данными о сильнейшей политической, экономической, культурно-лингвистической зависимости Сардинии от итальянского государства, существующей несмотря на наличие у острова конституционных гарантий его автономии. Развитие и логическое продолжение этой темы М. Колумбу проводит во второй статье — «Сардиния по пути к независимости» («Sardegna verso l'indipendenza»). В ней содержится подробный анализ истории развития сардинского движения за расширение автономии в рамках Италии. Лидер СПД замечает, что в последние годы в связи с ростом самосознания сардинцев, а также в связи с полной дискредитацией идеи автономии как таковой все больше начинают преобладать федералистские настроения — сардинцы ратуют за выход области из состава Италии и за создание средиземноморской федерации, в которую вошли бы наряду с ними представители других средиземноморских этнических меньшинств.

Третья статья М. Колумбу — «Истинные сардисты» («I veri sardisti»), 1986, № 11, посвящена вальчику двух существующих точек зрения на историю, культуру, прошлое и настоящее Сардинии [которые Колумбу определяет как «антисардинская» и «ультрапросардинская», подчеркивая, что обе они необъективны и тенденциозны], и необходимости выработки правильного взгляда на проблему и подхода к ней. При этом отмечается, что «антисардизм» обычно бывает свойствен точке зрения официальных властей, игнорирующих реальную ситуацию на острове и фактически отрицающих права Сардинии на автономию. «Ультрапросардинскую» же позицию часто занимают многие лидеры сардинского автономизма, местные деятели науки и культуры, которые заходят слишком далеко в своем стремлении отстоять права Сардинии на независимость. Для них характерны идеализация патриархального культурного и исторического прошлого острова, упрощенно-романтический взгляд на сардинское пастушество как последнего хранителя традиционных культуры и образа жизни. Фактически такая позиция означает восприятие не существующей ныне Сардинии и игнорирование ее реальных проблем, мифологизацию культурных явлений, из фольклорных превращенных в фольклористические. Исходя из этого, М. Колумбу призывает к выработке объективного взгляда на прошлое и настоящее сардинцев.

Большое внимание на страницах «Этние» уделялось проблеме положения цыган в Италии, вопросам сохранения их языка, культурной целостности. Это статьи Серджо Францезе — «Цыганский язык» (Sergio Franzese. «La lingua zingara», 1983, № 5), Джейн и Паоло Дзатта — «Начнем со школы», первой, а также «Ром: стереотип продолжает действовать» (Jane Zatta. «Cominciamo dallo scuola», 1983, № 6 и Paolo Zatta. «Rom: lo stereotipo continua», 1985, № 9, с. 48—53).

Несмотря на свою численность (в Италии цыган около 100 тысяч; они принадлежат к двум этнографическим группам: «Мануши», или «Синти», и «Ром»; 80% из них являются итальянскими гражданами), цыгане не обладают статусом этнического меньшинства, они даже не упомянуты властями среди «иноязычных» меньшинств, населяющих страну. Практически они находятся в стране на положении отверженных; итальянцы испытывают к цыганам этническое предубеждение; нередки случаи грубых, бессмысленных и ничем не обоснованных полицейских репрессий по отношению к ним. До сих пор на территории Италии действует ст. 153 закона от 1914 г., согласно которой у любого населенного пункта вправе обратиться к вооруженным силам охраны порядка в случае простого появления цыган на неподконтрольной ему территории. Существуют зоны и области Италии, где запрещены стоянки и проживание цыган, что рождает проблемы культурного характера. Если родители лишены права остановки на определенном месте, дети тем самым оказываются вне школы. Правда, в тех случаях, когда эта возможность есть, она оборачивается для цыганского ребенка невероятными гонениями и унижениями как со стороны одноклассников и их родителей, так и со стороны преподавателей. Изменение в последние годы социально-экономической ситуации в самой Италии внесло существенные коррективы в хозяйственный уклад итальянских цыган, лишив их традиционных занятий — ковневодства, ряда ремесленных промыслов (обработка металлов, плетение корзин, циновок и др.) и тем самым обрекая их на воровство и попрошайничество. Среди цыган необычайно велика смертность, особенно детская. По утверждению выступающего в защиту их интересов и прав Римского центра исследования цыган, были зафиксированы многочисленные случаи отказа врачей оказывать помощь лицам цыганской национальности. Таким образом, как констатирует тот же центр, на сегодняшний день Италия проводит в отношении цыган политику «тихого» геноцида, конец которой может положить только изменение законодательства, отмена закона 1914 г., выработка норм, защищающих культурные и социальные права цыган.

Не менее острым для Италии является вопрос о ее северных областях с ладинским и южнотирольским населением. Ему посвящен целый ряд статей, сообщений, исследований; особенно пристальное внимание уделено южнотирольскому вопросу, с каждым годом приобретающему все больший драматизм. Если в 1980 г. правомочно было говорить о насильственной италиянизации местного населения в Южном Тироле, об ущемлении его лингвистических и культурных прав — статья Марии Терезы Гаспары «Как тебя италиянизировал Южный Тироль» (Maria Teresa Gaspari. «Come ti italianizzò il Sud Tirolo», 1980, № 2), то с течением времени ситуация несколько изменилась. В наши дни в роли этнического меньшинства, причем меньшинства дискриминируемого, оказываются итальянское население, проживающее в Южном Тироле в германоязычном окружении. При этом южнотирольцы все чаще ставят перед правительством Италии вопрос о возвращении Южного Тироля Австрии, о необходимости отделения области от Италии (статья Алессандро Микеллуччи и Миро Мерелли «Самоопределение для Южного Тироля?» — Alessandro Michelucci e Miro Merelli. «Autodeterminazione per il Sudtirolo?», 1986, № 12). В настоящее время движение южнотирольцев стало все чаще приобретать форму экстремистских террористических актов, по характеру своих проявлений приближаясь к движениям баскских и корсиканских националистов. «Этние» приводит на своих страницах не только материалы, посвященные непосредственно хронике борьбы южнотироль-

цев за автономию, положению итальянского населения, проживающего в Южном Тироле. Журнал публикует также исследования, содержащие анализ истории (статьи Миро Мерелли и Роберто К. Сонагли «Человек из Южного Тироля» — Miro Merelli, Roberto C. Sonaglia. *L'Uomo del Sudtirolo*, 1982, № 4; Марио Витали «Тироль, 1809 год» — Mario Vitali. «Tirolo, 1809», 1985, № 9; Нерпио Де Карло «Андреас Хофер в немецкой литературе» — Nerio De Carlo. «Andreas Hofer nella letteratura tedesca», 1985, № 9), культуры (статья Брунамари Дал Лаго Венери «Заказать погоду: история крестьянского календаря в Южном Тироле» — Brunamaria Dal Lago Veneri. «Ordinare il tempo: Storie di calendari contadini nel Tirolo del Sud», 1984, № 8) и экономико-этнографические (Итало Бертоласи. «Внутри „мази кюзи“»¹ — Italo Bertolasi. «Dentro il „masa chiuso“», 1981, № 2), что позволяет нагляднее увидеть современный этнический облик этой общности.

В 15 г. до н. э. предки современных ладино оказались сильнейшее сопротивление римским легионам, пытавшимся покорить их. Эта дата была условно принята за год объединения ладинского народа. Именно поэтому в ознаменование 2000 года существования ладино в 1985 году в Италии и на уровне ЮНЕСКО был провозглашен «годом ладино». Этому событию были посвящены многочисленные публикации в «Этние». Здесь необходимо пояснить, что в итальянской литературе термин «ладины» является обобщающим; к числу ладино итальянские ученые относят те народы, которые в исследованиях ученых многих стран, в том числе и советских, называются ретороманскими, а именно, романшей Швейцарии (кантон Граубюнден), фриулов (итальянская провинция Удине, входящая в область Фриули-Венеция-Джулия) и собственно ладино (Доломитовые Альпы в провинции Тренто области Трентино-Альто-Адидже и провинция Больцано — в окружении германоязычного населения Южного Тироля). По мнению Роберто Яковисси, автора статьи «1985 год и Ладины» (Roberto Jacovissi. «Il 1985 e i Ladini», 1985, № 10) к ладинам принадлежат все перечисленные народы, являющиеся потомками племен ретов; «ретороманцы» или «романши» — швейцарский экзотизм ладино. Проживающее во Фриули ладинское население подразделяется на ладино-фриулов и ладино-карнов (Джузеппе Риккабуоно. «Ладины Доломитов» — Giuseppe Richebuono. «I Ladini delle Dolomiti», 1986, № 12). Итальянские исследователи указывают, что степень сохранения этнической самобытности и культурной целостности у различных групп ладинского населения неодинакова (Нерпио Де Карло. «Заметки по истории ладинских народов» — Nerio De Carlo. «Appunti per una storia della popolazione ladine», 1980, № 2). Лингвистические и культурные права ладино, проживающих в провинции Больцано, достаточно защищены местным законодательством. Наиболее многочисленная группа ладино, проживающая во Фриули, недавно добилась от итальянского правительства признания билингвизма на территории провинции Удине в некоторых сферах социальной жизни. Наименее ассимилированные «островки» ладино обитают в долинах Доломитовых Альп. Ситуация же, которая сложилась для ладино Трентино и Беллуно, с каждым годом становится все более угрожающей — эти группы находятся на грани культурного уничтожения (см. статью Луки Борри «Другие ладины» — Luca Borri. «Gli „altri“ Ladini», 1985, № 10). Они много раз поднимали вопрос перед правительственными инстанциями о присоединении их к провинции Больцано и подчинении их действующим в Южном Тироле в отношении ладино законодательным норм. В последние годы успешно выступления ладинского населения Италии, особенно в Больцано, Тренто и Удине (см. статьи Вирджилио Пруггера «Ладинами рождаются» — Virgilio Prugger. «Ladini si nasce», 1981, № 2 и Аньула М. Питтана «Присутствие ладино-фриульского языка в управлении» — Agnol M. Pittana. «La presenza della lingua ladino-friulana nell'amministrazione», 1984, № 8).

В одном из номеров «Этние» за 1983 г. появилась статья Пьерлеоне Массажоли, представлявшая миру новое «открытое» этническое меньшинство — бригасков («Бригаски: новое меньшинство» — Pierleone Massajoli. «Brigasci: una nuova minoranza?», 1983, № 6). В наши дни они официально признаны как «миноритарный народ» брюссельского «Постоянного бюро наций, лишенных государственности». Бригаски — жители приграничных районов Италии и Франции, населяющие ряд центров в Лигурии, Пьемонте, а также Бригу Мариттиму и Мориньолю, принадлежащих французскому департаменту Приморских Альп. Сам этноним «бригаски» происходит от названия населенного пункта Брига Мариттима, жители которого по экономическим, политическим и, возможно, религиозным мотивам на рубеже XV и XVI вв. эмигрировали в Лигурию. Они представляют собой достаточно изолированную и замкнутую группу населения; основным занятием было и продолжает оставаться пастушество с сезонными перекочевками. По замечаниям исследователей, проводивших среди бригасков опросы, у них необычайно развито этническое самосознание, причем на двух уровнях: общности в целом и микрообщности, т. е. деревенского коллектива. Каждая деревня представляет собой микросок для ее обитателей, что весьма способствует консервации архаичности образа жизни и уклада. Бригаски обладают четкой системой этнических симпатий и антипатий. Так, наиболее одиозных оценок удостоены лигурийцы, в меньшей степени — «дженуизы» — генуэзцы; наибольшая терпимость проявляется бригасками в отношении альпийских окситанцев. При этом термин «окситанский» среди бригасков не получил большого распространения в отличие от понятия «провансальский», хотя в лингвистическом отношении исторический язык Прованса — «феллбриже» — гораздо дальше от бригаского языка, чем окситанские говоры. Многочисленные лингвисты, занимающиеся проблемой бригаского, выделяют в нем следующие заимствования: 1) окситанские; 2) лигурийские; 3) пьемонтские; 4) лангедойльские; 5) литературные итальянские; 6) литературные французские; 7) прочих языков (германских, лигурийских, пероманских, кельтских и др.). Все эти элементы дают в совокупности неповторимый сплав, называемый бригаским языком. В наши дни стремительные процессы ассимиляции бригасков итальянским и французским населением поставили под угрозу исчезновения существование бригаской языковой и культурной самобытности, что заставляет эту маленькую этническую общность все чаще вставать на защиту своих этнических прав.

Многочисленные статьи на страницах «Этние» посвящены народам, проживающим за пределами Италии. Так, в № 6 за 1983 г. помещены два подробных обзора материальной и духовной культуры саами Швеции и батаков Суматры. Первое сообщение подводит итоги многолетней полевой работы автора среди саами Йоккмока у арктического полярного круга (Серджо Стокки. «Поговорим об оленях» — Sergio Stocchi. «Parlami di renne», 1983, № 6). Вторая статья «Батаки» Джиглиолы Фоски (Gigliola Foschi. «I Batak», 1983, № 6) также основана на «живом» материале, полученном автором непосредственно на Суматре в течение трех полевых сезонов. Центральное место в исследовании занимает проблема изменения традиционного уклада и социального поведения батаков под влиянием усиливающегося наплыва туристов на Суматру.

Значительный интерес представляет статья о судьбе народа неваров в Непале, основная группа которого проживает в горной долине Катманду (статья «Непал: плавильный котел этносов» принадлежит перу Ингрид и Франко Николи — Ingrid e Franco Nicoli. «Nepal, crogiuolo di etnie», 1985, № 10), причем исследование проводится в контексте всей этнической ситуации в Непале. Невары сформировались примерно в середине II тыс. до н. э. в результате смешения местного населения Катманду, с мигрировавшими из Северо-Восточной Индии племенами киратов. На фоне пестрой этнической картины Непала, включающей многочисленные народы и народности: тхару, раи, кираты, мурми, гурунг, шерпа, невары, данувар, лимбу, сатар, дхангар и др., различающиеся по численности, принадлежащие к различным антропологическим типам (индоарийскому и тибето-бирманскому), говорящие на различных языках (индоарийской и сино-тибетской семей), невары играют важную историческую и культурную роль в жизни государства. Они являются древнейшим населением долины Карманду, где находится основная часть их поселений. Антропологически невары принадлежат к тибето-непальской расовой группе, говорят на языке «невары» тибето-бирманской ветви сино-тибетской группы языков. Они индуисты, но система их верований носит синкретический характер — многие ее элементы — результат сплава индуистских и буддистских основ. Автор статьи подробно останавливается на истории неваров, на их государственности.

Необычайный интерес представляет статья «Айны», посвященная «белым японцам», как назвал айнов ее автор Итало Бертолази (Italo Bertolasi. «Ainu», 1982, № 4). Он подчеркивает, что в Японии, несмотря на наличие 14-й статьи конституции страны 1946 г., гласящей, что «все японцы равны перед лицом закона и не могут подвергаться дискриминации в политической, экономической и социальной жизни, независимо от их расовой и конфессиональной принадлежности, пола и социального положения», фактически осуществляется государственная политика угнетения представителей ряда этнических и социальных общностей: айнов — 15-тысячного населения о. Хоккайдо; своеобразной «касты» буракуминов — полутвержденных (проблемам которых была посвящена и другая статья Итало Бертолази «Парни электронки» — Italo Bertolasi. «I paria dell' elettronica», 1983, № 5); «нибакаша» — жертв облучения, полученного при атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, первого, второго и уже третьего поколения, находящихся в фактической изоляции в японском обществе (их число достигает 370 тысяч в Японии и 100 тысяч в Корее); «айноко» (это поданные Японии, родившиеся от лиц японской национальности и иностранцев: американцев — военных, корейцев и китайцев; к числу аиноко, в частности, принадлежит население Окинавы). И. Бертолази показывает своеобразие традиционной культуры айнов, их хозяйственного уклада, языковой самобытности, самосознания, позволяющего им и по сей день выделять себя среди других народов Азии. В последние годы айнам приходится противостоять сильнейшим панъапонским культурно-цивилизующим процессам, которые подкрепляются государственной политической насильственной ассимиляцией. Это противостояние отмечено многочисленными выступлениями айнов за свои этнические права, причем борьба эта носит отнюдь не мирный характер, и с каждым годом трагический конфликт между айнами и государством все более углубляется. В статье приводится хроника вооруженных выступлений айнов против государственных сил охраны порядка в течение последних двух десятилетий, часто знаменующих собой попытку исчезающего этнического меньшинства привлечь внимание к своей судьбе и проблемам.

Среди публикаций журнала огромное место занимают материалы по лингвистическим проблемам, таким, в частности, как предоставление определенного юридического и конституционного статуса лингвистическим меньшинствам европейских государств. Этому вопросу посвящена статья Густаво Бураatti «Запрещенные нации и „пожирание языков“» (Gustavo Buratti. «Le nazioni proibite e glottofagia», 1984, № 8). Проблема рассматривается на примере Италии, где государство признает за этническими меньшинствами лишь лингвистическое отличие и где конституция страны говорит о «нациях» в государстве не этнических, а «иноязычных» групп населения. При этом необходимо отметить, что всю совокупность подобных общностей автор подразделяет на две группы. К первой он относит меньшинства, находящиеся в относительно привилегированном положении, — это «категория А», представляющая собой достаточно крупные и компактные этнические общности. В их число входят «французы», или, вернее, окситанцы Вале д'Аоста, австрийцы Южного Тироля, ладины Доломитовых Альп, словенцы восточного пограничья страны; некоторое ущемление национальных и лингвистических прав этой группы в послевоенной Италии было вызвано причинами политико-дипломатического характера. Официальное признание их как «лингвистических меньшинств» позволяет им, по крайней мере формально, апеллировать к статье 6-й конституции страны, гласящей, что «республика защищает соответствующими нормами лингвистические меньшинства», хотя на практике весьма часто эти нормы нарушаются и игнорируются.

Но гораздо более болезненно складываются отношения с государством у этнических общностей «категории Б». Это примерно 100 тысяч дисперсно проживающих албанцев Южной Италии и Сицилии, хорваты области Молизе, 15 тысяч греков Апулии и Сицилии, «германские» островки в итальянских Альпах — «вальсеры» Вале д'Аосты и Пьемонта, «кимбры» или австро-баварцы в об-

лестия Верона, «мокены» — в Валь Феррине, каринтийские области Беллуно, наконец, сардинские ката-ланцы Алгеро. Вопрос о лингвистических правах этих народов, численность которых достигает 150 тысяч, поднимается только представителями различных националистических движений, прогрессивными итальянскими политическими партиями и их лидерами, а также на уровне «Постоянного бюро наций, лишенных государственности» и других организаций такого рода.

«Защита» государством лингвистических меньшинств, упоминаемая в конституции, по-разному ими интерпретируется. Если представители «категории А» явно недостаточно одного лишь призна-ния их отличия по языковому признаку от коренных итальянцев, и они требуют предоставления условий для свободного и естественного национального развития в русле своей традиционной культуры, то притязания этнических общностей второй группы гораздо скромнее. В их случае вопрос уже не ставится о каких-либо лингвистических «льготах»; часто их единственное требование сводится к предоставлению гарантий того, что не будут ущемляться их культурные права и затраги-ваться их культурная самобытность.

Оговорки требует статус еще двух этнических меньшинств Италии, которые автор не относит ни к одной из двух категорий, а именно сардинцев и фриулов, несмотря на то что в численном отно-шении, а также по своей компактности эти два этнолингвистических меньшинства являются наибо-лее крупными в Италии. Г. Буратти мотивирует свою позицию тем, что каждая из этих этнических общностей располагает юридически автономной областью со специальным статутом, предоставля-ющим им некоторые культурные права: более широкие для фриулов, значительно урезанные для сардинцев. Хотя формально ситуация действительно такова, ни сардинцы, ни фриулы не располага-ют реальными возможностями двуязычия и фактически также относятся к числу дискриминируемых в этнолингвистическом отношении меньшинств.

Вопросам борьбы сардинских автономистов за утверждение билингвизма также посвящена статья Вецио Мажини (Vezio Maxia. «Sardamente parlando...», 1981, № 2), в которой анализируется отношение различных итальянских политических партий к «проблеме Сардинии». Автор подчеркива-ет, что проблема предоставления билингвизма стоит настолько остро, что даже реакционная, сто-явшая на позициях централизма христианско-демократическая партия ратует за предоставление области двуязычия, усматривая в этом наиболее безболезненный выход из критической взрывоопас-ной ситуации.

Таким образом, становится очевидным, что в Италии, несмотря на ее официальный статус моноэтничного государства, разгораются серьезные этнополитические конфликты, разветвляются многочисленные националистические движения, внешней формой отражения которых часто ока-зывается полемика о лингвистической ситуации в стране. Пример Италии достаточно типичен для Европы, хотя в ряде стран проблема автономности языка этнического меньшинства, за которой стоит вопрос об автономии всего этого этнического сообщества в целом, приобретает гораздо большую остроту. Так, например, требование признания родного языка в качестве официального стоит одним из первых в программных документах корсиканских националистов (см. статью Густаво Буратти «Корсика: драма колонизации» — Gustavo Buratti. «Corsica: il dramma della colonizza-zione», 1985, № 9). Языковая самобытность остается стержнем, на котором держится вся система этнических представлений и притязаний басков (статья Паолы Антолини «Баскская нация: язык как основа самобытности» — Paola Antolini. «La nazione basca: lingua come identità», 1985, № 10).

Статьи «Этниче» посвящены различным аспектам традиционной материальной и духовной культуры. Так, многочисленные исследования касаются музыкального творчества отдельных наро-дов. Целый комплекс духовных, религиозно-обрядовых, погребальных и эротических песнопений до сих пор составляет существенный элемент традиционной культурной системы греков Юга Италии, сохраняющийся, несмотря на исчезновение многих других элементов (этот материал освещается в статье Микеле Л. Страньеро «Народные греческие песни южной Италии» — Michele L. Straniero. «Canti popolari greci nell'Italia meridionale», 1986, № 12). Любопытно, что вокальная культура греков Италии не претерпевает изменений (несмотря на многочисленные ассимиляционные процессы) ни по форме, ни по текстовому содержанию, как это показывает сравнительный анализ зафиксирова-ных в начале века итальянским исследователем-фольклористом Дж. Питре текстов и нот и услы-шанных в наши дни песнопений.

Важным событием в музыкальной жизни не только Франции, но и всей Европы стал проводив-шийся летом 1982 г. в Лориене (Бретань) «Фестиваль интеркельтской музыки», привлечший внима-ние музыковедов, фольклористов, этнографов, многих деятелей культуры и политики из различных стран (Джанкарло Нострини. «Интеркельтский фестиваль» — Giancarlo Nostriani. «Il Festival Inter-celtico», 1982, № 4). Фестиваль продемонстрировал огромное, практически еще не исследованное наследие музыкальной культуры кельтских народов, а также позволил проследить истоки современ-ного творчества их «потомков», показал богатейшие возможности для аранжировки традиционной музыкальных кельтских мотивов, их органичного влечения в ткань современной музыкальной культуры.

Модернизация традиционной музыки, не сопряженная с ее искажением, создание стиля «про-грессивного фольклора», «прогрессивного кантри», расстановка социальных акцентов при во-рождении фольклора присущи в целом многим культурам мира в наши дни. В Италии эта тенденция особенно ярко проявляется в современной музыкальной жизни Сицилии, которую питают богатейши-ми традициями местного фольклора (Энцо Барбарини. «Под головой барабан» — Enzo Barbarino. «tamburo per cuscino», 1982, № 4, а также две статьи Микеле Л. Страньеро — «Электрофолк дост-Милана» и «Электроника и „фольк“ в Сицилии» — Michele L. Straniero. «L'elettrofolk e arriva a Milano», «Elettronica e folk in Sicilia», 1983, № 5).

Рубрика «Культура» на страницах «Этние» отражает исследование народных праздников, календарных обычаев и обрядов. Среди них особый интерес вызывает анализ русской масленицы по иллюстративному материалу лубка (статья «Древний русский карнавал» Бьянки Марабини Дзогеллер — Bianca Marabini Zoeggeler. «Il Carnevale russo antico», 1984, № 8), проведенный в контексте изучения смеховой народной культуры. Эту статью органично дополняет и продолжает работа того же автора об обрядности в период Великого поста («Праздник весны в старой Руси» — «La sagra della primavera nella vecchia Russia», 1985, № 10).

Значительное место на страницах «Этние» занимают исследования, посвященные магии различных народов. Б. Дал Лаго Венери, анализируя эту сферу культуры у населения Доломитовых Альп, связывает ее с музыкальным творчеством. Особого внимания заслуживает фигура женщины в магической практике, соединяющей в себе роли объекта и субъекта обрядовых действий, главной хранительницы традиционной ритуальной информации (Б. Дал Лаго Венери. «Танцы и ведьмы в Доломитовых Альпах» — Brunamaria Dal Lago Veneri. «Danze e streghe tra le Dolomiti», 1983, № 6).

Тема магии продолжается и на ином материале — предметом анализа выступает германский фольклор (статья Амилкаре Джовандитто «Магия германского фольклора» — Amilcare Giovanditto. «Magia del folklore germanico», 1986, № 12). Значительный интерес представляет проводящееся в связи с этим исследование ритуальных масок, применявшихся при осуществлении магической практики, их иерархия, причем они рассматриваются как напластование многочисленных культурных слоев и заимствований. Тематически близок к предыдущей проблеме вопрос о народном двоеверии (когда поклонение Богу сочеталось с не менее рьяной апелляцией к Сатане), взятый на примере населения Фриули XVI—XVII вв. (статья Розы Марии Радиче «С Богом или с Сатаной?» — Rosa Maria Radice. «Con Dio o con Satana?», 1986, № 12). В контексте данной темы в центре внимания оказывается фигура «родившегося в рубашке», которого и инквизиция, и народная традиция ассоциировали со служением дьяволу. Последнее часто было причиной того, что такой человек под давлением народного коллектива вопреки своему желанию был вынужден брать на себя функцию посланца Сатаны и играть роль «учителя» для «папасты», ждущей от него этого шага односельчан, т. е. участь его была в какой-то степени предсмертна.

Ряд статей «Этние» посвящен вполне конкретным аспектам материальной культуры народов — архитектуре, костюму, украшениям и т. д.

Тема архитектуры получает освещение на весьма разнообразном материале. Так, в сферу внимания исследователей попадают традиционные жилища альпийских пастухов-«кимбров» в Трентино (см. статью «Архитектоника пространства и народная культура: поселения „кимбров“» — Paolo Righetti. «Spazio architettonico e cultura popolare: i villaggi cimbri», 1983, № 5); нетипичные «большие дома» в деревнях Венето, являющиеся пережитком архаичного жилища (Патрицио Калои. «Большие дома» — всплеск фантазии или культурное наследие?» — Patrizio Caloi. «I casoni: colpo di fantasia e eredità culturale?», 1984, № 8, с. 14—17); орнаменты резьбы в русском деревянном зодчестве (Бьянка Марабини Дзогеллер. «Дорогая старая изба» — Bianca Marabini Zoeggeler. «Cara vecchia „izba“», 1986, № 12).

Любопытно описание традиционного костюма албанцев Южной Италии и Сицилии на примере нескольких деревень острова, населенных представителями этого этнического меньшинства, — оно показывает, что южноитальянский и сицилийский варианты костюма по сравнению с тем, который распространен в самой Албании и Греции, представляют наиболее архаичную его разновидность (Анализа Митидиери. «Обычай и традиционная одежда албанцев Италии» — Annalisa Mitidieri. «Usi e costumi degli albanesi d'Italia», 1986, № 12). Особое место в этом исследовании занимает анализ основных типов ювелирных украшений, так как албанцы Сицилии, а именно население нескольких деревень Албанского Плато, сосредоточивает в своих руках ювелирные промыслы, являя в своем творчестве несколько основных, ключевых традиционных тем.

Необычно яркими и красочными предстают украшения из перьев — искусство индейских племен Бразилии (Джильола Фоски. «Произведения из перьев индейцев Бразилии» — Gigliola Foschi. «L'arte plumaria degli indios del Brasile», 1984, № 8). В зависимости от деятельности индейцев (охота, военное дело, праздник) ими применялись различные типы украшений. Значимым было цветовое сочетание, что превращало отдельное украшение в послание, наполненное конкретной информацией.

Несколько менее яркие краски и оттенки присутствуют в традиционном костюме южных соседей индейцев Бразилии — населения о. Такиле озера Титикака, одного из последних «островков» древнейшей местной культуры (Брунамария Дал Лаго Венери. «Такиле: конец „последнего рая“» — Brunamaria Dal Lago Veneri. «Taquile: fine del „ultimo paradiso“», 1986, № 12). Кроме возделывания террасных полей, что составляет основное хозяйственное занятие индейцев, их укладу присущи многочисленные ремесленные промыслы, главный из которых — ткачество на примитивных станках. Ткань повторяет рисунок, апробированные веками: маис, колосся, клубни картофеля, ламу, фигуры божеств, в первую очередь Инти — верховное божество солнца. Такими же изображениями украшены и тканые пояса мужчин — элемент одежды, отсутствующий в традиционном костюме индейцев кечуа. Отличаются и головные уборы текиле. Черные с красно-желтыми росписями бери и черные шали женщин — также достаточно не свойственный костюму жителей окрестностей озера Титикака и областей проживания кечуа элемент материальной культуры. В целом совокупность этих различий заставляет исследователей считать такиле или пришлым на остров населением, или, наоборот, в силу их островного изолированного проживания, «осколком» одного из наиболее древних племён населения Перу.

Таким образом, даже беглый анализ материалов, представленных на страницах журнала «Этние», позволяет оценить его в качестве достаточно солидного научного издания, охватывающего широкий круг проблем, так и различные регионы земного шара. Мы остановились далеко не

на всех рубриках журнала, осветить в незначительной степени лишь те из них, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес и позволяют оценить диапазон научных интересов «Этниче». Несмотря на то что внимание журнала сфокусировано главным образом на современности и что в роли основного объекта исследования выступают этнические меньшинства, тем не менее как это показывает обзор статей журнала, публикации выходят за эти достаточно узкие рамки, превращая «Этниче» в основательное этнографическое издание, на страницах которого ведется большая исследовательская работа.

Примечания

¹ «Мазы кюзи» (крестьянский двор) — личная крестьянская собственность, включающая жилой дом и прилегающие строения сельскохозяйственного значения, дающие доход, достаточный для прожития крестьянской семьи из пяти человек.

К. В. Цеханская

НОВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ИНДЕАНИСТИКЕ

(European Review of Native
American Studies. 1:1, 1987)

Новый этнографический журнал «Европейское обозрение американской индеанистики» — публикация Венского музея этнографии — выпускается по инициативе и под непосредственным руководством известного австрийского антрополога и искусствоведа, специалиста в области этнографии и истории религий Кристиана Феста. Главную свою цель, по его собственному признанию, он видит прежде всего в том, чтобы информировать по возможности наиболее широкий круг исследователей о научных, культурных и политических событиях, происходящих в Европе в связи с жизнью и проблемами коренного населения Северной Америки.

Будучи конкретно ориентированным изданием, обозрение не ограничивается сугубо научной тематикой. На его страницах можно найти самую разнообразную информацию не только по вопросам истории, но и современности. Вполне закономерно и то, что круг проблем, которому посвящено данное издание, диктует необходимость и приоритет политической проблематики, нередко входящей как неотъемлемая часть в область науки, культуры и искусства.

Международный характер нового издания обуславливает состав редколлегии, в которую входят ведущие специалисты разных стран, в том числе и представитель советской этнографической науки В. А. Тишков.

Своеобразный ключ к пониманию направленности журнала дает открывающая его первая статья Б. Флейшман, посвященная оценке достоверности испанских хроник XVI в. В статью содержатся сведения о жизни североамериканских индейцев, ставятся принципиальные, методологические проблемы.

Как правило, отчеты об испанских завоеваниях — не только историографические записки, и своего рода беллетристика. Известно, что в Средние века и во времена Ренессанса история рассматривалась как один из видов искусства. Элементы художественного домысла органически входили в историю.

Правда, испанские власти, руководствуясь прежде всего интересами собственной бюрократической системы, повели решительную борьбу против беллетризации колониальных отчетов. Одновременно тем самым из них исключалась и значительная часть действительно ценного, с научной точки зрения, познавательного материала. Поэтому наиболее подробные описания культурных традиций индейцев Северной Америки встречаются только в неофициальных сообщениях, пришедших оттуда. Обычное же представление испанцев о превосходстве собственной культуры делало в их глазах излишним проникновение в духовную жизнь коренного населения Америки.

Хотя недостатки испанских хроник хорошо известны тем, кто изучает культуру племен юго-запада Северной Америки, и хотя многих специалистов предупреждают против некритического использования такого рода источников, на эти тексты нередко ссылаются как на достаточно надежные свидетельства очевидцев событий. Этнографами, антропологами и археологами, отмечая автор статьи, разработаны новые подходы, которые позволяют установить истинность подобного документального материала. Они должны быть дополнены и сведены в целостную методологию. Так, например, Флейшман предлагает подход, основанный на комплексном использовании результатов изучения философских, исторических и литературных источников, включая анализ текстов и контекста, что открывает возможность для более точного определения степени соответствия повествования действительным событиям и выявления причин их искажения.

В начале того же XVII в., когда испанцы «умиротворяли» юго-запад, англо-саксонские колонизаторы со своей стороны также внесли немалый и далеко не бескорыстный вклад в дело факсификации истории своих взаимоотношений с индейцами. На этот раз она приняла форму мифа

Покахонтас. Реальная основа названного мифа раскрывается в статье редактора обозрения К. Феста. Она дана в кратком изложении его содержания и последующем анализе подтекста описанных событий, детально разработанного уже позднее.

Известный миф о Покахонтас широко использовался белыми американцами, которые пытались найти в нем обоснование своих прав на занятые ими чужие территории¹.

Колонисты нанесли огромный ущерб культурному наследию алгонкинов, их традиционным ремеслам. К началу XIX в. большая часть местных языков вышла из употребления, а большинство индейцев как в резервациях, так и вне их стали баптистами. «Успехи» миссионерской деятельности неизменно оборачивались забвением собственных религиозных традиций индейских племен, неотделимых от их общих культурных традиций.

С этим пытается поемизировать К. Кригер, автор следующей за материалом К. Феста статьи о календаре на 1863 год, составленном иезуитским священником Юджином Ветромилем для общин племени пеннобскот в штате Мэн. Он считает, что работа миссионеров не нашла еще достойного отражения в этнографических исследованиях. До сих пор, продолжает Кригер, достаточно широко распространено мнение о разрушительном воздействии деятельности региональных миссий на культуру коренного населения Америки. Для того чтобы исправить это, по признанию самого автора, все же верное, хотя только отчасти, представление, он счел необходимым рассказать о вышеназванном календаре.

Все обращенные в христианство индейцы получили в свое время календарь Ветромилля, где были обозначены не только месяцы и недели, но и религиозные праздники, посты и другие даты церковной хронологии. Теперь они могли со спокойной душой отправляться на охоту, которая продолжалась обычно с осени до весны. Так, у индейцев искусственным образом формировалась потребность в ненужных им прежде и далеких от их практической жизни, чуждых им знаниях.

Создатель календаря использовал символические рисунки традиционной католической иконографии, а также некоторые собственные символы.

Относясь с очевидной симпатией к Ветромиллю, Кригер дает объективную оценку его деятельности. Календарь, пишет автор статьи, позволяет получить представление о миссионере, находящемся в самой гуще своей «пастырской» работы. Он пытается воздействовать на мировоззрение коренных жителей с тем, чтобы постепенно европеизировать их сознание².

Той же, проходящей через весь журнал, теме деструктивного воздействия европейской цивилизации на культуру коренных американцев посвящена статья Х. Реми под названием «Преемственность и перемены в центральной Арктике: размышления над дневником Авонгайтсиарка». Речь в ней идет о преемственности и изменениях, происходящих в культуре жителей арктических районов центральной Канады. При этом автор опирается на документ личного характера — дневник представителя группы эскимосов нетсиллих, населяющей северо-западную территорию у зал. Пелли Бэй. Дневник, написанный местным охотником Авонгайтсиарком, охватывает период с марта 1958 по ноябрь 1964 г. В результате расширения контактов с европейцами в эти годы происходили изменения в традиционной культуре местного населения. Однако, по мнению автора статьи, дневник дает богатый материал, свидетельствующий об устойчивости некоторых сторон традиционного образа жизни аборигенов.

Определенным изменениям способствовали два основных фактора: появление у инуитов ружей и стальных капканов и начало деятельности близ Пелли Бэй миссии римской католической церкви в 1935 г. Обретение нового оружия привело к индивидуализации прежде коллективных форм охоты на тюленя и оленей карibu и исчезновению многих связанных с ней охотничьих обрядов. Появление сетей также резко увеличило добычу рыбы. В результате сплочению этнической группы был нанесен серьезный удар, и основной социально-экономической единицей ее стала отдельная семья. Истощение торговых отношений с местной факторией сделало хозяйство инуитов рыночным, зависимым от нее.

Не замедлили сказаться и результаты усилий католических миссионеров. По некоторым свидетельствам, именно благодаря им стала выходить из употребления бытовавшая прежде у эскимосов восточной Канады практика умерщвления женщинами своих детей, принятое у инуитов убийство здряхлевших стариков и похищение жен. В то же время деятельность миссионеров привела к подрыву вековых религиозных устоев местной этнической группы. Реми пытается опровергнуть это, опираясь на дневник Авонгайтсиарка, который ссылается на многочисленные случаи убийств, совершавшихся в последние годы враждующими сторонами с помощью колдовства, упоминая также об актах кровной мести.

В заключение Реми делает два вывода. О том, что при изучении исследуемой группы больше внимания следует уделять процессам культурной преемственности, нежели культурным изменениям, как это было до сих пор. Второй вывод состоит в призыве, обращенном к антропологам, активнее использовать документальные свидетельства местных жителей и относиться к ним с должным доверием, поскольку им доступно многое из того, чего не может увидеть даже самый добросовестный специалист, изучающий их извне.

Проблема сохранения культурной самобытности коренного населения Северной Америки нашла свое отражение и в весьма содержательном выступлении на страницах журнала А. Герца, чье внимание привлекли судьбы двух соседствующих друг с другом племен — хопи и навахо.

Герц встречается с широко известным религиозным лидером хопи, «пророком» Дэвидом Монон-и, и становится свидетелем того, как он благославляет навахо — участников марша протеста против принятой правительством программы переселения их на новые земли из-за конфликта с хопи. Это был достаточно благородный и смелый шаг, поскольку многие хопи считают всякую поддержку навахо предательством.

Однако и внутри самого племени немало противоречий. Это прежде всего разногласия между так называемыми традиционалистами и прогрессистами. Разделению индейцев на эти две противоборствующие группы предшествовал происшедший еще в 1906 г. раскол хопи на «враждебных» и «дружественных» по отношению к присутствию англо-американцев. Выступавшие против колонизации, были вынуждены покинуть свое селение Оулд Орайби и обосноваться в Хотевилле, где Мононги возглавляет сейчас сторонников традиционалистов. Они решительно настроены против планов разработки угля в священном для индейцев районе Блэк Меса, будучи также противниками водопровода и электричества, хотя многие их соплеменники не согласны с ними.

Возвращаясь к вопросу о правительственной программе переселения навахо, Герц прямо указывает на то, что она является лишь прикрытием для действий вполне определенных социальных групп белого населения, преследующих свои цели.

Политические аспекты борьбы коренного населения США и Канады за свои жизненные права и сохранение своей культурной самобытности подробно освещаются в помещенной в том же номере статье Дж. Ростковского, одного из соредаторов журнала. С тех пор, как в мае 1982 г. решением Экономического и социального совета Организации Объединенных Наций была создана Рабочая группа ООН по проблемам коренного населения, эти вопросы стали предметом обсуждения всего международного сообщества.

До определенного времени большинство правительств мирилось с деятельностью этой группы постольку, поскольку речь шла о нарушениях основных прав человека в других, но не в своих странах. Несмотря на то что работу первой сессии Рабочей группы, состоявшейся с 9 по 13 августа 1982 г., игнорировали многие правительства, не прислав своих представителей для участия в ней, ей удалось сформулировать новые принципиальные подходы к решению самых насущных проблем коренного населения. В заседаниях второй сессии в 1983 г. принимали уже активное участие делегаты таких стран, как США, Канада, Австралия и Бразилия. Шире стала и география представительства местных этнических групп, включающая страны Азии и другие регионы мира. Был принят план действий на предстоящее пятилетие. На третьей сессии Рабочей группы в 1984 г. обсуждался вопрос об определении самого понятия «коренное население», а также вопрос о земле и естественных ресурсах. В состоявшейся в 1985 г. четвертой сессии участвовали уже посланцы 21 го сударства. Рабочая группа сконцентрировала свое внимание на праве коренных жителей самостоятельно развивать свою культуру и традиции, получать образование.

Особый раздел журнала представляет завершающий номер бюллетень Ассоциации американской индеанистики. Выделившись в 1980 г. в самостоятельную организацию из Европейской ассоциации американских исследований, эта организация продолжает работать с ней в тесном контакте и периодически принимает участие в совместных конференциях. Издаваемый с 1980 г., бюллетень был предшественником нынешнего «Европейского обозрения проблем индеанистики» и по-прежнему продолжает оставаться самым оперативным его разделом, удачно дополняющим основное содержание журнала.

Он открывается рубрикой, посвященной изобразительному искусству. В ней сообщается о выставке Гюнтера Райтбергера, состоявшейся в Вене в декабре 1986 г. Главная ее тема — борьба индейцев за свои жизненные права.

Другим крупным событием стала проходившая в пригороде Дрездена выставка последних работ Карла Мая в музее его имени. Этот музей один из немногих в Европе, в чей постоянный экспозиции представлены материалы, связанные с политической активностью североамериканских индейцев вплоть до последних десятилетий.

Однако автор данной рецензии считает, что стремление к достижению политических целей является порождением западной философии, чуждой для коренных американцев. Идеи паниндеизма, как в политике, так и в области культуры, представляются, по крайней мере потенциально малоэффективными, и поэтому необходимо придерживаться традиционных форм возрожденческой идеологии индейцев.

Библиография в бюллетене не только находится в неразрывной связи с его основным содержанием, но и служит своеобразным его дополнением, отнюдь не ограничиваясь областью чистых академических исследований. Даваемые попутно аннотации несут порой развернутый характер и существенно обогащают информативность «Обозрения». В этом разделе также присутствует критический подход к освещению литературы, о которой идет речь.

Заключительную часть раздела завершает сообщение о том, что состоявшееся в Будапеште в 1986 г. заседание Европейской ассоциации американских исследований наметило в качестве темы очередной сессии Ассоциации американской индеанистики вопрос о легальном статусе и сохранении самобытности индейского населения.

Эта тема, насколько можно судить по основным материалам журнала, определяет одно из главных его направлений. Позиция «Обозрения», несмотря на отдельные элементы нейтрализма в целом достаточно последовательна. Именно поэтому журнал играет важную роль не только как авторитетный посредник между специалистами различных стран, но и как динамичный, занимающий особое место среди других подобных ему изданий центр координации европейского движения солидарности с борьбой коренного населения Америки, отстаивающего свои права на лучшую жизнь и гражданские свободы.

Примечания

¹ Feest K. Pride and Prejudice: Pocahontas Myth and the Pamunkey. P. 5—6.

² Krieger C. Sande Awikhighan; Eugin Vetromiles Penobscot Calendar for 1863. P. 15.

В. А. Никонов. География фамилий. М., 1988. 189 с.;

В. А. Никонов. Ищем имя. М., 1988. 128 с.

Обе рецензируемые книги — последние работы известного советского ученого, географа, этнографа, одного из крупнейших советских исследователей в области ономастики — Владимира Андреевича Никонова (1904—1988).

В. А. Никонов родился 27 июля 1904 г. в Симбирске. Здесь в 16 лет начинает он свою трудовую деятельность в местной газете. В 1928 г. в Ульяновске выходят его первые литературоведческие книги: «Статьи о конструктивистах» и «Эдуард Багрицкий». Журналистскую и литературную работу В. А. Никонов продолжает в Москве, куда он переезжает в 1933 г. Многочисленными были его публикации в «Литературной газете», в журналах «Знамя», «Красная новь», «Октябрь». Выходят в свет поэтические сборники В. А. Никонова¹. В 30-е годы он много пишет о стиховедении и стилистике. В 1935 г. в журнале «Советское краеведение» появляется небольшая статья «Об изучении местных географических названий»², в которой, по образному выражению Э. М. Мурзаева, кроются «истoki всех последующих ономастических интересов ученого»³. В годы Великой Отечественной войны В. А. Никонов служит в Волжской военной флотилии, отмечен правительственными наградами. Зафем, как и многие его современники, он пережил ужас необоснованных репрессий периода культа личности.

В середине 50-х годов В. А. Никонов возвращается к научной и литературной деятельности. С этого времени и до последних дней жизни главной страстью В. А. Никонова становится ономастика. Его многочисленные труды — книги, статьи, заметки — последних трех десятилетий посвящены самым разнообразным направлениям и проблемам этой науки⁴. Его работы публиковались во Франции, Польше, Болгарии. В исследовании многих ономастических проблем В. А. Никонову принадлежит честь быть первооткрывателем. Он способствовал формированию нового направления — этнической ономастики. Огромна роль В. А. Никонова как организатора науки. Он был инициатором создания и руководителем Топонимической комиссии Московского филиала Географического общества СССР (1959 г.), Группы ономастики в Институте языкознания АН СССР (1967 г.) и Группы ономастики в Институте этнографии АН СССР, которой он руководил более 20 лет (1967—1988 гг.). Под руководством В. А. Никонова был проведен ряд всесоюзных конференций по топонимике, антропонимике, ономастике Поволжья, Средней Азии и Кавказа. Он редактор более 20 научных сборников, активный участник международных конгрессов этнографов и антропологов, славистов и историков. За большие заслуги в развитии советской ономастики в 1972 г. В. А. Никонов был избран почетным членом Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО. Подвижническое служение науке притягивало к нему людей, определяло их поиск, а иногда и всю их дальнейшую научную судьбу.

С середины 60-х годов одной из ведущих тем научных изысканий В. А. Никонова стала антропонимия, кардинальным проблемам которой посвящены и рецензируемые книги. В течение многих лет он собирал и исследовал фамилии. Книга «География фамилий» подводит итог многолетних наблюдений автора, открывает новые пути и методы исследования этого важнейшего компонента антропонимической модели народов мира. Само название книги определяет направление исследования — ареальное изучение фамилий, обоснование важного направления в ономастике — территориальной антропонимии. В подобном подходе сказались теоретические посылки В. А. Никонова как топонимиста и антропонимиста. Утверждая свой метод изучения фамилий — ареальное, пространственное их существование — автор указывает на большую научную ценность подобных изысканий для историков, прослеживающих маршруты больших и малых миграций, фиксирует внимание на той информации, которая заключена в оттопонимических фамилиях. Выявляя частотность фамилий в определенных ареалах, автор связывает эти данные с историко-географическими процессами формирования территориальных общностей. В. А. Никонов особо подчеркивает важность подобных исследований для понимания этнической истории народов, их расселения, взаимных контактов. Как отмечает исследователь, становление фамилий в Европе происходит довольно поздно: первые фамилии, очевидно, появились на севере Италии в X—XI вв. В России настоящие фамилии начали формироваться с XVI в. Исторический подход к проблеме генезиса фамилий позволил В. А. Никонову сделать следующий вывод: «В каждой стране становление фамилий проходило многие этапы, причем разными путями и в разное время» (с. 26—27). И далее он выделяет характерные черты этого процесса. Распространение фамилий не охватывало территорию всей страны; фамилия социальна — она возникла в определенных социальных слоях и обслуживала их интересы, и в этих слоях фамилия первоначально утвердилась только в некоторых семьях. История показывает, что фиксация фамилий отставала от их реального появления, а потому законодательные акты, делавшие ее обязательной, появлялись сравнительно поздно (с. 27).

Поражает колоссальный источниковедческий материал, использованный В. А. Никоновым. Исследованы фонды Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного архива литературы и искусства, десятки областных архивов, материалы переписей, хозяйственные книги колхозов, списки избирателей, материалы полевых диалектологических записей, справочники, энциклопедии, архивы загсов. Автор с гордостью пишет: «Мои подсчеты охватили миллион человек по выборочным территориям» (с. 15). В. А. Никонов утверждает, что изучение фамилий — явление массовое, немислимое без статистики. Многократно подчеркивая

массовый характер исследуемого материала, он считал особо важным подсчет количества носителей фамилий (а не самих фамилий) (с. 17).

Несомненно, наиболее любимой темой исследования В. А. Никонова были русские фамилии. До появления его работ географический аспект изучения фамилий на русском материале находился только в процессе становления, в отличие от украинских, белорусских и латышских фамилий, по материалам которых была проделана большая работа. «Замечательные карты в работах Ю. К. Редько, Н. В. Бирилло, В. Э. Сталтмане убедительно показали, как огромны территориальные различия, отражающие историю народа и его языка», — писал В. А. Никонов (с. 16). Ареальный подход к изучению русских фамилий (автор изучил 52 архива и собрал 3 млн. русских фамилий из сельской местности) привел В. А. Никонова к научному открытию. Среди русского населения Европейской части СССР он впервые в науке выделил четыре основных района, в каждом из которых господствует одна фамилия: на Севере — Попов; в Северном Поволжье — Смирнов; в огромном регионе южнее и восточнее Москвы — Кузнецов; на Северо-Западе европейской части России преобладает фамилия Иванов (с. 34—36). По данным Московского адресного бюро на 1964 г., самые частые фамилии в столице: Ивановы — 90 тыс., Кузнецовы — 78 тыс., Смирновы — 58 тыс., Поповы — 30 тыс. (с. 37). «Итак, обнаружены четыре огромных массива — все они в пределах сложившегося к концу XV в. единого Русского государства», — пишет автор (с. 36). Эти четыре массива (каждый из которых охватывает миллион людей) — ничто иное, как четыре историко-географических слагаемых России: земли суздальского-владимирские, псковско-новгородские, северные и, наконец, земли (с XVI—XVII вв.) нового освоения. Выделение В. А. Никоновым регионов: Смирновия, Ивановия, Поповия, Кузнецовия — открывает новые пути изучения этнической истории русского народа.

На материале источников по Устюгу Великому за 1763 г. и 1973 г. В. А. Никонов выявил, что на протяжении двух веков происходил процесс усиления общерусских форм фамилий и «вымывание» локальных (с. 53).

В небольшом словаре северных русских фамилий В. А. Никонов прежде всего приводит архангельские фамилии по данным переписи 1897 г., восходящие к диалектным основам (с. 56—67). Например, Бородин — от северного диалектного слова *борода* — «общая помощь при уборке урожая» (с. 56). Абсолютное большинство фамилий на Севере, как и по всей России, — это отчества в форме кратких притяжательных прилагательных, образованных суффиксами *-ов*, *-ин*, обозначающих «чей сын». Анализируя вологодские фамилии, В. А. Никонов выделяет шесть регионов с характерным для каждого ономастиком (с. 83). Интересен словарь вологодских фамилий, составленный автором по материалам переписи 1979 г. и по хозяйственным книгам колхозов (с. 84—91).

Исследуя орловские фамилии (с. 92—97), В. А. Никонов отмечает среди них абсолютное преобладание фамилий с формантами *-ов* (*-ев*), реже *-ин*. Распространены фамилии, оканчивающиеся на *-ский*. Не отрицая польского влияния на их появление, В. А. Никонов подчеркивает, что «большинство этих фамилий исконно русского происхождения» (с. 93). Для изучения этнической истории русских огромное значение имеет выявленный В. А. Никоновым ареал фамилии Кузнецов в Орловской обл. — южной его границы. «Граница преобладания фамилии Кузнецов удивительно совпадает с южным рубежом Московского государства середины XVI в. после присоединения верховных удельных княжеств, когда оборонительная укрепленная черта пролегла по степям от Дона до Оки в широтном направлении по линии Данков — Новосиль — Орел, сразу за Окой круто изгибаясь на юго-запад к Новгород-Северскому и Чернигову» (с. 95), и далее: «Граница преобладания фамилии Кузнецов — проекция времени на плоскость карты» (там же). Часты в Орловской обл. фамилии Гришин и Новиков.

Значение антропонимии как важнейшего источника для исследования проблем расселения народов прекрасно показано В. А. Никоновым в главе «Русское заселение Зауралья в свете распространения фамилий» (с. 98—106).

В творчестве В. А. Никонова значительное место занимала проблема славянских фамилий. В главе «Формы славянских фамилий и их распространение» (с. 106—118) исследователь отмечает, что фамилии 4/5 населения славянского мира имеют пять самых частных форм: *-ов*, *-ич*, *-ский*, *-ин*, *-к* (с. 113). Статистико-географический метод анализа хорватских фамилий позволил В. А. Никонову выделить следующие зоны их распространения: Кайкавские котары, Славония, Далмация, Средняя полоса, Загреб (с. 124—125).

Для исследования этнической истории народов Поволжья, Средней Азии и Казахстана а также народов Кавказа важным источником представляются привлеченные и проанализированные автором мордовские фамилии (с. 127—141), фамилии народов Средней Азии и Казахстана (с. 141—150), фамилии грузин (с. 150—167).

Обобщение огромного материала по фамилиям народов мира позволило В. А. Никонову обратиться к решению теоретических проблем развития этой важнейшей антропонимической категории. Весьма ценно выделение В. А. Никоновым шести основных групп систем фамилий: *патронимичные*, *принадлежностные*, *владельческие*, *оттерриториальные*, *профессиональные*, *по личной особенности носителя*, *этнические* (с. 171—173). Особое внимание В. А. Никонов уделяет анализу лексического ряда слов, которые могли послужить основами для фамилий (при этом он просит никоим образом не смешивать их с семантикой фамилии) (с. 174—176).

Несомненное достоинство монографии В. А. Никонова — яркий, эмоциональный характер изложения, ориентированность на широкую аудиторию: автор как бы беседует с читателем, задает ему вопросы, отвечает на них; в том случае, если наука не может дать ответа, он откровенно признает это, призывая читателей к поискам истины.

Опираясь на массовый материал по географии фамилий разных народов мира, В. А. Никонов убедительно показывает, как сложнейшие вопросы исторических судеб народов, их миграции могут быть выявлены на материале фамилий. Изучая фамилии, автор дает их системный анализ, демонстрирует функционирование в истории общества, выявляет этнографическую специфику; углубленно исследует их лингвистическую природу, диалектную приуроченность, фонетическую огласовку, исторические законы, оставившие след в морфологии фамильного имени, в природе и функции фамильных формантов.

В заключительных разделах книги ученый подчеркивает, что современное развитие антропонимии народов мира — «глобальное тождество фамилии при сохранении национальных различий...» (с. 187).

Проблемам современного именника русских посвящена книга В. А. Никонова «Ищем имя». В. А. Никонов был страстным пропагандистом науки, ярким, запоминающимся лектором. Во многих высших учебных заведениях страны он читал спецкурсы по ономастике (в том числе и по антропонимике). Как темпераментное, эмоциональное обращение к читателям написана и эта книга. Автор объясняет, учит, негодует. За его утверждениями стоят десятилетия неустанного поиска. Поражает объем источников, на которых основана книга — это собрание 100 тыс. имен новорожденных у русских за 1961 г., 100 тыс. имен новорожденных за 1978—1981 гг., подсчеты имен за XVIII в. и более поздние хронологические срезы; материалы 100 архивов и 50 областных загсов (с. 55, 61).

Обращаясь к читателям, В. А. Никонов пишет об ответственности, стоящей перед родителями, за выбор имени ребенку (с. 3—11), призывает ученых расширять пропаганду антропонимических знаний. В главе «Из истории имен» автор показывает связь личного имени с именем нарицательным, исследует проблему магического значения имени, взаимосвязь имени и религии. Особое внимание В. А. Никонов уделяет проблеме соотношения имен официальных и неофициальных, утверждает тезис о социальной значимости личного имени. Как известно, в 20—30-х годах XX в. русская антропонимия (как и антропонимия других народов нашей страны) пережила период революционизации имен — когда стали широко появляться новые имена (с. 30—36). К 30—40-м года именник русских, по мнению В. А. Никонова, стал очень разнообразным по происхождению, но приобрел устойчивость (с. 37). В наши дни в именнике русских на равных правах существуют канонические (календарные) имена и имена новые (с. 38). Исследования имен начала 60-х, а затем начала 80-х годов позволили автору показать динамику наиболее популярных имен: в 60—70-х годах у девочек преобладало имя Елена, а к началу 80-х ее «догнала» Наталья. Среди имен мальчиков наблюдаются «соревнование» имени Александр, Сергей, Алексей (с. 44).

Значительную часть книги составляет словарь, содержащий почти 400 имен, который разделен на женские и мужские и включает имена, наиболее характерные для современной антропонимии русских. Примечательно, что автор не только раскрывает этимологию и историю того или иного имени, но и высказывает свое отношение к нему, дает свою оценку.

Исследуя историю антропонимии личных имен, прозвищ, фамилий, отчеств, В. А. Никонов нередко обращался к мысли о будущем имени. «Заманчиво представить имена будущего», — писал он. Кажется, его мало привлекали сложные фантастические имена, как бы составленные из разного рода обобщений и цифровых данных, имена, предлагаемые писателем И. Ефремовым и футурологом И. В. Бестужевым-Лада (с. 57—58). В. А. Никонов ставил вопрос о безотлагательной заботе об именах нынешнего и ближайших поколений.

Да, предвидеть в полном объеме будущее антропонимии — дело пока довольно сложное, но нам учителям, коллегам, читателям, Владимира Андреевича Никонова ясно, что его имя долго будет символом беззаветного служения науке, будет увлекать новые поколения на поиск и подвижничество.

Р. Ш. Джарылгасинова

Примечания

¹ Литературный архив В. А. Никонова передан наследниками Ульяновскому историко-краеведческому музею.

² Никонов В. А. Об изучении местных географических названий // Сов. краеведение. 1935. № 6. С. 12—17.

³ Мурзаев Э. М. В. А. Никонов — топонимист // Топонимия и общество. М., 1989. С. 114.

⁴ Работа по составлению научной библиографии В. А. Никонова началась в Группе ономастики Института этнографии АН СССР. Научный архив В. А. Никонова передан наследниками в архив Института, а его научная библиотека — в дар Институту языкознания АН КиргССР (Фрунзе), где будет создан мемориальный фонд В. А. Никонова. Ниже будет приведен список лишь самых основных трудов В. А. Никонова, посвященных различным областям ономастики.

- Неизвестные языки Поочья // Вopr. языкознания. 1960. № 5. С. 89—95.
- История освоения Поволжья по материалам топонимии // Историческая география. М., 1961. С. 172—194.
- Ручей — ключ — колодезь — криница — родник // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М., 1961. С. 180—198.
- Вопросы топонимики Востока // Топонимика Востока. М., 1962. С. 9—15.
- Топонимика в историко-географической этнографии / VII Международный конгресс антропологии и этногр. наук. Докл. сов. делегации. М., 1964 г. 13 с.
- Введение в топонимику. М., 1965. 179 с.
- Краткий топонимический словарь. М., 1966. 509 с.
- Личное имя — социальный знак // Сов. этнография (далее — СЭ). 1967. № 5. С. 154—168.
- Отв. ред. (совместно с Барашковым В. Ф.) кн.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. 281 с. Авторство: Названия улиц в Симбирске—Ульяновске (с. 226—234); Нерешенные вопросы ономастики Поволжья (с. 265—274).
- Отв. ред. (совместно с Суперанской А. В.) кн.: Ономастика. М., 1969. 260 с. Авторство: Русская адаптация иноязычных личных имен (с. 54—78).
- Фоностатические схемы гидронимии Уганды // Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969. С. 50—64.
- Отв. ред. (совместно с Суперанской А. В.) кн.: Антропонимика. М., 1970. 360 с. Авторство: До фамилий (с. 83—93).
- Отв. ред. кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. М., 1970. 343 с. Авторство: Задачи и методы антропонимики (с. 33—56).
- Отв. ред. кн.: Этнонимы. М., 1970. 269 с. Авторство: Этнонимия (с. 5—33).
- Отв. ред. кн.: Гафуров А. Г. Лев и Кипарис (о восточных именах). М., 1971. 238 с.
- Отв. ред. (совместно с Стратановичем Г. Г.) кн.: Этнография имен. М., 1971. 263 с. Авторство: Женские имена в России XVIII века (с. 120—141).
- Отв. ред. (совместно с Исаевой Т. А.) кн.: Ономастика Поволжья. 2. Горький, 1971. 273 с. Авторство: Пласты русской топонимии Горьковской области (с. 168—173).
- Современный именной узбеков // Вopr. ономастики I. Самарканд, 1971. С. 3—14.
- Этнография и ономастика (на материале Украины) // СЭ. 1971. № 5. С. 25—36.
- Размежевание личных имен по полу у тюркоязычных народов // Сов. тюркология. 1972. № 2. С. 63—67.
- Обычай связанных имен у тюркоязычных народов // СЭ. 1973. № 6. С. 32—39.
- Отв. ред. (совместно с Кузеевым Р. Г.) кн.: Ономастика Поволжья. 3. Уфа, 1973. 430 с. Авторство: Актуальные процессы в антропонимии татар и башкир (с. 29—40); Космонимия Поволжья (с. 373—381).
- Имя и общество. М., 1974. 278 с.
- Состояние и задачи ономастических исследований Кавказа // Вopr. языкознания. 1975. № 1. С. 102—116.
- Отв. ред. кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. 330 с. Авторство: Личные имена кумыков и ногайцев сегодня (с. 207—214).
- Отв. ред. (совместно с Мокшиным Н. Ф.) кн.: Ономастика Поволжья (Тр. IV конференции по ономастике Поволжья). Саранск, 1976. 354 с. Авторство: География фамилий Поволжья (с. 135—144).
- Отв. ред. (совместно с Решетовым А. М.) кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978. 226 с. Авторство: Заметки по оронимии Киргизии (с. 105—107); Среднеазиатские материалы для словаря личных имен (с. 153—161).
- География названий Млечного пути // Ономастика Востока. М., 1980. С. 242—261.
- Отв. ред. (совместно с Умурзаковым С. У.) кн.: Ономастика Средней Азии. 2. Фрунзе, 1980. 310 с. Авторство: Материалы по космонимике Средней Азии (с. 290—306); Формы среднеазиатских фамилий (с. 120—127).
- Пробелы и ошибки // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе. 1980. С. 183—189.
- География фамилий — источник этнической истории грузин // СЭ. 1983. № 1. С. 23—33.
- Отв. ред. (совместно с Джарылгасиновой Р. Ш.) кн.: Этническая ономастика. М., 1984. 192 с. Авторство: Этнонимы Дальнего Востока (с. 44—69).

сказывающие рязанские фамилии // Наука и жизнь. 1986. № 6. С. 139—142.

Системы личных имен (с. 5—10); Башкиры (с. 72—74); Македонцы (с. 199—200); Поляки (с. 255—257); Русские (с. 262—269); Сербы (с. 273—274); Узбеки (с. 312—315); Хорваты (с. 332—333) // Системы личных имен у народов мира. М., 1986. 382 с.

Графия фамилий. М., 1988. 198 с.

дем имя. М., 1988. 128 с.

НАРОДЫ СССР

Источники по этнографии Западной Сибири / Публикацию подготовили Н. В. Лукина, М. Рындина. Томск, 1987. 284 с.

Рецензируемая книга представляет собой публикацию хранящегося в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева архива выдающегося русского ученого-угроведа В. Н. Чернецова (1905—1970) ¹, внесшего неоценимый вклад в развитие науки. Много внимания ученый уделял этнографии манси, впервые встретившись с этим народом во время работы в составе геодезической экспедиции на Северном Урале в 1923—1925 гг. ², что и определило направление его последующей деятельности. В совершенстве изучив мансийский язык в течение неоднократных поездок, В. Н. Чернецов в 1930-е годы участвует в создании письменности манси и учебной литературы на мансийском языке. Круг его научных интересов необычайно широк. На основании собранных во время экспедиций 1920—1930-х годов этнографических и фольклорных материалов среди манси и хантов В. Н. Чернецов дает ряд работ, посвященных общественному строю, религиозным представлениям, материальной культуре, искусству этих народов ³. Большую ценность представляют труды ученого по вопросам этногенеза и этнической истории обских угров и самодийцев, созданная им периодизация истории этих культур Приобья, работа по выявлению этнокультурных ареалов в лесной и субарктических зонах Евразии в эпоху неолита.

Несмотря на то, что в большинстве своих работ В. Н. Чернецов публиковал собранный им этнографический и фольклорный материал, значительная его часть осталась за пределами публикаций. Ценность рецензируемого издания не только в том, что оно (за немногими исключениями) содержит все записи В. Н. Чернецова, сделанные им во время экспедиций и позволяющие восполнить имеющиеся пробелы в информации по этнографии обских угров и ненцев, но и в его методическом значении, поскольку здесь выявляются принципы подхода исследователя к этнографическим данным, оно учит также работе с информантами. В предисловии к изданию приводятся биографические данные В. Н. Чернецова, сведения о характере и внешнем виде его рукописей, говорится о работе, выполненной в связи с подготовкой публикации. Каждый раздел (их 13) предваряется краткой справкой и сопровождается примечаниями, подготовленными Н. В. Лукиной. Составители издания сохранили стиль и язык В. Н. Чернецова, в том числе и деление материала на дневники и «реальные записи», а также те названия народов, которые присутствуют в материалах.

Остановимся более подробно на каждом из разделов. Первый (с. 13—20) включает в себя материалы обследования групп вогулов (современные манси), проживающих в верховьях р. Лозьвы, в начале лета 1925 г. В. Н. Чернецов приводит подробную характеристику географических особенностей района, данные по численности коренного населения, его семейный состав. Очень важен список населенных пунктов с указанием места их расположения, поименным перечнем жителей, что и представляет о расселении вогулов верхнего течения Лозьвы в середине 1920-х годов. Много внимания уделяется занятиям коренного населения: охоте, рыболовству, оленеводству, на основании которых ученый определяет размеры дохода средней семьи.

Второй раздел (с. 20—29) содержит систематизированный материал, собранный, по мнению автора, в то же время и в том же месте, что и информация, вошедшая в предыдущий раздел. Здесь обращает на себя внимание прежде всего такой факт: говоря о явно мансийском населении, фиксируя мансийскую терминологию, В. Н. Чернецов называет эту группу не вогулами, а остяками (старое название хантов) и лишь в конце раздела приводит данные о жителях деревень и Горных — обрусевших вогулах — и легенду, рассказывающую об отношениях между местным населением и людьми, пришедшими с р. Оби (с. 27—28). С аналогичным явлением автору этой рецензии пришлось столкнуться во время экспедиции 1987 г. к манси верховьев Лозьвы, которые утверждали, что русские всегда называли их остяками, а не вогулами. Последнее, в подтверждение информантов, были расселены южнее и говорили на другом языке. Принадлежность современного населения верховьев Лозьвы к манси не вызывает сомнения, об этом свидетельствуют язык и ряд особенностей материальной культуры.

На основании полевых материалов В. Н. Чернецов выделяет три категории жилища, подробно характеризуя их конструкцию, описывает способы приготовления и употребления мясных и рыбных продуктов, отмечая пищевые запреты, приводит информацию по оленеводству, технологии изготовления передвижения.

В третий раздел (с. 29—49) включены материалы, собранные в 1926—1927 гг. среди манси Северной Сосьвы. Информация, помещенная в этом разделе, не систематизирована. Это записи фольклора и названий различных предметов и их деталей на мансийском языке с детальным описанием их конструкции и способа употребления, сведения о жилище и одежде. Во время этой поездки В. Н. Чернецов собрал богатую информацию по духовной культуре манси. Особый интерес представляют рисунки двух шаманских бубнов и фиксация названий их деталей на мансийском языке, описание жертвоприношения на воде, материалы по мифологии манси, которые являются существенным дополнением к уже имеющимся сведениям. Здесь В. Н. Чернецов впервые говорит о делении манси на две группы, которые он в данном случае называет родами: род Мош хум и род Пор хум (с. 46), в прошлом жившие в разных селениях и не смешивавшиеся друг с другом (с. 42). При записи информации ученый обязательно указывает название населенного пункта и фамилию информанта.

Два следующих раздела представляют собой дневник и реальные записи материалов экспедиции 1928—1929 гг. на полуостров Ямал, одной из самых сложных поездок В. Н. Чернецова. Она проходила в основном при неблагоприятных погодных условиях, участники ее нередко должны были выполнять непривычную для них работу, не всегда сразу удавалось установить контакт с ненцами. Эта экспедиция была отмечена трагическим событием — смертью в июне 1929 г. ее руководителя Н. В. Котовицкой. Дневниковые записи В. Н. Чернецова об экспедиции (с. 49—117) — это не только описание маршрута. Они живо передают атмосферу реальной обстановки, ощущения исследователя, работающего в трудных условиях, а также содержат ценную информацию об образе жизни ненцев, их основном занятии — оленеводстве, религиозных представлениях. Анализируя не только сказки, В. Н. Чернецов приходит к выводу, что ямальские ненцы представляют собой часть большой общности, сравнительно недавно вышедшую из лесной зоны в тундру (с. 71—72). Во время поездки он обнаружил и исследовал древние памятники на мысе Тузей-сале.

Основной этнографический материал по Ямалу сосредоточен в пятом разделе (с. 118—134). Значительное место здесь отводится описанию морского зверобойного промысла, причем не только способом и орудиями лова, обработке продукции, но и верованиям, связанным с морскими животными. В. Н. Чернецов собрал и другие материалы по мифологии ненцев, связанные с представлениями о животных, о шаманах, описано жертвенное место. В реальных записях отражены все возрастающий интерес исследователя к сфере духовной культуры коренного населения.

Шестой раздел (с. 134—149) является дневником экспедиции 1931 г. к манси Северной Сосьвы. В. Н. Чернецов описывает поездку по реке от Березова до Няксиволя, откуда он потом отправился в Ивдель, приводит сведения об информантах, с которыми ему пришлось работать, намечает программу дальнейшего исследования. Здесь зафиксирован ряд интересных материалов по мифологии манси.

Седьмой раздел (с. 149—160) представляет собой реальные записи экспедиции 1931 г. к манси Северной Сосьвы. Основное место здесь занимают материалы по духовной культуре манси: табу, шаманизму, представлениям о душе, о сотворении мира, структуре вселенной и т. д. В. Н. Чернецов продолжает собирать информацию по социальной организации манси, фиксирует принадлежность тех или иных фамилий к Пор махам (люди Пор) или к Мош махам (люди Мош). Он отмечает, что шаманы Пор махам сильнее, чем шаманы Мош махам (с. 158).

В восьмой раздел включен дневник экспедиции 1933—1934 гг. на реки Конду, Юкон, Тап, Северную Сосьву (с. 160—188). В нем содержится подробное описание маршрута, образ жизни местного населения, характеристика населенных пунктов. Здесь зафиксированы также и интересные этнографические материалы. В. Н. Чернецов описывает утварь, отмечает особенности культуры кондинских вогулов, приводит интересные сведения о священных предках мансийских братьев. Особое место занимает описание амбарчика для хранения культовых предметов (с. 166), которое содержит информацию не только о самих этих вещах, но и о конструкции сооружения, на которую прежде не всегда обращалось внимание. Во время этой поездки ученый провел разведку археологических памятников. В дневнике содержится и ряд интересных выводов. В частности, в результате анализа вогульского фольклора В. Н. Чернецов выделил несколько его типов.

В девятый раздел (с. 188—197) входят реальные записи экспедиции на Северную Сосьву 1933—1934 гг., касающиеся главным образом социальной организации манси, их обычаев. Наиболее важна здесь детальная разработка классификации вогульского фольклора (с. 190—191). Сводные издания поместили в этот раздел также этнографическую информацию, полученную В. Н. Чернецовым в 1933 г. в Ленинграде от учащихся манси с р. Сосьва, преимущественно о духовной культуре этого народа.

Десятый раздел (с. 197—208) содержит материалы, собранные В. Н. Чернецовым во время экспедиции на Северную Сосьву в 1935—1936 г. Здесь преобладает информация по духовной культуре манси; приведены тексты сказок, описания культовых предметов, священных мест, которые ученому удалось посетить. Большой интерес представляет материал по свадебной обрядности (с. 203, 205), поскольку данных о ней в этнографической литературе по манси крайне мало. Чернецов приводит также рисунки мансийских тамг с объяснением их значения (с. 207—208).

Уникальные материалы помещены в двух последующих разделах. Одиннадцатый раздел представляет собой дневник экспедиции на Северную Сосьву и Обь 1936—1937 гг. (с. 209—215), содержит описание маршрута, а также медвежьего праздника в селении Ильпи-пауль, на котором В. Н. Чернецов присутствовал. Здесь же он отмечает, что на культуру обских манси сильно повлияла культура хантов. Это проявилось в одежде, жилище, языке (с. 213). Двенадцатый раздел (с. 216—252) — один из самых интересных, важных по уникальности материалов. Исследователь обращает внимание на мельчайшие подробности медвежьего праздника, излагает материалы

исследовательности, в которой они происходили, приводит тексты песен и диалогов. Не менее важна информация о жертвоприношении жеребенка, не связанном с медвежьим праздником, о духах — покровителях мансийских и хантыйских селений. К описаниям медвежьего праздника и жертвоприношений прилагаются рисунки планов поселений и построек с обозначением их деталей на мансийском языке (с. 222—223, рис. 26), что существенно дополняет представление о самих действиях.

Последний раздел (с. 252—270) — дневник и отчет о поездке в Тагил и Ивдель в 1938 г., во время которой В. Н. Чернецов занимался в основном изучением наскальных изображений, разведкой археологических памятников (с. 252—271). Здесь зафиксирована также и этнографическая информация в основном из области духовной культуры. Интересно замечание В. Н. Чернецова по поводу мансийского струнно-смычкового музыкального инструмента *нерне йшв*, напоминающего, по его мнению, инструмент иранского мира (с. 267).

В публикацию включено 29 рисунков из архива В. Н. Чернецова. Помимо упомянутых выше это зарисовки орудий охоты и рыболовства, их деталей, жилых и хозяйственных построек, предметов утвари, одежды и т. п. манси и ненцев. В тексте содержится большое количество терминов и фраз на мансийском и ненецком языках. К сожалению, не всегда имеется перевод на русский язык, что затрудняет работу с источником. В издание входит также словарь этнографических терминов и местных слов (русских и на языках народов Севера), составленный Н. В. Лукиной (с. 272—277), список работ В. Н. Чернецова (с. 278—280) и карта районов его этнографических экспедиций, подготовленные О. М. Рындиной.

Полевые материалы В. Н. Чернецова — ценнейший источник как для этнографов, так и для лингвистов, фольклористов, археологов. Их важность заключается не только в подробной информации по вопросам духовной культуры, социальной организации, занятий и материальной культуры манси, но и в том, что это наиболее полные, чуть ли не единственные данные по этнографии манси середины 1920—1930-х годов. Составители этого издания заслуживают благодарности за эту большую и трудоемкую работу, которую они проделали в процессе его подготовки.

Хотелось бы увидеть опубликованными и полевые материалы других ученых-сибиреведов, хранящиеся в различных архивах страны. С выходом экспедиционных материалов В. Н. Чернецова современные исследователи получили информацию о многих уже утраченных к настоящему времени явлениях культуры. Вместе с тем нужно отметить, что целый ряд сведений по культуре манси фиксируется и в настоящее время (хотя, конечно, в количественном отношении не в таком размере, как в 20—30-е годы), что является свидетельством сохранения национальной культуры, несмотря на все те трудности, с которыми она сталкивалась в процессе своего существования в течение последних десятилетий.

Е. Г. Федорова

Примечания

¹ Об архиве В. Н. Чернецова см.: Лукина Н. В., Рындина О. М. Этнографический архив В. Н. Чернецова (К 80-летию со дня рождения ученого) // Сов. этнография. 1985. № 5. С. 70—74.

² О В. Н. Чернецове см.: В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова. В. Н. Чернецов // Сов. этнография. 1970. № 4. С. 194—197; А. П. Смирнов. В. Н. Чернецов // Сов. археология. 1971. № 1. С. 309—310; Проблемы археологии Урала и Сибири: Сборник статей, посвященных памяти В. Н. Чернецова. М., 1973. С. 1—4; Омельчук А. К. Рыцари Севера. Свердловск, 1982. С. 129—186; Лукина Н. В., Рындина О. М. Указ. раб. С. 70—71.

³ Список печатных работ В. Н. Чернецова см.: Проблемы археологии Урала и Сибири. С. 5—9.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

А. Е. Супрун. Полабский язык. Минск, 1987. 95 с.

Новая работа А. Е. Супруна, известного советского специалиста в области языка и культуры полабских славян, продолжает цикл его публикаций по данной проблематике¹. Хотя монография предназначена главным образом для филологов, она представляет особый интерес также для лингвистов, культурологов, историков. Дело в том, что автор, сосредотачиваясь на собственно лингвистической проблематике, привлекает также материалы по истории и культуре носителей этого, ныне не существующего языка, создавая достаточно широкий культурно-исторический фон. Большой интерес представляют публикуемые впервые все дошедшие до нас полабские тексты. Племена полабских славян, проживавших с VI—VII вв. на значительной части современной территории ГДР (Мекленбург, Бранденбург) и ФРГ (Ганновер и др.), в результате германской восточной экспансии, особенно усилившейся в X—XII вв., были ассимилированы и влились в немецкий этнос. Процесс этот был достаточно длительным, и еще в первой половине XVII в. полабский язык бтовал среди крестьян в селах Древянии (Дравенланд).

В историографии полабских славян сложилась парадоксальная ситуация: подавляющая часть археологических, исторических и этнографических исследований посвящена начальному периоду расселения и развития полабских племен². Период после XII в., когда протекали и завершались ассимиляционные процессы, почти не освещен в литературе (если не касаться лужицких сербо сохранившихся до сих пор и пользующихся в ГДР всеми правами культурной автономии). Между тем для лучшего понимания механизма ассимиляционных процессов в целом и специфики дальнейшего формирования немецкого этноса с выявлением вклада в этот процесс местного славянского субстрата представляется крайне важным проследить генезис и трансформацию этнических культурных традиций местного славянского происхождения.

Предлагаемое в рецензируемой работе исследование постепенно исчезнувшего языка полабских славян, несомненно, может способствовать решению данной задачи. Это, в частности, касается такого сложного и недостаточно разработанного в теории этноса вопроса как соотношение функционирования языка и этнического самосознания его носителей в условиях ассимиляции.

Во «Введении» и в «Приложении» собран небольшой, но ценный материал, зафиксировавший культурную жизнь, бычаи и бытовую лексику малочисленного славянского населения на левом берегу Эльбы. Интересны, например, сведения о записях полабского языка, сделанных грамотным крестьянином Яном Парум-Шульце (1677—1740) из деревни Зютен под Люховом. В 20—30-е годы XVII в. он взялся за фиксацию остатков родного языка, вследствие чего кроме отдельных следов до нас дошли небольшие тексты живой полабской речи, живых диалогов. Он писал в 1725 г.: «Умру я и еще три человека в нашем селе, и никто не будет знать как собака называлась по-вендски» (с. 4—5). Означает ли, что одновременно исчезло и этническое самосознание? В этой связи важно приведенное в книге А. Е. Супруна свидетельство анонимного путешественника, который в 1756 г. записал: «Теперь не найдешь уже места, где бы говорили по-вендски. Мой друг сообщал, что еще несколько лет тому назад в так называемых деревенных (или лесных) селах (в оригинале — *Holzdoerfern*, что, быть может, является калькой полабского названия — «древянные села» — А. Е. Супрун) жили еще старики, которые еще немного знали этот язык, но показывали это только после настоятельных просьб. Потому что нынешние жители имеют отвращение к вендам» (с. 5). Автор отмечает также любопытный факт: во время одной из переписей населения в конце XIX в. в округе Люнебург 637 человек (20,6% всего населения) показали себя «вендами», т. е. славянами, хотя вендским они считали свой нижненемецкий диалект. Данный факт позволяет проследить процесс постепенного угасания этнического самосознания, который нельзя сводить только к языковым факторам.

Эта проблематика может быть изучена как по немецким, так и по славянским источникам. Важное место среди них занимает своеобразная хроника, которую вел уже упоминавшийся выше Парум-Шульце. В нее включены сведения о различных событиях с 1691 г., а частично и более раннего времени, существенных для этнографического исследования. Здесь и сведения об очень дождливом лете, о крупном наводнении, о ценах на продукты и промышленные товары, рецепт народных лекарств, сведения о народной одежде и многие другие материалы. Хотя хроник Шульце вел на немецком языке, в 1725 г. он начал записывать для потомков образцы вендского языка.

Особую ценность для изучения культуры полабских славян представляют материалы помещенные А. Е. Супруном в приложения: приведены полностью немецкий и русский подстрочный переводы всех сохранившихся полабских текстов, включая и записанные Парум-Шульце диалоги «являющиеся образцами живой, местами грубоватой речи древянских мужиков на последнем этапе существования полабского языка — в 20-х годах XVI в.» (с. 80). В этом же разделе читатель знакомится с единственным документом устного народного творчества — свадебной песней.

Рассматриваемая работа А. Е. Супруна позволяет поставить ряд вопросов, требующих дальнейшего обсуждения. Так, автор называет полабским языком язык древян. Думается, что правильно считать полабский язык языком группы славянских племен (варны, ободриты (бодриты), глиняне, вагры, древяне и др.). Другое дело, что древянополабский язык как наиболее длительное время продолжавшийся и поэтому получивший письменную фиксацию, является тем реальным материалом на основе которого возможна не только лингвистическая, но и этнокультурная реконструкция. В этом убеждает капитальный лексикографический труд западногерманского слависта Р. Олеша «Тезаурус древянополабского языка»³.

К сказанному следует добавить, что чисто лингвистический анализ полабского (древянополабского) языка нуждался бы в его историческом осмыслении, что дало бы дополнительные возможности для изучения процесса ассимиляции славянского населения немецким этносом. Этот вопрос пока остается открытым.

В недавно вышедшем новом издании «Славяне в Германии»⁴ Иоханн Херман сделал интересную попытку выявить основные факторы ассимиляции славянского населения. Во-первых, появление немецких поселенцев в завоеванных немцами феодалами славянских областях (XIII—XIV вв.) и массовая миграция с запада немецких крестьян. Во-вторых, основание немецкими феодалами в XI—XII в. сети укрепленных замков и городов на славянских землях. В-третьих, создание всеохватывающей системы католических приходов католической церковью, которая играла роль оправдателя германской агрессии.

В процессе этих этнических и политических перемен местное славянское население в деревне и городе оказывалось на низшем социальном уровне, а славянский язык не процветал, а маргинализировался немцами поселенцами, но и законодательно запрещался. Все это и явилось основой обусловившей ассимиляцию местного населения.

В этом контексте и следует рассматривать эволюцию и постепенное угасание черт традиционной местной славянской культуры. Но, повторяем, этот вопрос нуждается в специальном исследовании и в этом смысле работы, подобные работе А. Е. Супруна, открывают перед этнографами новые дополнительные возможности исследования.

С. Э. Бокариус

Примечания

¹ Супрун А. Е. К определению знаний полабским языком. // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. М., 1975. С. 42—46; *его же*. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983; Супрун А. Е., Калюта А. М. Введение в славянскую филологию. Минск. С. 99—105.

² Саливон А. Н. Самосознание ободритов (К вопросу о формировании ободритской раннефеодальной народности) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 130—145; Санчук Г. Э. Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI—X вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 195—212; *его же*. Формирование государственности и раннефеодальной народности у сорбов // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 97—105.

³ Olesch R. Thesaurus linguae Dravaeno polabicae. Köln, Wien. Böhlou Verlag, 1983—1987. I. 1—4; См. также: рец. Супрун А. Е. Reinhold Olesch. Thesaurus linguae dravaenopolabicae // Советское славяноведение. М., 1986. № 4. С. 114—117.

⁴ Herrmann J. De slowen in Deutschland Berlin. Akademie-Verlag, 1985.

НАРОДЫ АФРИКИ

К. П. Калиновская. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. Хозяйство и социальная организация. М., 1989, 256 с.

Народам Восточной Африки посвящена огромная литература. Тем не менее, многие проблемы этнографии этого крупного региона африканского континента остаются недостаточно исследованными, и прежде всего — специфика традиционных обществ скотоводов и полуседлых земледельцев.

Понятие «традиционное общество» не однозначно и трактуется исследователями по-разному. В интерпретации К. П. Калиновской оно «включает в себя, с одной стороны, определение качественного, формационного докапиталистического уровня развития народа, а с другой — характеризует исторический этап его существования по хронологическому признаку: доколониальное и колониальное время» (с. 5). В принципе такого рода точка зрения не вызывает особых возражений, однако, как представляется, нуждается в некотором уточнении. Ограничиваясь только фактами, приведенными в книге, можно видеть, что, во-первых, речь идет не просто об обществах, стоящих на докапиталистическом уровне социально-экономического развития, а об этносоциальных организмах, не достигших состояния развитых классовых отношений, т. е., стоящих на предклассовой или раннеклассовой стадии. Во-вторых, и это тоже ясно видно из данных, приводимых К. П. Калиновской, существование «традиционных обществ» едва ли ограничивается колониальной эпохой, поскольку они, в более или менее пережиточном виде, сохраняются и до наших дней.

К. П. Калиновская впервые в африканистике рассмотрела традиционные общества скотоводов Восточной Африки как систему взаимосвязанных элементов в ее исторической динамике. Автор сумела это сделать, проведя тщательный анализ очень большого эмпирического материала (охвачено около 50 этносов), а также дав критическую оценку теоретических взглядов своих предшественников. Книга интересна тем, что практически по каждой из исследуемых общих и частных проблем К. П. Калиновская высказывает собственные суждения и приходит к новым выводам. В одних случаях они более, в других менее убедительны, но всегда дают интенсивный импульс к размышлениям. Ряд вопросов, касающихся номуадизма, становления полукочевого и оседлого хозяйства, динамики общественных отношений поставлены впервые, а предложенные решения могут составить основу для дальнейших исследований и дискуссий.

К. П. Калиновской удалось проследить на значительном хронологическом отрезке времени судьбы кочевых, полукочевых и пастушеских народов Восточной Африки, начиная от появления первых их достоверных свидетельств, и до конца колониальной эпохи, когда значительная часть подвижных скотоводов стала переходить к полуседлому, а затем к оседлому земледелию. Исторический подход позволил выявить конкретные изменения в хозяйственной деятельности и социальной организации, в том числе в специфическом социальном институте возрастных классов и племенной организации, а также показать эволюцию социальной роли скота.

Нельзя не подчеркнуть, что исследуемые автором проблемы истории и этнографии традиционных обществ Восточной Африки имеют не только академический интерес, но и непосредственно связаны с актуальными вопросами политики, экономики и культуры современных государств Восточной Африки. Особенно остро стоит проблема интеграции кочевых скотоводческого населения, экономические и социальные отношения которого уже длительное время находятся в кризисном состоянии. К. П. Калиновская показала конкретный механизм адаптации традиционных обществ к изменившимся условиям жизни. Только такие глубокие исследования социально-экономических процессов и закономерностей, свойственных традиционным обществам, выводы о путях и направлениях их исторического развития, могут стать надежной основой для выработки конструктивной внутренней политики и выбора эффективных методов экономического и культурного развития.

Важной особенностью рассматриваемой работы является постоянное стремление ее автора к сопоставлению восточно-африканского скотоводства с азиатским (как наиболее изученным) для выявления, с одной стороны, его специфики, а с другой — общих черт в хозяйственной и социальной сферах. На этом пути сравнительно-исторического исследования перед автором возникло множество препятствий. Главная трудность связана с ограниченностью, а часто и недостаточной достоверностью фактического материала, относящегося как к далекому прошлому, так и к современности. В какой-то степени автор удачно восполняет некоторые пробелы собственными наблюдениями над скотоводами Эфиопии, а также путем привлечения большого сравнительного материала по другим регионам Африки и Средней Азии, где К. П. Калиновской довелось изучать ряд скотоводческих народов.

Интересен историографический раздел, в котором автор показывает этапы формирования научной традиции изучения народов Восточной Африки, начиная с трудов Г. Кунова, И. Дрибери, Г. Шурца, Г. Вебстера, и вплоть до новейших работ, а также обозначает круг дискуссионных вопросов. Рассматриваются история открытия и исследования института возрастных классов, попытки выявления культурных «кругов», «зон», «ареалов». При этом, критикуя те или иные положения зарубежных авторов, К. П. Калиновская отдает должное их несомненным заслугам и очень тактично высказывает возражения, основывая свои суждения прежде всего на учении о хозяйственно-культурных типах. Убедительно обоснован и несомненный вклад советских ученых в исследование различных проблем, связанных с этнографией региона.

Пристального внимания и одобрения заслуживает первая глава «Хозяйство». В ней детали рассмотрены процессы жизнеобеспечения как скотоводов, целиком добывающих средства к существованию посредством экстенсивного пастбищного скотоводства, так и земледельцев, еще в значительных размерах занимающихся отгонным пастушеским скотоводством. При этом автор не ограничивается описанием хозяйственных процессов, что само по себе представляет немалый интерес, и предлагает неординарные решения ряда теоретических проблем.

Так, К. П. Калиновская обращается к давно обсуждаемой проблеме типологии скотоводческих обществ и классификации скотоводческого хозяйства. Достаточно убедительно она показывает, что практически все существующие типологии и классификации основываются главным образом на частных признаках, т. е. для них не характерна системность подхода к обществу в целом. Автор отмечает, что исследовались и классифицировались не общества как функциональные социально-экономические и культурные комплексы, а способы хозяйствования, включая степень подвижности, направления и расстояния кочевания, виды скота и некоторые элементы материальной культуры (наличие постоянных построек и т. п.). Способы ведения экстенсивного пастбищного хозяйства во многом сходны или даже порой идентичны у номадов, трансгуманс и народов, занимающихся отгонным скотоводством. Поэтому попытки построения классификаций только по хозяйственным признакам, дают их чрезвычайно дробными, локальными, не дают возможности выявить принципиальные различия между представителями разных ХКТ и разными обществами. В связи с этим следует, как убедительно показывает К. П. Калиновская, учитывать всю совокупность признаков социально-экономической структуры общества, начиная от сферы хозяйственной деятельности до общественной организации, всего комплекса социальных отношений и культуры. Только такой подход, как справедливо отмечает автор рассматриваемой книги, позволяет найти фундаментальные различия между номами — кочевыми и полукочевыми скотоводами — и полуседлыми и оседлым населением, занимающимся, как и номады, экстенсивным пастбищным скотоводством. При этом, подчеркивает автор, если первые составляют более или менее самостоятельные социальные организмы, даже при условии их политического подчинения земельладельческим государствами, имеют племенную общественную организацию, то вторые являются частью земельладельческих социальных организмов и имеют территориальную общественную организацию, сочетающуюся в отдельных случаях с пережитками племенной, но преимущественно в области идеологических представлений.

В своей систематике К. П. Калиновская отказывается от традиционных таксономических понятий «тип» и «форма», справедливо замечая, что ни филологически ни логически нельзя обосновать иерархическое соотношение. Взамен предлагается терминология, заимствованная из биологической систематики: тип и подтип хозяйства, класс скотоводства, род содержания скота, вид его выпаса. Можно, конечно, спорить, насколько удачно избраны термины, однако несомненно, что предлагаемая структура классификации является более стройной и логичной. Она позволяет покончить с бесконечными спорами об иерархическом соотношении «типов» и «форм». Кроме того, что весьма существенно, хозяйственная деятельность относится к двум нижним разделам классификации, а выделение класса требует учета всего комплекса социально-экономических и культурных показателей. Это очень важно, так как род и вид ведения хозяйства могут быть практически идентичными и у номадов и у полуседлого, и у оседлого населения, занимающегося экстенсивным пастбищным скотоводством, тогда как характер функционирования их социальных организмов имеет принципиальные различия.

Единственным недостатком предлагаемой классификации, на мой взгляд, является ее излишняя

возрастность. В то же время на ее основе вполне возможно создавать более детализированную классификацию применительно к различным народам и регионам.

Исследование традиционных обществ Восточной Африки, занимающихся экстенсивным пастным скотоводством, позволило К. П. Калиновской прийти к принципиально новому и очень инновационному выводу о наличии в Африке двух классов номуа: «африканского» и «азиатского». Этот вывод характеризуется главным образом полукочевым хозяйством, наличием (наряду с племенными) возрастной организации, а также рядом пережиточных элементов в общественной и духовной жизни, восходящих к эпохе присваивающего хозяйства. Второй — представленный в Восточной Африке северными сомалийцами, афарам, беджа, сахо — аналогичен по всем хозяйственным, социально-экономическим и культурным признакам, а также по специфике социальной организации, но — к югу Азии.

Совершенно по-новому решает автор ряд кардинальных вопросов социальной организации социально-экономических отношений. Новизна проявляется уже в самом разделении материала на две главы, названными соответственно «Социальные отношения» и «Общественная организация». Разумеется, автор имеет право на собственное видение, однако предложенные определения социальных отношений как совокупности базисных и надстроечных общественных отношений, общественная организация как совокупности общинной, племенной, возрастной и территориальной организаций традиционных обществ (с. 113) не совпадают с общепринятыми и вызывают ряд вопросов, на которые в книге нет ответов. Не ясно к тому же, чем социальные отношения отличаются от общественных связей, «составляющих функциональную общественную структуру» (с. 113), и в чем необходимость их противопоставления. Ведь социальные отношения и составляют структуру социальной организации. Фактически в главе «Социальные отношения» рассматриваются отношения собственности и формы зависимости и эксплуатации, а в главе «Общественная организация» — систематизация социальных институтов. Не ясной остается и специфика категорий «социальное» и «общественное». В одних случаях, они употребляются как синонимы, в других — явно имеют разную смысловую нагрузку, которая, к сожалению, не раскрывается.

Вместе с тем, исследуя социальные отношения, К. П. Калиновская удачно показывает, наряду с определенными различиями в уровне и характере развития традиционных обществ Восточной Африки, существовали и некоторые особенности, присущие всем традиционным обществам, а именно экстенсивность социальных отношений, понимаемая автором как неразвитость и зависимость, а также такая черта процессов классовобразования как большая подверженность внешним влияниям, чем внутренним факторам. Это, кстати, вполне вписывается в современные представления о специфике так называемого вторичного формационного развития, когда процессы социализации еще не были завершены и отставали от более интенсивно развивавшихся ранних социальных институтов.

Совершенно справедливо К. П. Калиновская делает особый акцент на социальном значении ритуала и его роли в общественной и ритуальной жизни, посвятив этой теме всю последнюю главу монографии. Ведь у номуа африканского класса и частично оседлого населения, перешедшего в недавнем прошлом от скотоводства к земледелию, скот был не просто потребительской, а прежде всего социальной ценностью, мерил социального престижа, средством установления родственных и дружеских контактов, широкой сети социальных связей через институт дарения.

Анализ обширных фактических данных позволил автору прийти к достаточно убедительным выводам относительно земельных отношений. В частности, ею установлено, что независимо от класса, типа хозяйства и вида скотоводства пастбищная земля находилась в коллективном, причем довольно условном, владении племен и даже народов, в пределах территории которых общины достаточно свободно совершали сезонные перекочевки. И в отношении широко практиковавшегося у «африканских» номуа земледелия действовали общинные правила землепользования. Только в колониальное время и возникать отношения собственности на отдельные, наиболее плодородные участки земли.

Ряд интересных выводов содержится в разделе о формах зависимости и эксплуатации, в том числе отмечается, что при отсутствии классов и сословий, отношения зависимости имели характер добровольного экономического соглашения. Этот вывод подтверждается данными о сомалийцах, южноафриканских группах, которые находились в зависимости от северных номуа.

К весьма оригинальным выводам приходит автор рецензируемой книги относительно общественной организации «африканских» и «азиатских» номуа, полукочевых и оседлых традиционных обществ. Ее специфика определялась характером переплетения различных видов общественных связей, особенностями конкретного ХКТ, и исторического периода. Так, у «африканских» номуа полукочевое население К. П. Калиновская обнаружила взаимодействие двух главных принципов общественной организации: возрастного и племенного. При этом возрастная организация образует как бы вертикальную хозяйственную и военную структуру, тогда как племенные связи обеспечивают горизонтальную пространственную организацию общества. Интересен анализ динамики общественной организации у тех групп населения, которые перешли от скотоводческой подвижности к оседлости. В ходе этого перехода возрастные и племенные общественные связи постепенно теряют практическое значение, сохраняясь главным образом в области идеологических представлений, а на смену им приходит территориальный принцип организации.

Значительное внимание уделяет К. П. Калиновская возрастным институтам и системе возрастных классов — проблеме, которая уже давно составляет предмет особого внимания исследователя¹. Проблема, мешает до конца разобраться в материале несколько произвольное употребление научных терминов, когда одни и те же социально-возрастные институты обозначаются то как возрастные классы, то как возрастные ступени (так автор называет возрастные степени), а различие между возрастными классами и возрастными группами объясняется только в середине книги (с. 154—155).

Да и само объяснение не во всем удовлетворяет, поскольку не ясно остается соотношение с другими социально-возрастными институтами². В связи с этим нельзя не отметить и известную нестрогость в применении социальной терминологии (в отличие от категорий, описывающих понятия скотоводческого хозяйства, сразу и однозначно определенных в начале книги), когда без пояснений используются такие многозначные термины как «клан», «племя», «род», и не ясно, в частности, чем клан отличается от рода, что понимается под племенем и вождеством или почему стадильные типы общины выступают как однопорядковые явления. В результате не всегда понятны специфика и соотношение социальных институтов, а некоторые утверждения вызывают недоумение, например, вывод о том, что «семьи и их группы объединяются в линиджи и кланы» (с. 153). Довольно часто в книге упоминаются патриархально-генеалогические связи. Именно так автор называет социально-родственные отношения, подчеркивая их функциональную взаимосвязь с системой возрастных институтов. Но тогда читатель вправе ожидать детального анализа и сопоставления систем родства как с возрастными классами, так и с другими социальными институтами. Однако эта тема почему-то не разрабатывается.

Разумеется, при многообразии затронутых в книге проблем, трудно ожидать, чтобы все они получили исчерпывающее и бесспорное разрешение. Несомненно, продолжаются дискуссии по поводу типологии скотоводческих обществ и классификации скотоводческого хозяйства. Могут возникнуть разные суждения относительно характера социальных отношений и общественной организации традиционных скотоводческих обществ Восточной Африки. Но в любом случае книга послужит существенным толчком к дальнейшим исследованиям.

Монография К. П. Калиновской, несомненно, является серьезным вкладом в изучение не только традиционных обществ Восточной Африки, но и скотоводческих народов в целом, теоретических проблем номунизма и пастушества, а также закономерностей седентеризации скотоводов-кочевников.

В заключение следует отметить, что в книге К. П. Калиновской исследуется столь широкий круг сложных и дискуссионных проблем, что рассмотреть их все в краткой рецензии не представляется возможным, в связи с чем хочется порекомендовать читателю самому познакомиться с этой книгой.

В. А. Попов

Примечания

¹ Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М., 1976; *еже*. Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки // Африканский этнографический сборник. Вып. XII. Л., 1980; *еже*. Циклические и линейные возрастные системы народов Восточной Африки // там же; *еже*. К проблеме возрастных систем // СЭ 1981. № 6; *еже*. К характеристике социально-возрастного поколения в возрастных системах народов Восточной Африки // Африканский этнографический сборник. Вып. XIII. Л., 1982; и др.

² Ср.: Попов В. А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (Вместо ответа оппонентам) // СЭ, 1982, № 1, С. 74—76.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Н. Хиллард. **Маорийская девушка. Роман, повесть и рассказы** / Пер. с англ. Сост. А. Петровская; послесл. Л. Володарской. М., 1987. 368 с.

Выпущенная издательством «Радуга» книга Нозля Хилларда — это уже вторая встреча советского читателя с творчеством известного новозеландского прозаика. И можно только посотсать, что встречи эти так редки и запоздалы: от первого перевода рассказов Хилларда нас отделяет без малого четверть века, а роман «Маорийская девушка» (гвоздь нынешнего сборника) вышел в свет на родине 27 лет назад. Возможно, в этом и не было бы ничего вопиющего, тем более сейчас, когда в специфических особенностях наших дней мы с жадностью открываем в искусстве то, что намеренно прятали от нас десятилетиями. Но известно ведь, что большой временной разрыв в диалоге автора с читателем далеко не всегда проходит без последствий для восприятия художественного произведения. А в случае с Хиллардом важно учесть и то, что перед нами писатель, тяготеющий к социологизированию, признанный мастер реалистичного психологического письма. Все, о чем он пишет, по обилию точных деталей и достоверных человеческих характеров вызывает в авторе большое знание жизни и позволяет относиться к его произведениям как к надежным документам эпохи. Но именно эта «документальность» прозы Хилларда так привязывает ее к определенному времени.

Своих многочисленных героев писатель находит в рабочей и фермерской среде; это всегда лишний тяжелый физический труд или представители средних классов. И оказывается, что жизнь новозеландцев — граждан достаточно благополучной страны — густо замешена на проблеме национальных взаимоотношений. Из всех социальных конфликтов внимание автора книги привлекают наиболее серьезные. Нозль Хиллард множеством граней поворачивает перед читателем классовые и расовые проблемы, показывая, как сложно переплетены они в Новой Зеландии. Взаимодействие «беженцев» и коренного населения страны, судьбы маори в XX в. — вот основная тема писателя, и вот почему

Автор не может не привлечь внимания заинтересованных этнографов. Если даже некоторые рассказы, и особенно повести, можно предъявить упрек в известном схематизме сюжета, то этот недостаток оборачивается, с моей точки зрения, и своеобразным достоинством: социальный конфликт самым податливым образом максимально выпукло, и у исследователя прибавляется уверенности в том, что автор рисует действительно типическую ситуацию.

Представление о том, что художественная литература с успехом может служить этнографическим источником, — не новость. Но обычно из такой литературы черпается описательный материал, характеризующий разные стороны культуры народа. А в данном случае мы имеем дело с анализом межэтнических отношений — того, что ученые вскрывают, прибегая к методу социологических исследований, пользуясь данными статистики и прочими измерениями, и что писатели в свою очередь изображают, опираясь исключительно на интуицию. Произведения Хиллиарда в этом смысле — яркое подтверждение тезиса о том, что искусство есть особый способ познания.

Воссоздаваемая автором картина жизни маори 30—60-х годов XX столетия в главном тождественна тем представлениям, которые отразились в наших научных публикациях¹. Вместе с тем картина эта выглядит сложнее. В ней высвечиваются и такие грани, которые еще не разрабатывались социальными специалистами. Да, о фактическом неравенстве маорийцев и англоновозеландцев говорили многие. Но какие искры высекаются от столкновения двух абсолютно несхожих культур? Что происходит при этом с культурой белых? Только ли потери, только ли горькие обретения «на пути прогресса» — удел коренного населения? При чтении романа становится ясно, как именно вращалось в современную ему социальную структуру поколение, родившееся в 30-е годы. Мы видим городских маори, сельских жителей, тех, что навсегда порвали с древними общинными традициями; мы видим трагедию стариков, хранящих обычаи; поиски старшим поколением пути для выживания своего народа. Драматично выглядит осознание стариками неизбежности и необратимости перемен, огромной разницы, существующей в мировосприятии дедов и внуков. Хиллиард пытается проникнуть в суть того, что делает непохожими жизненные уклады и психологические установки людей двух рас даже тогда, когда они принадлежат к одному социальному слою.

Чрезвычайно интересно это стремление автора (немаорийца) не просто защищать коренное население от дискриминации, что естественно для человека гуманных взглядов и, строго говоря, не требует какой-то особой любви к культуре угнетенных. Ноэль Хиллиард защищает права маори, констатируя своеобразие и достоинство их взгляда на жизнь, и недвусмысленно выражая собственные симпатии. По его мнению, деловой расчет и фетишизация выгоды (то, что оплодотворяет идеалы цивилизованных «пакеха») иссушают людей, лишают их отношения человечности. Индивидуализму маори белых часто противопоставляются в книге коллективистская идеология маори и их солидарность.

Образы «аборигенов» при этом ни в малой степени не идеализируются, что вызывает большое удивление к автору: это живые люди, среди них достаточно много неприятных типов. Любопытно, однако, что отрицательные стороны своих антигероев Хиллиард осмысляет как противоречащие важнейшим представлениям древней культуры и даже как несовместимые с ней. Преуспевающий фермер Кепа Сэмюэл, например (в рассказе «Дела идут неплохо»), практически порвал со своей маорийской родней, не поддерживает с ней никаких отношений. Родственники отвернулись от него, поскольку Кепа обобрал родного отца. Круг его общения ограничен белыми, его жена — пакеха, он дружен с маором города, вхож в уважаемый клуб. При этом Кепа не являлся с местными маори, потому что они сплошь принадлежат к более низкому социальному слою. Он отказывается защищать интересы бедных маорийских фермеров, когда те просят его об этом. Наконец, он без сожаления берет последние нити, связывающие его с обычаями предков: перестает ходить на массовые маорийские праздники, где танцуют и поют. Другой пример — рабочий Ту из повести «Ночь у реки Зеленой». Бесстыдный силач, жестокий и темный человек, он постоянно в кровь избивает свою беременную жену-маориху. Главный герой видит, как Ту наносит женщине удары по голове, и автор пишет: «У Тиуа голова разрывалась на такое смотреть. С детства ему говорили, что у человека нет ничего дороже головы»... «Дураки!.. неужто не соображает, что женщина, несущая в себе плод, — тапу, и, кто знает, может быть, и на свет она произведет тоже женщину?» (с. 275).

Создавая образы аборигенов, новозеландский писатель стремится показать их, как бы отстраненным от стороннего взгляда представителем иной культуры. Без сомнения, ему помогает в этом богатый опыт общения с людьми (он сменил не одну профессию); помогает работа школьного учителя, который хорошо знает психологию маорийских детей (многие рассказы сборника посвящены именно детям); наконец, немаловажно и то, что Ноэль Хиллиард женат на маорихе.

Знакомство с прозой Хиллиарда, с его знаменитым романом способствовало бы, на мой взгляд, расширению и уточнению наших знаний о том, что собой представляет или представляла до середины 1970-х годов «маорийская проблема» в Новой Зеландии. Дополнительный приток конкретных сведений, содержащихся в рецензируемой книге, невольно высвечивает известную стереотипность бытующих у нас взглядов. Так, например, можно встретиться с оценкой, согласно которой в число нравственных уродств богатого фермера Кепа следует включать и забвение им языка предков². На самом деле подавляющее большинство маори давно уже англоязычны, и автор «Маорийской девушки», описывая еще довоенную ситуацию, отмечал: «Как и большинство их сородичей в долине Матити, Кепа Сэмюэл никогда не учился языку маори... Отец считал так: поскольку жить им суждено в миссии пакеха, надо хорошо знать английский, иначе нигде им не деться от ярлыка «дикий». С малых лет дети привыкли думать по-английски» (с. 26). В школе запрещалось произносить маорийские слова, за это наказывали. Героиня романа Нетта, девушка с развитым чувством собственного достоинства, стопроцентно ощущающая себя маори, тем не менее бывала задета, если кто-нибудь из белых клиентов кафе, где она работала официанткой, пытался заговорить с ней по-маорийски. «Она

считала, что в подобном отношении сквозит некая снисходительность» (с. 181). Некоторые герои книги уже в зрелом возрасте, сознательно, начинают овладевать родным языком.

Вероятно, именно к стереотипным представлениям следует отнести и такое высказывание о персонажах романа из послесловия книги: «Они видели, что только благодаря цвету кожи их соседи пакеха, такие же бедные фермеры, обрели некоторые преимущества перед ними, и знали, что на отцовской ферме их ждет лишь изнурительный труд и никаких надежд на будущее, пусть даже самых неопределенных, какие есть у их белых сверстников» (с. 364). На самом же деле из текста романа, несмотря на его действительно антирасистский пафос, следует, что пока Нетта Сэмюэл жила в деревне, на ферме родителей, где соседями ее семьи были и пакеха, и маори, она не сталкивалась с дискриминацией и пребывала как бы в полном неведении на этот счет. Скучные местные развлечения: кино ли в поселке, танцы, теннисный клуб, куда ходила Нетта, — объединяли жителей без различия цвета кожи. Этим объясняется тот психологический шок, который испытала юная девушка по приезду в столицу. Веллингтон обрушил на нее грубый бытовой расизм и раскрыл глаза на существование такого рода неравенства, о котором она и не подозревала в прошлом. Безрадостная жизнь на отцовской ферме, стремление детей уехать в город — все это есть в книге, но имеет социальную, а не расовую подоплеку. Кроме того, существуют и личные пристрастия. Живя уже несколько лет в столице, Нетта говорит: «Я бы тоже сбежала от всего этого домой. Но работать на нашей ферме ну уж нет. На своей — другое дело. А дома у меня какая работа — коров доить, дрова рубить да по углам мести, когда мама болеет. Не могла дожидаться, когда уеду, так все это опостылело» (с. 182). Подруга Нетты, тоже молодая маори, наоборот, мечтает уехать поскорей из города и завести с мужем свое хозяйство, «чтобы никто тебе не докучал, не обзывал ленивым маори» (с. 183). Зато третья девушка, Минни, говорит о столичной жизни: «Еще бы! Очень даже нравится!... Здесь здорово. Парням плевать, маори ты или кто» (с. 183—184).

Надо сказать, что книга Хиллиарда изобилует такого рода жизненными подробностями. Описание правды и достоверности не покидает читателя. Очень интересно, например, все, что касается темы ассимиляции аборигенного населения (рассказ «Все как было»), или того, что можно назвать «стыдом за свои корни». Многие, что встает со страниц книги, имеет не только познавательный интерес. Возникают невольные ассоциации с близкими нам предметами: это алкоголизм, культурная деградация определенных слоев, отношения мужчин и женщин, взрослых и детей, сиротство, школьное образование, этнические процессы и этнические конфликты.

Предлагая вниманию этнографов новый сборник произведений новозеландского писателя не могу, однако, не сказать о досадных мелочах. К сожалению, литературный перевод романа и повести выглядит не безупречно, и выражения типа: «рубил хворост», «кладут под проточную воду», «наставили друг другу тумачков», «да, хорошие уродились кумара» (последнее со сноской: «новозеландская сладкая картошка») — режут глаз. Или вот как, например, передается радость маорийского фермера при виде цветущего луга: «Не только люцерна с ежей сборной да с паспалумом, еще и многолетники, и райграсс итальянский, вон тимофеевка виднеется среди йоркширской отавы». Вызывает сомнение и прием передачи сленга, когда используются русские эквиваленты, имеющие хождение сегодня, но не характерные для 50-х годов.

Несомненно, однако, что такого рода недочеты не умаляют значения выхода в свет книги Нормы Хиллиарда. Она представляет собой свидетельство зоркого художника. И можно только приветствовать инициативу составителя книги А. Петриковской — большого знатока океанийской литературы.

И. Ж. Кожановский

Примечания

¹ См. Бахта В. М. Аотеароа. М., 1965; его же. Маори в современном новозеландском обществе // Австралия и Океания (История и современность). М., 1970; Никитин В. А. Маори в современном новозеландском обществе // Сов. этнография. 1977. № 1.

² Рубин В. Послесловие // Хиллиард Н. Клочок земли. М., 1964. С. 141.

SUMMARIES

On New Approaches to Theory and Practice of Interethnic Relations

Discussing social mentality in viewing interethnic relations the author claims that national problems are a permanent element of social life requiring adequate response rather than «final solution» often leading to a deadlock.

Social life cannot be constructed in accordance with rigid scientific schemes. Real development implies broad variety of ways and views, so the long-standing idea of «scientific management» of ethnic processes in this country is actually detrimental.

The author criticizes numerous studies of national problems undertaken by Soviet philosophers and Communist Party historians. He appreciates contribution made by ethnographers both to theoretical

entry and case research. However, the ethnographers have made some errors in settling priorities and theoretical principles.

Even under the perestroika theoretical rethinking of social processes is still based on old approaches and dogmatic application of Marxist-Leninist theories.

Offering new approaches, the author expounds his own concepts of nation (*natsiya*) and *narod*. In his view, the problems of interethnic relations can only be solved in the framework of democratization, expanding local independence and self-government. According to a current view, big states provide advantages for their citizens in terms of social conditions. Considering centrifugal and centripetal forces characteristic of modern states the author hopes that this country will be involved in super-state structures within the framework of world community. The emergence of civil society constituted of peoples enjoying equal rights will provide us a worthy place in the world commonwealth.

V. A. Tishkov

Editorial Comment on the Discussion between A. S. Davydov and Others

A series of papers on the Pamir peoples is published as a basis for discussion. The authors express diverse views on the ethnic affiliation and background of the aboriginal population of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region. A. S. Davydov considers the Pamirians to be but a peripheral group of the Tadzhiks, whereas S. V. Cheshko, A. L. Grünberg and I. M. Steblin-Kamensky regard them as separate peoples, affiliated with the Tadzhiks, but each possessing its own language, culture and ethnic identity. L. F. Monogarova has adopted an intermediary approach.

To be sure, such discussions are useful for the advance of ethnology as well as for raising topical socio-political problems and interpreting ethnography's social function in their solution. Lending our voices to the Pamir question we imply that similar problems may arise in other regions too. The ideological background is characterized by controversy between two approaches to the prospects of our multinational state. The old approach tends to simplify the ethnic structure of the society. The new approach, which has long been dominant in Soviet ethnography, has received momentum in recent years. It stresses that all nations, whether big or small have right for independent existence and development, gross interference in ethnic processes being inadmissible.

The discussion wasn't planned beforehand, and A. S. Davydov had hardly foreseen the animated argument initiated by his paper. However, the editorial board deemed it necessary to let other specialists express their views, since the problem is really important, deserving comprehensive and unbiased analyses.

A. S. Davydov «Groundless Though Publicistically Written»

Comments by S. V. Cheshko, L. F. Monogarova, A. L. Grünberg and I. M. Steblin-Kamensky

In his article A. S. Davydov argues against S. V. Cheshko's statement («Time to Eliminate „White spots“, Sovetskaya etnografiya, 1988, № 6) about «Tadzhikization» of the Pamir aboriginal peoples inhabiting the Gorno-Badakhshan Autonomous Region. A. S. Davydov accuses S. V. Cheshko of incompetence and bias claiming that the Pamirians are ethnic Tadzhiks rather than separate peoples.

S. V. Cheshko answers his opponent in a paper titled «Neither Publicism Nor Science». He finds A. S. Davydov's reasoning unsound both factually and theoretically. The author stresses that A. S. Davydov treats some theoretical elaborations of leading Soviet ethnographers in a manner which is far from adequate. S. V. Cheshko also criticizes some views on the problem expressed by L. F. Monogarova.

L. F. Monogarova in her paper «The Pamirians — Separate Peoples or Tadzhik Groups?» shares in publicism against A. S. Davydov, referring to massive historical and ethnographic material, including the results of her own fieldwork in the region. At the same time she expounds her conception implying that the Pamir peoples have become elements of the Tadzhiks in the course of historical development.

The contribution by A. L. Grünberg and I. M. Steblin-Kamensky is titled «Some Remarks about A. S. Davydov's Comment on S. V. Cheshko's Paper». The authors are unequivocal in defining the Pamirians as distinct peoples and stressing that A. S. Davydov's views are visibly incongruous. They cite numerous cases of violating the national interests of the Pamirians claiming that the Gorno-Badakhshan Autonomous Region should enjoy real rights corresponding to its legal status.

Adaptation of Russian Old-Settlers in Azerbaijan

The authors present first results of their studies among Russian old-settlers in Azerbaijan stressing their psychological adjustment and related changes in spiritual culture. Adaptation also considered in terms of physical anthropology and health.

*N. A. Dubova, N. M. Lebedev
E. A. Oborotova, A. P. Pavlen*

An Ancient Burial Ground on the Island of Shikotan and the Problem of the Ainu Ethnogenesis

Studying the origin of the Ainu is extremely painstaking. It involves disclosing genetic affiliation of the Ainu with other ethnic groups, discovering the original location of their ancestors and revealing early interethnic links which have shaped their ethnic and racial traits. The recent research including the findings on the island of Shikotan, lead the author to conclude that the nucleus of the Ainu ethno-cultural community was formed in inner Asia, subsequently influenced by North-Mongolian tribes of East Siberia.

A. B. Spevakovsk

The Ashanti in Ethnography and the Ashanti Ethnography: Fatal Incompatibility?

The Ashanti case is used to raise the problem of ethnographic facts reflected in theoretical generalizations. The author points out that the current models of the Ashanti society tend to have little in common with the prototype, which is secondary in character, ignoring socio-political evolution of the Ashanti and failing to take account of many well-known facts. The current stereotypes of the Ashanti society as late matriarchal and possessing state organisation are shown to be incorrect as well as some wrong identifications resulting from confusion between the terms «Ashanti», «Akan» and «Twi». The author concludes that the factual basis for ethnographic theory should be revised and corrected.

V. A. Popo

itional Processes Today

ussions

A. *Tishkov* (Moscow). On New Approaches to Theory and Practice of Interethnic Relations. *Edito-Comment*. A. S. *Davydov* (Dushanbe). Groundless Though Publicistically Written. S. V. *Cheshko* (Moscow). Neither Publicism Nor Science (A Reply to My Opponent). L. F. *Monogorova* (Moscow). Pamirians — Separate Peoples or Tadzhik Groups? A. L. *Grunberg*, L. M. *Steblin-Kamensky* (Leningrad). Some Remarks about A. S. *Davydov's* Comment on S. V. *Cheshko's* Paper.

icles

A. *Dubova*, N. M. *Lebedeva*, E. A. *Oborotova*, A. P. *Pavlenko* (Moscow). Adaptation of Russian Settlers in Azerbaijan. A. B. *Spevakovsky* (Leningrad). An Ancient Burial Ground on the Island Shikotan and the Problem of the Ainu Ethnogenesis. V. A. *Popov* (Leningrad). The Ashanti in Ethnophy and the Ashanti Ethnography: Fatal Incompatibility?

m the History of Ethnography

V. *Chistov* (Leningrad). V. K. *Sokolova's* Scholarly Heritage.

munications

P. *Lobacheva* (Moscow). Coevals and Family (Age and Sex Social Stratification in Old Central ai Mennonites. Ch. *Yazlyev* (Ashkhabad). The Atlyk Organization among the Turkmen of Murgab in a). S. V. *Sokolovsky* (Novokouznetsk). Spatial Determinants of Marital Structure among the (— Early XX c. M. A. *Rubtsova* (Leningrad). New Data on V. P. *Shchogol'onok*, a Well-Known rator.

archings, Facts, Hypotheses

Mennis (Brisbane). On the Island of Bili Bili (In the Steps of Miclouho-Maclay).

r Anniversaries

of Major Folklore Studies by M. M. *Plisetsky*, Doctor of Historical Sciences (To His 80th Birthday). of Major Works by Yu. I. *Sem'onov*, Doctor of Historical Sciences (To His 60th Birthday).

ademic Life

O. *Boronoyev*, N. G. *Skvortsov*, V. G. *Uzunova* (Leningrad) Theory and Practice of In-ethnic Relations under Perestroika. V. V. *Stepanov* (Moscow). A Conference in the Moscow iversity «Comprehensive Study of Interethnic Relations in the USSR». S. V. *Cheshko*. In the Inter-iplinary Council on Studying Ethnic Processes. N. N. *Veletskaia*, S. I. *Dmitrieva*, M. Yu. *Martynova* (Moscow). International Symposia on the Balkan Folklore. V. Ya. *Babenko*, M. B. *Yamalov*, A. N. *Ari-* (Ufa). A Discussion of Ethno-National Processes in the Volga-Ural Region. peditions in Brief

icism and Bibliography

Critical Articles and Reviews.

D. *Fais-Leutskaya* (Moscow). A Review of an Italian Journal «Etnie». K. V. *Tsekhanskaya* (Moscow). A New European Journal of American Indian Studies («European Review of Native American Studies»). General Ethnography. R. Sh. *Dzharylgasinova* (Moscow). V. A. *Nikonov*. A Geo-raphy of Surnames; V. A. *Nikonov*. Searching for a Name. Peoples of the U S S R. E. G. *Fedo-* Sources in West Siberian Ethnography. Peoples of Non-Soviet Europe. S. Z. *Boka-* (Leningrad). A. E. *Suprun*. The Language of the Laba (Elbe) Slavs. Peoples of Africa. A. *Popov* (Leningrad). K. P. *Kalinovskaya*. East African Cattle-Breeders in XIX—XX c. Economy and Social Organization. Peoples of Oceania. I. Zh. *Kozhanovskaya* (Moscow). N. *Hilliard*. Maori Girl.

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е

В ноябре 1989 г. в Институте этнографии АН СССР выходят (ротационным изданием) две книги: В. В. Богданов «ЭТНОГРАФИЯ В ИСТОРИИ МОЕЙ ЖИЗНИ», 11,5 п. л., тираж 500 экз., цена 65 коп. и сборник «ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННОЙ СРЕДЕ», 14 п. л., тираж 400 экз., цена 65 коп.

Публикация рукописи видного русского этнографа В. В. Богданова «Этнография в истории моей жизни» посвящена его экспедициям по Европейской части России в 1891—1900 гг. и содержит описание быта различных социальных групп сельского населения, а также фабричных рабочих. Эти живые этнографические очерки — жанр почти утраченный в наше время — привлекут внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей.

Статьи сборника «Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде» на основе полевых этнографических и этносоциологических исследований освещают сложные проблемы современного национального развития народов не имеющих своих автономий или проживающих за их пределами — немцев болгар, ассирийцев, тофаларов и др. Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

Книги можно приобрести лично или наложенным платежом в Институте этнографии АН СССР (117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19, 4 этаж; 5 ком.).

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е

Журнал «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» принимает к публикации коммерческую рекламу по традиционным методам народной медицины, традиционной кухне народов мира, конструированию и оформлению одежды, народным промыслам и искусству, строительству и оформлению жилища в народном стиле, оформлению народных празднеств, обрядов и т. п.

Будет публиковаться информация о мероприятиях культурных центров (ассоциаций) национальных групп.

Рекламируются книги, пластинки, магнитофонные ленты с записями фольклора народов мира.

Объем рекламного объявления — страница или 1/2 страницы журнала. Объявление может содержать текст, рисунок.

Стоимость публикации — по согласованию сторон.

Материал присылать по адресу: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; тел.: 126—94—91, 123—90—97.

Счет № 362901 в Черемушкинском отд. ПСБ г. Москвы.

Подписка на журнал «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» принимается свободно во всех отделениях связи. Цена подписки на год 11 руб. 40 коп. Индекс журнала 70845.

Технический редактор Гришина Е. И.

Сдано в набор 10.07.89 Подписано к печати 15.09.89 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 43,1 тыс. Уч.-изд. л. 19,0 Бум. л. 5,5
Тираж 2967 экз. Зак. 3196. Цена 1 р. 90 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19, тел.: 126-94-91, 123-90-97

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

имеются в продаже:

Кобычев В. П. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX—XX вв. 1982. 195 с. 3 р. 50 к.

В книге освещаются традиционные типы и формы поселений черкесов, адыгейцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин, чеченцев, ингушей (планировка, усадьба и двор, ограда, ворота), а также типы и планировка жилищ, их фундамент, стеновой материал и строительная техника, форма крыши, материал покрытия, пол, потолок, пристройки — терраса, галерея, веранда, крыльцо, архитектурные украшения. Разбираются типы и формы хозяйственных построек, башен, склепов, святилищ. Книга богато иллюстрирована.

Книга рассчитана на этнографов, историков, архитекторов, строителей, художников прикладного искусства.

Путилов Б. Н. ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ЧЕРНОГОРЦЕВ. 1982. 239 с. 1 р. 70 к.

Монография посвящена изучению героического эпоса черноморцев конца XVII — начала XX в. Исследуются сюжеты, персонажи, характер историзма, выявляются основные типологические особенности, специфика связи эпоса с исторической действительностью и с борьбой черноморского народа за независимость, прослеживаются преемственность и характер переработки эпического наследия. В связи с анализом пробуждения и укрепления в черноморских песнях национального сознания рассмотрены русская тема в эпосе, отражение в песнях исторических связей России и Черноморья в XVIII—XIX вв.

Монография предназначена для этнографов, фольклористов, историков.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

252030 Киев, ул. Ленина, 42; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр-т, 22.